

Леонид Сабанеев

ВСЕ
О РЫБАЛКЕ

Леонид Сабанеев
Все о рыбалке (сборник)

«АСТ»

УДК 639
ББК 47.2

Сабанеев Л. П.

Все о рыбалке (сборник) / Л. П. Сабанеев — «АСТ»,

ISBN 978-5-17-100019-6

Леонид Павлович Сабанеев – известный русский ученый-биолог, знаток нашей природы, охотник, рыболов и кинолог, популяризатор охотничьего и рыболовного дела в России, многолетний редактор наиболее авторитетных журналов, посвященных охоте и природе. В эту книгу вошли его выдающиеся труды «Рыболовный календарь» и «Рыбы России», а также статьи и очерки по вопросам рыболовства. Издание предназначено для широкого круга читателей.

УДК 639

ББК 47.2

ISBN 978-5-17-100019-6

© Сабанеев Л. П.

© АСТ

Содержание

От издательства	9
Рыболовный календарь	10
Январь	11
Февраль	12
Март	13
Апрель	14
Май	15
Июнь	17
Июль	18
Август	19
Сентябрь	20
Октябрь	21
Ноябрь	22
Декабрь	23
Январь	24
Вязание сетей	24
Выбор крючков для ловли рыбы	26
Самодельные крючки	28
Приготовление двойных и тройных крючков-якорьков	28
Приготовление шелковых лес	29
Приготовление мотовилец, рыболовных портфелей и рыболовных ящиков	31
Совет владельцам прудов	33
Ловля налимов во время нереста	34
Февраль	35
Приготовление волосяных лесок	35
Буйволов волос	37
Приготовление жилковых лесок	38
Как связывать колена лесок	38
Привязывание жилковых поводков к крючку	39
Привязывание крючков к леске	40
Привязывание поводков к крючкам с опиленными стержнями (без лопаточки)	40
Лак для лакирования завязок, лесок и т. д.	41
Окрашивание поводков	41
Приготовление поплавок	42
Передвижные поправки	46
Март	48
Заготовление натуральных цельных удилищ	48
Короткие донные удилища	48
Складные удилища	49
Приготовление сачков	52
Приготовление грузил	53
Приготовление лота	55
Приготовление отцепок	56
Рыбачья лодка	58

Относительная крепость удилица, лесы и поводка	59
Апрель	60
Общие замечания о клеве рыбы	60
Правила подсечки рыбы	62
Ужение ранней весной	63
Ловля рыбы наметом	63
Бой щук острогой и стрельба ее во время нереста	63
Различные способы насаживания живцов	64
Способы насаживания живцов для немедленной подсечки	66
Ужение щук весной с берега	68
Ловля на жерлицы	71
Ловля щук поставушами	73
Финляндский способ ловли щук на мертвую рыбку	74
Вынимание крючков из пасти щуки	74
Рыбачья беседка	76
Весенняя ловля налимов	77
Сохранение пойманной рыбы	77
Совет рыболовам-гастрономам	80
Май	81
Рыболовные приметы	81
Приготовление и расчистка мест для ужения	82
Вытаскивание крупной рыбы	82
Ловля и добывание больших земляных червей	83
Способы хранения червей	83
Очищение свежепойманных червей	84
Различные способы насаживания червей	84
Хранение насадок	86
Как отцеплять задевший крючок	88
Ловля щук в прудах с заросшим мелким берегом	89
Щучий топор	89
Неподвижный плавучий снаряд для ловли щук	90
Ужение ельцов	90
Ужение язей	91
Ужение окуней	92
Ловля малявки	92
Ужение шересперов	93
Снаряд для ловли шересперов	95
Ужение ершей	95
Ужение пескарей	96
Ужение уклейки	97
Ужение плотвы	97
Ужение голавлей	98
Ужение линей	98
Ужение лещей	99
Июнь	101
Ловля раков	101
Ловля линючих раков	103
Ужение на рака	104

Заграничные способы ужения на донную	106
Ужение рыбы на насекомых	109
Ужение при помощи ветра	110
Самоогружающиеся поплавки	110
Ловля сежей	114
Ловля и хранение мотыля	116
Насаживание мотыля	118
Добывание опарышей	119
Насаживание опарышей	120
Подкрашивание хлебной насадки	121
Приваживание рыбы	121
Различного рода привады	123
Пахучие вещества, привлекающие рыбу	124
Прикормка	124
Притрава	125
Снаряды для опускания прикормки на дно	125
Устройство гаток, или язов	127
Ловля рыб на подпуски	127
Ловля сомов на жерлицы	128
Ловля сомов на удочку	128
Ловля сомов на клоковую уду	128
Ужение шереспера на донную	130
Ловля щук силками	130
Ловля судака	130
Ужение судаков под мельницами без наплава	131
Ужение судака на мертвую рыбку	132
Летнее ужение окуней	132
Привада для окуней	133
Летнее ужение голавлей	133
Летнее ужение лещей	134
Летнее ужение ельцов	134
Летнее ужение пескаря	134
Сохранение пойманной рыбы летом	134
Стрельба язей	135
Июль	136
Ужение язей на кузнечика	136
Ужение на метлицу (поденку)	138
Искусственная приманка для шересперов	140
Ужение на paternoster	140
Ужение сазанов	142
Насаживание белых червей и глист при ловле сазана	144
Вываживание самых крупных сазанов	145
Ловля судака на донную	145
Ловля рыбы переметом	146
Август	148
Ужение на овес	148
Ловля на дорожку	149
Приготовление оловянных блесен	153
Приготовление металлических блесен	159

Сенежский способ осеннего ужения щук	161
Сентябрь	164
Ловля на блесну	164
Стрельба рыб на небольших речках	169
Ловля налимов на лягушонка	170
Осеннее ужение ельцов	170
Осеннее ужение пескаря	170
Сохранение червей на зиму	170
Октябрь	171
Лученье рыбы	171
Заготовка натуральных цельных удилищ	173
Выпрямление слишком кривых натуральных удилищ	175
Перевозка живой рыбы	176
Ужение поздней осенью в проточных прудах	176
Глушение рыбы по перволедью	177
Ноябрь и декабрь	178
Принадлежности зимнего ужения	178
Блеснение подо льдом	178
Зимний самолов	181
Зимняя ловля рыбы кобылками	183
Зимнее ужение на мормыша	184
Зимняя ловля налимов	185
Зимнее ужение пескаря	186
Починка складных заграничных удилищ	186
Справочный отдел	188
Список книг и статей об ужении рыбы[13]	188
Труды по рыболовству	194
Жизнь рыб и рыболовство на зауральских озерах	196
I	196
II	205
III	215
IV	225
V	239
VI	251
VII	262
VIII	267
IX	273
На Севере. Княспинское озеро	278
I	278
II	283
Конец ознакомительного фрагмента.	288

Леонид Сабанеев

Все о рыбалке

От издательства

Эта книга содержит труды известного русского ученого-биолога, исследователя и издателя, охотника и рыболова Леонида Павловича Сабанеева (1844 – 1898) на рыболовную тему и составляет полное собрание его произведений о рыболовстве.

Первую часть издания занимает «Рыболовный календарь», который был впервые опубликован в 1885 г. в качестве II части книги Л. П. Сабанеева «Охотничий календарь» и больше при жизни автора не издавался. Готовя 2-е издание «Охотничьего календаря», автор «Рыболовный календарь» в него не включил. Здесь публикуется полный текст «Рыболовного календаря» в том виде, в каком его подготовил сам Л. П. Сабанеев.

Вторая часть книги содержит различные работы Л. П. Сабанеева по рыболовству.

Третья часть – «Рыбы России» – подготовлена по второму изданию книги «Рыбы России. Жизнь и ловля (уженье) наших пресноводных рыб», вышедшей в 1892 году, последнему прижизненному изданию, подготовленному автором.

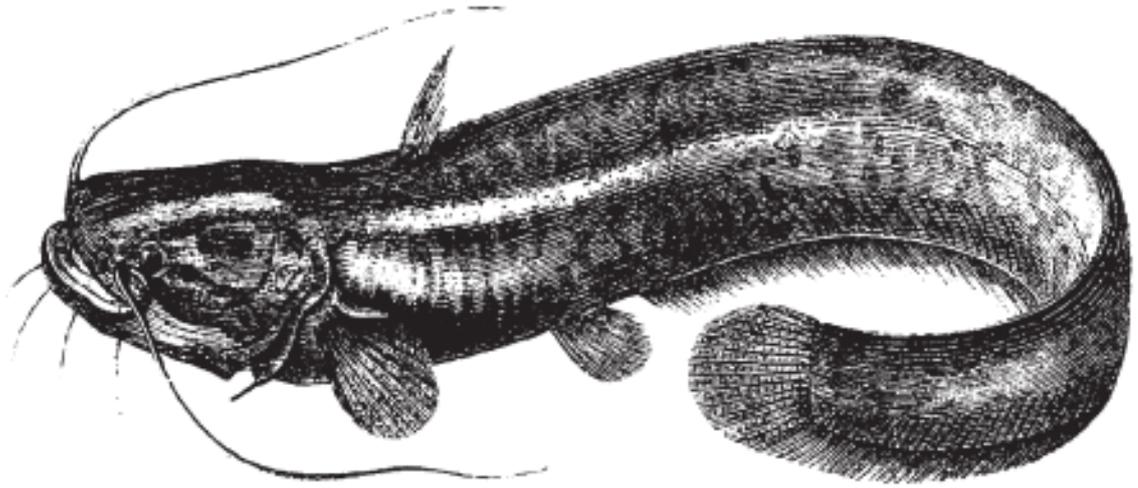
Редакция постаралась сохранить оригинальный стиль Л. П. Сабанеева, лишь немного изменив текст в соответствии с правилами современной грамматики. Авторские сноски, помеченные астериском (*), как и было в изданиях Л. П. Сабанеева, сохранены по тексту.

Часовое время в книге дается по Гринвичу и без учета декретного времени, введенного в 1919 г., и летнего времени. Поэтому с 1 апреля по 1 октября к указанному времени следует прибавлять 4 часа, а с 1 октября по 1 апреля – 3 часа. Календарные даты даны по старому стилю, поэтому к ним следует прибавлять 13 дней. Температуру воды и воздуха автор указывает то по Цельсию, то по Реомюру. Для перевода в шкалу Цельсия нужно разделить величину на 4 и умножить на 5.

Журнал «Природа и охота», образовавшийся от слияния «Журнала охоты» и сборника «Природа».

Рыболовный календарь

Январь

В Средней России около Крещения начинается нерест **налима**. Нерест продолжается 7–15 дней и производится парами (самец свивается с самкой) на глубоких песчаных или каменистых (предпочитает *белую* гальку) местах в больших реках – от 2–4 сажен глубины. Икра мелкая, беловатая. Мечут икру трехгодовалые (около фунта) и старше. Во время хода налима вверх самым стремением реки его ловят местами на *белые* дощечки с крючками, которые налим, идя по дну, задевает брюхом. Перед нерестом (и во время нереста?) **налим продолжает брать на живца и кусочки рыбы**. В суровую снежную зиму в небольших непроточных озерах в конце месяца начинает душиться рыба. Сначала снёт **ерш**. В небольших проточных озерах рыба подходит к устьям или к ключам. Окунь обыкновенно *перестает* брать (на блесну, мормыша). В Средней Волге (под Сызранью) начинается ход и ловля **миноги**.

Вязание сетей для наметок, бредников, сачков, кружков (сажалок для рыбы). – Выписка из-за границы рыболовных принадлежностей. – Заготовление шелковых и волосяных лес. – Заказ и приготовление рыболовных ящичков. – Приготовление самодельных складных удилищ.

Февраль

В более северных губерниях нерестится **налим** (около Сретения). Лов его продолжается. В начале месяца обыкновенно снова начинает брать окунь в Северо-Восточной России (на мормыша) и **ерш**. Если нет оттепелей, рыба душится в больших непроточных озерах (Средней России). В середине месяца на Средней Волге кончается ход и ловля **миноги**. В низовьях Волги начинается еще подо льдом ход сначала **воблы** (морской плотвы), потом **леща, чехони** и **белорыбицы**. *Лов последней самоловами на живца*. В юго-западных губерниях ерш выходит из глубоких ям и в конце месяца начинает метать икру (см. апрель). Тоже **щука** (в юго-западных губ.). На юге почти вся рыба выходит из глубоких мест, где зимовала, на более мелкие, к берегам. *Лов ее наметкою*.

Приготовление шелковых, волосяных и жилковых лесок (и подновление старых шелковых), поплавков и др. рыболовных принадлежностей; заготовка кружков (поставуш) на щук и осмаливание бечевков для жерлиц.

Март

В начале месяца кончается ход **белорыбицы** в Волгу. Вскрытие южных рек. Усиливается ход **воблы**. Около середины месяца в Южной России **язи** выходят из глубины. В средних губерниях **щука** выходит из ям, подходит к закраинам льда и устьям речек и *начинает брать на живца* (жор перед нерестом). В Юго-Западной России нерест ее кончается. Лов **налима** в центральных и северных губерниях. **Елец** выходит из ям и *начинает клевать* (перед нерестом). В низовьях Волги начинается ход **стерляди**. В Дон и Днепр идет **шемая**. На юге во второй половине (в прудах, озерах и лиманах) выход **линя** из глубины и *начало клева*. Также начинается *клев плотвы*. Кончается нерест **щуки**. **Окунь** в конце месяца (по окончании ледохода) мечет икру.

По утрам и вечерам в 2–3 приема сначала мелкий (22-месячный), не очень большими стаями, большею частью в старом камыше. Икра выпускается студенистыми лентами в 1–3 арш. длиною, в которой икринки (величиною с маковое зерно) лежат кучками (от 3–5 икринок). Начало нереста **судака** (в низовьях Волги – до половодья). В неглубоких местах, у берегов, в траве или в коблах, корнях деревьев. Нерестится начиная с 3-летнего возраста. Разбивается на пары: самка становится вертикально, носом в землю, самец ходит кругом и обливает икру молоками. Нерест крупного **язя**. Большею частью входит в речки. В 2–3 ночи. Около Благовещенья нерестится и **жерех** – на быстрине, в каменистых местах, уже в половодье. Икра его поедается подустом.

С середины выход рыбы с глубины. («На Алексея с гор вода, а со стану рыба»).

В Средней России в конце месяца (как тронется лед) начинается игра **щуки**. Сначала нерестятся мелкие, 3–4-летние. Семьями: самку сопровождают 2–3 и более самцов, обыкновенно меньшего роста. На самых мелких местах, разливах, на осоке. Икра зеленовато-желтая. *Бой щук острогой, лов силками, стрельба их из ружья.*

Приготовление лесок, поплавков. – Покупка крючков и различных рыболовных принадлежностей. – Литье грузил. – Заготовка натуральных цельных удилиц и удильников для донных (в конце месяца, в более южных местностях), жерлиц, шестиков для них, подставок для удилиц и пр.

Апрель

В первой половине в низовьях Волги показываются небольшие косяки **сельди** (бешенка): **судак**, уже выметавший там икру, скатывается обратно в море; кончается ход **леща** (мелкого). Начинается (на юге) нерест **голавля**. Большею частью в небольших быстрых речках, на песчаных косах, реже на перекатах. Игра продолжается с неделю. Икра очень мелкая, оранжевого цвета. **Караси** и **лини** в прудах выходят из тины и ям и *начинают брать (на юге) на червя*.

В средних губерниях продолжается или начинается нерест **щуки**. Сначала играют мелкие, потом крупные, прежде в речках, потом в реках и наконец в озерах и прудах (полупроточных). Кончается нерест в 2–3 недели и иногда затягивается здесь до конца месяца.

Около середины или во второй половине на Нижней Волге начинается настоящий ход сельди; мечет икру на песчаных отмелях. Тоже нерестится (на разливах, в траве) **вобла** (каспийская плотва). В Южной России сом выходит из ям и идет в теплую воду (в заливы, ильмени). В конце иногда начинается его нерест (в юго-западных губерниях). В Нижней Волге **синец** (*Abramis ballerus*) выходит огромными стаями из ям на глубокую и быструю воду с каменистым дном и выбивает там икру. Тоже подуст, в таких же местах (яйца крупные, беловатые) и сапа (*Abramis sapa*), но в ильменах и тихой воде. На юге в это же время, с середины апреля, выбивает икру **плотва**, большими стаями в камышах, корнях деревьев, хламе и т. п., на мелких местах, у берега. Мечет икру на 3-м году. После нереста на неделю скрывается вглубь. Молодь выклеивается через 7–10 дней. В ветреную весну много икры выбрасывается на берег. *Начало клева язей* (с середины, когда зацветет калина). *Лов со дна, на червя*.

В низовьях Дона и Днепра нерест **шемаи**. После 15-го числа, во время цветения вербы, в Юго-Западной России нерест самого крупного **леща** (вербовика); около Егорьева дня (23-го числа), во время распускания дуба – среднего (6–8 фунт.) **леща** (дубинника). На травянистых отмелях, в заливах, иногда в затопленных тальниках. Всегда ранним утром. Нерест совершается с большим шумом, на поверхности воды и слышен издали. Потрявоженные лещи уходят вглубь.

В средних губерниях во 2-й половине нерестятся: сначала язь (в небольших речках ранее), потом **елец** (в Южной России позднее?), в речках, на прибрежной осоке – **окунь** (когда совсем стает лед и кончится ледоход), **шерешпер**, **голавль**, **ерш**, иногда (больше в мае) **голец** и **шиповка**. В Псковском озере (по вскрытии) начинается нерест **снетка** (по 2-му году). В Неве (по вскрытии) начинается ход **корюшки**; там же и в северо-западных больших озерах мечет икру **колюшка**. Самец строит гнездо и оберегает икру и молодь. В средних черноземных губерниях (Орловской) лещ *начинает брать* (перед нерестом?) *на кучу глист*; иногда в конце месяца начинается его нерест, но в Средней России нерестится сначала самый мелкий (большею частью в начале мая). В середине месяца в половодье *иногда берет* (на неглубоких местах с хрящеватым дном) *на червя подуст*; *ловят на двойчатку*. **Пескарь** в речках выходит на перекаты. Как вода пойдет на убыль, **весенняя ловля налимов в ямах ночью на червя (или 2-х) на донную удочку с плота или лодки**. *Клев продолжается иногда до середины мая. Начинает (в конце месяца) брать язь (со дна), сначала мелкий, тоже плотва* (перед нерестом), которая около середины выходит из ям, где зимовала. *Все на красного червя. Ловля наметкой в полую мутную воду*.

Оканчиваются все приготовления к ужению. – Ловля щук на жерлицы, поставуши, на удочку. – Разыскивание, приготовление и расчистка мест для ужения, покупка и починка лодок.

Май

Первая половина в южных губерниях: кончается нерест речной **сельди**. Около 9 мая мечет икру мелкий лещ (от 2 до 4 фунт.) и **густера**. В низовьях Волги показывается молодь **леща**, а крупные скатываются в море. Ход **сырти** вверх. С первых чисел бьет икру **чехонь** (трехгодовалая и старше) на очень быстрой воде, по перекатам и отмелям, большею частью перед восходом и в туманную погоду. Тоже **уклейка** (см. ниже). Начало нереста **сазана** в тихих травянистых заводях, семьями (самка и два самца; самцы прогонистее и с белыми бородавками на голове), при температуре +18 + 20°R. Икра выпускается комьями на траву. Нерест длится 8–10 дней (?). В подобных же местах и при той же температуре начинает тереться **линь** (по 4-му году), тоже семьями (самка темнее, чешуя у нее крупнее, а плавники, особенно грудные, короче), и **красноперка** – большими стаями. В береговых камышах и тростнике начинает нереститься крупный **карась** стаями. **Усачи-мироны** (когда зацветут груша и бузина) идут вереницами против течения и выбивают икру (при 8–10°) в глубокой и быстрой воде с каменистым или хрящеватым дном. Икра крупная, оранжевая (считается ядовитой), прилипает к камням. Мальки выклеваются через 9–15 дней. По окончании нереста усачи уходят на самые быстрые места реки. Когда зацветает шиповник, начинается нерест сомов. Самка (?) издает звуки, сходные с клохтаньем (токует). Ее сопровождают 1–2 самца. Икра выбивается в глубоких, но тихих промоинах, заваленных хламом и корягами, в ямах до 3 1/2 арш. глубины, вырываемых сомихой при помощи грудных плавников. Самцы оберегают икру и молодь (?), которая выклевается через 7–10 дней.

Там же *начинается ловля сомов на клоковую удю в лодке. Лов этот продолжается весь май и июнь (?)*. – Нерестующих **сазанов** бьют на разливах сандовьями (острога). – *Хорошо берет (на червя) язь и начинает клевать лещ и все прочие уже выметавшие икру рыбы.* – *Начинается ловля судака (на живца).*

В средней полосе (большею частью во время распускания березы) нерестится мелкий **лещ**, затем около 9 мая (во время цветения черемухи) – средний, и около середины (когда колосится хлеб) – самый крупный. Нерест **окуня**, **судака**, **плотвы**, **подуста**, **гольца** (на перекатах) и **ручьевой миноги** (там же); начинается нерест **пескаря** (тоже на перекатах, в камнях; на Нижней Волге – в рачьих норах) и продолжается с перерывами до июля (?). В Верхней Волге начинает метать икру стерлядь. На самых глубоких местах реки, в хряще. Икра темная, продолговатая. Развитие через 5–7 дней. Молодь сначала держится в хряще. Около 9 мая в более северных губерниях нерест **тальменя**, **щуки** (конец нереста), **ерша** и **колюшки**. В Неве мечет икру **корюшка**. Икра желтоватая, развивается в 5–10 дней. Около середины месяца (?) начинается (в средних губерниях) нерест **сома**.

Жор щуки после нереста и ловля ее на жерлицы и удочку (на живца). – *Клев ерша.* – *С 9–15 мая (под Москвой) начинает брать поверху (на голавлика, уклейку) шерешпер на быстрине около мелей, голавль (на угря), язь (на червя и раковые шейки).* – *В средних черноземных губерниях берет (в прудах?) лещ со дна около глубоких берегов. Позднее – в травах у дна.* – *Кончается (около 9 мая под Москвой) весенняя ловля налимов.* – *Пескарь берет на перекатах и песке на червя.* – *Ближе к середине месяца начинает брать (поверху) уклейка (перед нерестом); крупный окунь уходит в глубину, мелкий и средний держится в травах.* – *Начинает брать линь.* – *Расчистка мест для ужения и заприваживание их.* – *Устройство зазков и мостков для ужения.* – *Ловля червей-выползков (больших глист).*

Во второй половине в Днестре, Буге, Днепре и его нижних притоках, в Нижнем Дону, в Тереке, Куре – нерест **вырезуба**. Небольшими стайками, на быстрой и глубокой воде, на камнях. Кончается нерест **красноперки** (мечет икру в несколько приемов). В юго-западных губерниях нерестится (в течение 2 недель) в глубоких быстрых местах русла, на каменистых

грядах (или искусственных грядах – греблях) **сырть**. Выбывает икру средний, потом мелкий **карась**. *Клев сома, сазана, красноперки, усача, леща и др.*

В средней полосе продолжается нерест **плотвы** (во время цветения шиповника), начинается нерест **линя** и **карася** в прудах. В реках мечут икру: **синец** (до начала июня), **речная минога**, **глазач**, **густера**, **чехонь**; в Средней и частию Нижней Волге (позднее) нерестится **стерлядь**. **Уклейка** большими стаями выбывает икру в траве, на мелких местах, хворосте, реже в камнях. В прудах преследуется **красноперкой**, которая поедает ее икру. В более северных реках нерестится **хариус**. Семьями (2 самца и самка) на перекатах. Самка выкапывает ямки в хряще. Яйца оранжевые, молодь выклевывается в 14–18 дней.

Лов судака в глубоких местах с песчаным и коряжистым дном на пескаря, голавлика, корюшку в северо-западных губерниях. Ловят со дна. – Начинается настоящий жор сома. – Плотва, выметав икру, хорошо берет на хлеб. – В небольших реках и в речках хорошо ловится голавль на майского жука (без поплавок и грузила). – С середины начинает брать лещ (клев продолжается 2–3 недели) и густера. – В прудах иногда начинают клевать сазаны. – В конце месяца хорошо берет на быстрых местах (после нереста) подуст на мотыля, опарыша и муравьиные яйца.

Июнь

В юго-западных губерниях в первой половине лучший клев **усача** и **сазана**. Уженье **сырты** в глубоких местах с довольно быстрым течением. Начинается линяние раков (сначала в озерах) и уженье на линючего рака. В средней полосе выводятся личинки **ручьевой** и оканчивается нерест **речной миноги**. В прудах нерестится **карпия**. Молодые **сомята** выходят на перекааты. Продолжается нерест **пескаря**. В более северных местностях (озерах) мечет икру **карась**.

Начинается ловля переметами и на подпуски. – **Уклейка** хорошо берет на мушку (с поверхности). – **Налимы** забиваются в коряги, норы и под камни. – **Щупанье налимов** (ловля руками). – Ловля **голавлей** на майского жука продолжается. – Хорошо берет в глубокой быстрой воде **чехонь** (на червя неглубоко от поверхности). – Лучший клев **густеры** со дна на червя и хлеб у берегов в глубокой и тихой воде. – В озерах и проточных прудах иногда начинает линять рак. – Ловля **подуста** и **плотвы** на зелень (водоросль) на быстрине. Ловля **щук** силками в полдни. – Разведение опарыша. – Приготовление разных прикормок. – Крашение лесок.

Во второй половине **форель** (в северо-западных и северных губерниях) из речек идет в ручьи или держится около ключей. Почти вся крупная рыба начинает (в средн. губ.) держаться около рачьих нор и хорошо берет на линючего рака. С середины ловля **язей** на кузнечика (нахлыстом, без поплавка и грузила) в глубоких и крепких местах, а также стрельба их из ружья. Около 15-го числа начало клева **сазана**. В глубоких, глинистых крутоярах. **Лещ** б. ч. перестает брать на удочку. **Пескарь** в конце месяца переходит с перекаатов на более глубокие места с песчаным дном и продолжает ловиться на червя. В северных притоках Волги (в конце месяца) начинается уженье (лещей, язей и др.) на метлицу (поденку). В северных реках с середины берет (в наплавную, на червя или паута) по утрам и с 5 пополудни **хариус**.

Июль

Из моря лещ снова поднимается в Волгу на зимовку. Тоже **судак**, как только кончится мутная вода. В юго-западных реках **усач** около 20 июля начинает хорошо брать на сыр и сальные вытопки (икварки). В Средней России лучший клев **сазана**. Ловля с прикормкой в местах, где замечается его бой (выскакивание из воды). **Лещ** уходит в глубокую воду.

Ужение на метлу (в начале месяца), на линючего рака и кузнечика. – Ловля **голавлей** на лягушонка, пиявку и черного таракана. – Вообще в первой половине рыба берет плохо, и клев улучшается только с 20 июля (Ильина дня). – Ужение с самопогружающимся поплавком (поплавок-грузило).

Август

Продолжает хорошо брать сом и сазан. На Нижней Волге лучший клев сазана (на красного червя). – В средних губерниях (на Москве-реке и др.) хороший клев подуста поверху на муху, со дна на червя, также леща и язя на молодой овес (местами) нахлыстом. – Плотва иногда хорошо берет на червя. – Лучшая ловля судака, шерешпера и сома на переметы. – Лучшая ловля на дорожку. – Заготовка дорожек-блесен и смолья для лученья. – Приготовление блесен.

Сентябрь

На севере и северо-западе в начале (или середине) месяца начинается нерест лосося. На быстрой, мелкой воде, в камнях. Яйца (с крупную горошину, сначала молочно-белые, потом желтоватые) кладутся в бороздки, вырывающиеся самками. Нерест семьями. В то же время на севере мечет икру **нельма** (не менее 7 фунтов), парами (или 2 самца), в холодной и глубокой воде, в ямах. С середины начинает нереститься **форель** в несколько приемов, тоже семьями. Яйца закапывают в ямки. Личинки **речных миног** (слепые вьюнчики в Неве: *служат там лучшей насадкой*) начинают свое превращение.

Рыба (**язь, плотва, красноперка, елец, шерешпер, голавль, ерш**) начинает уходить в самые глубокие места и собирается большими стаями. За ней следует **щука**.

Язь со середины месяца вовсе перестает клевать. – Голавль берет на глубине (на раковые шейки, шкварки, угря) со дна. – Плотва и елец продолжают брать до больших морозов, лучше всего на мотыля (и опарыша?) со дна же. – Шерешпер берет только со дна (на живца). – Начинается жор щуки, тоже на глубоких местах. Лов на живца (почти со дна) и иногда на блесну. – Ерш окончательно уходит в глубокие ямы с илистым дном и хорошо берет на червя, мотыля. – Окунь также собирается большими стаями в ямы (с песчаным дном) и хорошо берет на малька, на блесну и (иногда) червя. – В середине сентября или ранее, смотря по погоде, перестает брать сом и ложится в ямы. – С началом дурной погоды (ненастья) начинает брать налим. – Заготовление червей на зиму (в конце месяца).

В конце сентября на северо-западе начинается нерест **ряпушки**. *Самый лучший клев форели.*

Октябрь

Нерест **ряпушки** и **сигов** (в 1-й половине) на севере и нерест **форели** в западных и юго-западных губерниях. В Куре и Тереке начинается ход **шемаи** на зимовку. Около Астрахани начинается ход и *ловля миноги*. Рыба в южных губерниях начинает залегать в ямы. **Сазаны** и **лещи** собираются в стаи и ложатся в заливы, поросшие камышом и шиповником. **Линь** тоже, но ложится в самых глубоких местах с илистым дном и медленным течением и потом даже зарывается. **Пескари** и **уклейки** также уходят в ямы (с песчаным дном); последние иногда хорошо берут со дна. **Лещи** становятся (в конце месяца) большими стаями на неглубоких песчаных местах реки, где берег идет уступами.

Лов щуки на блесну и окуня на блесну, червя или мормыша (рачок) перед замерзанием рек и озер, позднее по льду. – Ерш продолжает хорошо брать на мотыля. – С Покрова (или ранее) начинается охота с лучом и острогой, преимущественно на озерах и прудах. На севере по первому льду глушат рыбу (больше всего налима и щуку), которая становится подо льдом.

Октябрь – лучшее время для перевозки рыбы с целью ее разведения в других водах и для заготовки удилищ (можжевеловых, березовых, ореховых, рябиновых) на будущий год.

Ноябрь

В Переяславском озере нерестится (до 15 декабря) **ряпушка** (переяславская селедка). На юге лов **сомов и сазанов** на зимовках самодерами (крюками) и сандовьями. **Форель** скатывается в омуты и ямы. **Карась** окончательно собирается на зимовку в глубокие тинистые ямы или зарывается в ил. На юго-западе залегает в самые глубокие места и **усач** (в конце месяца).

*Ловля из прорубей на кобылки (в Средней России) налима, окуня. – Местами берет подо льдом **язь** на мотыля. – Лов самоловами (и на блесну) судака, окуня (на зимовке) и белорыбицы на Волге. – Ловля окуней и ершей на мормыша. – В конце месяца прекращается (на время) клев налима. – Продолжается глушение рыбы по перволедью.*

Декабрь

Кончается под Астраханью ход **миноги**. Продолжается нерест **переславской селетки** (до 15-го числа). В конце месяца или середине в более южных местностях начинается нерест **налима**.

*Местами (севернее) начинается в рождественский пост зимняя ловля его (перед нерестом) из прорубей на деревянные крючки с наживой (ерш, кусок рыбы), также на деревянные дощечки с крючками. Ловля на неглубоких, но быстрых местах. – Во 2-й половине **окунь** (в средних и северо-восточных губерниях) перестает брать (до начала февраля) на блесну, червя и мормыша. – Лов на кобылки в прорубях. – Починка складных удилищ.*

Январь

Вязание сетей

Январь-февраль месяцы – вообще зима – самое удобное время для вязания различного рода сетей для сачков, кружков (сажалок) и т. п.

Для вязанья необходимы два инструмента: иголка (рис. 1) и линейка; материалом же служат крепкие суровые нитки различной толщины. Иголка бывает из желтой меди, стали, кости, рога или полированного дерева; из того же материала готовится и линейка, которая должна быть очень гибкою. Иголка служит для продевания ниток, а линейка – для закрепления на ней петель. Нитки должны быть по возможности без узлов, иначе работа затрудняется и теряет правильность.

Рис. 1. Иголка для вязания сетей

Приступая к работе, наматывают на иглу через верхний и нижний расщепы (или вилки) ее столько нити, чтобы игла могла свободно проходить через петли. Затем из шнурка, бечевки или толстой нити делают петлю, которую укрепляют к чему-либо – просто к гвоздю или швейной подушке – неподвижно, и на этой петле уже образуют из нитки несколько или одну петлю, и начинается вязание сети уже иглою. Берется линейка в левую руку и кладется между большим и указательным пальцами. Нитка должна при этом лежать над линейкой (рис. 2). Обводя нитку сзади названных пальцев, делают изгиб нити влево, который крепко удерживается большими пальцами. Затем нить ведется сзади 2, 3, 4 и 5-го пальцев и продевается сквозь образованную петлю на 2, 3, 4-м пальцах; далее игла, пропускаемая спереди линейки, тотчас же продевается в ранее образованную петлю на закрепке (если же работа давно начата, то в петлю предыдущего ряда). Прodeв таким образом иглу сквозь вторую петлю, нить закладывают за мизинец, а с большого пальца петля спускается. Тогда, задерживая нить, мало-помалу освобождают 2, 3, 4-й пальцы от их петли, и наконец, когда эта петля уже плотно обхватывает линейку, она (петля) спускается и с мизинца и затягивается; таким образом получается узел, и одна клетка (ячейка) сети готова.

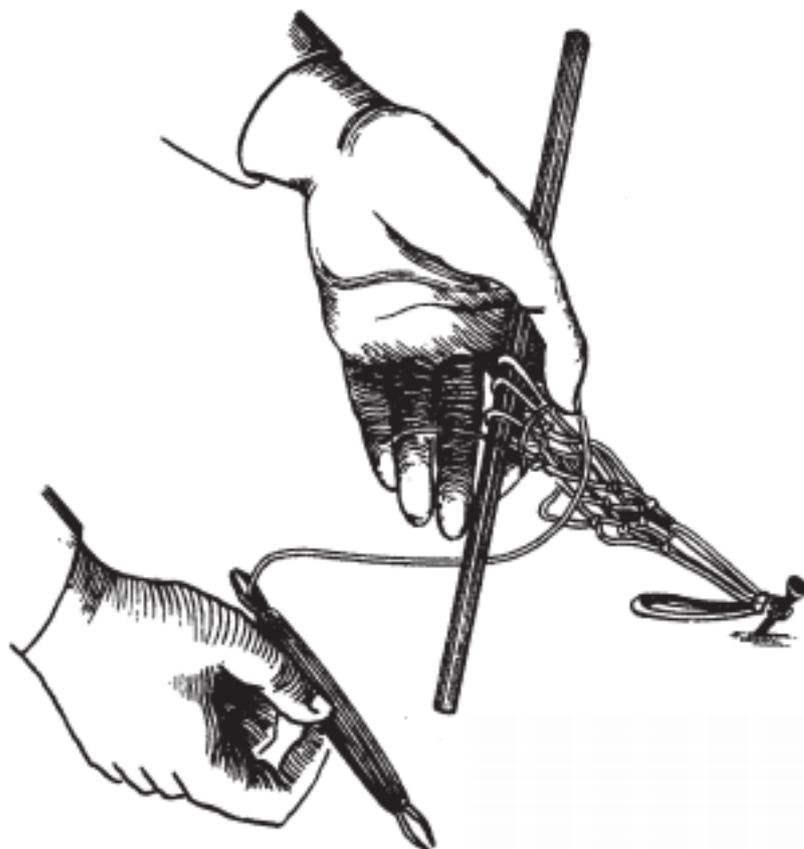

Рис. 2. Филейный узел

Рис. 3

Дальнейшая работа производится таким же образом, т. е. опять нить кладется над линейкою и обводится сзади 2, 3, 4-го пальцев, закидывается налево к большому пальцу и т. д.

Эти сети, связанные таким узлом (филейным), не могут раздвигаться, как это часто случается в продажных, которые вяжутся обыкновенным, рыбацким узлом. Вязание рыбацким узлом гораздо проще и скорее, и этому вязанию можно выучиться очень скоро у любого рыбака-промышленника.

Выбор крючков для ловли рыбы

Крючок состоит из следующих частей: 1) лопаточки, или расширения стержня, служащего для удержания поводка (бывает не у всех сортов); 2) стержня, или спинки, – прямой части крючка; 3) изгиба, или сгиба, – согнутой части его; 4) жала, или острия; 5) бородки, или зазубрины. Крючки делаются 13–14 номеров, не считая нолевых, употребляемых преимущественно для жерлиц; они делаются с лопаточкой, с колечком и с гладким, к концу несколько утончающимся стержнем. Двойные и тройные крючки делаются стольких же номеров, как и одиночные.

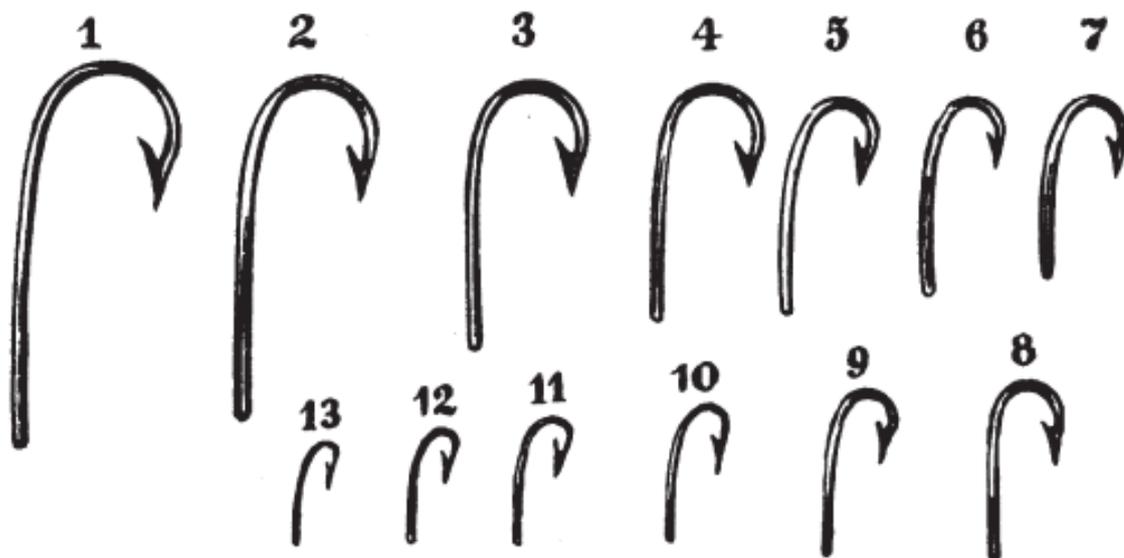

Рис. 4. Крючки различных номеров

Рис. 5. Жало английских крючков

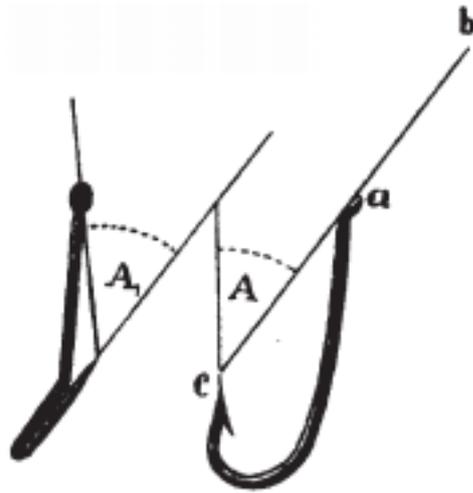

Рис. 6. Крючки Кирби

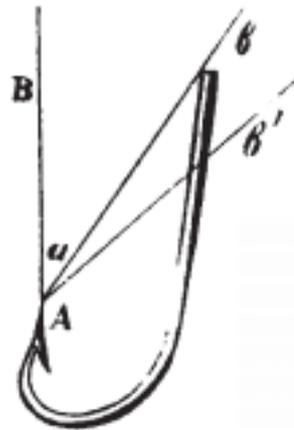

Рис. 7. Обыкновенный лимерик

Рис. 8 и 9. Мотыльные крючки

Самые лучшие крючки английские. Они хорошо закалены, так что не ломаются и не разгибаются, жало у них конусообразно, достаточно длинно и тонко, бородка хорошо поставлена, наконец, все части крючка соразмерны. Немецкие крючки значительно хуже английских, а русские продажные никуда не годятся. Только в некоторых местностях можно достать очень хорошие самодельные крючки для крупной рыбы, изготавливаемые самими рыболовами из косной стали¹.

¹ Лучшим мастером таких крючков считается гармонщик Михаил Васильев, живущий в г. Кирсанове Тамбовской губ. Крючки его довольно дороги – 10–15 к. за штуку, но вполне благонадежны для ловли самой крупной рыбы.

Из английских крючков у нас почти исключительно употребляется так называемый крючок Кирби (Kirby hook) с лопаточкой, фабрики Хемминга (Hemming), с жалом, повернутым влево; но иногда попадаются Linimerick hook черного цвета, с жалом, повернутым вправо или прямым и без лопаточки. В самой же Англии находится в употреблении не менее одиннадцати различных сортов, разнящихся длиною жала, формой изгиба и т. д.

Последние крючки гораздо лучше крючков Кирби, которые имеют следующие недостатки: 1) в них ширина сгиба слишком велика; 2) острие слишком сильно направлено наружу и слишком повернуто в сторону. Все эти недостатки способствуют неверности подсечки и соскакиванию рыбы с крючка. Еще хуже Кирби продаваемые в магазинах крючки с колечками; они обыкновенно бывают низкого достоинства. Исключение составляют т. н. мотыльные крючки с длинными тонкими стержнями (употребляемые б. ч. для ловли ершей на мотыля), которые также хорошо закалены и имеют такое же острое и длинное жало, как крючки Кирби и Лимерик.

Самодельные крючки

Кто умеет обращаться со слесарными инструментами, тот легко может сделать отличный крючок (крупного размера) из обломков косы, вообще инструментальной стали. Но почти всякий может сделать небольшие крючки из обыкновенных стальных иголок, которые будут лучше не только продажных русских и немецких, но и посредственных английских. Хорошие иголки достать можно везде, хорошие же крючки – только в столицах и самых больших городах. Иголку сначала отжигают, потом сгибают, как обыкновенный крючок, и отбивают на стальной наковаленке при помощи мелкого (бархатного) подпилка зазубрину (бородку), острый конец затем подтачивают, а тупой, отпилив ушко, разбивают молоточком и делают лопаточку. Можно, впрочем, обойтись и без лопаточки, но в таком случае тупой конец крючка-иголки немного опиливают (не заостряя) и делают на нем несколько зарубок. Зарубки служат для задержки привязки.

Приготовление двойных и тройных крючков-якорьков

Так как крючки эти, особенно последние, стоят недешево и притом б. ч. нехороши (они часто бывают перекалены, и острие у них почти всегда слишком пригнуто к стержню), то по всем этим причинам выгоднее делать тройные крючки дома.

Все необходимые принадлежности заключаются в следующем: небольшие плоскогубцы, круглые щипчики, тонкий подпилочек, пучок самой тонкой (как конский волос) отожженной медной или железной проволоки, кусок лучшего английского олова (в трехгранных прутиках, так называемого штыкового) и на 10 коп. соляной кислоты. В соляную кислоту кладут кусочки олова до тех пор, пока оно не перестанет растворяться, т. е. кислота делается годной для паяния. Обыкновенно приходится спаивать крючки Кирби, изогнутые несколько в сторону, и, кроме того, с изгибом, не вполне удобным для двойного или тройного крючка; поэтому, раскалив крючок над свечью или лампой, при помощи плоских и круглых щипчиков выпрямляют его и дают ему требуемый изгиб. Затем два или три крючка связывают (так, чтобы углы между ними были равные) проволокою, смачивают сторонки их кислотою, накладывают на смоченное место несколько кусочков олова и держат крючок над огнем (свечью или лампой) до тех пор, пока олово не зальет все промежутки между стержнями. Тогда, не снимая проволоки, раскаляют неспаянную часть крючка, т. е. его рожки, и закаляют в воде или масле; чтобы закал не был ни сух, ни мягок, следует раскалить до оранжевого цвета. Тогда не нужно и отпускать крючка после закала, и он сразу получит синеватый цвет.

Проволока по большей части припаивается к стержню, и ее приходится счищать подпилком; кто желает иметь крючок с утончающимся к концу стержнем, тот должен спилить последний как можно осторожнее, чтобы не попортить острия крючков. Кто же хочет иметь крючки с колечками, тому нужно до закалки крючка снять с конца стержня проволоку, приладить к нему петельку из медной проволоки такой толщины, как обыкновенный крючок 7-го номера, обмотать ее хорошенько, смочить кислотой и припаять.

Так спаиваются крючки до 8-го номера включительно; более крупные же закаляют прежде, чем спаять.

При спаивании следует *особенно* остерегаться, как бы не закоптить спаиваемое место, так как по копоту олово ни за что не пристанет.

Приготовление шелковых лес

Шелковые лески у нас не так употребительны, как за границей. Им ставят в укор (кроме довольно высокой цены) то, что они намокают и тонут, скоро гниют и очень путаются, и то, что они не имеют такой упругости и растяжимости, как волосяная, т. е. уже вытянутая шелковая леска не может принять своей прежней длины. Последнее замечание совершенно верно (хотя плетеные шелковые лески вытягиваются менее сученых), но зато шелковая леска одинаковой толщины с волосяной по крайней мере втрое, а плетеная впятеро ее крепче. Намокают и скоро гниют и путаются только непросмоленные шелковые лески, дороги они только в магазинах, особенно плетеные, но приготовить хорошие сученые лески может всякий у себя дома, и лески эти обойдутся ему едва ли не дешевле волосяных.

Рис. 10. Различные номера шелковых лесок

Рис. 11

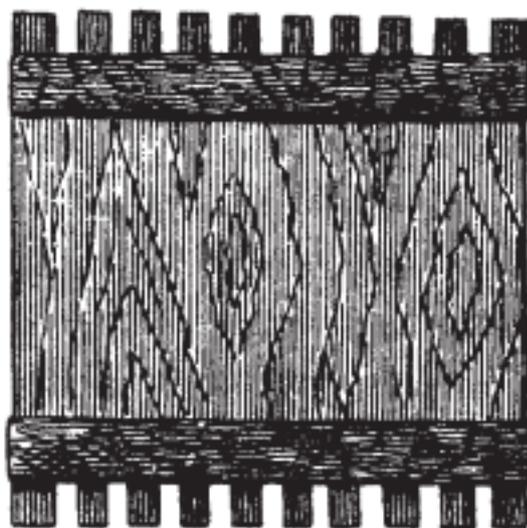

Рис. 12. Челнок и дощечка для наматывания лесы

Для этого надо купить хорошего шелку-сырца (продающегося в Москве в рядах по 10–12 к. золотник) требуемой толщины, белого или желтого небеленого (последний немного крепче). На леску из так называемого тройного крученого сырца едва толще булавки с хорошим удилицем новый рыбак может ловить самую крупную рыбу (кроме сома и щуки), и шнурок этот выдерживает до 20 ф. мертвого веса, т. е. полупудовую гирию. Чтобы шнурок не крутился и не путался, его несколько *раскручивают*. Один конец лесы крепко привязывают к чему-либо, берут ее между большим и указательным пальцами и потихоньку протаскивают между ними до другого конца; для того, чтобы она не закрутилась опять, и другой конец ее привязывается так, чтобы она была довольно туго натянута. Для того чтобы совершенно лишить ее возможности крутиться впоследствии, ее хорошенько смачивают и дают ей просохнуть в натянутом положении. Затем раскрученную лесу делают *непромокаемой*. 1) Смешивают поровну вареного льняного масла и копалового лака; в эту смесь кладут лесу и, когда она пропитается как следует (2–3 дня), ее вытирают тряпкой, просушивают на воздухе и потом повторяют ту же операцию; 2) В каком угодно количестве вареного льняного

масла распускают лучшей тертой зеленой масляной краски такое количество, чтобы получить бледно-зеленовато-желтоватую смесь; в эту смесь кладут леску; когда она хорошенько пропитается, то ее развешивают сушить, стерев с нее предварительно излишек масла чистой тряпкой. Когда леса совершенно высохнет, ее вторично подвергают описанному процессу, и затем она готова к употреблению. Этими же способами, прежде чем убрать лесы на зиму или в конце зимы, необходимо подновлять предохранительный слой. При аккуратном обращении с шелковой леской она может прослужить 2–3 рыболовных сезона.

Гораздо крепче обыкновенного сырца, но значительно дороже (хотя и дешевле, чем сученые шелковые лески, продаваемые в магазинах рыболовных принадлежностей) шелк, употребляемый для сшивания ран. Достать его можно во всех аптекарских магазинах, различной толщины. Пучок (в 1 зол.) стоит (например, на Мясницкой у Лютера и Гиршфельда) 30 к. Шелк этот имеет большую упругость и не так крутится, как сырец, но его все-таки не мешало бы немного рассучить и потом уже сделать непромокаемым.

Английские плетеные шелковые лески, продающиеся в рыболовных магазинах, бывают различной толщины, обозначаемой номерами, а потому при выписке их следует обозначать номер лески, с какою целью и прилагается рисунок (самая толстая 2°, самая тонкая № 5).

Приготовление мотовилец, рыболовных портфелей и рыболовных ящиков

Для того чтобы лески (как волосяные, так и шелковые) не путались, необходимо наматывать их на дощечки, называемые *челноками* и *мотовильцами*. Эти мотовильца делаются из дерева (липовых дощечек) или из тростника, расколотого пополам, т. е. они не плоские, а полукруглые. В обоих случаях делается на мотовильце выемка или несколько (на дощечке) для того, чтобы леска не могла соскользнуть, а на краях делаются зарубки, куда защемляется конец лесы. Для того чтобы крючки, заматываемые с лесками, не тупились, на края дощечки приклеивается тонкая полоска пробки. Мотовильца, конечно, лучше делать в свободное зимнее время, так же, как портфели и ящики. Последние, впрочем, придется заказывать.

Портфель делается из кожи, парусины или толстого растительного пергамента. Величина его может быть различна, но лучше, если он, сложенный, имеет вид большого бумажника, который также может оказаться довольно пригодным для хранения крючков, лесок, поводков и т. п. мелочей. Но лучше, если рыболовный портфель имеет форму, представленную на рисунке, т. е. состоит из 4-х раскладывающихся частей: 3-х с нашитыми кармашками из того же материала и крышки. Продающиеся в магазинах портфели очень удобны, но непомерно дороги.

Для хранения более громоздких рыболовных принадлежностей и для дальних экскурсий портфельчика недостаточно, и приходится брать с собой саквояж или старый ягдташ, сделав в них некоторые приспособления. Но гораздо лучше заказать для этой цели особый рыболовный ящик, или, вернее, шкатулку.

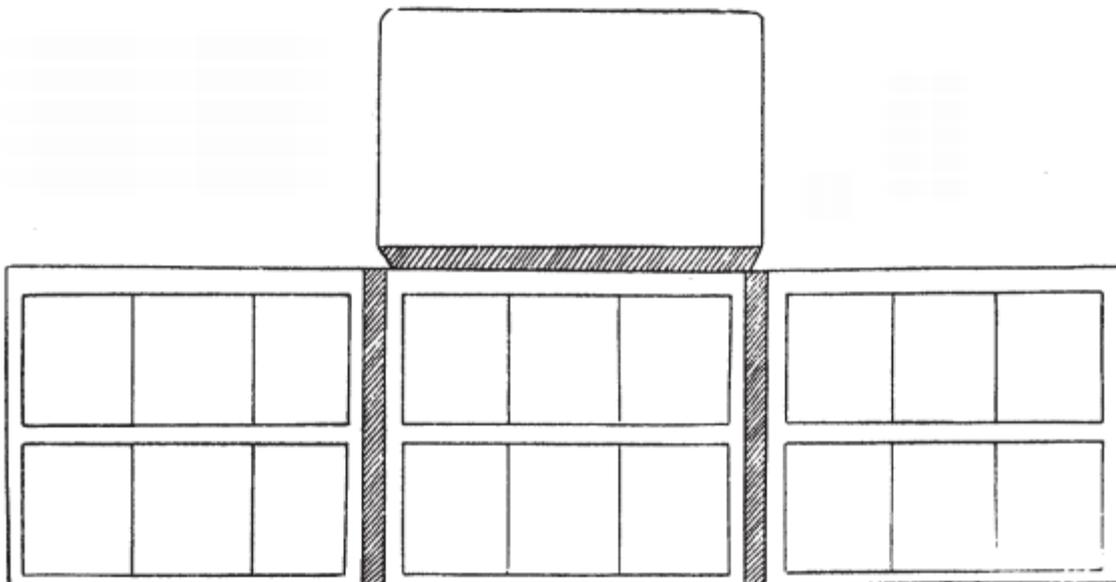

Рис. 13. Рыболовный портфельчик

Предлагаемый на рисунке ящик делится на три отделения: *глухое, подъемное* и *скрытое*, прикрываемое подъемным отделением. Первые два, в свою очередь, делятся на более мелкие отделения; последнее же не имеет перегородок, и в него можно положить все, что не уложится в другие отделения.

Особые приспособления требуются лишь в трех более крупных отделениях глухой части ящика; все же остальные отделения его, расположенные как показано на таблице, устраиваются так же, как в обыкновенных шкатулках, с разделениями, и прикрываются сверху крышечками, держащимися на угольниках. Их всех девять: служат они для: 1) искусственных насадок (блесны, мушек и проч.), 2) свинца и тяжелого груза, 3) пружин и больших колокольчиков, 4) перяных колечек для поплавков, 5) поплавков и 6) тяжелых инструментов.

Первое отделение, требующее особого приспособления и наибольшее по объему, служит для хранения лесок. Две противоположные стенки его должны быть особенно массивны, в них прорезаны широкие *пазы*, в которые вдвигаются доски для наматывания лесок (рис. 14). Чем больше этих досок, тем лучше можно рассортировать лески, но их должно быть не менее 8. Если леса наматывается на доску без крючков, то нет надобности обтягивать последнюю пробочным слоем. Это отделение прикрывается выдвигающей крышкой, которой можно воспользоваться для помещения некоторых инструментов.

Второе отделение предназначается для поводков с крючками, разных величин. Немного ниже крышки, тоже выдвигающей, так, однако, чтобы хватило места для самого крупного крючка, по двум длинным стенкам этого отделения наклеены две *пластинки пробки*. В них втыкаются крючки по порядку их величины, поводки их с конечными петлями прячутся под пробочные слои, где они висят свободно или лежат на дне, смотря по длине.

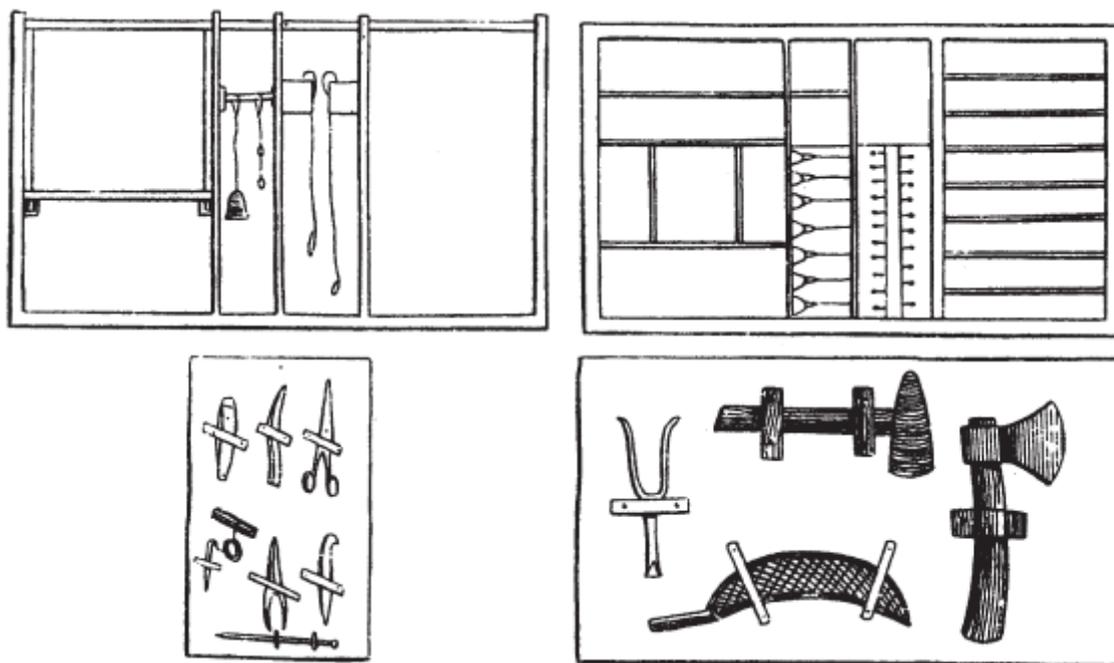

Рис. 14. Справа сверху – план ящика; ниже – крышка с топориком, молотком, отцепом и складным сачком. Слева сверху – вертикальный разрез ящика; снизу – план крышки отделения для лесок с ножиком, скальпелем, ножницами, нитью для рыбы, щипцами, пинцетом и иглою

Третье отделение, требующее приспособлений, служит для хранения груза и звона (мелкого), для чего между двумя длинными стенками его тотчас под выдвижную крышку помещаются поперечные металлические *прутья*, прикрепленные одними концами на петлях так, чтобы они могли свободно подниматься и опускаться, а на других концах – заканчивающиеся наибольшими крючками, входящими в имеющиеся для того металлические кольца, *пробой*.

На такой прутик надеваются петли, идущие от различного калибра и сорта звонков или нитей с грузами разного веса, и затем прутик запирается опусканием в пробой. Звонки и грузы висят, таким образом, на этих прутиках рядами. Крышка удерживает прутики в пробоях. Чем больше будет прутиков, тем легче сортировать звон и груз.

Инструменты, нужные при рыбной ловле, частью помещаются в крышке ящика и на крышке отделения для лесок, частью в скрытом отделении. Инструменты эти главным образом следующие: топорик, молоток и наковальня для разбиванья свинца, два отцепа, складной обруч для сачка, ножницы, ножичек и пинцет для вынимания крючков, часто глубоко заглываемых рыбой, большой нож, кукан для нанизывания рыбы, шипцы для закрепления мелких грузил и игла для прокалывания живцов при насадке. Ящик запирается на ключ или иным способом и по бокам снабжен скобками или ремнями для удобства переноса.

Совет владельцам прудов

Если кто желает, чтобы рыба в пруде (в особенности непроточном) не погибала совершенно напрасно в конце зимы, и вместе с тем не производит на нем зимней неводной ловли или же эту ловлю производит на небольшом участке пруда, тот необходимо должен делать как можно больше больших прорубей, особенно же *на шловатых* местах пруда и близ мельничной плотины, и как можно чаще расчищать эти проруби. Гораздо выгоднее (благоразумно, конечно) ловить неводом подо льдом (для чего необходимо делать много прорубей)

или дозволить всем ловить рыбу зимой на удочку, чем не ловить и не позволять никому уже- нье, если прорубей не делается. К концу зимы (а под очень толстым льдом и в середине) газы, выделяемые илом и тиной (няшей, образующейся из опустившихся на дно и гнию- щих растений, преимущественно водяного мха), убивают рыбу, и много ее погибает совер- шенно напрасно, вследствие непростительной небрежности. Не следует дозволить валить на лед навоз, который, садясь весной на дно, портит воду и способствует обмелению пруда. В некоторых местах Юго-Восточной России нарочно валят навоз как средство искусственно глушить пруды и озера для того, чтобы рыба задыхалась и лезла бы к берегам, ключам и в протоки, где ее вылавливают мордами (вершами), котцами и т. п. снастями. Всего чаще это средство пускается в ход Великим постом – время наибольшего спроса на рыбу. Весьма вредно также (осенью) мочить в рыбном пруде коноплю, от которой рыба ошалева- ет, как от кукульвана, и если не успева- ет уйти подальше от зараженного места, то снет и также про- падает совершенно непроизводительно.

Ловля налимов во время нереста

Так как налим нерестится (около Рождества) на быстрой, б. ч. глубокой воде с камени- стым и хрящеватым дном, то на этом основана весьма оригинальная ловля его на дощечку с крючьями, употребляемая на некоторых реках (Шексне, Мологе и др.). На железной полосе вершков в 5 на одном конце прикрепляются три крючка, а на другом – петля; между крюч- ками и петлей утврждается липовая дощечка шириною в 3–3 1/2 вершка, и этот снаряд опу- скают через прорубь в местах главного хода налимов так, чтобы он лег на дно плашмя крюч- ками вверх. Опытные рыбаки чувствуют рукой рыбу, которую, по их мнению, привлекает белая дощечка (говорят, что налим мечет икру преимущественно на белой гальке), и подсе- кают всегда вовремя. Случается, что вытаскивают сразу двух свившихся (у налимов замеча- ется нечто вроде течи) налимов. Впрочем, там, где налимов много, их во время хода ловят т. н. кокотками – железными якорьками не более вершка с 4 лопастями, оканчивающимися острым крючком; к якорьку сверху приливается свинец; его опускают в прорубь и водят им по дну.

Февраль

Приготовление волосяных лесок

Февраль, март – пора заготовки лес для весеннего ужения, и всего лучше изготавливать их самому. В России наиболее употребительны волосяные лесы; причин тому несколько: конский волос легко достать, легко из него ссучить или сплести лесу, волос не гниет и не требует такого частого пересмотра и просушивания, как шелк или пенька, а главное, волосяные лески обладают большею упругостью, чем шелковые. Лесы из него выются или рукой, или особой машинкой. Волосяные лесы бывают цельные, без узлов, и связанные из отдельных прясел; как те, так и другие имеют свои недостатки, зависящие, впрочем, от недостаточно тщательного приготовления. Во-первых, они нередко крутятся оттого, что круто свиты; во-вторых, узлы часто развязываются, а если леса без узлов, то бывает, что она несколько рассучится в том месте, где соединены концы двух прясел, и вследствие этого разрывается.

Главные правила приготовления витых или сученых волосяных лес следующие: волос (обыкновенно белый; рыжий, желтый удобен для ужения в травах; черный волос пригоден для ужения со дна, и то если грунт земли темного цвета) следует брать из хвоста жеребца или вообще сильной лошади, но отнюдь не кобылы; связав весь пучок волос так, чтобы не спутать его, должно вымыть волосы в теплой воде или в щелоке с мылом, затем, сполоснув хорошенько, высушить на солнце (от этого волос делается белее). Сучить следует в разные стороны, т. е. одно прямо влево, другое вправо, и так попеременно связывать их; это делается затем, чтобы раскручивающее движение одного прясла парализовалось движением другого. Прежде чем связывать прясла, должно положить концы их в воду минут на 20 и затем связать двойным рыбацким узлом (концы каждого прясла накладываются на вершок друг на друга и завязываются в петлю, которая завязывается как можно крепче. См. рис 17). Если же взять два прясла, не намочив их предварительно, то они могут развязаться в первый же раз, как намочнут. Можно сучить волос также следующим образом. Берется плоский камень или кирпич фунта в два весом (это для средней толщины лес; для лес в 4–6 волос достаточно и 1 ф., а для очень толстых, волос в 18 и более, нужно взять камень в 4 или 6 фунтов), обвязывается накрест веревочкой и к ней привязывается крючок из проволоки; такие же крючки вставляются в 2 или 3 гладкие палочки, в карандаш толщиной и длиной в один вершок (вместо этих палочек можно употреблять деревянные крючки). Чтобы свить лесу, напр., в 8 волос, нужно отобрать по возможности равные волоски и разделить их, как сказано, в два пучка так, чтобы более толстые концы в каждом были с одной стороны, а более тонкие – с другой. Каждый пучок на обоих концах нужно завязать узлом, на одну из палочек следует положить какую-нибудь тяжесть, а другую взять в руку и, натянув волосы, между двумя ладонями крутить палочку так, как обыкновенно сучат нитки. Если длина волос уменьшится при скручивании на одну четверть (т. е. если волосы были длиной 12 вершков, а после скручивания уменьшились до 9 вершков), то это значит, что они уже достаточно скручены. Теперь, наложив тяжесть на одну палочку, чтобы волосы не раскрутились, берут палочку с другим пучком волос и скручивают так, как и первый пучок. Затем берут обе палочки в руки и, держа волосы натянутыми, складывают их вместе. В таком положении поднимают палочки вверх настолько, чтобы камень, к которому прицеплены волосы, приподнялся на вершок от стола; при этом оба пучка волос станут вместе с камнем крутиться в сторону, противоположную той, в которую был скручен каждый пучок отдельно. Когда камень перестанет крутиться, снимите волосы с крючков и свяжите их обыкновенным узлом.

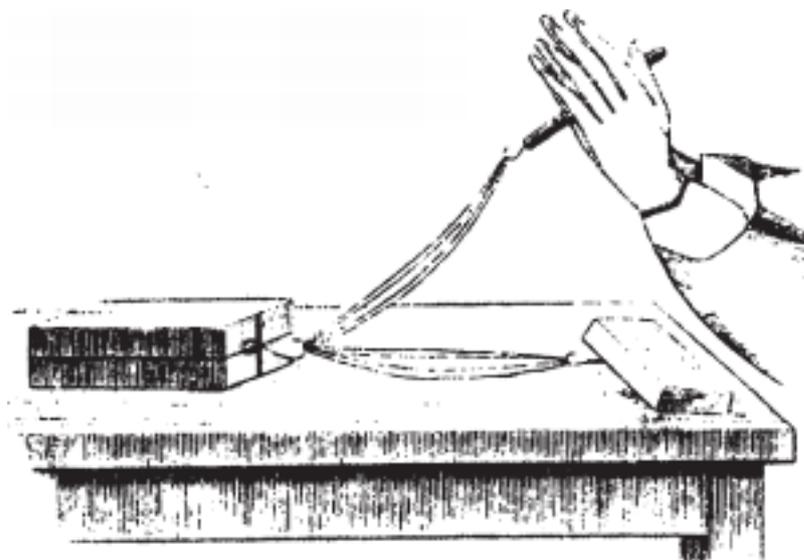

Рис. 15. Приготовление сученых лес

Рис. 16. Машинка для сучения лес

Другой, весьма простой, прибор для той же цели состоит из 2 дощечек с 3 кривыми шпеньками, так что, держа нижнюю дощечку, можно свободно вращать верхнюю. К концу каждого шпенька, загнутого крючком, привязывается один или несколько конских волос с гирею на конце. От вращения верхней дощечки будут закручиваться и самые волосы.

Для лес длиною от 15 до 30 аршин

1) Для ловли крупных хищников с жерличными крючками: щук, шересперов и проч.	От 16 до 20
2) Для ловли крупной рыбы: больших окуней, лещей, голавлей, карпий и проч., <i>окуневых</i>	» 12 » 16
3) Для ловли средней величины рыбы: карасей, язей, подлещиков и проч., <i>карасиных</i>	» 6 » 10
4) Для ловли мелкой рыбы: ершей, небольших окуней, плотвы и проч., <i>ершинных</i>	» 4 » 6

Для лес меньшей длины

5) Для ловли еще более мелкой рыбы: пескарей, гольцов и проч., <i>пескариных</i> , длиной от 9 до 15 арш.	» 2 » 4
6) Для ловли уклек длиною от 6 до 9 арш. — <i>уклечных</i>	» 1 » 2

Гораздо прочнее сученых плетеные лесы: они плетутся либо в 3 пряди, т. е. в 3 волоса, 6, 9 и т. д., либо в 4 пряди, т. е. 4 волоса, 8, 12 и т. д. Лесы, плетенные в 4 пряди, красивее, так как они круглые; что же касается до крепости таких лес, то она значительно больше, чем в витых. На лесу, сплетенную в 3 волоса (из хорошего, разумеется, материала), при некоторой привычке и при хорошем удилице можно выудить рыбу фунта в три; в продаже эти лесы почти не бывают, а когда бывают, то стоят очень дорого. Описывать приготовление их излишне; всякий, кто желает сплести лесу в 4 пряди (в 3 пряди умеет всякий), может этому научиться у любого шорника или даже кучера, так как этим способом часто плетутся кнуты. Навык же лучше всяких объяснений научит вовремя вплетать новый волос, закреплять надлежащим манером концы и т. д.

Толщина лесок зависит от длины их, качества волоса и той рыбы, для ловли которой предназначается леса. В виде примера предлагаются следующие размеры.

Буйволлов волос

Под этим названием между охотниками и в продаже известен прозрачный и чрезвычайно крепкий белый волос, из которого делают поводки (последнее звено, соединяющее крючок с лесой) и даже целые лесы; кроме этого наиболее распространенного названия существуют еще другие: жилка, растительный, морской, индийский волос, но все названия эти неправильны, так как он готовится следующим способом: из шелковичных червей, готовых к деланию коконов, выбирают самых толстых и кладут их на сутки в крепкий белый уксус. По прошествии этого времени их вынимают из уксуса и разрывают пополам; в каждом черве при этом находят по два зеленовато-желтых мягких волоса толщиной в тонкую соломинку, вытягивают их в уксусе до требуемой длины и толщины и затем высушивают на особой дощечке в тени.

За границей волосок во всеобщем употреблении, тогда как в России его употребляют сравнительно немногие рыболовы; многие охотники, не испытав его на деле, считают его непригодным на основании чужих слов; другие, не умея с ним обращаться, приписывают ему все неудачи, которые происходят единственно от их неумения. Если же обращаться с волоском с надлежащей аккуратностью, то он будет служить долго и хорошо. Никогда не следует употреблять плоские волоски — они непрочны; прежде чем связать два волоска, концы

их должно держать в воде (не горячей) в течение 20 минут; необходимо почаще осматривать узлы, так как волосок больше всего изнашивается около них.

Волосок продается в столичных магазинах рыболовных принадлежностей довольно дорого, именно от 2 рублей за сотню. Там же можно покупать волоски с навязанными крючками, но лучше и выгоднее навязывать крючки самому.

Приготовление жилковых лесок

Самая крепкая леса та, которая сделана из шелковичных жилок. Для приготовления ее следует по возможности отобрать нетолстые, ровные и круглые на всем своем протяжении жилки и опустить их на несколько часов в комнатную воду. Когда жилки окончательно размокнут, каждую пару связывают узелком, умеренно скручивают и закрепляют. Операция скручивания должна производиться по возможности скорее, чтобы не дать жилкам в это время затвердеть. По мере приготовления колена опускают снова в воду, после чего остается их связать тем или другим узлом. Леса, сплетенная таким образом из двух жилок и по толщине не превышающая лесы из 6 конских волос, превосходит все остальные крепостью, тониною, легкостью и прочностью; сплетенная из двух волос, она уже в значительной степени теряет ломкость и при деликатном обращении, которого она вполне заслуживает, может прослужить очень долго. Верхнюю часть лесы, ближайшую к удилице, а равно и ту часть, которая наматывается на удилице, следует делать шелковой, а не жилковой для тех случаев, как, напр., при донной ловле, когда леска не вся лежит в воде и подвергается действию палящих лучей солнца.

При наматывании лесы на удилице во избежание крупных изгибов прибавляют к удилице медными гвоздями с широкими шляпками две пробки на расстоянии вершков шести, и пробки эти потом по шляпкам гвоздей кругло обрезают. Намотанная на пробочки леса представляет собой правильную цифру 8, крючок же без труда и порчи втыкается в одну из пробочек.

Как связывать колена лесок

1) Концы двух колен лесы на вершок накладываются друг на друга и завязываются в двойную петлю, которая затягивается как можно крепче. Это рыбачий узел. 2) На конце одного колена делают простую петлю, в которую пропускают конец другого; этим последним обхватывают первый волосок и завязывают такую же петлю. Петли затягиваются, лески растягиваются в противоположные стороны, так что образовавшиеся из петель узлы сильно нажимают один на другой и этим затягиваются еще крепче (рис. 19). Если леска делается из т. н. буйволовых волосков или жилок, то употребляется первый способ (рис. 17 и 18), потому что в первом способе связывания нет такого резкого сгиба, как во втором.

Рис. 17

Рис. 18

Рис. 19

Рис. 20

Привязывание жилковых поводков к крючку

Самые удобные следующие два узла. Первый из них делается так: на конце волоска завязывают петлю и пропускают один конец в нее еще раз; если понемногу затягивать петлю, то она образует цифру восемь. Тогда ее надевают на стержень или спинку крючка и затягивают как можно крепче; лишний конец волоска срезается острым ножом наискось и обматывается смоленным шелком. Для того чтобы сделать другой узел, сгибают волосок на вершок от конца и накладывают на стержень сгибом к сгибу крючка; затем короткий конец обвивают раза 3–4 вокруг стержня и длинного конца, начиная от сгиба и приближаясь к лопаточке. Дойдя до последней, короткий конец продевают в образовавшуюся петлю, которая плотно затягивается; с остатком волоска поступают так же, как в первом способе.

Рис. 21

Рис. 22

Рис. 23

Оба описанных способа известны большинству наших рыболовов, но, к сожалению, никто из них не делает шелковой перевязки, покрывающей срезанный конец волоска; между тем им не следовало бы пренебрегать, так как она скрывает кончик, нередко мешающий при насаживании тонких червей, опарыша, мух, и вместе с тем укрепляет весь узел.

Навязывать леску на крючки надобно непременно так, чтобы поводок шел с *внутренней*, а не с *задней стороны лопатки и стержня*, и следить за таким положением поводка должно постоянно во время ужения, потому что при насадке и вытаскивании крючка из пасти рыбы нередко он переворачивается в навязке. За таким положением поводка надобно внимательно и постоянно следить оттого, что если поводок идет с внутренней стороны крючка,

то подсечка получается правильная, сильная и лопаточное острие не может подрезать лески; если же поводок находится сзади крючка, то подсечка выйдет неправильная, слабая и при этом при вытаскивании рыбы верхнее острие лопатки крючка может упереться в поводок и перерезать его.

Шелковые перевязки всегда следует покрывать лаком, так как лакированная перевязка несравненно больше служит, чем нелакированная; шелк же, употребляемый для перевязок, должен быть хорошенько натерт мягким сапожным варом.

Что же касается способа соединения поводка с лесой, то всего удобнее на конце лесы и поводка сделать по петле (лучше без узла, а обмотать шелковинкой), и в петлю поводка пропустить петлю лесы, и через эту последнюю пропустить крючок, и затем петлю затянуть. При этом способе очень легко менять поводки с крючками.

Привязывание крючков к леске

Очень часто приходится привязывать крючок не к жилковому поводку, а прямо к леске. Обыкновенный способ привязки здесь б. ч. неудобен, во 1-х, потому, что довольно большой узел, образующийся от такой привязки на лопатке крючка, увеличивает подозрительность осторожной рыбы; во 2-х, такая привязка недостаточно прочна, в особенности если крючок мал, а леса довольно толста; наконец, в 3-х, леса легко подвергается порче от ржавчины.

Следующий способ привязки устраняет все три объясненные неудобства: берут подлежащий привязке крючок, смазывают его пятку густым раствором гуммиарабика и крепко обматывают маленьким клочком ваты. Затем берут лесу, конец ее, который нужно привязать к крючку, развивают не более как на 3/4 дюйма в длину, развитую часть несколько оскабливают ножом, прикладывают лесу к пятке того крючка так, чтоб соскобленная и развитая часть лесы начиналась там, где верхняя часть привязки должна окончиться; раз 6 или 7 от начала пятки плотно обматывают крючок с лесой по направлению вверх крепкой тонкой ниткой или шелковинкой, оставив в начале пятки конец оной; потом развитую и соскобленную часть лесы загибают вниз к крючку и привязанной лесе и тою же шелковинкой или ниткой плотно и часто обвивают ее с лесой и пяткой по направлению вниз до того места, где остался первый конец нитки, который тогда завязывается несколько раз узлом с концом нитки, находящимся в руке; затем кончики лесы осторожно отрезаются, равно как и концы нитки; наконец, вся привязка слегка смазывается гуммиарабиком. Способ этот, конечно, несколько сложнее обыкновенного, но зато он имеет многие преимущества перед последним.

Привязывание поводков к крючкам с опилёнными стержнями (без лопаточки)

Такие крючки, несколько лет назад появившиеся в продаже (в столицах), по своему качеству много лучше обыкновенных (Кирби), у которых, кроме того, поводок часто подрезывается лопаточкой. Но навязывание крючков с опилёнными стержнями много труднее. Производится оно следующими способами.

1) На стержне крючка с внутренней и с наружной стороны делают несколько надрезов посредством тонкого напилька; затем, взяв тонкую, но крепкую шелковинку, натертую варом, ее обвивают вокруг стержня редкой спиралью по направлению от сгиба к концу стержня. Теперь на стержень с внутренней же стороны накладывается конец поводка, предварительно размягченный в воде и расплющенный между зубами (на протяжении 1/4 дюйма), и обматывается вместе со стержнем, по возможности туже. Обороты шелковины должны ложиться как можно плотнее один к другому; когда длина завязки покажется достаточная, делают 2–3 петли и закрепляют конец шелковины посредством узла. Петли делаются так: конец шелко-

вины пропускается под *один* оборот и затягивается как можно крепче. Таким образом оборот шелковины прихватывает ее к стержню. Скрытый узел делается следующим образом: на стержень накладывается сложенная вдвое нитка концами к концу стержня. Шелковинка обертывается не очень туго раза три вокруг стержня, прихватывая и сложенную вдвое нитку; затем конец ее (т. е. шелковины) пропускается в петлю, образуемую ниткою, и продергивается при ее помощи под последние обороты шелковины. Многие рыболовы (даже большинство их) пользуются каким-либо одним из этих способов для закрепления конца шелковины, но лучше пользоваться обоими вместе, как сказано выше.

2) Надрезов на стержне не делают; в остальном же поступают как и в предыдущем случае.

3) Поводок привязывается в сухом виде таким же способом, немного расплющенный между зубами.

Последний способ лучше всех, так как поводки, привязанные в сухом виде, должны держаться гораздо крепче, чем привязанные размоченными. И вот почему. Поводок, привязанный размоченным, высыхая, несколько съеживается и затем, когда опять попадет в воду, размокает и разбухает только до той же степени, как когда его привязывали. Поводок же, привязанный сухим, размокая, увеличивается в объеме, вследствие чего, конечно, будет держаться привязкою еще крепче.

Шелковые поводки, а равно и поводки в несколько конских волос привязываются так же, как и жилковые, но не подвергаются предварительно ни расплющиванию, ни размачиванию.

Лак для лакирования завязок, лесок и т. д.

Желтый лак: 6 частей 90%-ного спирта, 3 части коричневого шеллака (gummi lase, in tabul), 1 часть ладона (Gummi Benzoë).

Белый лак: 6 частей 90%-ного спирта, 3 части беленого шеллака (Gum. lac. albiss. in bacill.).

Очень быстро высыхающий лак можно получить, распустив шеллак в хлороформе или серном эфире.

Окрашивание поводков

Так как за последнее время между русскими рыболовами появилось немало таких, которые признают пользу окрашивания жилки в тот или другой цвет, чтобы сделать ее менее заметной в воде, то нелишнее сообщить несколько рецептов для окрашивания жилки.

1) *Коричневатый* или *коричневато-оливковый* цвет: 14 золотников черного (дешевого) чая варят в 1 штофе мягкой (лучше всего дождевой) воды, в которую не мешает прибавить кусочек соды величиною с горошину. В этом наваре держат жилки, пока они не приобретут требуемый цвет.

2) Для той же цели можно пользоваться горячим отваром шелухи грецких орехов.

3) *Зеленый* цвет можно придать жилкам, положив их в крепкий отвар зеленого чая или в следующий состав:

4) Дождевая вода (температурой в 32° по Реомюру) смешивается с нейтральным раствором индиго и куркумою в такой пропорции, чтобы получился зеленый цвет требуемой густоты.

5) *Серо-синеватый* цвет придают жилкам, положив их в черно-зеленые чернила², разбавленные кипятком.

6) *Серо-зеленоватый* цвет придается жилкам следующим составом: горсть стружек синего сандала варят в 1/2 штофе мягкой воды с прибавлением соды величиною с горошину. Затем прибавляют кусочек медного купороса такой же величины. Когда купорос распустится, жилки кладут в этот навар и держат до тех пор, пока они не приобретут требуемую окраску.

7) Самый лучший цвет для жилок, по мнению некоторых знатоков, *серо-зеленоватый*. Он получается, если положить жилки, окрашенные в составе № 1, в № 6.

8) Наконец, можно окрашивать поводки в зеленоватый и голубоватый цвет в краске для яиц, продаваемой плитками.

Лучшее средство для того, чтобы жилки вышли не недокрашенные и неперекрашенные, – вынимать их почаще из краски и ополаскивать в холодной воде; если цвет окажется не довольно темен, их кладут опять в краску; если же цвет достаточно темен, то их хорошенько промывают холодной водою и затем высушивают в тени. Если убрать жилки несколько сырыми, они портятся.

Приготовление поплавков

Хороший поплавок должен быть устойчив, т. е. не ложиться на бок от сильного ветра или волн, должен быть хорошо виден, несмотря на рябь, и, конечно, должен быть прочен и не намочать. Всякий поплавок, удовлетворяющий этим условиям, может быть хорошо выверен, т. е. сделан настолько чувствительным, что будет передавать самое легкое прикосновение рыбы к насадке. Для этого к лесе прикрепляют грузило, настолько тяжелое, что если к нему прибавить еще одну дробицу, то она совершенно погрузит поплавок в воду; но, разумеется, невозможно употреблять для ловли всех пород рыб одинаково чувствительный поплавок, так как одна рыба берет осторожно, другая же с разбега.

Поплавки делают из дерева, древесной коры (ивовой, осокоревой, сосновой), пробки, тростника, гусиных и лебединых перьев, колючек дикобраза и т. д.; самые лучшие из них – пробочные поплавки, в тех случаях, когда быстрота течения требует более или менее тяжелого грузила, и поплавки из одного гусиного или лебединого пера, когда течение незначительно. Для ловли рыб, клюющих нерешительно, последний род поплавков положительно незаменим.

Чрезвычайно легкие и чувствительные поплавки делают также из сухой окуги (ситник, куга). Поплавок не должен быть велик. Кусок окуги не тоньше обыкновенного карандаша и не толще мизинца длиной от 11/2 до 21/2 вершка с обрезанными ровно краями вполне удовлетворяет своему назначению при ловле рыбы в тихой или стоячей воде. Поплавок привязывается к лесе двойною петлею.

Очень хороши и удобны поплавки, выделяемые из ракиевой коры, а еще лучше коры осокоря, в форме слегка заостренных палочек (рис. 24). Иногда, впрочем, этим поплавкам придается миндалевидная форма, тоже представляющая небольшое сопротивление воде при погружении и выходе наружу, с довольно значительным отверстием посредине и с нижним наконечником из гусиного или дрофиного пера, судя по величине поплавок. На наконечник из пера надевается колечко, вырезанное также из пера, которое и удерживает поплавок на надлежащей высоте; дальнейшая же часть лесе проходит сквозь отверстие поплавок. Значит, поплавок может быть удобно передвигаем по лесе и даже вовсе снят, если отверстие в поплавке достаточно велико для прохода крючка. Поплавки эти выделяются очень легко

² Ализариновые, фабр. Леонгарди.

перочинным ножиком, так как раковая кора очень мягка. Посредством маленькой стальной высечки, вроде той, какой высекаются рубленые ружейные пыжи, проделывается очень скоро отверстие в поплавке в один или в два порядка, судя по желаемой величине для отверстия. Затем вырезанный поплавок полируется выточенной из крепкого дерева конической палочкою. Так как раковая кора очень мягка, то она очень быстро принимает полировку. Затем поплавок опускается в деревянное масло, пропитывается им и высушивается в комнате. Тогда получится поплавок цвета темной мумии, не намокающий в воде, очень красивый и вовсе не пугающий рыбу, так что часто она пытается даже схватить его, особенно на быстроте, вероятно принимая его за какое-нибудь насекомое. Эти поправки можно делать всех размеров – как для наплавных удочек, так и для ужения с грузилом. Для наплавных удочек на местах самых быстрых и каменистых эти поправки незаменимы, тем более что, опустивши в перьяной наконечник маленького поплавка одну или две мелкие дробинки, судя по величине поплавка, можно придать поплавку стоячее положение, между тем как леса без грузила с крючком будет извиваться по быстрой воде и рыба будет хватать насадку без всякого опасения. В таком виде поплавок делается до того чувствительным, что для глаза заметно всякое малейшее прикосновение рыбы к насадке.

Пробковые поправки делаются двумя различными способами: первый, более простой, заключается в следующем: кусок пробки обтачивается в виде яйца или бочонка и просверливается вдоль. В сделанное отверстие вставляют трубку куриного или утиного пера, пропускают в нее лесу и затыкают трубку оципанною верхнею частью того же пера. Такие поправки очень легко сделать дома, хотя их можно найти и в продаже.

Рис. 24. Осокоревые поправки

Рис. 25

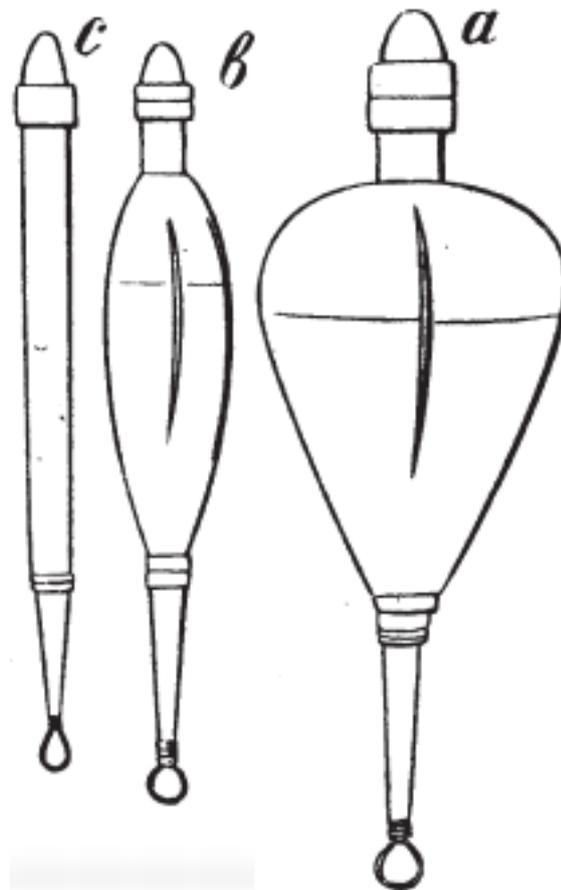

Рис. 26. Различные формы пробочные, с – перьяной

Пробковые поплавки, приготовленные по второму способу, отличаются от описанного сейчас сорта тем, что в просверленную дыру вставляют с одного конца трубку гусиного пера с надетым на нее перьяным колечком, а с другого – заостренную палочку с проволочной петелькой. Чтобы надеть такой поплавок на лесу, следует пропустить ее сначала через проволочную петельку, а затем через перьяное колечко, которое плотно надвигается на трубку и

таким образом удерживает поплавок на одном месте. Для того чтобы леса лучше лежала на поплавке, в последнем делают иногда продольный желобок, в который она ложится.

При ужении перьяная трубка непременно должна быть сверху. Во-первых, потому, что она виднее, чем палочка с петелькой, а во-вторых, потому, что это по большей части требуется устройством поплавка.

Поплавки из одной трубки гусиного или лебяжьего пера у нас довольно трудно купить, и потому лучше делать их дома. Для этого выбирают по возможности толстую и длинную трубку, очищают от сердцевины и кипятят минут десять в воде или снятом молоке, чтобы сделать ее менее хрупкой. Когда внутренние стенки трубки совершенно высохнут, в нее кладут небольшой шарик воска или сапожного вара и посредством тоненькой палочки с тупым концом приминают его в глухой конец трубки, который в это время полезно окунуть в кипяток, чтобы воск хорошенько пристал. Открытый конец трубки затыкается заостренной палочкой, обмазанной клеем; к заостренному концу привязывают петельку из медной проволоки, покрывают весь поплавок лаком и, когда он высохнет совершенно, пригоняют по нему перьяное колечко.

Пробковые поправки готовят следующим образом: берут т. н. бархатные пробки, которые бывают более 1 1/2 вершка в длину, и начинают с того, что просверливают ее вдоль. Для этого с обоих концов провертывают на одну осьмую вершка выбойкой, которую употребляют шорники для пробивания дыр в ремнях (№ 6-м или номером меньше), затем осторожно просверливают обыкновенной наверхткой (буравчиком) соответствующей толщины; когда все это сделано, острым ножом придают пробке требуемый фасон и сглаживают все неровности столярным подпилком, не слишком грубым, и пемзой. Если окажутся трещины и пленки, которых нельзя сгладить, не повредив аккуратности фасона, то их можно заделать клеем, смешанным с мелкими пробковыми опилками; когда клей высохнет, то подчищают подпилком и пемзой и получают очень ровный и гладкий поплавок. Когда пробковая часть поплавка готова, то в нее вставляют с одной стороны палочку, к более тонкому концу которой привязана медная петелька, а с другой – перьяная трубка, которая должна хоть на четверть вершка надеться на палочку; места соединения пробки с пером и с палочкой обматываются цветным шелком, который затем покрывается лаком. Последней операции, впрочем, обыкновенно предшествует окраска поплавка; самое лучшее для этого масляные краски, которые при употреблении следует несколько развести вареным льняным маслом.

Всего лучше окрашивать поправки следующими красками: низ поплавка светло-зеленый – цвет водяных растений, верх – белый, а между этими цветами узенькая полоска красного цвета. Когда краски высохнут, весь поплавок покрывается лаком.

Перьяные колечки для закрепления леса на верхнем (надводном) конце поплавка готовят обыкновенно из гусиных перьев. Можно оставлять их белыми и только прокипятить их, как было говорено о перьяных трубках, но кто желает, тот может окрасить их в зеленый или красный цвет краской (пластинкой или жидкой), продающейся для окрашивания яиц. Необходимо только, чтобы с прокипяченных колечек была снята тоненькая кожица, покрывающая всегда трубку пера, иначе они неравномерно окрасятся. Ополоснув окрашенные колечки в воде и просушив их на воздухе в тени или в комнате (только не около печки), каждое колечко обматывают несколькими оборотами крепкой шелковинки и покрывают все колечко лаком.

Что касается т. н. светящихся поплавков, года два назад появившихся в продаже, то они никуда не годятся, так как светятся только в абсолютной темноте.

О самоогружающихся поплавках см. июнь.

Для скрепления отдельных частей поплавка очень полезен следующий состав: 5 частей смолы, которую натирают смычки (но не *чистой* канифоли), стапливают с 1 частью воска, к этому примешивают 1 ч. железной окиси в порошке и 1/8 ч. толченого гипса. Прокипятив это

минуты две, снимают с огня и промешивают до совершенного сгущения; при употреблении должно быть разогрето.

Для этой же цели пригоден *клей*, приготовленный следующим способом: 32 золотника лучшего сорта столярного клея варят в снятом молоке или юраге из-под сливочного масла – в количестве одного полуштофа – и уваривают до требуемой густоты. При употреблении этот клей разогревают над свечой или лампой.

Для лакирования поплавков, а также завязок, крючков и пр. очень хорош *лак*, сделанный из белого шеллака, растворенного в 90%-ном спирте; лак этот должен быть так же густ, как и обыкновенный красный спиртовой лак.

Передвижные поправки

Так как при передвижении поплавков перьяные колечки на пробковых часто лопаются, а осокоревые обыкновенно надо отвязывать, то поэтому иногда удобнее употреблять такие поправки, которые передвигались бы по леске с меньшими затруднениями. С этой целью готовят пробковый поплавок удлиненный, грушевидной формы (или берут уже готовый, но без верхнего и нижнего наконечников, т. е. одну пробку) и, сделав в нем сквозное отверстие, как сказано выше, сбоку пропиливают тоненькой стальной пилкой (лобзиком) до центра такую узкую полоску, чтобы в нее прошла бы толстая леса. Пропустив леску, ее затыкают деревянной палочкой. Можно также обойтись и без затычки, если разрез очень узок и достаточно крепко держит леску (рис. 28).

Для того чтобы иметь возможность передвигать осокоревые поправки без отвязывания, надо придавать им форму очень удлиненного овала, так что оба конца поправки вполне одинаковы. Места прикрепления лесы находятся на самых удаленных одна от другой точках поправки, т. е. на его концах, чтобы при подсечке или вытаскивании из воды поправки представлял наименьшее сопротивление. Надевание поправки на лесу совершается или с неприязанного ее конца, как у прочих поплавков с петельками, или, если леса уже привязана и пулька или крючок не позволяют ей пролезть сквозь петельки, посредством вынимания и вставления последних. Кроме этих петелек, делаемых из медной проволоки или булавок, леса удерживается на месте тем, что изгибается вокруг поправки, для чего в поправке делается неглубокая прорезь в виде удлиненной спирали.

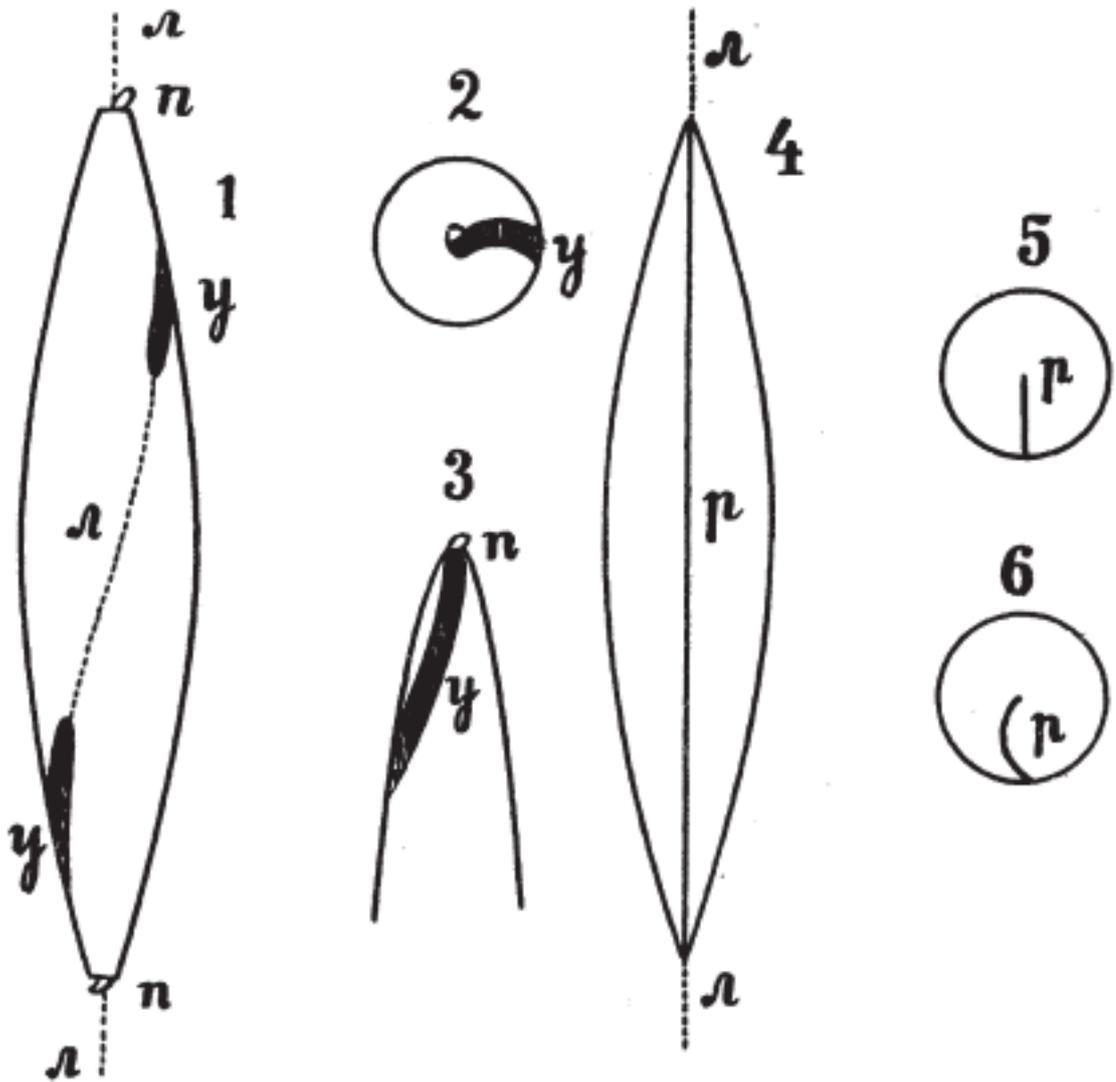

Рис. 27 и 28

1 – вид сбоку: л – леса, п – петельки, поставленные наискось для меньшего перегиба лесы; 2 – вид с конца; 3 – вид сбоку на одно углубление

Март

Заготовление натуральных цельных удилиц

В марте или апреле, вообще до тех пор, пока не набухла почка, можно заготавливать цельные удилица для летнего лова, но удильники весенней заготовки менее надежны, чем осенние (см. октябрь), а потому аккуратный рыболов в это время ограничивается окончательной обделкой удилиц, срезанных осенью и всю зиму сохнувших в сарае – на весу, с камнем у комля или привязанными к слеге, чем достигалась возможная для них прямизна. Обделка эта заключается в том, что вполне завяленные удилица осторожно очищают от шкурки на верхушках, выравнивают подпилком выпятившиеся сучки и в несколько приемов промазывают вареным льняным маслом, особенно верхнюю часть, до тех пор, пока дерево не перестанет впитывать его в себя. Лучше всего делать это над спиртовой лампой или около горячей печки. После каждого раза дают удилицу полежать дня два привязанным к слеге или подвешивают его за тонкий конец с камнем, привязанным к комлю (см. октябрь). От льняного масла (за неимением его можно употреблять и сырое, а также конопляное и другие масла, но они много хуже льняного) удилице приобретает гораздо большую упругость и вязкость, гораздо надежнее непромасленного и, кроме того, в значительной степени предохраняется от действия сырости. Весьма полезно также после этой процедуры слегка отполировать удилица стеклянной бумагой и окрасить их какою-нибудь масляною краскою (серою, желтоватою, зеленою).

Если почему-либо трудно достать и приготовить цельное совершенно прямое удилице или если у цельного хорошего удильника сломалась верхушка, то удилице можно делать из двух частей, съемных или неподвижно скрепленных между собою. Именно на более или менее длинную березовую или ореховую палку (2–4 арш.) надевается посредством медной или жестяной трубки можжевельный (реже рябиновый – для ужения нахлыстом на насекомое) прутик в 1–2 арш. длины или же этот кончик сращивается с палкою, для чего оба конца срезаются наискосок, сравниваются, склеиваются и натуго обматываются крепкой ниткой или тонкой бечевкой, намазанной варом, которая покрывается затем лаком.

Короткие донные удилица

Донные удилица, употребляемые для ужения без поплавок, большею частью имеют незначительную длину. Для ловли не особенно крупной рыбы в длину удилица и не представляется особенной надобности.

Естественное донное удилице делается из ореха, березы, а лучше всего можжевельника (называемого местами *вереск*, *вересовник*); оно должно быть не короче аршина и не длиннее двух, должно быть не слишком тонко в комле и не очень жидко, особенно если приходится удить в быстротекущей воде. По большей части у естественных донных удилиц комли бывают слишком тонки, что чрезвычайно утомительно для руки; лучше обертывать их камышом, который затем довольно часто и туго обматывается бечевкою. Эта камышовая рукоять должна быть не короче пяти вершков; иначе трудно сделать ее аккуратно (рис. 31). Такое удилице можно употреблять с бубенчиком и без него; в первом случае необходимо приделать острие для втыкания в берег или лодку.

О привозных удилицах не стоит распространяться, так как они встречаются в продаже довольно редко; лучшее из них французское (рис. 30), с кончиком из китового уса, но оно

очень коротко (всего 10–11 верш.). Все эти удочки очень дороги, так как без прибора стоят не менее 75 коп.

Русского изделия продажные донные удилища бывают двух сортов: один из них (рис. 29) бывает всегда с камышовым кончиком. Палочки с шишками назначены для наматывания лесе, деревянная же вилочка служит (будто бы) подставкою, так чтобы можно было положить удилище, как показано на рисунке. Стоит такое удилище с полным прибором, т. е. лесою, грузилом, крючком и бубенчиком, около рубля; без прибора оно в продаже не встречается.

Рис. 29. Продажное донное удилище

Рис. 30. Французское донное удилище

Рис. 31. Ручная донная удочка

Другой сорт разнится от предыдущего тем, что не имеет вилочки и что вместо палочек для наматывания лесе вбиты два проволочных крючка; кончик камышовый или из китового уса. Продаются они также с полным прибором; лесе в 8, 12 и больше волос от 6 аршин и длиннее с тремя крючками и коническим грузилом. Цена от 75 коп. и дороже. К сожалению, для крючков, на которые наматывается лесе, и для петельки грузила большею частью употребляют железную проволоку вместо медной, которая на пустяк дороже, зато не передает лесе.

К числу донных удочек принадлежат также и те кобылки или колодки, употребляемые там, где (на плотях) или в то время (зимой), когда нельзя воткнуть удилища (см. ноябрь – декабрь).

Складные удилища

Плохое цельное удилище всегда лучше посредственного складного. Но так как городским жителям вообще, а столичным в особенности очень трудно доставать и неудобно возить цельные длинные удилища, то столичные рыболовы почти всегда употребляют или короткие (можжевеловые для ловли на донную, в закидку), или же складные 2–3– и даже 4–5-коленные удильники. В Москве на воскресных птичьих базарах (на Трубной площади), а также в магазинах Глазунова, Гофмана и Глейма продаются складные удилища московского изделия. Эти удилища, б. ч. 3-коленные (редко 4-кол.), имеют в длину около 5 аршин, делаются, кроме тонкого конца, б. ч. можжевелового, из орешника, реже сосны и березы, имеют медные (паяные) трубки и такие же оправы вкладываемых концов. Колена или просто вкладываются оправленным концом в трубку большого колена, или имеют замки (в трубке делается прямоугольная прорезка, а на оправе припаян или вколочен шпенек), или

же оправа снаружи и внутренность трубки нарезаются винтом и колена свинчиваются. На первое (толстое) колено ради того, чтобы можно было воткнуть удилище в берег, насаживается железный конус, продающийся и отдельно. Удилища эти недороги (от 30–60 к., смотря по величине и месту покупки), но очень непрочны (так как приготавливаются крайне небрежно): колена плохо пригнаны, так что обыкновенно болтаются в трубках, и, кроме того, они скоро кривятся. Лучше всех удильники со свинчивающимися коленами, появившиеся в продаже года 2–3 назад. Удилища эти годятся только для ловли мелкой и средней рыбы, притом больше в прудах и озерах.

Заграничные складные удилища, особенно английские, во всех отношениях несравненно лучше московских (и петербургских), но очень дороги, что, впрочем, зависит от того, что почти все эти удилища предназначаются для ловли с катушкой, у нас почти неупотребительной, и имеют кольца и помещение для нее. На катушку эту навивается большой запас лесы (непрерывно цельной, без узлов, и обыкновенно плетеной шелковой), продаваемой сквозь кольца. При первых порывах рыбы ей дают смотать большее или меньшее количество шнура, т. е. катушка соответствует всем известной жерличной рогулке. Отпуская и снова наматывая шнурок, рыболов имеет возможность ловить крупную осторожную рыбу на самую тонкую снасть, т. е. на такое удилище и такую леску, которые не могли бы без этого приспособления выдержать при всем искусстве рыболова рыбы в половину меньшей величины. Но такая ловля возможна только там, где рыбу можно отпускать на большое расстояние от себя (длина шнура на катушке бывает иногда более 20–25 сажень), не рискуя, что она запутается в траве или корягах или оборвет более или менее значительную часть шнура (очень дорогого). Ловить с катушкой стоит только в расчищенных местах, да и то когда крупная рыба очень напугана и плохо берет на более грубую, но более прочную снасть.

Кроме дороговизны (самое плохое стоит редко менее 3 рублей), заграничные удилища имеют и другие неудобства: они не могут быть воткнуты в берег и их надо или держать в руке, или же класть на 2 подставки – рогульки³ (одна втыкается в берег, другая на некотором расстоянии от берега, в воде); очень часто они бывают чересчур тонки и жидки и почти непригодны для ужения без катушки.

Складные заграничные удилища бывают трех сортов: из обыкновенного коленчатого тростника, из бамбукового тростника и из дерева.

Удилища из обыкновенного тростника по большей части состоят из четырех, реже из пяти колен, из коих три (или четыре) тростниковых, а верхнее обыкновенно жимолостное или из другого какого-нибудь упругого, гибкого дерева. Такие удилища в полном составе четырех или пяти колен имеют значительную (7–10 аршин) длину при сравнительно незначительном весе. Недостатки описываемого сорта состоят в том, что если тростниковое удилище отсыреет (вследствие сильной росы, тумана или дождя) и затем будет пригрето солнцем, то оно нередко трескается; впрочем, этот недостаток легко устраняется следующим простым способом. Тростниковые колена следует хорошенько вытереть тонкой стеклянной бумагой (для того, чтобы к ним лучше пристал клей), затем взять шелковую узкую ленточку или тесемку, пропитанную довольно жидким и горячим раствором самого крепкого столярного клея, и наматывать ее как можно туже на каждое колено не слишком крутой и не слишком отлогой спиралью. Так конец ленты, с которого начинают обвивание, крепко привязывается к удилищу тонким крепким шелком; так же закрепляется и другой конец. Когда клей высохнет, то ленту и кольцеобразные закрепления на концах ее следует прокрыть несколько раз жидким спиртовым лаком, чтобы клей не подвергался действию сырости.

³ Подставкою может служить всякая заостренная палка с развилиной на конце, но всего лучше иметь готовые железные вилки-рожки, которые легко можно надеть на любую палку. Для этого две толстые проволоки спаивают под углом в железную конусообразную трубочку. Такие вилки, окрашенные для прочности масляной краской (зеленой), продаются во многих московских магазинах рыболовных принадлежностей, но их нетрудно сделать и самому.

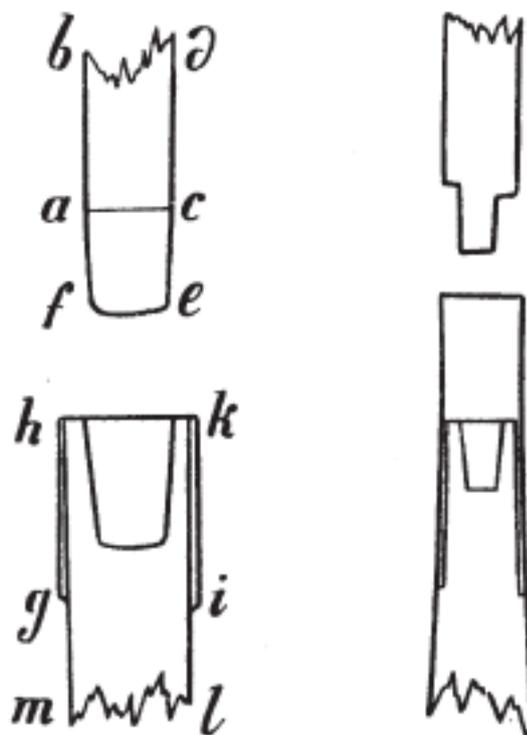

Рис. 32. Способы соединения складных удилищ

Таким способом отделанное удилище кроме того, что не трескается при резком переходе от сырости к жару, еще выигрывает в отношении крепости и становится более благонадежным для ужения более крупной рыбы. Но вообще этого рода удилища дороги, непрочны и мало пригодны для ужения без катушки.

Удилища из бамбукового тростника, или, как его нередко называют в торговле, перцового дерева, редко бывают так длинны, как вышеописанные, и весом несколько превосходят их; длина их обыкновенно не превышает 5 аршин. Что касается более значительного веса, то этот недостаток выкупается тем, что они не так легко трескаются и могут вынести более крупную рыбу, чем простое тростниковое удилище; впрочем, оклеивание лентой и для них небесполезно.

Третий сорт складных удилищ – деревянные; более дешевые делаются из ясеня, более дорогие – из белого американского ореха – хикори (hickory), гринхардта, лансвуда и др.⁴. Они делаются весьма различных размеров – от 3 1/2 до 9 аршин и состоят из трех, четырех и пяти колен; привозят их по большей части из Англии. Удилища эти обыкновенно бывают сделаны очень тщательно, но зато и стоят недешево: 6–7 рублей за четырехколенное удилище из хикори следует считать очень умеренной ценой.

От всех трех описанных сортов удилищ одинаково требуется, чтобы коленца совершенно плотно соединялись одно с другим; поэтому при покупке складного удилища должно собрать его, крепко вставив каждое колено в соответствующее ему гнездо, и затем несколько раз сделать движение, делаемое при подсечке. Если колена хорошо пригнаны по своим гнездам, то в удилище гибь при движении будет равная, нигде не почувствуется сотрясения; если же будут чувствительны легкие толчки, то это значит, что медные трубки, находящиеся на соединении колен, слишком широки.

⁴ Greenheart; lance-wood.

В тростниковых и бамбуковых удилищах способ соединения колен несколько иной, чем в деревянных удилищах; а именно вкладываемое колено не имеет *хвоста*, как в деревянных.

Приготовление сачков

Сачок (или подсак, подсачек, подхватка) составляет необходимую принадлежность настоящего рыболова, так как без сачка ловить крупную рыбу и трудно и займет много времени.

Самый простейший, но прочный подсачек, доступный средствам и умению каждого рыболова, делается следующим образом. Выбирается прямое, длиною аршина в 3 1/2–5 и в комле толщиной в диаметре не более 2–3 дюймов дубовое деревцо (или березовое), которое в верхней своей части разделялось бы на две прямые ветки одинаковой толщины. Деревцо отрезывается у корня и у самых верхушек обьясненных веток, ствол и обе ветки освобождаются несколько от сучьев; ту часть деревца, которая разделена, т. е. самые вилки, следует распарить в горячей золе или на угольях, выпрямить, потом верхние части этих вилок соединить между собою, крепко связать и дать кружку овальную форму. В таком виде деревцо, не освобожденное от коры, высушивают не на солнце, а в сухом тенистом месте. Когда оно достаточно высохнет, его очищают от коры, освобождают от остатков сучьев и других шероховатостей, округляют толстый конец, обрезают концы вилок и связывают между собою совершенно так, как связываются части составного удилища, т. е. наискосок. Наконец, к овальному кружку прикрепляется бечевкой связанная из прочных пеньковых или льняных ниток сетка. Глубина сетки должна быть не менее аршина, а ширина – несколько более окружности связанных вилок.

Более удобны и красивы сачки с железными, особенно же медными (нержавеющими) обручами, которые насаживаются на палку. Насаживаются они различно: или же концы проволоки (в 1 1/2–2 вершка) крепко обматывают (бечевкой или тонкой проволокой) вместе с концом палки, или же концы эти припаиваются к железной же или медной трубке, которая насаживается на рукоятку.

Сачок вообще должен удовлетворять следующим условиям:

1) Обруч и трубка, соединяющая его с рукоятью, должны быть крепкие, так, чтобы могли вынести *мертвый* вес фунтов в 20.

2) Поперечник обруча должен быть не менее 16 дюймов. 3) Сетка сачка должна быть глубокая – не менее аршина глубины. 4) Она должна плестись из крепкой здоровой пряжи, имеющей, впрочем, не более 1 мм в поперечнике. 5) Петли сачка (или, правильнее, *ячей*) должны иметь не менее одного дюйма в стороне.

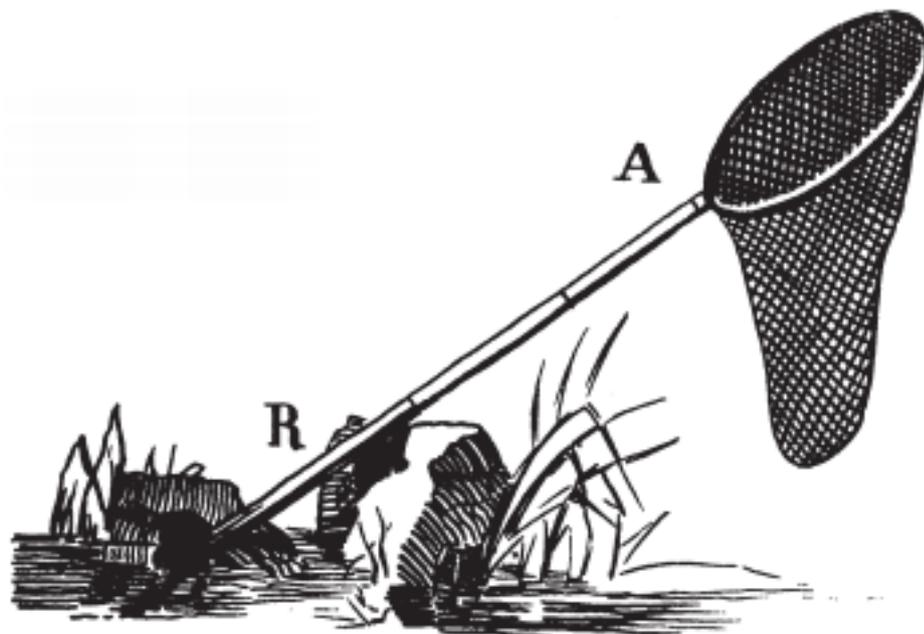

Рис. 33. Сачок

Широкие ячей делают для того, чтобы сачок был менее заметен в воде и вследствие того меньше пугал бы рыбу. Чтобы сделать его еще менее заметным и вместе с тем более долговечным, полезно класть сетку сачка в вареное льняное масло, в котором распущено незначительное количество зеленой масляной краски, до тех пор, пока нитки не пропитаются этим составом насквозь. Тогда следует сетку вынуть, дать маслу стечь с нее, хорошенько встряхнуть ее, чтобы по возможности удалить с нее весь излишек масла, высушить и повторить ту же операцию. Таким способом приготовленная сетка кроме того, что менее пугает рыбу, вдобавок еще служит несравненно дольше обыкновенной, так как не намокает, а потому и не гниет. Можно также сачки продубить, т. е. вымочить в отваре дубовой коры или каши. Сетка становится прочнее и окрашивается в коричневый цвет.

Приготовление грузил

Назначение грузила – удерживать крючок на известном месте, а если удят с поплавком, то настолько огружать последний, чтобы он передавал малейшее прикосновение рыбы к крючку. Грузила, употребляемые для ужения с поплавком, делают из дроби, картечи, листового свинца; при ужении без поплавка, на так называемую донную удочку, употребляются в виде грузила ружейные пули, четырехугольные, овальные и конические куски свинца.

Относительно первого рода грузил необходимо заметить, что лучше насадить на лесу 10 дробинок, чем одну картечину равного с ними веса; во-первых, это не так пугает рыбу, а во-вторых, не так портит лесу. Что лучше для грузила – листовый свинец или дробь – сказать трудно, ибо этот вопрос решается различно даже самыми опытными рыбаками: один находит, что дробь менее перетирает лесу, чем листовый свинец, другой держится прямо противоположного мнения. Листовой свинец, во всяком случае, легче снимать и надевать. Для надрезания дроби устраивается следующий прибор: в небольшой дубовой дощечке делают несколько углублений различной величины, в которые кладут дробь, чтобы было удобнее разрезать ее. Разрез делается при помощи молотка и какого-нибудь старого ножа, у которого половина лезвия закруглена; разрез начинают острой частью, а заканчивают тупой, так что дробина, разрезанная при помощи этих простых орудий, так же мало портит лесу благодаря отсутствию острых краев, как и дробина, разрезанная особыми щипчиками; только для при-

крепления к лесе дробины, разрезанной ножом, необходимо иметь небольшие плоскогубцы. Кроме этих предосторожностей нелишнее всегда обматывать шелковинкой то место лесе, где должно находиться грузило, какое бы оно ни было; правда, что это займет больше времени, чем обыкновенный способ прикрепления грузил, но зато предохранит лесу от перетирания. Еще лучше, если обмотанное шелком место пролакировать хорошенько и высушить, прежде чем насаживать грузило.

Некоторые рыболовы помещают грузило довольно далеко от насадки – это бывает необходимо тогда, когда рыба очень пуглива; вообще же не следует помещать его дальше как в 10 дюймах, так как при этом насадка лучше играет.

Очень полезно окрашивать грузило в зеленый цвет, через что оно делается менее заметным; самый простой состав для этого следующий. Берут палочку зеленого сургуча, ломают ее на маленькие кусочки и кладут в небольшое количество 90%-ного спирта; через несколько дней сургуч распустится, и его разводят спиртом до густоты хороших сливок. Состав этот очень скоро сохнет, в чем и заключается его главное достоинство.

Донные грузила делаются трех различных фасонов: *круглые, конические и угловатые* (или плоские).

Для *круглых грузил* обыкновенно употребляют пули, начиная от пистолетной и до самой большой ружейной, смотря по силе течения; нельзя не заметить, что при быстром течении круглая форма этого рода донных грузил представляет некоторое неудобство. Поэтому им предпочитают *конические грузила*, состоящие из свинцового конуса, снабженного медною петлею; делаются они различного веса, и всякий может приготовить их дома. Для этого свертывают из довольно толстой бумаги конический колпачок, в верхний конец которого вставляют петлю из медной проволоки; края колпачка заклеивают, ставят его в совершенно сухой песок и наливают свинцом. Такие грузила есть и в продаже, но с довольно высокою ценою они соединяют еще один недостаток: петля сделана из железной проволоки, вследствие чего ржавеет и портит лесу. Способ привязывания конического грузила к лесе показан на прилагаемом рисунке (рис. 34).

Всего лучше, особенно на очень быстром течении, донное грузило, употребляемое в Англии; оно состоит из угловатого (по большей части плоского) куса свинца с довольно широким продольным отверстием, через которое проходит лесе; для того чтобы грузило не могло съехать на крючок, в известном расстоянии от последнего (от 4 до 6 вершков) к лесе прищипывается дробица, величина которой зависит от ширины отверстия грузила (рис. 35).

Так как этого рода грузила в продаже у нас совершенно не встречаются, то нелишнее описать самый простой способ делать их дома. Берут известковый или другой какой-нибудь мягкий камень и обтесывают одну его сторону как можно тщательнее, так, чтобы получить совершенно ровную поверхность дюйма в 3 длины при 2-х ширины; на этой поверхности начерчивают форму грузила и вырезают ее на глубину от 1/4 до 1/2 дюйма. На краях *a* получившейся формы вырезают по гнезду, в которые вкладывается проволочный гвоздь *b* (рис. 36); толщина последнего изменяется сообразно с требуемою шириною отверстия грузила. Глубина каждого гнезда должна равняться половине глубины формочки плюс половина толщины гвоздя; вложивши гвоздь, гнезда сверху замазывают хлебным мякишем. Формочка наливается вровень с краями свинцом, последнему дают остыть, затем вынимают его и вытаскивают из него гвоздь; если получившееся грузило будет не совсем ровно, можно подравнять его подпилком. Кто не желает возиться с отливкой, тот может только впаять в грузило плоской формы медное ушко.

Рис. 34. Коническое грузило

Рис. 35. Плоское донное грузило

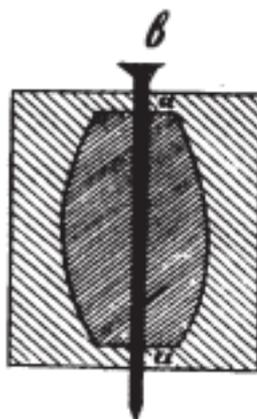

Рис. 36. Формочка для отливки плоских грузил

При употреблении этого рода грузил можно различить малейшую поклевку, так как клюющая рыба прямо тянет за леску.

Приготовление лота

Лот (или грузильце) служит для измерения глубины в месте ужения и необходим при правильной ловле с поплавком. Простейший способ измерения глубины – плосковатым камнем (в 1/2 вершка диаметром или более, смотря по величине поплавка), обвязанным накрест (очень туго) тонкой бечевой, за которую задевается крючок удочки. Настоящий лот делается обыкновенно из свинца. Форма таких лотов различна. Самые простые состоят из круглой просверленной пули или пломбы (продающейся в москательных лавках), причем сквозь отверстие продевается тонкая бечевка и крепко завязывается. Более совершенные лоты делаются из обыкновенной конической пули, сверху которой делается надруб, в котором закреп-

ляется ударами молотка медное проволочное ушко. В проволочное ушко пропускается крючок с поводком, а загиб крючка вкладывается в нижнюю выемку пули. Другие делают лот из полоски листового свинца в 1 миллим, толщины, от 6–10 д. длины и 1 д. ширины (рис. 38, II, в). При употреблении разворачивают немного полоску, вкладывают крючок и опять завертывают полоску. Москворецкие рыбаки употребляют для измерения глубины воды четырехугольный кусок свинца в 1/2–3/8 дюйма толщины, 1 дюйм длины и около 3/4 дюйма ширины. Кусок этот разрезан на три четверти (в длину) так, что его половины легко разжать настолько, чтобы вложить лесу или поводок в более широкую часть разреза; когда леса вложена, обе половинки сжимают так, чтобы лот краем лежал на сгибе крючка (рис. 38, II, с). Самый же удобный лот состоит из свинцового конуса или пирамиды, обыкновенно усеченных, и в верхнем конце снабжен медным колечком, а в нижнем – довольно толстой пластинкой пробки (рис. 38, II, а). Крючок продевается сквозь кольцо и втыкается в пробку. При таком лоте крючки не так скоро тупятся и не задевают за неровности дна.

Приготовление отцепок

Так как при ужении, в особенности на донную, крючок при вытаскивании удочки зацепляет за коряги, камни или подводные растения, то необходимо до начала сезона запастись отцепкою.

Самый удобный и доступный отцеп – сибирский, который употребляется при блесне. Он состоит из свинцового кольца четырех дюймов в диаметре, и сделать его очень не трудно. Нужно взять медный подсвечник грузочком и налить в него фунта полтора расплавленного свинца. Когда последний остынет, его вынимают, просверливают сбоку отверстие а (рис. 37) для бечевки и обравнивают края напильком. Отверстие кольца должно быть настолько велико, чтобы в него свободно проходил комель удилища.

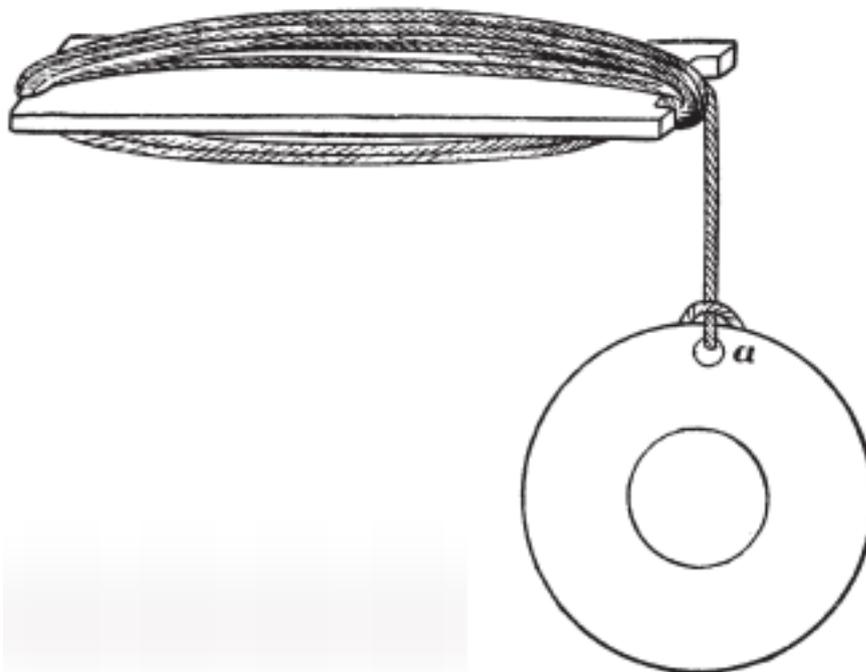

Рис. 37. Сибирский отцеп

Продажные отцепы имеют форму глухого кольца, внизу утолщенного и снабженного зубьями (см. III, а и в, рис. 38) или без зубцов. Такие отцепы делают также открывающимися, но это необходимо только для ужения с катушкой. Есть еще отцепки в виде якорька в 4–5 вершков с 3–4 лапками, концы которых несколько приплюснуты; стержень якорька

обыкновенно облит свинцом (рис. 38, III, с). Последняя отцепка употребляется иначе, чем все предыдущие: ее закидывают несколько далее того места, где зацепился крючок, и потом понемногу притягивают к себе, причем нередко удается сразу захватить и вытащить корягу или другой подводный предмет с засевшим в него крючком. Обыкновенные же кольцообразные отцепы продевают сквозь удилище, и они, сбегая вниз по лесе, доходят до крючка и своею тяжестью отцепляют его, а в том случае, если снабжены зубцами, то зацепляют подводный предмет, который и вытаскивается на берег. Понятное дело, бечевка, к которой привязан отцеп, должна обладать значительною крепостью. Лучше всего запастись для нее толстой голландской бечевой. Длина бечевки зависит от глубины обычных мест ужения, но не должна быть менее 3 сажен.

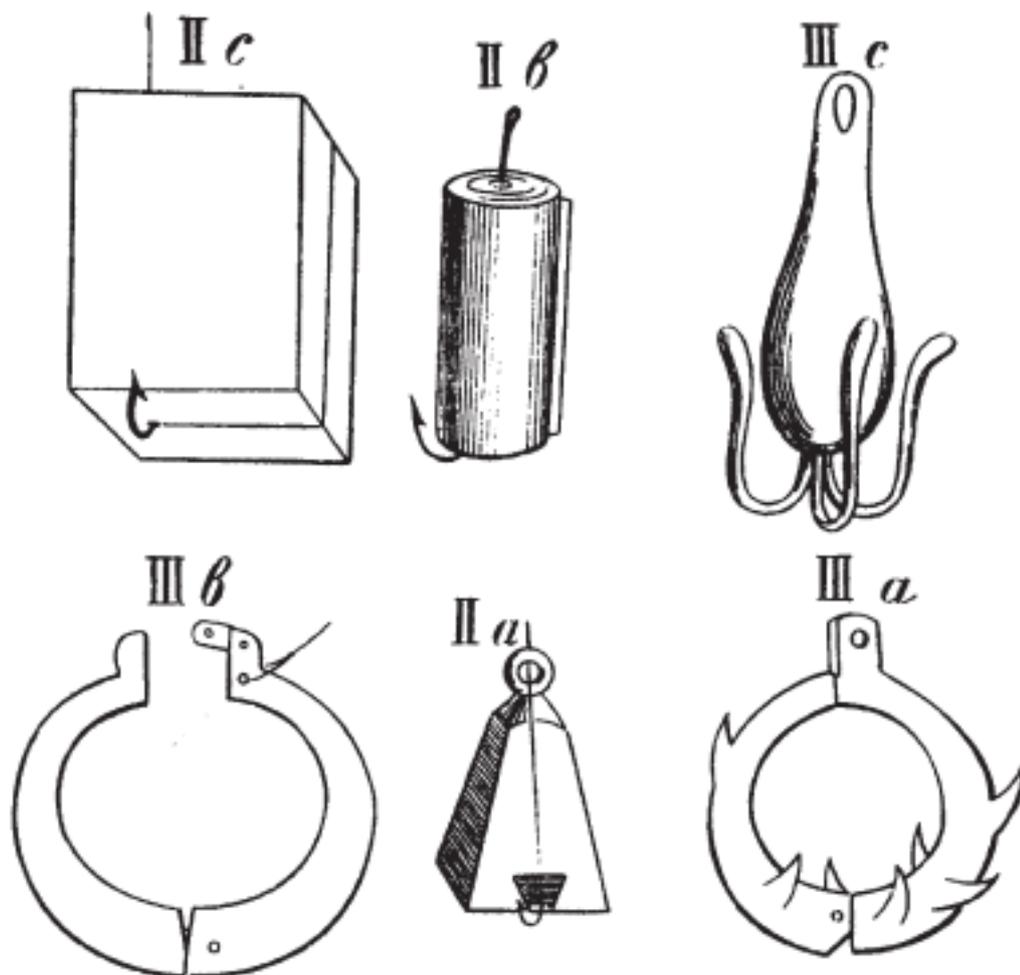

Рис. 38

IIа. Пирамидальный лот с пробкой в основании

IIв. Лот из полоски свинца

Iс. Лот из надрезанного кубика свинца

IIIа. Раздвижной отцеп с зубцами

IIIб. Раздвижной отцеп гладкий

IIIс. Отцеп в виде якорька

Для зимнего ужения в Сибири употребляется особого рода отцеп, при котором нет надобности в бечевке. Отцеп этот будет описан ниже (см. ноябрь).

Рыбачья лодка

Самая удобная лодка для ужения – плоскодонная, а потому достаточно охотнику всего лучше заказать таковую со всеми нужными приспособлениями. Но нетрудно сделать довольно удобную рыбачью лодку из обыкновенной *косной* лодки средних размеров, с *рулем* и на двух *веслах*, помещенных в *уклучинах*. Для этого необходимы следующие приспособления.

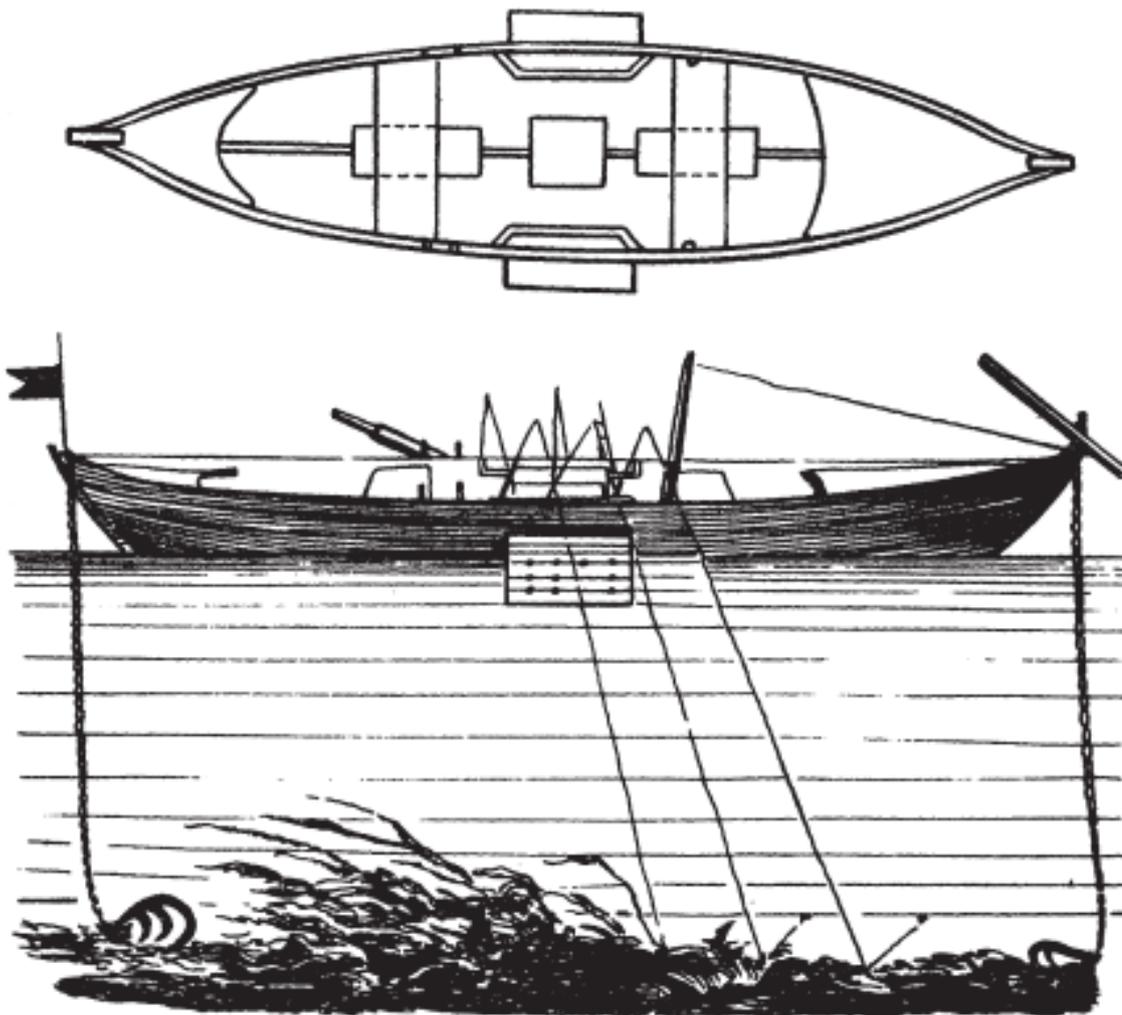

Рис. 39. План и рисунок рыбачьей лодки

К *корме* лодки и к ее *носу* привинчиваются кольца, на которых висят два *якоря*, настолько тяжелые, чтобы держать лодку на одном месте при ветре и течении.

Руль должен приподниматься и закрепляться на *корме* так, чтобы в случае остановки он держался на *весе* над *водою* и не мешал бы *неподвижности* лодки, необходимой для удобного ужения.

Вместо средней скамьи устроен прикрепленный к *дну* лодки *стол* или *шкаф* с *запором*. На верхней доске его придется и *трапезовать*, и *работать* над *поправкою*, *починкою* и *составлением* *удочек* и других *снарядов*, в *запертом* же *помещении* можно *держать* всякие *припасы* и *материал*.

Для *помещения* того же *материала*, *припасов* и *снарядов* *везде*, где *можно*, устроены *ящички* и *затворы*, а именно: *под носом* лодки, *под кормою* (т. е. *под досками* *носовой* и *кормовой*) и на *дне* ее по *срединной* *линии* под *двумя скамьями*.

На краях лодки, близ скамьи, соседней с кормой, должны быть привинчены медные *трубки*, в которые войдут два *шеста*, сходящиеся свободными концами в угол и составляющие таким образом с веревкою, протянутой от вершины угла к оконечности кормы, основание для *шатра* или *шалаша*, на которое накидываются две треугольные полосы парусины, сшитые вместе. Шатер – необходимая защита от солнца.

По бокам лодки приделаны параллельно верхним краям его две *планки*, служащие для поддержки концов удильников, положенных на края лодки.

В краях лодки (обшивке ее) над кормовой и носовой досками для той же цели – постановки удильников – имеются *дыры*.

По обоим бокам лодки к подводной ее части приделаны два *жестяных ящика-садка* с крышками и запорами для живцов. Ящики эти несколько выше линии, отделяющей надводную часть от подводной, предполагая даже полное нагружение лодки, чтобы живцы не выскочили из них, когда придется их открывать. Немного ниже поверхности воды на стенках ящиков идет ряд отверстий, при помощи которых вода в ящиках сообщается с внешнею водою. Отверстий над водяной поверхностью в стенках ящиков может быть несколько рядов – для беспрепятственного возобновления воздуха над водою, находящеюся в ящике. При таких условиях вода в ящиках будет всегда свежая, и даже при самом быстром ходе лодки рыбу, в них находящуюся, не будет напором воды придавливать к одной из стенок ящика. Ящики эти сидят крепко, но не наглухо, потому что по временам придется их снимать и выкидывать накопившийся в них сор.

На такой лодке можно проводить целые сутки, переносясь с места на место со всеми снастями, снарядами, материалом и припасами для ужения и ловли рыбы, всегда имея в запасе свежую наживу и останавливаясь для ужения на любом месте.

Относительная крепость удилица, лесы и поводка

Самую ценную часть удочки, несомненно, составляет удилице. Хорошее цельное удилице достать трудно, а хорошее складное хотя и хуже посредственного цельного (для ужения без катушки), но стоит несколько (до 10 и более) рублей. По этой причине лучше, если рыба будет обрывать лесу, чем ломать удилице, и к последнему, стало быть, должно привязывать лесу такой крепости, чтобы она рвалась прежде, чем можно рисковать сломать удилице. Это нетрудно испробовать на небольшом (аршина в два) куске лесы (волосяной, шелковой).

В свою очередь, леса, какая бы она ни была, ценнее поводка с крючком, и во всяком случае лучше потерять один крючок с поводком, чем и крючок, и поводок, и большую часть (если не всю) лесы. А потому никогда не следует навязывать к леске жилковые или другие поводки, более крепкие, чем сама леска. К тому же чем тоньше поводок, тем рыба берет охотнее насадку.

Наконец, величина и крепость крючка также до некоторой степени должны соответствовать крепости остальных частей удочки. Чем меньше крючок, тем удилице должно быть гибче, леса и поводок тоньше. Если же это условие не выполнено, то крючки будут при подсечке, необходимо более энергичной, чем бы следовало, разгибаться или ломаться. Наоборот, никогда не следует навязывать на тонкие поводки больших крючков, потому что такие поводки скоро изнашиваются у завязки.

Апрель

Общие замечания о клеве рыбы

Процесс схватывания и проглатывания насадки рыбою называется *клевом*; рыба *клюет* – значит ест насадку.

Характер клева зависит от многих условий: от самой удочки, формы и величины ее частей, от насадки, вида рыбы, размера ее сравнительно с величиною насадки, крючка, поплавок и проч., от степени голода рыбы, времени года и дня, от состояния погоды, количества воды, прибыли и убыли ее, от свойства и характера местности, в которой производится ужение, и проч., и проч.

Вообще говоря:

1) Клев энергичнее раннею весною и позднею осенью, чем летом, т. е. рыба берет чаще и жаднее.

2) Летом лучший клев бывает вслед за рассветом, средний – вечером и худший – среди дня.

3) Чем ближе время года к ранней весне или поздней осени, тем лучше берет рыба среди дня, и, несомненно, есть такие дни, когда лучший клев рыбы приходится среди дня.

4) Пасмурные дни приравняются к весенним и осенним дням, т. е. рыба берет хорошо и среди дня.

5) Перед метанием икры, а в особенности после нереста, всегда замечается усиление клева.

6) Прибыль или убыль воды заметно отражается на клеве, а именно: чем больше прибавит воды, тем хуже клев, и наоборот.

7) Ветер и до известной степени холод всегда благоприятствует клеву, особенно на донные удочки; затишье и жар – наоборот.

8) Мутность воды мешает хорошему клеву, прозрачность ее большею частью отзывается на нем благоприятно.

9) Чем жирнее вода, т. е. чем более содержит она органических примесей, тем хуже клев, и наоборот.

10) Всякое скопление, скучение находящихся в воде организмов и органических частей на небольшом пространстве усиливает клев в том пространстве.

11) За некоторыми исключениями, чем более отличается какое-нибудь пространство в данном бассейне воды от остального пространства того же бассейна, тем более шансов встретить в нем хороший клев; напр., в узких речках – расширяющиеся водоемы, в широких реках – узкие части, в глубоких водах – отмели, в мелких – ямы, в стоячей воде – протоки, в текущей – заливы, затоны и пр., и пр.

Переходя к тем особенностям клева, для которых у рыбаков существуют особые названия, прежде всего следует различить два периода клева: первый период, когда рыба *берет*, т. е. когда она обхватывает насадку, помещает ее себе в рот; и второй период, когда рыба *взяла*, т. е. когда можно с уверенностью сказать, что насадка находится у рыбы в полости рта, насколько насадка может только войти в нее. Уметь различать эти периоды при различного рода клеве, уловить момент, когда кончается первый и начинается второй, и составляет главнейшую задачу ужения.

Слова «берет», «клюет» употребляются в общем смысле и для обозначения более продолжительного клева, но если поплавок выводится на мгновение из спокойного состояния и тотчас возвращается в него, говорит, что рыба *клюнула*.

Последовательный ряд таких движений рыбы и наплава (поплавка) выражается словом *дробит*.

При всяком возвращении наплава в прежнее состояние говорят, что его *отпустило*. Это возвращение сопряжено с выпусканием рыбою насадки из рта, и, если рыба совсем отойдет от насадки, испугавшись чего-нибудь или почувствовав крючок, и за возвращением наплава в прежнее положение не последует его уклонения, говорят, что рыба *бросила* насадку. В таких случаях необходимо вынимать удочку, осматривать и исправлять или менять насадку.

Часто одним движением около крючка рыба, в особенности крупная, обуславливает легкое уклонение наплава от прежнего положения. Говорят тогда, что наплав *качнуло*.

Из сего ясно, что клюнуло, качнуло, задробило еще не значит взяло, а скорее значит, что только берет или собирается брать.

Но если наплав из вертикального положения принял вдруг положение горизонтальное, если, как говорят, его *положило*, то это почти несомненный признак, что рыба держит насадку во рту, заглотала ее и, поднявши грузило, рассвободила наплав. Вслед за этим рыба или *повернет* наплав, т. е. даст ему уклонение в горизонтальном же положении и *поведет* его по поверхности воды (это в том случае, когда рыба пойдет если не приближаясь к этой поверхности, то параллельно ей), или *погрузит* наплав и *потянет*, поведет его на дно в наклонном положении. Это бывает тогда, когда рыба в дальнейших своих движениях будет удаляться от поверхности воды. Когда наплав исчезнет под поверхностью, говорят – его *утащило*.

В половине случаев, когда рыба повела наплав, можно считать, что она взяла насадку. В другой половине это служит признаком или того, что рыба забирает, старается захватить насадку, на что указывает ряд мелких побочных движений наплава, помимо движения в главном направлении, или признаком того, что рыба не желает или не может сладить с насадкою и схватила ее не всю, а только за какую-нибудь выдающуюся часть – за кончик, за краешек. Последнее в большинстве случаев бывает с мелкою рыбою, и самая быстрота, порывистость движения покажет рыбаку, в чем дело. В обоих случаях, конечно, рыба берет, но еще не взяла. Из вышеприведенного правила существуют исключения, но уловить их все и систематизировать весьма трудно.

Верным признаком того, что рыба взяла, служит то, когда в одно и то же время дробит и ведет непрерывно.

Внезапное, сравнительно медленное и непрерывное погружение наплава на дно или уклонение в сторону выражается словом *тянет* и служит признаком того, что насадку сразу захватила крупная, ленивая, неповоротливая и широкоротая рыба.

Внезапное, быстрое погружение наплава на значительное расстояние от поверхности воды, когда наплав нырнет, как говорится, *на дно*, служит довольно верным признаком, что рыба обхватила насадку, взяла ее, но указывает почти всегда на сравнительно малую величину рыбы.

Таковы главные черты и особенности клева на удочках с наплавами; клев же на донных удочках проявляется не в движении наплава, которого там нет, а в движении самой лесы, замечаемом по движению точки, в которой леса пересекается с водой, или по толчку, чувствуемому рукою рыбака, держащего удильник. В каком бы натянутом положении от действия течения ни была леса, она, во-первых, всегда может быть вытянута еще более рыбою, взявшею насадку, и, во-вторых, двигаться свободно по всякому направлению, не совпадающему с ее собственным направлением (от удильника к крючку). Поэтому рыба, схватившая приманку, взяв насадку, во-первых, вытянет лесу и, во-вторых, пойдет по направлению, представляющему ей наименьшее сопротивление, т. е. снизу вверх, так как леса идет сверху вниз. И в том и в другом случае в положении лесы произойдут весьма заметные изменения: точка пересечения лесы и воды начнет удаляться от места прикрепления удильника,

а вследствие этого угол, образуемый удильником и лесой, – увеличиваться, а угол, образуемый последнею и водою и лежащий по ту же сторону лесы, как и предыдущий угол, – уменьшаться. Постоянное, последовательное без перерыва изменение в этом смысле укажет на то, что рыба ведет, а следовательно, взяла. В этом случае говорится, что лесу *натягивает, натянуло*. Одно или ряд порывистых движений лесы, толчков укажет на клев другого характера, который при ужении с наплавами выражается словами: *клюнуло, дробит, берет*.

Правила подсечки рыбы

Движение лесы при подсечке и движение рыбы должны совпасть в одном моменте, и притом в разных направлениях. Это же совпадение может случиться, лишь когда подсечка будет быстрая и когда леса, находясь в сравнительно натянутом положении, передаст рыбе окончательный толчок, достаточный для того, чтобы посадить крючок в мягкие части ее пасти. Поэтому подсечка в тот момент, когда рыба положила наплав, б. ч. неудобна, так как движение наплава может быть почувствовано рыбою раньше, чем выпрямится изогнутая часть лески между наплавом и крючком, и рыба до окончательного толчка может бросить приманку. Поэтому также сдающие удильники, тяжелые, разбухающие, оседающие лески, требующие некоторого усилия и некоторой потери времени, чтобы прийти в натянутое положение, совершенно портят подсечку. Неумелые рыбаки, дающие удильнику боковое движение или, что еще хуже, подтягивающие перед подсечкою удильник к себе, сообщая лесе предварительное движение и предупреждая этим движением рыбу, также портят подсечку; о плескании концом удильника в воде, конечно, нечего и говорить; рыбаку непозволительно держать удильник в воде. Наоборот, хорошая подсечка бывает, если рыба взяла и ведет наплав или натягивает леску, и рыба, не дожидаясь окончания этого благоприятного движения, без всяких лишних с своей стороны движений мгновенно и решительно приведет удильник из положения наклонного в вертикальное – и вытянет лесу. Самый звук, производимый при этом лесой, похожий на свист, а не на хлопанье или полосканье, указывает на доброкачественность подсечки.

При подсечке следует избегать другой крайности – несоразмерно сильного и широкого движения удильника, при котором или рыба вылетает из воды с разорванным ртом и падает далеко на берег, или леска лопается и крупная добыча, показав рыбаку хвост, уносит крючок в воду. Подсечка должна быть лишь настолько сильна и размашиста, чтобы вытянуть всю лесу от удильника до рыбы. Тогда, почувствовав добычу, с которой имеешь дело, можно вторым размахом вышвырнуть ее на берег или тихонько вытянуть из воды или, если она особенно крупна, добыть при помощи особых приемов и вспомогательных снарядов.

Подсечка бывает особенно удачна при ловле на донные удочки без наплава, так как там можно следить за клевом и глазом, и рукою и придать движению лесы при подсечке направление прямо противоположное движению рыбы, размах и силу, соразмерные с положением лесы и величиною рыбы. При отсутствии наплава, всегда несколько задерживающего подсечку, при натянутости лесы подсечка на донной лесе может быть исполнена превосходно: нужно только, чтобы первый невольный импульс движения, недостаточный на подсечку, не сообщил бы по лесе рыбе ранее окончательного толчка, так как передача движения от крючка к руке и от руки к крючку в донной удочке доведена до сильнейшей степени чувствительности и тонкости. Посему первое движение при подсечке должно быть сделано в направлении, согласном с движением рыбы, т. е. необходимо предварительно несколько ослабить лесу, *подать* удильник ближе к рыбе и воде и затем уже дать ему быстрое и решительное движение в направлении противоположном.

Ужение ранней весной

Хотя в полоую, мутную воду ловят немногие рыболовы, но в это время рыба голоднее и берет очень хорошо, особенно на запруженных реках, где полая вода не стоит выше поднятой. Ловят только на донную, с тяжелым грузилом, вес которого надо убавлять по мере того, как течение становится тише. Насадкою служит непременно красный навозный червь, который в мутной воде виднее и, кроме того, весной чаще попадает рыбе, чем в другое время года. Всего лучше на запруженных реках выбирать для ловли мелкие места с песчаным дном; если нельзя ловить с берега, то закидывают удочки с лодки.

Ловля рыбы наметом

Намет имеет следующее устройство: к длинному шесту, сделанному из возможно легкого дерева, прикрепляется деревянная дуга или же просто на конец шеста насаживается легкая перекладина в 1 1/2–2 1/2 арш. длиною. Концы этой дуги (или перекладины) соединены веревочками приблизительно с 1/3 шеста, так что образуется круговой сектор или треугольник, на который насаживается более или менее глубокая (не менее аршина глубины) и более или менее частая сетка, связанная из крепких льняных ниток.

Ловить наметом рыбу можно только при следующих условиях: вода должна быть мутная; ловлю лучше производить вечером или ночью. Условия эти потому необходимы, что ночью рыба спит; притом же при мутной воде она держится ближе к берегу. Кроме этих двух весьма важных условий, рыбаку необходимо знать приблизительно дно той части реки, где он будет *сакать* наметом. Самая ловля производится следующим образом: с наметом в руке рыболов идет по берегу, у самой воды, и через каждые 10–15 шагов тихо опускает намет в воду; для этого берут свободный (толстый) конец шеста, сак выправляют так, чтобы сетка лежала на шесте, и таким образом заносят намет в реку, осторожно кладут на поверхность воды и сильно нагнетают шест, стараясь скорее погрузить сак в воду. Тогда быстро тащат намет по дну, пока наконец совсем не вытащат на берег. Во все это время необходимо плотно прижимать намет ко дну реки. Вытащив таким образом намет, переворачивают его так, чтобы сетка была на весу и сектор обращен вверх, вынимают рыбу, затем намет встряхивают, чтобы освободить от частиц воды и всякого попавшего в него сора, и идут далее.

Лучшее время для ловли наметом, конечно, весна, когда реки полны мутной водой; особенно же хорошо ловить во время ледохода, когда напором льда рыба подгоняется к берегу, и тут-то в отверстия, время от времени открывающиеся между льдинами, опускают намет.

Лучшие места для ловли рыбы наметом – это травянистый и низкий берег, потому что трава – притон мелкой рыбы и щук. Песчаный тоже ничего, хотя щуки тут почти никогда не встречаются. На песчаных местах попадает больше мелочь. В местах каменистых ловят ночью наметом раков. Ловить их можно и при светлой воде, только непременно ночью. Места же ломистые совсем для ловли наметом не годятся.

В намет попадает вообще мелочь; из крупных же рыб почти исключительно щуки. Редко-редко судак, налим. Лещ еще реже.

Бой щук острогой и стрельба ее во время нереста

Раннею весной, когда щука трется и подходит к берегам, ее в большом количестве бьют острогой, б. ч., впрочем, простые рыбаки. Для рыбаков-любителей эта охота слишком трудна и не может доставить такого удовольствия, как лученье осенью (иногда позднюю весной) с лодки. Она требует большой сноровки, терпения и выносливости, так как нередко прихо-

дится бить в накидку, кидая острогу, как дротик, долго стоять, выжидая рыбу на удобное расстояние, и стоять притом в холодной воде. Острога для весеннего боя щук значительно отличается от остроги, употребляемой для лущения: ратовище ее много длиннее, достигает длины 2 и более сажен и должно соединять легкость с крепостью. Легкость снасти здесь – необходимое условие, а потому и самая острога делается из более тонкого железа; зубцов от семи до двенадцати, а ширина ее от 5 до 8 вершков. Заметив приближающуюся щуку или целую артель щук, т. е. самку, окруженную несколькими самцами (более тонкими и мелкими), рыболов выжидает их, держа острогу наготове, и, улучив удобный момент, вонзает ее в плывущих рыб, причем ему иногда удается зацепить сразу двух, даже трех. Если они плывут слишком далеко от него, на расстоянии 3–4 сажен, и острога не хватает до них, рыбак бросает в них острогой, выпуская ее из рук.

Гораздо удобнее в это время бить трущихся щук из ружья. Они плывут почти на поверхности воды, и попасть в них дробью, б. ч. на расстоянии 10–20 шагов, очень легко, если только не употреблять полных зарядов и целить под жабры. Это одна из самых веселых охот, и кому желательно поубавить количество щук в пруде, тому можно посоветовать прибегнуть именно к стрельбе их во время нереста. Необходимо только иметь на всякий случай лодку поблизости.

Различные способы насаживания живцов

- 1) Острие крючка (обыкновенно одиночного) пропускают чрез ноздрю живца.
- 2) Живца задевают крючком (одиночным или двойным) за спину около спинного плавника так, чтобы живец, если поднять его на крючке, имел горизонтальное положение.
- 3) Продевают поводок сквозь рот и жабру живца так, чтобы крючок (двойной) торчал у него изо рта. Для того чтобы живец ходил естественнее, поводок иногда пропускают при помощи иглы под спинным плавником (рис. 41).
- 4) Протыкают (одиночным) крючком через рот, голову у глаза, не повреждая мозга.
- 5) Живцу вводят (посредством иглы) поводок в рот и выводят через задний проход; при некоторой сноровке можно это сделать не повреждая живца, который будет долго ходить (рис. 42). Способ этот в большом употреблении у рыбаков Оки, только они обходятся при этом без иглы, которую заменяет сам поводок, сделанный из вдвое скрученной медной проволоки, в ушко которой вложена петля поводка.

Рис. 40. Через ноздрю

Рис. 41. Через рот и жабру

Рис. 42. Через рот и задний проход

б) Впускают в спину живца на $\frac{1}{8}$ вершка от головы и выводят у начала спинного плавника. Поводок протаскивается вслед за иглой и задерживается рожками крючка, которые совершенно плотно прилегают к спине живца, так что взявшая насадку рыба только тогда заметит присутствие крючка, когда он вонзится ей в горло или в желудок (рис. 44). Еще лучше продевать таким же образом двойной крючок, но уже сбоку (рис. 43).

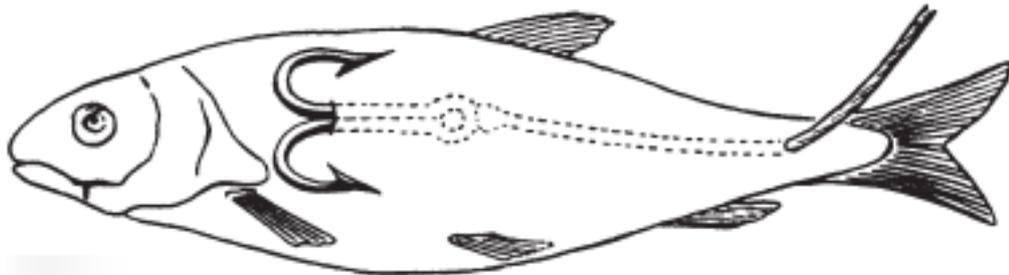

Рис. 43. Живец, прошитый сбоку

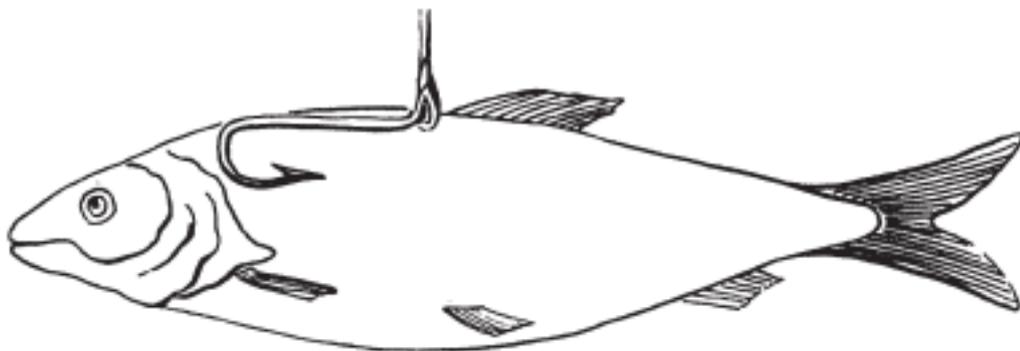

Рис. 44. Живец, прошитый за спину

При некотором навыке этим способом можно насаживать чрезвычайно быстро, повреждая притом живца так мало, что иногда он живет до трех суток.

При ловле хищной рыбы на *жерлицы* большей частью насаживают живца на одиночный крючок; при *уженьи* же необходимо употреблять двойные крючки или же, еще лучше, тройные. Самая лучшая форма двойных крючков представлена на рис. 45 и 46, но, к сожалению, крючки эти встречаются у нас в продаже довольно редко. Тройные крючки (рис. 47, с укороченным поводком), или якорьки, бывают и с кольцами, и с опиленными стержнями.

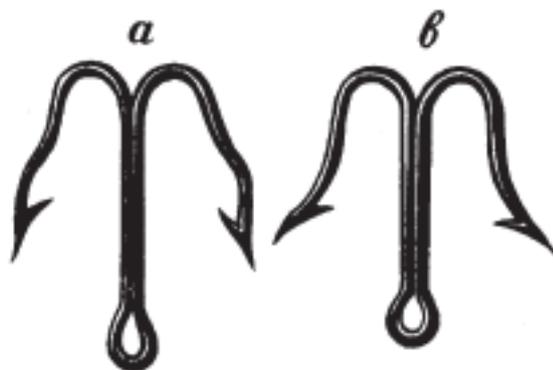

Рис. 45 и 46. Жерличные крючки

Рис. 47. Тройной крючок (якорек)

Способы насаживания живцов для немедленной подсечки

При обыкновенных способах всегда приходится выждать некоторое время для того, чтобы дать хищнику, особенно щуке, время заглотить насадку. При *уженьи* щук, а также если они берут вяло и, подержав живца во рту, выплевывают его, гораздо удобнее снаряд, состоящий из тройного крючка (больше или меньше), привязанного к басковому поводку, и одиночного крючка, привязанного на расстоянии 1/8 или 1/4 вершка над тройным.

Одиночный крючок зацепляют за спинку живца, а тройной свободно висит сбоку (рис. 48 и 49).

Рис. 48. Якорек с добавочным крючком

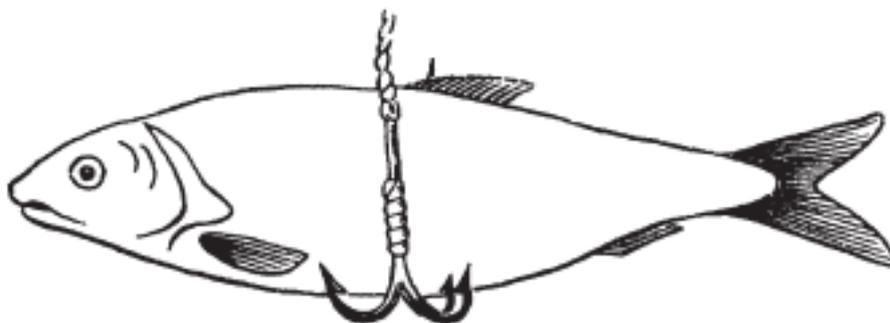

Рис. 49. Насаживание живца за спинку с якорьком, висящим сбоку

Но так как живцы при одинаковой длине имеют различную ширину (например, плотва и елец), то при одиночном крючке, привязанном наглухо, к баску, якорек висит то слишком высоко, то слишком низко. Для устранения этого неудобства предлагаются два способа:

1) берут одиночный крючок (лучше всего прямой, т. е. с жалом, не повернутым в сторону) и к стержню его припаивают две петельки из медной проволоки – одну вверху, другую ближе к сгибу (рис. 50, нижняя петелька не обозначена). Если крючок имеет лопаточку, то ее предварительно следует отломить и несколько опилить стержень, иначе, когда петли будут припаяны, он будет слишком толст. Кому лень паять, тот может *привязать* петли, крепко обмотав их вместе с стержнем хорошим шелком, который затем должно пролакировать. Петельки должны быть настолько широки, чтобы через них свободно проходила петля баска, к которому привязан якорек: при соблюдении этой предосторожности всегда можно без труда снять или надеть крючок. В нижнюю петлю крючка вдевается поводок, протаскивается сквозь нее до тех пор, пока между якорьком и крючком будет требуемое расстояние, обертывается раза 2 или 3 вокруг стержня крючка и пропускается в верхнюю петлю. Остается потянуть за концы баска выше и ниже крючка, обороты затянутся, и крючок будет совершенно неподвижен. Для передвижения его достаточно ослабить несколько обороты баска, которые снова затягиваются, когда крючок будет поставлен на требуемое место. Крючок должен быть достаточно толст, чтобы не сломаться в случае, если при подсечке вместо якорька он вонзится в рот щуки;

Рис. 50. Крючок с передвижным поводком

2) берут якорек, привязанный к басковому поводку, и вкладывают петлю последнего в ушко иголки, которою прокалывают спину живца поперек. Протасив иглою басок с якорьком так, чтобы последний стал на надлежащее место, игла опять вводится в живца, рядом с тем местом, где была введена первый раз, но выводится в самую средину спины так, что басок образует петлю, какая делается, чтобы завязать обыкновенный узел (рис. 51).

Рис. 51. Привязывание живцов

Этим способом можно при некоторой привычке насаживать очень быстро; но для этого необходимо, чтобы басок был не очень толстый и *непреренно* мягкий. Это последнее свойство можно придать ему, обработав его хорошенько пальцами; процедура эта вернее всего может быть сравнена с приемом, который употребляют, когда хотят отстирать крепко въевшееся в ткань пятно.

Ужение щук весной с берега

В середине апреля кончается нерест щуки, после которого наступает для нее период жора, в продолжение которого щука жадно ест все, что только ей попадает. В это время щук надо искать в неглубоких затонах, около коряг, около берегов с небольшими заливами, над которыми нависли прибрежные деревья, в тихих и неглубоких заливах, особенно тех, берега которых покрыты прошлогоднею растительностью.

Удильник должен быть длинный и умеренно гибкий, лучше всего березовый.

Лесу можно употреблять волосяную, пеньковую или шелковую. Волосяная должна быть толстая, волос 12–18: если же в данной местности щуки очень крупны, то вместо более толстых лес волосяных лучше употреблять английскую бечевку или шелковую непромокаемую лесу из сырца.

Поводок делается из басовой скрипичной струны, которая должна быть возможно тонка и не короче 5-ти вершков. Так как струна покрыта посеребренной проволокой, то, чтобы сделать ее менее приметной и лишить блеска, нужно перед тем, как пустить в дело,

положить на несколько минут в раствор сернистого калия, отчего она быстро чернеет. Можно также счищать серебро пемзой или мелким подпилком. Кроме басовых поводков, употребляют еще проволочные, но это можно допустить в крайности – при совершенной невозможности достать басок, так как проволока замедляет движение живца и держит его в совершенно неестественном положении.

Поводок соединяется с лесой обыкновенным способом, т. е. петля поводка продевается в петлю на конце лесы. Но для того чтобы живец, плавая, не закручивал лесу (особенно шелковую), весьма полезно употреблять т. н. *карабинчики*. Различные формы их и способы скрепления их с поводком и лесой представлены на рис. 52 и 53.

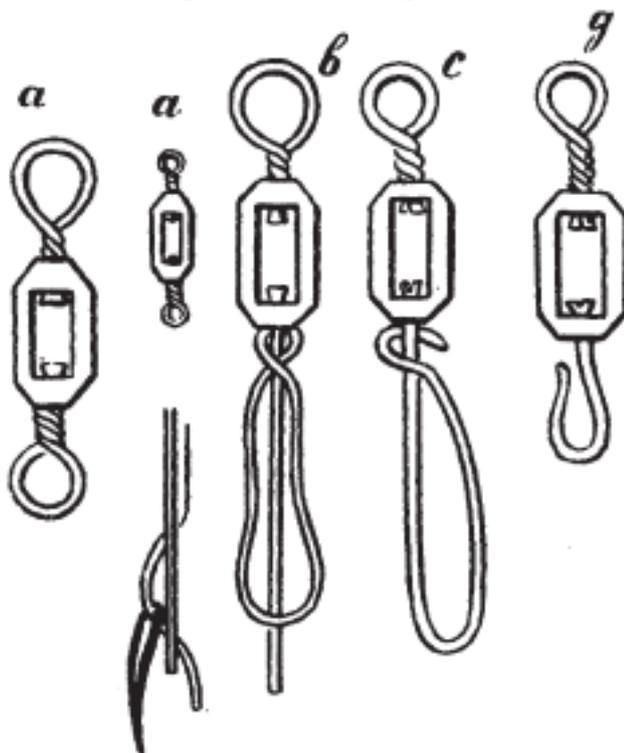

Рис. 52. Формы карабинчиков

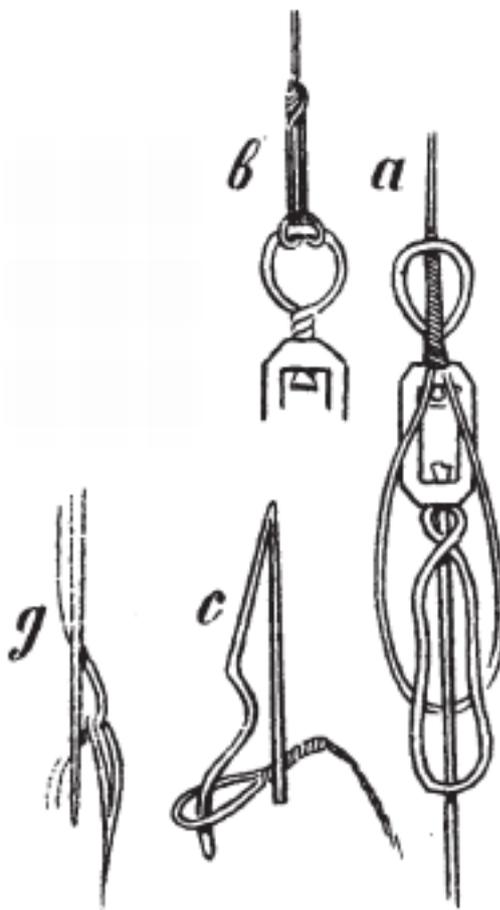

Рис. 53. Соединение карабинчика с лесой и поводком

Крючки употребляются предпочтительно двойные или тройные различной величины, смотря по надобности.

Поплавок делается б. ч. из пробки, грушевидной формы; он на воде устойчив и не позволяет живцу погружать его в воду.

Насадкою служит предпочтительно такая небольшая рыба, которая в воде более заметна, напр. плотичка, голавлик, подлещик, елец. Способы насаживания описаны выше, но при ужении лучше употреблять способы, назначенные для немедленной подсечки.

Насадку надо пускать неглубоко, приблизительно на половину расстояния между поверхностью воды и дном. Только в очень мелких местах можно пускать глубже.

Насадив живца, закидывают его без шума, притом опуская его в воду легко, а не ударяя по воде. Если поблизости есть щука, то она не замедлит явиться, что и будет замечено рыболовом по мгновенному исчезновению поплавка; подсекать и тащить после поклевки не следует, так как щука имеет обыкновение, взявши насадку, протащить ее и затем уже заглатывать, так что когда после исчезновения поплавка будет замечено, что леса поведена в какую-либо сторону, то в то же время следует удильник *сдать* рыбе в том же направлении; иногда приходится сделать по берегу несколько шагов, прежде чем щука остановится. Когда леса перестанет резать своим движением воду, значит, щука остановилась, тогда наступил момент подсечки. Подсечка должна быть энергичная и не вверх, а в сторону; после подсечки нужно щуку тащить – это наиболее трудный момент ужения. Если щука порядочная, то, почувствовав во рту крючок, она начинает употреблять все усилия, чтобы освободиться от него. Главная задача в том, чтобы не начинать тащить до тех пор, пока рыба не завернута головой по направлению к берегу. Пока рыба не завернута, ей надо сдавать удильник, насколько это возможно. Сдавая удильник, мы спасаем снасть от возможной ломки и вместе с тем утом-

ляем рыбу, которая вскоре сдастся и ходко подводится к берегу, где ее надо подхватить подсачником или руками под жабры. Если нет необходимости водить рыбу, то можно ее прямо подтаскивать к себе.

Ловля на жерлицы

Жерлица состоит из рогульки, на которую наматывается крест-накрест бечева с басковым или медным поводком и крючками на конце. *Рогульки* делаются из ивняка, жимолости, березы, можжевельника и т. п. и должны быть правильные, с довольно толстыми рожками, концы коих для заземления бечева раскальваются или же распиливаются неглубоко тонкой пилкой (лобзиком). Рогульки полезно окрашивать в темно-зеленый или коричневый цвет. Бечева всего лучше английская: толщина ее зависит от величины ловимой рыбы. Чтобы новая бечева не крутилась, ее следует вымочить в воде в продолжение 10–12 часов, затем вытянуть и просушить; еще лучше такую рассученную бечеву просмолить, как сказано выше. Длиною бечева делается от 10 до 20 арш. В корягах и узких местах реки лучше короткая, а в чистых и широких – длинная бечева. Петля на конце бечева должна быть настолько велика, чтобы сквозь нее проходила бы самая крупная щука.

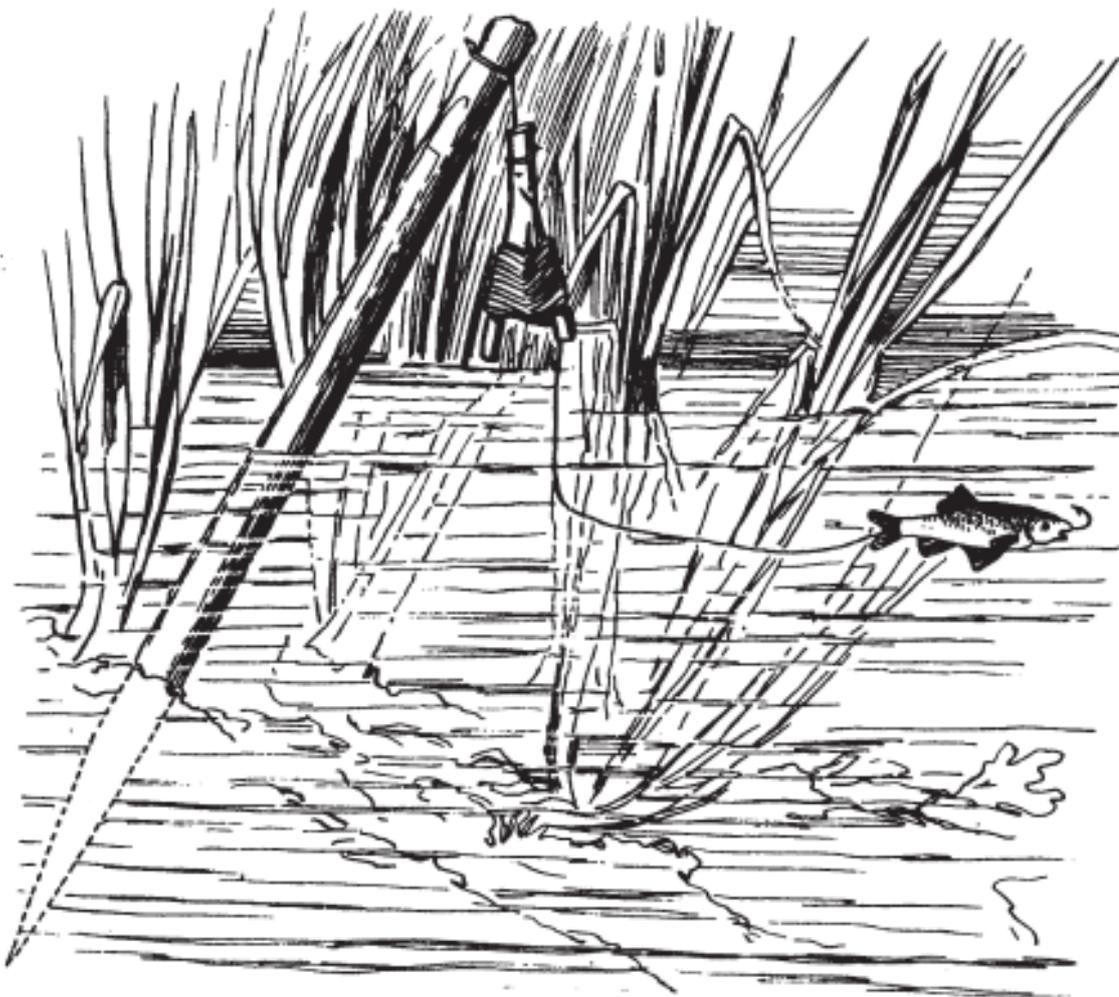

Рис. 54. Жерлица

Поводок делается из баска, т. е. из басовой гитарной струны, реже из медной проволоки⁵; он должен быть в пол-аршина длины, тонкий и мягкий, для чего новый басок следует измять пальцами; с бечевой басок соединяется посредством петель, а также и с крючком, если он имеет кольцо. *Крючок* привязывается к баску или тонкой шелковинкой, или в крайности проволокой, спущенной немного с баска же. Крючки употребляются б. ч. двойные, называемые у торговцев жерличными или просто жерлицами (см. рис. 45 и 46). Для очень мелких живцов можно употреблять обыкновенные крючки из первых номеров.

Для поддержки жерлицы над водою служит довольно длинная палка, называемая обыкновенно шестиком. *Шестиком* может служить всякое дерево, следует только наблюдать, чтобы он не был очень тонок в верхнем конце и не слишком сух; нижний конец заостряется для втыкания в берег.

Жерлица ставится таким образом: к верхнему концу шестика посредством мертвой петли привязывается рогулька⁶, с которой бечева несколько спускается и затем защемляется в расколоте рожке. При этом надо наблюдать, чтобы бечева легко спускалась с рогульки. Шест ставится наклонно к воде, и крючок с живцом опускается в воду. Если желают сделать жерлицу незаметною, то шестик кладут совсем на воду. Живца насаживают различно, но всего лучше его пришивать (см. рис. 43 и 44). Опускать живца надо примерно на половину глубины места ловли или ближе ко дну (в мелком месте). За живцами, ходящими на жерлицах, надо иметь наблюдение, чтобы они не запутались в траве и были постоянно видны хищникам и бойко ходили; вялых и уснувших следует заменять свежими. Для живцов употребляют всякую рыбку, но всего лучше плотва, голавлик, подъязык, пескарь, карась и иногда окунь; всего хуже берет щука на ершей и линьков. Ставят жерлицы преимущественно на ночь и осматривают по утрам. Весною нужно ставить в местах средней глубины и тихих, летом возле трав и коряг, а к глубокой осени в местах открытых и широких. Если жерлица ставится в месте с быстрым течением, то к бечеве надо прикреплять грузило, дабы живцу легче было ходить в глубине. Для постановки жерлицы в местах, густо заросших травами, надо очистить косою прогалинку и вбить в дно кол, к которому привязать под прямым углом шестик аршина в два длины; рогулька должна приходиться над серединой очищенной прогалины. При этом необходимо обращать внимание, чтобы живец не был пущен слишком свободно: иначе он может запутаться в траве.

Жерлицей ловится разная хищная рыба, но больше всего щуки. На пескарей изредка попадают и голавли. Если жерлицу спустит при вас или видно, что рыба схватила насадку. Для вытаскивания крупных рыб следует брать с собой сачок или багорчик. Если щука совсем заглотала крючок, так что его трудно вынуть, то снимают поводок, продев рыбу сквозь большую петлю на конце лесы.

В некоторых случаях, например когда у берега очень мелко, также полезно рогульку с легким шестиком привязывать к крепко вбитому в дно колу. Иногда, наоборот, гораздо удобнее привязывать рогульки к сучкам нависших над водою деревьев.

За границей употребляется следующий измененный способ ловли жерлицами, пользуясь которым можно ставить снасти в таких местах, где их, наверно, украли бы, будь они поставлены иначе. Прибор состоит из большого деревянного или пробкового усеченного конуса-поплавка, имеющего довольно большое сквозное отверстие, параллельно его основанию. В этом отверстии накрепко укрепляются комли двух шестиков с рогульками; к более тонкому концу поплавка привязывается веревка с камнем, длина которой на пол-аршина или

⁵ В случае необходимости можно обойтись и без баска или проволоки; для этого надо рассучить бечевку у крючка так, чтобы она имела вид пучка ниток.

⁶ Лучше в верхнем конце рогульки просверлить шилом отверстие и в это отверстие продеть медную петлю, в которую и продевается конец бечевки, достаточный для привязки к шесту.

на аршин менее глубины воды, и прибор опускается в воду. При этом надо наблюдать, чтобы шестики были одинаковой длины и одинакового веса, иначе один из них будет перетягивать другой. Поплавок окрашивается в темно-зеленый или коричневый цвет, а верхняя площадка – в белый или красный, чтобы легче было увидеть поплавок под водой. На известном расстоянии от живца прикрепляется к бечеве грузило, достаточно тяжелое, чтобы живец не мог поднять его; грузило должно быть передвижное, всего лучше для этого просверленная ружейная пуля, укрепляемая на месте деревянным клинушком. Расстояние между живцом и грузилом должно быть несколько меньше (хоть на полвершка) половины расстояния между концом удилища и насадкою. Это делается для того, чтобы живец, сохраняя известную свободу движений, необходимую для привлечения щуки, вместе с тем не мог бы, поднявшись выше удилища, запутать об него бечеву.

Ловля щук поставушами

В прудах и небольших озерах вместо описанных рогулек-жерлиц на шестиках гораздо удобнее и безопаснее употреблять кружки, или поставуши. Кружки эти делаются из пробковой коры и должны быть толщиной в палец, а диаметром около 3 вершков. В центре кружка провертывается буравчиком небольшое отверстие, в которое вставляется натуго палочка вышиною не более четверти. К основанию этой палочки привязывается более или менее толстая бечевка длиной в 5–10 сажен со свинцовым грузилом, баском и жерличным кружком; бечевка аккуратно наматывается на палочку до тех пор, пока не останется конец в аршин или более, смотря по глубине, на которой должен плавать живец, а чтобы этот последний не мог смотреть бечевку, бечевка слегка защемляется в прорезку (а) наверху стойки. Щука, схватив живца, выдергивает из расщепления бечевку, опрокидывает кружок и разматывает веревку так же свободно, как с рогульки.

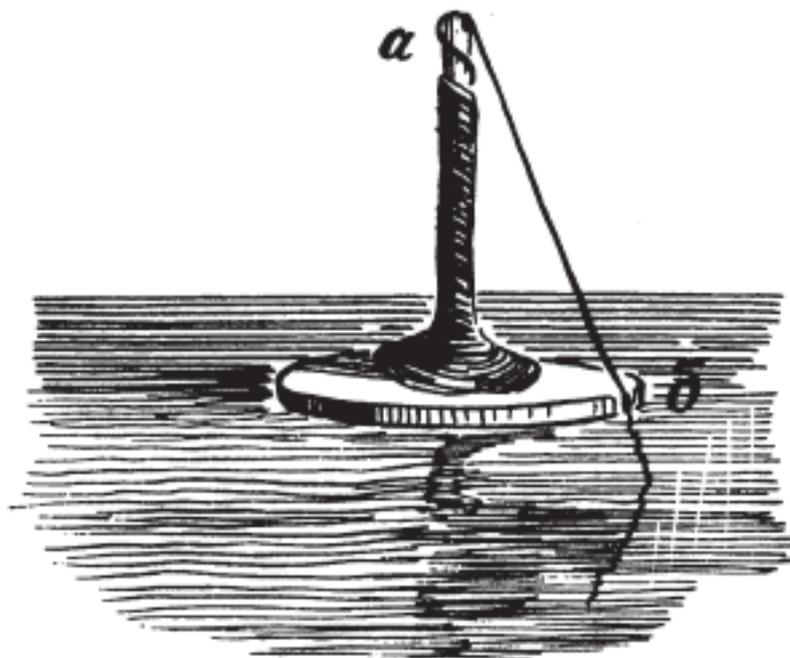

Рис. 55. Поставуша

В кружках, продающихся в магазинах рыболовных принадлежностей, палочки нет и бечевка наматывается на желобок, сделанный в обресе кружка. Такие кружки устойчивее описанных и менее подчинены ветру, но неудобны тем, что бечевка в желобе очень набухает и совершенно напрасно гниет. Поэтому всего лучше делать поставушу из двух круж-

ков – меньшего, с глубоким желобом (на который наматывается бечевка), соединенного деревянными шпеньками с нижним – большим. Последний может быть вдвое тоньше верхнего. Некоторые охотники вместо расщепа (наверху палочки или сбоку кружка) посредине кружка сразу провертывают шилом два отверстия, в которые из-под низу вставляется головная шпилька, в которую и пропускается конец бечевки. Для того же, чтобы бечевка не смазывалась от усилий живца, в край поставуши втыкается слегка обыкновенная булавка.

Для большей прочности кружки отполировываются и покрываются масляной краской (верхняя сторона – белой, другая – красной). В крайнем случае пробка может быть заменена каким-нибудь легким и сухим деревом.

Финляндский способ ловли щук на мертвую рыбку

Снасть, нужная при этом, самая простая и дешевая: 1) камень величиною с полкирпича, 2) сухая палка-поплавок длиной 2–2 1/2 арш., 3) обыкновенная бечевка длиной 6–8 сажен, не особенно толстая, но крепкая и в 4) крючок (простой или двойной) на медном (или басковом) поводке не менее 6 вершк. длины.

Ставят крючки с вечера вдоль береговых зарослей осоки и камыша на глубине 2–4 арш. и в некотором от них расстоянии (1 саж., напр.) следующим образом: на конец бечевы привязывается камень, кирпич, грузило – одним словом, что есть под рукой; измеряется глубина и навязывается палка-наплав. Чтоб бечевка соскальзывала с поплавка, полезно сделать на конце его желобок для бечевы. Когда груз опущен и наплав плавает, рыболов едет, дальше опуская бечеву; свободный конец ее снабжен довольно большою глухою петлею как для соединения с медным поводком крючка (имеющим такую же петлю), так равно и для того, чтобы легче снимать попадающуюся добычу, не вынимая из нее крючка, что иной раз бывает довольно трудно и всегда мешкотно.

Рыбка наживляется так: поводок крючка пропускают через рот по кишечному каналу и вынимают из заднего прохода; жало крючков прилегает плотно к бокам головы и мало заметно. Затем выпускают бечеву из рук, и рыбка опускается на дно сама собою. Хищник (судак, щука или окунь), принимая приманку за мирно почившую от трудов денских рыбку, тихонько подкрадывается к ней и быстро глотает. Плавающая палка служит хорошою эластическою пружиною, отлично умеряя бешеные порывы попавшегося хищника, и предохраняет бечеву от разрыва.

Для ужения крючком в проточной воде снасть готовится несколько иначе. Груз берется немного потяжелее, и поплавок должен быть устойчивее озерного, т. е. течение не должно затягивать его под воду; кроме того, надевают на бечеву свободно по ней скользящее грузило – пулю (смотря по силе течения), и рыбка лежит на дне так же спокойно, как и в озере.

Для насадки употребляются большею частью плотва, окунь и даже ерш, но пригодна любая рыбешка, водящаяся в данной местности. Заметим, что финляндцы всегда употребляют медные крючки без бородки.

Вынимание крючков из пасти щуки

Если щука не заглотала крючка, что бывает чаще при ужении ее, реже при ловле на жерлицу, то самое простое средство высвободить крючок, если басок имеет достаточную крепость, следующее. Берут за поводок и держат пойманную щуку на весу. Щука обыкновенно разевает пасть и начинает сильно биться, причем б. ч. и соскакивает с крючка.

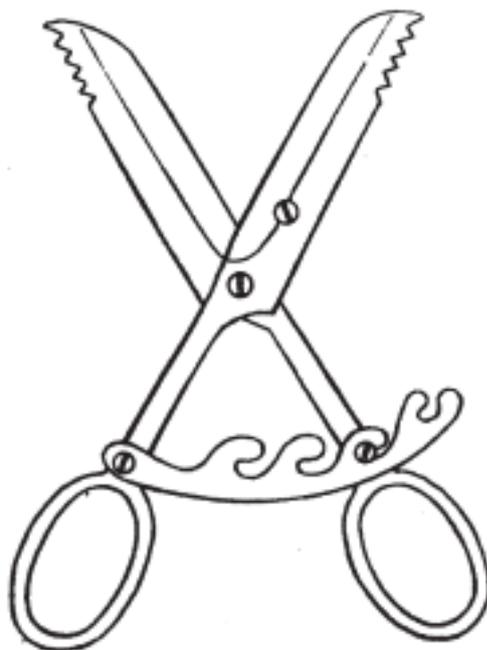

Рис. 56

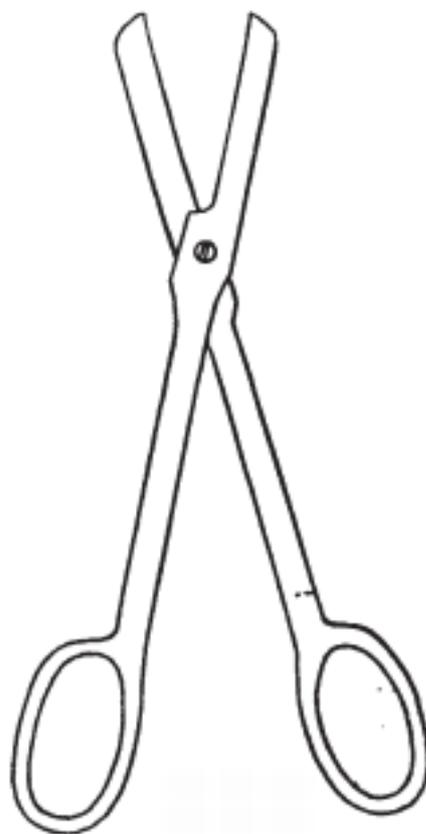

Рис. 57
Зевники

Если это средство не достигает цели, то берут щуку между ног, разжимают ей чем-нибудь пасть и просовывают туда т. н. вилочку – железный или стальной прутик около полуаршина длины, оканчивающийся развилинкой. Этой развилинкой отцепляют рога крючка и проворно его вытаскивают. Обыкновенно, чтобы заставить щуку разинуть пасть, достаточно

бывает взять ее за глаза и крепко сдавить их. Иногда с этой целью вставляют ей в пасть деревянную распорку (или рогульку); за границей же употребляют особого рода инструменты, т. н. зевники, имеющие сходство с ножницами или щипцами для завивки волос и иногда снабженные предохранительной распоркой. Двойные и тройные крючки удобнее вытаскивать (палочкой или вилочкой, иногда и пальцами) через жабры, а затем снять с поводка (если поводок и леса соединены глухими петлями) или отвязать от него лесу (если она привязана к поводку). Если крючок (в особенности же якорек) глубоко заглотан и не поддается никаким средствам или, наконец, рыболову желательно сохранить щуку живою более продолжительное время и имеются запасные крючки, то лучше всего снять поводок, продев пойманную рыбу в большую петлю на конце лесы; если же этой петли нет, то леску у поводка отвязывают и крючок вынимают дома при потрошении рыбы.

Рыбачья беседка

Если рыбачья лодка служит для рыбака-охотника временным пристанищем, походным экипажем, на котором он делает набеги на рыбу, обозом для перевозки его оружия в места рыбные, то рыбачья беседка есть место его постоянного пребывания, крепость, из которой предпринимаются походы, центральный склад оружия.

Нарочно строить беседку – обойдется дорого, но если бы кто из рыбаков-охотников вздумал построить прочную купальню, то было бы грешно не приспособить ее к ловле рыбы.

Питаясь организмами и органическими частями, рыба постоянно жмет к дереву и к древесным остаткам, попавшим в воду. Этим объясняется ее постоянное присутствие около мостовых свай, плавучих мостов, плотов, барок, купален и проч., и проч.; за мелкою рыбою идет крупная, ею питающаяся, и купальня, таким образом, служит постоянною приманкою для всякого рода рыбы, ее излюбленным местом.

Для приспособления обыкновенной купальни к исправлению должности рыбачьей беседки требуются нижеследующие условия.

Сруб купальни должен быть составлен из нескольких *ярусов* друг над другом лежащих бревен, прочно скрепленных друг с другом. Бревна располагаются преимущественно по краям сруба и ящика, чем достигается, во-первых, сбережение материала, во-вторых, большая высота надводной части сруба и сухость *пола* беседки даже при большом нагружении и, в-третьих, возможность для рыбы проходить в промежутки между бревнами сруба.

Ящик купальни должен быть сквозной, т. е. с решетчатыми стенками, чтобы рыба входила в него беспрепятственно.

Кругом беседки, в которой помещается купальня, должен быть *наружный ход*, чтобы можно было удить снаружи беседки, что весьма важно в особенности для установки жерлиц и других снарядов.

Такой же *ход* должен быть *внутри* беседки, вокруг ящика для купальни, для установки на нем скамеек для сидения, материалов и припасов и для уженья рыбы внутри беседки в самом ящике.

Часть ящика должна быть отгорожена для постоянного *садка* для хранения пойманной рыбы. Садок делится на два отделения: 1-е для крупных хищных рыб и 2-е для мелких рыб, живцов.

В ящик, сверх того, для привлечения рыбы ставится *привада*, т. е. опускается на дно худой мешок или кулек с хлебом, хлебными распаренными зернами и прочею рыбьею пищею.

Наконец, для правильного наблюдения за ловом рыбы в зависимости от состояния воды и погоды близ беседки в дно озера или реки вбивается *шест с делениями*, измеряющий

прибыль и убыль воды, и на вершине беседки устроен флюгер со стрелкою, ходящею по кругу, на котором обозначены страны света для определения направления ветров.

Весенняя ловля налимов

Начинается эта ловля, как только река пойдет на убыль, и продолжается до той поры, пока вода совершенно войдет в берега и делается чистой, прозрачной.

Для весенней ловли налима на Москве-реке употребляют обыкновенно шестиволосные лески, белые. Длина всей лески от 7 до 10 аршин; к концу ее привязывается буйволос волос длиною в пол-аршина; около узла, связывающего волос с лескою, насаживается свинцовое грузило, величиною с обыкновенный орех, а к концу волоса привязывается крючок № 5. Совсем приготовленную леску привязывают на средней длины можжевелевый удильник, не толстый, ровный, насколько нужно гибкий, т. е. чувствительный. Удят на 10–15 удочек.

На налима нужно ставить удочки с вечера и сидеть в ночь: днем он не берет. Места ловли – ямы с илистым дном, покрытым камнями и коряжинами, корнями деревьев. Выбрав по реке место, надо подъехать на лодке и, повернув ее поперек течения воды, спустить на дно привязанные на веревках камни, один с одного, другой с другого конца лодки, чтобы ее не относило водой; но лучше, если над ямой или неподалеку от нее стоят плоты, на которых удобнее можно расположиться, чем на лодке. Расставляют удочки одна от другой на расстоянии полутора аршина; насаживают на крючки земляных червей, крупных – по одному, мелких – по два, продевая каждого крючком в голову, так, чтобы он вышел наружу; потом на расстоянии примерно четверти вершка продевают крючок уже в тело червя и т. д. до самого хвоста. Насадив червя, леску кидают в воду подальше от себя, а удильник втыкают между жгутов, которыми связаны бревна, а если на лодке, то пристраивают их у борта так, чтобы рыба не могла вырвать удильник и утащить его в воду.

Расставив удочки, нужно подождать с час или два и потом осмотреть их – не нанесло ли водою травы, не объеден ли червь и не попал ли налим; траву следует снять, червя оправить, объеденных подсадить и кинуть лески опять в воду; если попал налим, то, разумеется, подвести его и вынуть сачком; рыба эта идет на леске без сопротивления, но нужно быть осторожным, когда вынешь, и не брать его руками за тело: он чрезвычайно склизок в руках и увертлив. Всего лучше брать его левой рукою под жабры, а правой вынимать крючок; при этом, если он заглотал далеко внутрь, тогда лучше не вынимать, а отрезать крючок, оставляя его в рыбе, потому что рыба эта очень нежна и, вынимая крючок, ее при всей осторожности придется замять, отчего она скоро заснет. Пойманного налима нужно посадить в садок, а удочку снова поставить как следует; если налим возьмет в то время, когда подходишь к удочке, тогда нужно осторожно взять удильник в руки и держать, пока налим достаточно заглотает червя, что можно чувствовать в руке: когда он заглотал червя, то идет прочь, отчего леска натягивается и дергает удильник; в это время нужно подсекать, дернув слегка удильник на себя; это не мешает делать и над тем, который подсечется сам.

Для этой весенней ловли охотнику нужно брать с собою фонарик, так как ночи в это время еще очень темные.

Сохранение пойманной рыбы

Для этого употребляют: 1) ведро, 2) кружок или сетчатый мешок, 3) корзины и 4) кукан.

Ведро может быть жестяное, железное или деревянное. Удобства его заключаются в том, что рыба (мелкая) может быть перенесена живою на довольно большое расстояние; неудобства – его громоздкость и тяжесть и необходимость часто менять воду, что сопряжено

с большой возней и риском выпустить рыбу. Кроме того, крупная рыба в ведре не помещается. Лучше всего сохраняется рыба в деревянных ведрах, особенно дубовых, разумеется не новых. Жестяные и железные скоро нагреваются и, кроме того, ржавеют. Менять воду надо, прикрывая ведро сачком, но лучше, если в дне или немного повыше дна сделано небольшое отверстие со втулкой, так как тогда можно переменить воду, не погружая всего ведра.

Кружком называют сетчатый мешок, натянутый на три обруча, из коих два одинаковой величины, а третий гораздо уже – вершка 3–5 в поперечнике; к глухому концу кружка, то есть к его дну, привязывают камень или свинцовый конус в 1/4 фунта весом, чтобы было удобнее погружать его в воду. Сохранять в нем пойманную рыбу живую можно только при ужении с лодки; при ужении же с берега он далеко не так удобен, так как, меняя место, каждый раз приходится вынимать его из воды. Кроме того, в кружок нельзя сажать щук, которые в короткое время прогрызают сетку. Сетка кружка скоро сгнивает и вообще при вытаскивании не выдерживает большого количества рыбы. Кружок иногда заменяется простою длиною, более или менее частою сеткою в виде мешка.

Корзины, или сажалки, для хранения рыбы обыкновенно имеют форму бочонка с ушками и небольшой крышкой посредине, как у бочек, или четырехугольной корзины с ручкой и крышкой наверху в половину длины. Делаются эти корзины б. ч. из ивняковых прутьев. Чем чаще сплетены они, тем лучше, потому что при переездах на лодке рыбу в сажалке не забивает водой и нет надобности предварительно вытаскивать корзину из воды, подобно кружку. При переносе корзины с одного места на другое или перед возвращением домой пойманную рыбу перекладывают в ней мокрой травой. Самые удобные рыболовные корзины – английские косые для ношения через плечо, но они стоят у нас очень дорого (от 3 рублей).

Рис. 58. Кужок

Кукан употребляется преимущественно для крупной рыбы. Это не очень длинная (2–3 арш. и больше), но крепкая бечевка, б. ч. с длинным (около аршина) поводком из самого толстого баска или, лучше, медной проволоки, который привязан к середине 4–6-вершковой палочки. Палочка эта просовывается через пасть рыбы и вытаскивается из-под жабры. Рыба не может, таким образом, сойти с бечевки, не может и перекусить бечевку, если это, напр., щука или сом. На один кукан можно нанизать подряд несколько рыб, но лучше каждую крупную рыбу держать на отдельном кукане. Имея бечевку, нож и прутья под руками, это сделать нетрудно. За неимением баска или проволоки можно совершенно рассучить конец бечевки на отдельные пряди и нити, которые застревают между зубами хищника (щуки преимущественно) и не позволяют ему совсем перерезать бечевку. На такие рассученные бечевки простые рыбаки нередко также ловят щук на жерлицы и удочки за неимением басков и медной проволоки. Если дно не очень иловато, то рыба на кукане должна касаться дна, дабы она не так уставала, но при ужении с лодки кукан по необходимости опускается не глубже аршина от поверхности. При ловле с берега, мостов и плотов кукан привязывается не очень близко от места лова или поставленной донной удочки, но во избежание разных случайностей на виду у рыболова.

Совет рыболовам-гастрономам

Большинство рыболовов предпочитают сохранять пойманную рыбу живою в сажалках и т. п., но так как во всяком случае рыба в них изнуряется, делается полусонной и вялой и засыпает дорогою при возвращении домой, то мясо такой рыбы делается уже дряблым и не может иметь настоящего вкуса. Во избежание этого всего лучше убивать рыбу, как только она будет поймана, для чего достаточно ударить ее по голове чем-нибудь тупым и затем спустить кровь, сделав ножом несколько разрезов на жабрах; еще лучше разрезать ей позвоночный столб у самого хвостового плавника *вдоль*.

То же самое надо делать с живой рыбой, купленной *немедленно* при принесении ее на кухню. Обыкновенно же наши кухарки и даже повара оставляют ее плавать в лоханке или окоренке, пока она не уснет. Кто гонится за вкусом рыбы, тот должен принять за правило: никогда не класть рыбу на погреб, прежде чем из нее будут вынуты внутренности.

Май

Рыболовные приметы

Для рыболова очень важно знать, может ли он при известных условиях погоды, ветра и т. п. рассчитывать на успешный лов. Приметы эти действительно существуют, но о них известно очень мало, так как они в большинстве случаев составляют достояние простых рыбаков, десятки лет ловящих рыбу в одной и той же местности. Они и различаются по местностям, и то, что несомненно для известного района или реки, то в другом месте или другой части реки может оказаться совершенно неверным. А потому всего практичнее разузнать об этих местных приметах от старых рыбаков, которые хотя не покажут своих любимых мест, но охотно поделятся своими выведенными из долголетней рыболовной практики наблюдениями, нередко с примесью суеверия.

Несомненно одно, что большая часть рыб кормится, а следовательно, и берет на удочку периодически. После периода жора, продолжающегося около недели, рыба как бы отдыхает значительно больше времени, и если берет, то очень редко, вяло и неохотно. Периоды эти для разной рыбы различны, и б. ч. бывает так, что хищная берет именно тогда, когда нехищная западает. Самый лучший клев бывает обыкновенно вскоре спустя несколько дней после нереста, потому знание этого времени очень важно, и необходимо тщательно следить за ним, хотя бы через расспросы. Замечено, что трение рыб чаще всего происходит в конце последней четверти и в начале молодого месяца. Фазы луны, несомненно, имеют очень сильное влияние на жизнь рыб, но это влияние никак нельзя подвести под общее правило. В одних местах рыба на молодой месяц перестает есть и начинает брать только, когда «молодик остойт», т. е. в 1-й четверти, лучше всего клюет в полнолуние и перестает на ущерб; в других местах, но, кажется, реже, напротив – рыба хорошо берет на молодую и вовсе перестает брать в полнолуние.

Влияние луны на клев рыбы несколько затемняется другими ближайшими метеорологическими условиями: состоянием погоды, направлением ветра, наконец, прибылью воды от дождей. Самый лучший клев бывает в ясное, тихое, несколько прохладное утро с небольшим туманом. В продолжительно ненастную погоду рыба перестает брать иногда за день, за два до ее начала, почему рыболову не мешает справляться с барометром. В сильный северный, восточный и северо-восточный ветер рыба также не клюет, но щуки, напротив, в такой ветер часто очень жадно хватают насадку, быть может потому, что вся белая рыба прячется тогда в глубину и другие укромные места и не гуляет. Это правило вполне верно, однако только для проточных прудов и озер, в реках же большее значение имеет сильный ветер, дующий против течения. Тогда вся рыба укрывается в заводях и стоит там спокойно, не думая о пище. Исключение составляют, кажется, лишь лещи и густера, почему часто говорят, что буря выбивает со дна лещей. Сильный погонный ветер, т. е. дующий по течению, также не благоприятствует клеву. Малейшая прибыль воды, не говоря уже о паводке, немедленно сказывается ослаблением и даже совершенным прекращением клева. Надо полагать, впрочем, что это зависит от того, что с прибылью воды связано увеличение количества питательных веществ в реке.

Весьма желательно, чтобы образованные рыболовы-любители обратили внимание на эти различные приметы, проверили и дополнили бы их своими наблюдениями и замечаниями простых рыбаков.

Приготовление и расчистка мест для ужения

Настоящий рыболов-охотник непременно должен иметь там, где ему всего чаще приходится ловить, 2–3 или даже более расчищенных и прикормленных мест, где бы он не рисковал беспрестанными зацепами и мог вытаскивать не одну мелочь. Для этого еще с весны перед началом ужения в реках, как только вода войдет в берега, он должен прежде всего внимательно исследовать свои прошлогодние места, происшедшие в них изменения, расчистить их, т. е. вытащить на расстоянии 3 или более (при ловле на донную) сажен от сиденья полукругом все нанесенные коряги, траву и все подводные предметы, за которые можно зацепить удочкой. Нелишнее устроить себе (или подновить) удобное место для сидения или, еще лучше, мостик со скамейкой. В сильно заросших местах на прудах делают более или менее значительные окошки или прогалины, стараясь выдергивать траву с корнем. Точно так же и при ужении с лодки необходимо, насколько возможно, расчистить район ужения. Можно быть уверенным, что все эти хлопоты вознаграждаются удачей ловли, особенно если место к тому же прикормлено.

Вытаскивание крупной рыбы

Если попалась такая крупная рыба, что ее нельзя вытащить (на берег или в лодку), не рискуя оборвать леску или сломать удилище, то ее необходимо предварительно утомить и потом уже вытащить руками под жабры или подсачить или же подбагрить. Рыбу утомляют тем, что водят ее на кругах, но это удобно только при хорошем и достаточно длинном удилище и когда леса не более как в полтора раза длиннее последнего. Обыкновенно рыба, вытянув леску, сама повертывается в другую сторону, но иногда приходится самому заворачивать рыбу, однако не иначе как под острым углом к принятому ею направлению. Во всяком случае леса должна быть всегда натянута и не должна составлять с удильником очень тупого угла: чем угол этот ближе к прямому (что возможно при длинных удилищах), тем лучше. Если ловят с лодки на короткие удилища и длинные лески, то, поведив немного рыбу, чтобы упругостью удильника несколько обессилить ее, перехватывают понемногу лесу, держа ее непременно *на слаби*, чтобы при первом же быстром и сильном порыве рыбы леса сама бы выскользнула из рук охотника. При ловле с плоского берега или плотов на донные удочки с крепкими лесами можно уже совсем утомленную рыбу вытаскивать на удильнике волоком на берег, возможно дальше от воды. Но, если это удобно, лучше совсем уже измученную рыбу подвести к берегу или лодке, взять ее руками под жабры и быстрым движением выбросить в лодку или на берег. Щук при ловле с лодки следует брать за глаза, сильно сдавив их пальцами.

Настоящий рыбак всегда должен иметь с собою сачок, а если может попасть очень крупная рыба или место не позволяет действовать сачком (в кустах, на мелких местах и пр.), то и багор. Сачок полезен еще тем, что при нем нет уже надобности вываживать рыбу до совершенного утомления и ее можно до некоторой степени форсировать. Хороший сачок должен быть широк, глубок и малозаметен; насаживается он на довольно длинную (11/2–2 аршина и более) и крепкую палку. Наводить сачок на рыбу лучше не с хвоста, а с головы; с хвоста удобно подсачивать обыкновенно только совершенно *выбившуюся из сил и остановившуюся рыбу*. Когда же рыба еще тянет леску и на ходу, то, если ловко и быстро подвести сачок, она не успеет повернуться назад и попадет в сеть по инерции. Подведя сачок, следует возможно быстро поднять его вверх вместе с рыбой, которая ложится в сетку и уже не может из нее выскочить. При ловле вдвоем или в компании иногда бывает удобнее одному вываживать рыбу и вызывать ее на поверхность или к берегу, а другому подсачивать. Баг-

ром (большой крюк с зазубриной или без нее, насаженный или навинченный на палку) рыбу подхватывают за жабры или под живот около жабр. (См. также «Щучий топор»)

Ловля и добывание больших земляных червей

Большой земляной червь (*Lumbricus terrestris*), называемый местами выползком (также глистой, глистовкой, буртылем, росником, дождевиком), составляет, как известно, одну из лучших насадок для ловли крупной нехищной рыбы. Достигает он величины 4–5 вершков и почти мизинца толщины; живет в жирной, хорошо обработанной почве в садах и огородах, обыкновенно довольно глубоко, и выходит из нор на поверхность земли только по ночам, по росе или после большого дождя. Присутствие его легко узнается по многочисленным, довольно большим отверстиям в земле, кучкам выброшенной земли (и извержений); в норах часто торчат листья, которыми они как бы затыкают ее отверстие. Доставать этих червей довольно трудно, так как норы их очень глубоки и при выкапывании они уходят на аршин и более от поверхности. Поэтому их большею частью ловят по ночам. Особенно удачна бывает эта ловля после сильного дождя на садовых, очень тенистых и сырых дорожках, в канавах или между грядками. Рыболов, вооружившись фонарем и посудой для собирания туда червей (жестянкой, горшком), отправляется вечером на такие места. При свете огня он увидит множество червей, почти совсем выползших из своих нор, и ему остается, подкравшись без шума, схватить червяка как можно ближе к хвосту, т. е. к норе, и проворно вытащить. Если тащить червя близко к голове, то он так уцепится своим шероховатым хвостом за стены норки, что его скорее разорвешь, чем вытащишь.

Когда стоит очень сухая погода и черви не выходят на поверхность, поступают следующим образом: выбрав место, где хотят собирать червей, в сумерки хорошенько поливают его и вечером вытаскивают их, как сказано выше. Можно также выбранное место прикрыть соломой, которую тоже поливают. В этом случае червей можно выбирать из-под соломы и дном. Как говорят, нетрудно немедленно вызвать червей на поверхность в самую сухую погоду, если лить там, где много их норок, соленую воду.

По замечанию рыболовов, рыба лучше всего берет на молодого червя, не имеющего узла (утолщения в виде кольца на передней части тела).

Способы хранения червей

Накопанных или наловленных червей нетрудно сохранить довольно продолжительное время. Нужно только иметь достаточное количество деревянных ящичков (с крышками и без щелей) и хороший запас мягкого мху. Положив в ящик (или глиняный горшок) несколько слоев мху, пускают туда червей; мох ежедневно смачивается слегка (по каплям) молоком с медом или *несоленным* бульоном, а большие и мертвые черви выбрасываются – вот весь уход, который отнимает в день четверть или полчаса. Мох нужно менять раз в неделю, так как это способствует сохранению червей, в жаркое время и чаще. Если же доставать мох трудно, то можно ограничиться его промыванием. Ящички следует ставить в сырое и прохладное место: в погреб, под балкон или крыльцо. Больные черви узнаются по тому, что узел у них распухает и они вытягиваются и почти теряют способность к сокращению.

Можно также сохранять червей следующим образом: берут мешочную холстину, предварительно начисто моют ее и, обмакнув в несоленый говяжий бульон, немного выжимают. Затем в этот холст заворачивают червей и кладут в глиняный горшок. Холстину надо мочить через каждые 12 часов, а горшок держать в холодном и сыром месте. Таким образом можно сохранять червей в продолжение месяца.

Никогда не следует *сохранять* запасных червей в жестянках: они всегда ржавеют, и черви поэтому живут в них недолго, особенно если в крышке нет отверстий.

Очищение свежепойманных червей

Настоящий рыболов не станет ловить на только что вырытых червей, а даст им вылежаться суток двое или по крайней мере одну ночь. Это делается ради того, что рыба много охотнее берет на червя, уже очистившегося от своих извержений, вероятно потому, что всегда находит их уже пролежавших несколько времени в воде и тем самым очистившихся. Кроме того, очищенный червь не так нежен, делается более красным (особенно обыкновенный коричневый), крепче сидит на крючке и не пачкает рук. В крайности можно осторожно выдавить из червя всю черную дрянь, но лучшее средство очищения червей – положить их на ночь в конопляное масло. Средство это кроме быстроты имеет то преимущество перед обычным способом очищения (2–3-дневным содержанием в ящиках или горшках), что конопляное масло, привлекая рыбу своим запахом, в свою очередь, служит приманкой рыбы. Масло это можно заменить льняным, прованским, вероятно, и другими.

Для того чтобы обыкновенный серо-коричневый земляной червь сделался красным и рыба охотнее бы брала на него, английские рыболовы советуют поступать следующим образом. Когда черви уже полежат дня два в сыром мху и очистятся от земли, которою они обыкновенно наполнены, их кладут на свежий мох, смоченный водою с медом и посыпанный тертым кирпичом, или, еще лучше, порошком краски, известной в продаже под названием «красный бол». Черви, проползая через мох, вбирают в себя частицы красного порошка, которым он посыпан, и становятся ярко-красными. Конечно, для этого необходимо повторить описанную операцию несколько раз.

Различные способы насаживания червей

Земляной, красный и навозный черви обыкновенно насаживаются с головы, так что закрывается весь крючок; хвостик пускается длиннее или короче, смотря по рыбе и клеву.

Большой земляной червь (выползок) насаживается таким же способом, но если крючок мал или рыба отъедает хвостик, то лучше всего насаживать его, прокалывая несколько раз поперек и скрывая острие крючка в хвостике (рис. 59). Иногда, если рыба очень осторожна, выползка насаживают на небольшой крючок, задевая червя посредине или продевая крючок в голову (рис. 60 и 61).

Если рыба берет плохо и объедает хвостик червя, то его (выползка и др.) хорошо насаживать *кренделем*. Жало крючка вводится в середину глисты по направлению от головки к хвосту, и глиста надвигается на крючок, пока расстояние между жалом последнего и концом ее хвостика не сократится до полдюйма. Тогда жало выводится наружу и вводится в другую половину глисты на расстоянии полдюйма от конца головки.

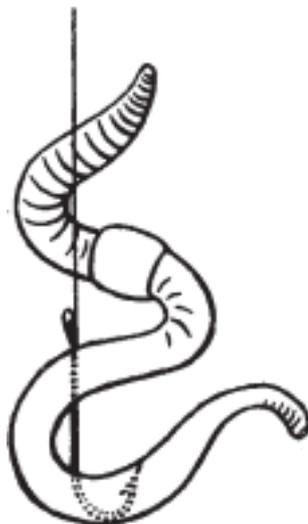

Рис. 59

Рис. 60

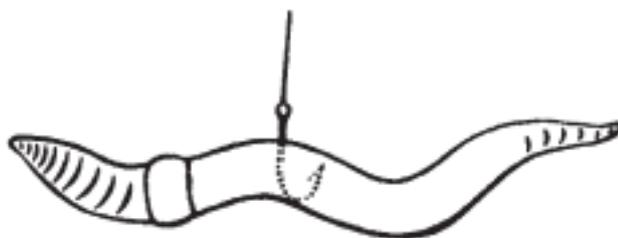

Рис. 61

Для ужения крупной нехищной рыбы насаживают целую кучу червей (б. ч. красных).
Способы насаживания кучей следующие:

1) Несколько червей прокалывают поперек и в одном из хвостиков или головок прячут острие крючка.

2) Черви прокалываются посредине и затем около хвостиков и головок, так что получается комочек, из которого торчат головы и хвосты.

3) Черви прокалываются около головы так, что они оказываются нанизанными на крючок, как ключи на колечко; жало прячется в одном из червей.

4) Если крупная рыба берет вяло и только объедает головки и хвостики, то насаживают два червя, прокалывая их вместе, – сперва около головки, потом еще несколько раз поперек тела, а жало прячется кучею.

5) При ужении крупной и жадной рыбы иногда удобно пользоваться небольшим двойным или тройным крючком, на который насаживается целый клубок червей.

Хранение насадок

Для ношения различных насадок во время ужения употребляются различные мешочки, кружечки, коробочки и т. д.

На прилагаемых рисунках (рис. 63 и 64) изображены жестяные кружечка и коробочка для земляных червей, опарышей и т. д.; удобнее всего кружечка, которая носится на шнурке через плечо и потому всегда находится под рукою. Вместо нее многие охотники употребляют довольно глубокий мешочек из фланели или плотной холстины, с отверстием, свободно пропускающим руку; он снабжен петелькой, которою пристегивается к пуговице или поясу, и завязывается отдельною тесемочкою, пришитою к нему, а не вздернутой, как это обыкновенно делается. Чтобы черви лучше сохранялись, в мешок кладут клочок влажного мху; если приходится брать с собою большое количество червей или опарышей, то следует часть их отложить в отдельный мешок, который кладут в корзину, чтобы они меньше терпели от жара, толчков при ходьбе, прикосновения рук, когда достают их и т. п. При очень сильных жарах коробку с червями обматывают постоянно смачиваемой тряпицей.

Никогда не следует держать опарышей (личинок больших мух) вместе с земляными червями.

Мотыля держат в влажной чистой тряпке, которую свертывают блинком. В жаркое время эту тряпицу тоже кладут в жестяную коробку и обертывают мокрым полотенцем.

Для хранения мух делают очень удобные коробочки с дырками и задвижным отверстием, через которое не может выйти более одной мухи зараз; подобные же коробочки (а иногда корзиночки с крышкою) делают и для прочих насекомых.

Тесто и хлебный мякиш лучше всего сохранять в тряпке, пропитанной прованским или каким-нибудь другим маслом; завернув тесто в тряпку, его кладут в жестяную коробку, чтобы не пачкать корзину или сумку.

Для сохранения мелкой рыбы, назначенной служить насадкою при ужении с берега, удобнее всего дубовое ведро. Для состоятельных рыболовов можно посоветовать более легкое ведерочко английского образца (рис. 62 и 65), особенно изображенное на рис. 65, которое вогнуто с одной стороны, почему его очень удобно носить на ремне через плечо.

Рис. 62. Ведерко для живцов

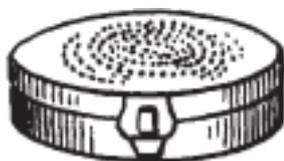

Рис. 63. Коробка для червей

Рис. 64. Кружечка для червей

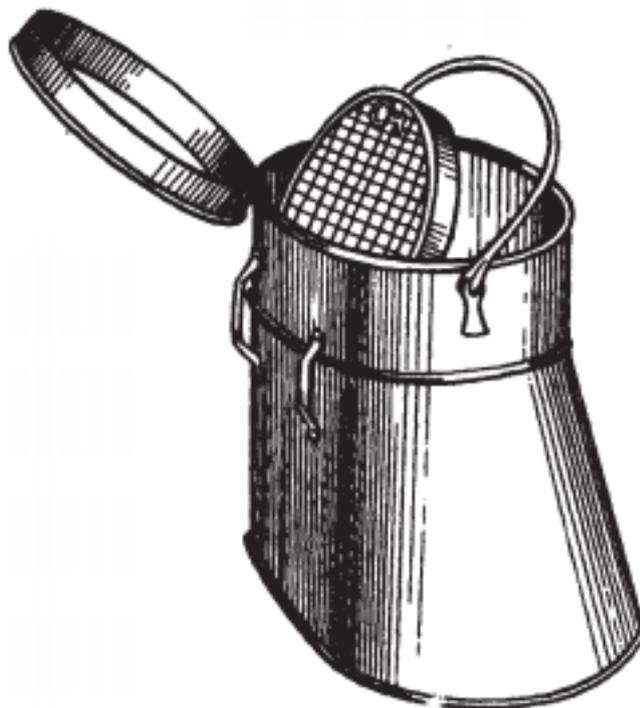

Рис. 65. Английское ведерочко для живцов

Для того чтобы живцы дольше оставались живыми, очень полезно изредка продувать воду для возобновления в ней воздуха. Всего удобнее для этой цели гуттаперчевая трубка, но она может быть заменена любой трубочкой из тростника, камыша и т. д. Чем уже отверстие на свободном конце трубки, тем лучше. Следует дуть непременно частыми толчками, ежесекундно переводя дух.

Как отцеплять задевший крючок

Если крючок задел за какой-нибудь подводный предмет, то прежде всего необходимо осторожно подергать лесу в разные стороны; затем если это не действует, то более или менее сильно, смотря по крепости лески, тащат ее к себе на удилице или руками (если она очень крепка или же удят на короткий удильник). Если крючок засел слабо или задел за небольшой сук, за камень, неровность дна или не очень крепкую траву, то он обыкновенно высвобождается один или вместе с задевом. При ужении с лодки большую часть крючок отцепляется, если подъехать к месту задева и подергать леску вертикально или, еще лучше, наискось, но с другой стороны, или выдернуть траву, за которую зацепило. На неглубоких местах крючок можно нередко отцепить веслом или багром. Если же все эти средства не помогают, то необходимо прибегнуть к помощи *отцепки*. Отцепка – это железное, медное или – самое лучшее – свинцовое кольцо весом в фунт или больше, которое привязывается к крепкой бечеве (рис. 37 и 38). Диаметр кольца должен быть не менее $3/4$ вершка, так чтобы оно свободно пропущалось через самый крупный поплавок. Отцеп этот надевают на удилице (с комля), наклоняют последнее, и кольцо, сбегав по нему и по лесу до задева, своею тяжестью отцепляет крючок. Еще лучше, если отцеп снабжен зубцами, особенно для ужения без поплавка (зубцы за него иногда задевают), так как на крепкой бечевке при помощи такого отцепа можно, если крючок не отцепляется, вытащить и очень большую зацепу-корягу. Если крючок все-таки не отцепляется или нечем его отцепить, то остается оторвать лесу как можно длиннее; летом в крайнем случае (если нет больше крючков) можно раздеться и освободить крючок. Вот именно, ввиду возможности задева, но более всего возможности взятия насадки очень

крупной рыбой, никогда не следует ловить на лески, имеющие *несоразмерно крепкий поводок*. Поводок, вообще последнее звено лесы, должен быть непременно немного слабее лесы, иначе можно лишиться всей лесы, а не одного поводка с крючком.

У аккуратного рыболова, ловящего на одних и тех же местах, задевов не должно быть, так как эти места должны быть им предварительно расчищены.

Ловля щук в прудах с заросшим мелким берегом

В таких местах ставить жерлицы и т. н. кружки неудобно (кроме того, последние требуют непременно лодки), и поэтому всего лучше ловить здесь щук по т. н. измайловскому способу, практикуемому на Измайловском пруду под Москвой, а также и на других прудах. Способ этот удобен еще тем, что при нем нет особенной необходимости брать с собою удилица и шестики. Производится он следующим образом: заготавливается несколько бечевочных (лучше шелковых, скрученных из 2–3 шнурков сырца тройника) лес аршин в 40–50 длины, которые просмаливаются или покрываются непромокаемым составом по описанному уже способу. К этим лесам привязываются на более или менее толстых басковых поводках двойные крючки, а на известном расстоянии (большею частью так, чтобы живец ходил вполводы) прикрепляется большой (не менее 3 вершков) тяжелый поплавок (обыкновенным способом, т. е. концы поплавок захлестываются 2–3 мертвыми петлями) из березового или ольхового дерева, имеющий форму сложенных конусов. Поплавки эти полезно пропитывать в несколько приемов в вареном льняном масле, пока не образуется на них корка, делающая их непромокаемыми, а затем окрашивать их масляной краской. Такие поправки достаточно тяжелы, устойчивы, нелегко поддаются ветру, движениям живца и тяге лесы к берегу, и их можно забрасывать очень далеко от берега без очень тяжелого грузила. Для того же, чтоб леса не очень скручивалась (особенно когда она еще не обдержалась) и не позволяла живцу при легком грузиле запутаться, на расстоянии около аршина от большого поплавок на лесу надевается и закрепляется небольшой пробочный поплавок, внутри просверленный. Перед забрасыванием живца свободный конец лесы к чему-нибудь прикрепляется (к колышку, ветке и т. п.) и укладывается на берег кольцами; нижняя часть ее с живцом слегка наматывается на нижнюю половину поплавок, живец прижимается к поплавок и кидается в известное, намеченное место. Намотанная нижняя часть лесы сматывается тяжестью и усилиями живца, и поплавок принимает вертикальное положение.

Щучий топор

Щучий топор состоит из 3–4 зубцов в три вершка длиною, вколоченных в увесистую березовую рукоятку аршинной длины. Орудие это употребляется рыбаками Вологодской губ. при ловле щук на подольники, небольшие переметы, которые ставятся не поперек, а вдоль реки, ближе к берегу и на тихих плесах. Особенно хорошо садится на них щука около заводей, под мысами, на спокойном течении. Когда попавшаяся большая щука утомится, рыбак подводит ее к борту и, осторожно приподнимая на подольнике левою рукою голову щуки, изо всех сил вонзает в нее правую рукою щучий топор. Острые зубцы, снабженные зазубринами, глубоко входят в тело щуки, и, как бы рыба ни была велика, она не сорвется с топора и сделается добычею рыбака. Случается, что щука очень велика, около пуда, и перекинуть ее в лодку через борт на топоре у рыбака не хватает сил; в таком случае он бросает щуку вместе с топором, к концу рукоятки которого привязан на бечевке наплав. Рыба утомится, и рыбак через несколько времени все-таки ее вытащит. Очень большую щуку, тяжелее пуда, если она не подходит к лодке, несмотря на все приемы рыбака, подбагривают здоровым кованым крючком, насаженным на двухаршинную рукоятку. Крюк этот осторожно подводят

под жабру щуки или под нижнюю челюсть и быстрым подергом всаживают в намеченное место. После щучьего топора щука живую не остается, что не всегда бывает удобно, когда предстоит рыбакам прожить на рыбной ловле несколько дней; сбагренную же щуку можно сохранить живую в садке или на кукане, прodelетом через рот и жаберные заслонки.

Неподвижный плавучий снаряд для ловли щук

Удильник при помощи груза, привязанного к концу, устанавливается в вертикальном направлении так, чтобы под поверхностью воды торчал конец его аршина в два. Затем устраивается челнок, или очень большой наплав. Сухая вершка два в диаметре и полуторааршинная палка раскалывается на две продольные половинки, и получается два наплава, или два челнока. К одному концу такого наплава приделывается из медной проволоки широкое кольцо, к другому прикрепляется басовый поводок с жерличным крючком. На выпуклой поверхности челнока можно поставить небольшой белый флаг, чтобы не пугал только рыбу. Кольцо надевается на установленный описанным выше способом в любом месте озера удильник, крючок наживляется – и снаряд готов. Челнок будет плавать на плоской поверхности флагом вверх. Живец ходит свободно по всем направлениям кругом удильника, никогда не запутываясь, потому что не достает до удильника. Крупная рыба, схватившая его, без труда качнет удильник, стащит и умчит прочь весь снаряд. Попавшую рыбу нетрудно найти через некоторое время у берега, и ее вытаскивают при помощи сачка или багра.

Ужение ельцов

Ельцы чаще встречаются в небольших и средних, чем в больших, реках; бывают также в проточных озерах с песчаным и хрящеватым дном; в непроточных же озерах и копаных прудах елец никогда не попадается, не встречается также в речных заливах и вообще не любит ила и теплой воды. Большую часть года он держится близко от поверхности на местах довольно мелких. В конце весны и начале лета придерживается средней глубины, а в жары выходит на мелкие места к берегам. Брать он начинает с ранней весны, раньше почти всех рыб. Для насадки употребляются различные насекомые, навозный и небольшой земляной червь. Насаживать червя следует с головы, чтобы хвостик был пущен небольшой; крючок № 7–9; для насекомых же нужны самые мелкие номера. Изредка ловят на распаренные зерна пшеницы, ржи и овса, предварительно прикормив ельцов гречневой крупой. На хлеб елец берет очень плохо. Клев его довольно верен; если его ловят не со дна, он всегда погружает поплавок; если же со дна, то ведет поплавок в сторону, не окуная в воду. При ужении на донную удилицу должно быть упругое и не очень гибкое; грузило должно соответствовать силе течения; подсекают при первой потяжке.

Весною, когда река еще полна и мутна, удить надо на донную; когда же вода посольет и течение будет потише, можно удить с поплавком на местах с умеренным течением и глубиной в 1 1/2–2 аршина. Насадку (червя) следует пускать не выше как на 2–3 вершка ото дна.

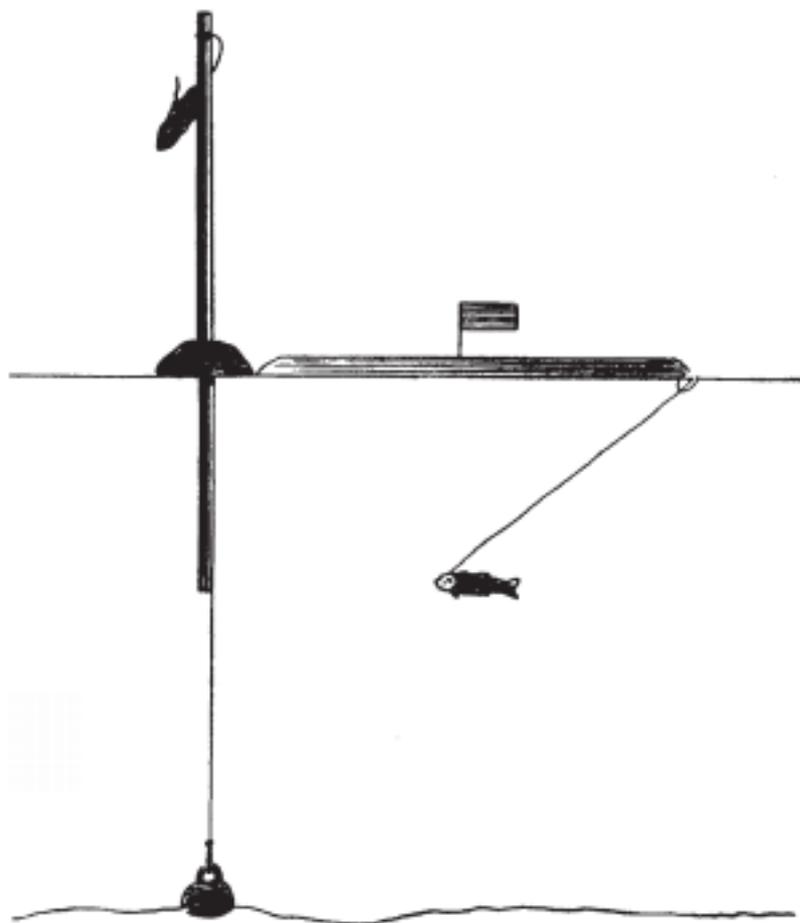

Рис. 66. Плавающий снаряд для ловли щук

Ужение язей

Язь избегает горных, очень быстрых, холодных рек и речек и предпочитает более глубокие реки с довольно тихим течением, также речные пруды и проточные озера. Живет он исключительно на глубине и выходит гулять на поверхность б. ч. поздним вечером и рано утром, почти ночью. Мелкие язи, т. н. подъязики, начинают брать с конца апреля, более же крупные – в мае. Лучшее время для ужения – вечер после заката и в особенности раннее утро. Тут они берут задолго до восхода солнца. С весны надо искать язя на неглубоких местах с довольно быстрым течением и каменистым дном. К началу лета или в конце мая он переходит в более глубокие места и живет уже оседло; осенью же уходит в самые глубокие ямы, где зимует. Для насадки употребляют червей, раков, черный хлеб, насекомых и иногда лягушек. Прикармливать язей всего лучше распаренными хлебными зернами с квасной гущей и конопляной избоиной. Язей, за исключением ужения на насекомых, больше ловят со дна на толстые лесы и крючки средней величины. Язь берет довольно верно и прямо утаскивает поплавок в воду. Подсечка должна быть скорая и решительная, но не слишком резкая. Язь – рыба сильная и на удочке ходит довольно бойко, но если тащить его к себе осторожно, то он идет ходко, вероятно потому, что чувствителен к боли. Крупных язей, при ловле на тонкую снасть в особенности, необходимо предварительно вываживать; затем, когда язь всплывет на поверхность, его потихоньку подтаскивают и подсачивают.

С весны язь берет больше на земляного и навозного червя; позднее же – с половины или конца мая – на черный хлеб, смятый шариками в лесной орех величины.

Ужение окуней

Весною окунь держится в неглубоких местах (1 1/2–2 аршина) с песчаным дном и умеренно быстрым течением; в это время его постоянно приходится ловить вместе с пескарем. Клев начинается часов с 7-ми утра и продолжается до захода солнца; ночью окунь берет редко.

Так как в это время еще нельзя достать малявок и раков, то приходится ловить на червя (земляного и навозного) и белого угря. Насаживают червей обыкновенно по одному, но ловят с успехом и на кучу глист; на червя-выползка окуни берут хуже. При ужении с поплавком в стоячей или медленно текущей воде насадка должна лежать на дне, если таковое чисто; если же дно поросло травой, то пускают насадку на весу, но недалеко ото дна. При быстром течении выгоднее пускать насадку так, чтобы она тащилась по дну. При ужении на червя на донную следует ставить грузило на расстоянии не менее 6–8 вершков от крючка. Позднее окуни хорошо берут под шлюзами; тут грузило надо очень тяжелое, лесу короткую и ловить с лодки. При ужении окуня с поплавком, какая бы ни была насадка, следует подсекать, как только поплавок совершенно скроется под водой. При ужении без поплавка надо для подсечки дожидаться потяжки, которую очень легко отличить от постукиваний, ей предшествующих. Губы у окуня довольно слабы, и потому следует обращаться с ними осторожно и не тащить его через голову. Для вынимания далеко заглотанных окунями крючков употребляется особая вилочка, с помощью которой крючок вдавливается немного внутрь рыбы, вследствие чего жало крючка освобождается из ранки, и затем он вместе с вилочкой свободно вытаскивается вон.

К лету окуни уходят в более глубокие места, которые покидают только часов с 12 дня до 4-х или 5-ти пополудни. В этот промежуток времени его можно найти в полях, около камышей и лопухов. Ловить можно в течение всего дня; утром и вечером надо выбирать чистые места (где отмель сходит в глубину, в омутах и т. д.), а днем – полый.

Весною и вообще при ловле на червя попадаются преимущественно мелкие окуни, и потому удочку можно употреблять средней величины, крючки №№ 1–4, не мельче.

Ловля малявки

Малявкой, мальком или мульком называется вообще молодь всякой рыбы, но большею частью так называется в подмосковных губерниях особая порода рыбы, редко достигающая более вершка длины, а именно верховка (*Leucaspis delineatus*), живущая почти во всех полупроточных прудах, а также озерах. Для ужения окуня верховка гораздо пригоднее молодежи других рыб, ибо не так скоро снет. Ловят ее (и молодь вообще) следующими способами:

1) Небольшим очень частым саком <на длинной рукоятке>. Предварительно замутив воду, этот сак осторожно подводят (от себя, отверстием наружу) к стае рыбешки (с мельничного моста, купальных мостков, плотов) и, выждав, когда несколько штук их опустится наравне с обручем или ниже его, быстро поднимают.

2) Частой наметкой также в ясный солнечный день и таким же образом, т. е. выжидая захода рыбешки в сеть или же опуская ее сверху обыкновенным способом. Так можно ловить малявку и вечером у берега.

3) Редким решетом; к которому привязан снизу камень, а внутри кусок хлеба; можно также натирать решето мукою. К решетку привязываются две короткие бечевки и одна длинная; все связываются, длинная привязывается к довольно большой палке, решето опускается в то место, где замечены верховки. Последние не замедлят зайти в решето, и тогда быстрым

движением поднимают его кверху. Таким образом особенно много можно наловить малька под мельничным спуском, где вся мелочь питается бусом, т. е. мучною пылью.

4) Всего больше можно наловить малька ночью самым частым бреднем.

5) Можно очень много наловить мелочи, преимущественно пескарей, голянов и верховок, следующим способом: берут большую бутылку белого стекла с достаточно широким горлом и у которой дно, воронкообразно вдавленное внутрь, просверлено посредине. Горлышко завязывается куском марли, канвы или самой частой сетки (или просто затыкается пробкой, в которую вставлена перьяная трубка); в бутылку кладут несколько навозных червей и крошки хлеба и опускают ее в воду горлышком против течения. Пескари, голяны (лошки, скоморохи) и молодь других рыб, увидя приманку, набиваются в эту стеклянную вершу в значительном количестве. Неудобство этого снаряда – хрупкость и трудность ношения.

Уженье шересперов

Шереспера (местами жерех, белесть, конь) следует искать всегда в быстрой проточной воде, в реках около перекатов, вообще на быстрине, в запруженных реках под мельницами, в самом водовороте. Очень мелкой воды шереспер не любит и на перекаты выходит преимущественно в полдень, но в глубоких быстринах всегда придерживается поверхности воды и плавает по дну только ночью или поздней осенью. Большею частью он плавает на аршин или менее от поверхности, смотря по тому, на какой глубине держится его главная добыча – елец и уклея, а в более чистых речных водах – мелкий голавль.

Уженье шереспера начинается по окончании его нереста, в большей части России – в начале или середине мая, по спаде воды. Ловят большею частью с лодки на самой быстрине, всего лучше на глубине около 2 аршин, под шлюзами и т. п., становясь на кошке (небольшом якорю) с двумя веревками, из которых одна зачаливается за корму, другая за нос. Без лодки можно ловить его только в небольших речках или в мельничных омутах, а на больших реках только на донную в закидку. *Удилище* должно быть длинное, крепкое, не очень гибкое (лучше всего березовое); на складное без катушки ловить больших шересперов почти невозможно. *Леска* тоже должна быть крепкая – или волосяная, волос в 10–20, или же, еще лучше, шелковая просмоленная и некрутящаяся. *Грузило* круглое, очень тяжелое (соответственно быстроте течения) прикрепляется вершков на 6 от крючка; весьма полезно окрашивать его в зеленый цвет. *Поплавок* средней величины, обыкновенной яйцевидной формы, реже крупный осокоревый. В *баске* нет особенной надобности (если только кроме шереспера не может схватить живца щука или судак), и лучше употреблять поводок из жилки. Шереспер – рыба хитрая и осторожная и на грубую снасть не попадет. *Крючок* должен быть небольшой, лучше одиночный, от № 1 до № 3. *Насадкой* служит уклея, елец или голавлик (которые гораздо прочнее уклеи), в крайнем случае небольшая плотичка. Живец должен бойко и свободно плавать, а потому его насаживают или за верхнюю губу, или за голову, у глаза, или за спинку. Слабого живца необходимо заменять свежим. Пускают живца утром и вечером вполводы или на 1 1/2 аршина от дна, а днем – не глубже аршина от поверхности. *Закидывают* леску по течению, довольно часто вынимая ее и снова перебрасывая. *Клев* шереспера быстрый и решительный: он хватает живца с разбега, большею частью с головы, и сразу топит поплавок; но осторожные и сытые жерехи, если снасть груба, часто сбивают насадку хвостом. Рыбаки по профессии, впрочем, держатся того мнения, что шереспер всегда хватает рыбу, предварительно оглушив ее всплеском хвоста, и, когда она закружится, ловит ее ртом. Подсекать надо сейчас же или выждав несколько секунд, смотря по способу насаживания (т. е. за спинку или за голову). Мелкий шереспер, особенно с весны, берет на червя, а летом иногда на муху. После подсечки шереспер начинает метаться как бешеный во все стороны, нередко выпрыгивая из воды, почему часто перешибает лесу; но если леса надежная, можно

прямо тащить его к себе, не давая ходу, ибо он не упорист так же, как и щука. Во всяком случае надо держать леску туго натянутой и всегда быть готовым к кувырканиям шереспера. Сачок, разумеется, необходим даже при ловле небольших шересперов, потому что на весу он сильно трепещется, да и крючок задевает его довольно слабо.

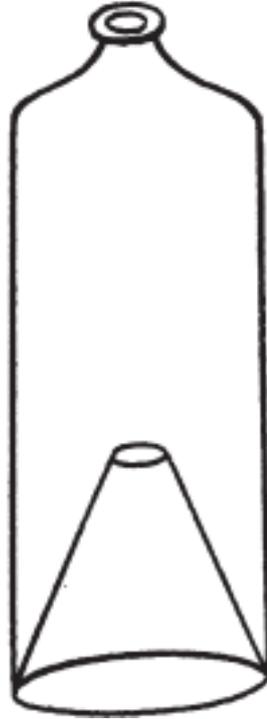

Рис. 67. Бутыль для ловли живцов

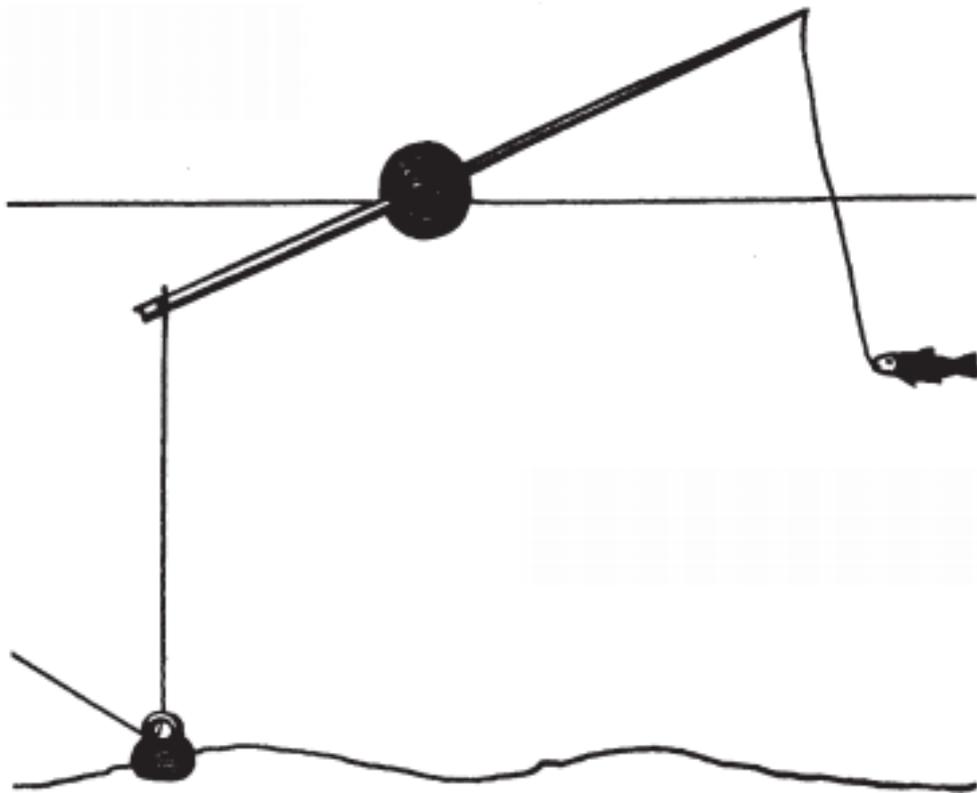

Рис. 68. Снаряд для ловли шересперов

Снаряд для ловли шересперов

На длинное удилище набивается пробка в 2/3 его длины, в том расчете, чтобы более длинная верхняя часть несколько перевешивала короткую нижнюю. К тонкому верхнему концу прикрепляется басковый поводок с жерличным крючком, к толстому нижнему – бечева, на которой свободно ездит кольцо груза (железная гиля), служащее для удержания всего снаряда в известном положении. Таким образом, при помощи этих простых приспособлений и лодки можно установить снаряд на любом месте на поверхности, на любой глубине и под любым наклоном к горизонту. Так как поводок короче длинной части удилища, наклоненной к горизонту, то живец не может запутаться. Все движения его будут только поворачивать весьма подвижный снаряд вокруг оси. Такое приспособление дает возможность воткнуть удилище в воду в тех местах, где бьет шереспер, изменить наклон его, то опуская живца глубже, то выводя его на поверхность, смотря по надобности; в случае сильного ветра или донного жора (клева) – спрятать весь снаряд в воду на любую глубину; в случае затишья и если рыба бросится хватать поверху – снова вывести его на поверхность, задерживать и попускать захватившую добычу, подтягивая или поддавая бечеву, которая привязывается к берегу, к короткому, но очень упругому удилищу. Необходимо лишь, чтобы бечева шла непрерывно от баска и до руки охотника; при этом он не рискует потерять добычу, если бы даже деревянная часть снаряда сломалась во время скачков и ударов попавшейся рыбы. Необходима также прочная бечева, хорошо просмоленная или проваренная и вытянутая, чтобы она не баранилась (не крутилась) в воде и свободно бы проходила в кольцо груза, которое, конечно, следует делать с закругленными краями.

Ужение ершей

Всего лучше берет ерш в мае, по окончании нереста. Этот весенний клев продолжается недели 2, затем несколько ослабевает, но в глубоких глинистых и особенно в иловатых ямах, составляющих любимый притон ершей, их можно ловить круглый год в значительном количестве. Безусловно, лучшая насадка для ершей – красный навозный червь; крючки лучше употреблять средние – №№ 5–8, так как мелкие он глубоко заглатывает. Удилище употребляется легкое, средней длины, леса волосяная (в 4 волоса), реже тонкая шелковая, просмоленная. Во время ужения полезно изредка взмучивать дно железными граблями или просто шестом. Хорошо также изредка подбрасывать вокруг места ужения пригоршни речного песка. Насадка должна касаться дна: на крючок, пущенный на весу хотя бы только на вершок, ерша удается поймать редко. Клев его очень верен, и ерш срывается редко. Обыкновенно он медленно окунает поплавок и ведет его в сторону, но иногда заглатывает насадку, не пошевелив поплавок. Ловят весной по утрам и вечерам; летом – преимущественно ночью, так как ерш, как и налим, рыба ночная. Впрочем, на озерах с плавучими (лавдами) ловят ершей и днем, прорубая в трясине окошко. Зимой ерш берет хорошо и среди дня.

В медленно текущей воде и в проточных прудах ершей ловят с поплавком; в реках же б. ч. на кобылки (с плотов) так, что леса опущена вертикально. При ловле с лодки без поплавка, на быстром течении или в водовороте также следует употреблять короткие лесы, которые хватали бы только до дна. При ловле с берега на глубоких и быстрых местах, если только глубина не под самым берегом, употребляют длинные или короткие удильники с лесой в 15–25 аршин, смотря по расстоянию ямы от берега. Грузило должно иметь достаточную тяжесть, чтобы удерживать насадку на одном месте. На донную удочку, особенно при хорошем клеве, навязывают б. ч. по два, даже по три крючка или же т. н. *двойчатку*, или *двухвостку*. Берется крупная картель или пуля и до половины раскалывается; в нерасколотой половине делается

сквозное отверстие; в это отверстие вставляется конец лески, завязывается узлом, а в расщеп защемляется (вместе с узлом) довольно толстый, как можно менее гибкий волосяной или, еще лучше, щетинный поводок длиной в 4–6 вершков с привязанными на концах двухволосными или жилковыми поводками, к которым привязываются крючки. Брать ерша в руки надо осторожно, так как уколы его плавников и колючек заживают не скоро и у людей золотушных сильно разбалчиваются. Можно ловить и на три крючка, причем последний прикрепляется на поводке к середине, но так они чаще путаются. Некоторые ловят на двойчатку и с поплавком.

При ужении на донную в закидку с тяжелым грузилом почти не приходится подсекать, так как ерш берет играющую насадку с налета и несколько приподнимает грузило, которое своею тяжестью делает подсечку. На двойчатки обыкновенно навязываются небольшие, т. н. мотыльные крючки с длинным стержнем и колечком вместо лопаточки. Это делается ради удобства доставания их изо рта ерша, который часто заглатывает крючок.

Весною, а также осенью и раннею зимою ерш берет довольно хорошо и среди дня, но летом преимущественно по ночам. Летом, осенью и зимою ловят его почти исключительно (под Москвою) на мотыля, т. е. красненького червячка, личинку комара-долгоножки (*Tipula*), живущей в иле и составляющей едва ли не главную пищу ерша, который также держится в иловатых местах.

Ерш – лучшая насадка для налима, которому, кажется, всего чаще достается в добычу. Другие хищники берут на ерша плохо, а местами не берут вовсе.

Ужение пескарей

Пескарь берет очень хорошо на удочку и ловится в большом количестве, уха из него очень вкусна, и, кроме того, он составляет очень живучую, хотя и малозаметную, насадку для хищной рыбы. Поэтому ужение его пользуется большой популярностью, особенно между начинающими рыболовами.

Пескарь во всякое время года держится преимущественно в реках и речках, на не очень быстрой воде, редко в прудах, на мелких *или* глубоких местах, смотря по времени года, но всегда на песке, мелком хряще, реже на песчанистом, невязком иле и непременно на дне.

Весеннее ужение пескаря начинается, как только просветлеет вода, в Средней России обыкновенно в конце апреля или в начале мая. В это время пескаря следует искать на мелких, довольно быстрых местах с хрящеватым дном (около аршина глубины). Ловят их с берега на легкие длинные удилица с тонкой 2–4-волосной леской и небольшой крючок (№ 9–10). Поплавок берется легкий или средний, смотря по быстроте течения и, следовательно, грузилу, но можно ловить и без поплавка, с руки. Удят всегда со дна, даже так, чтобы насадка слегка тащи́лась по дну. Можно ловить на удочки с двумя поводками или лучше с т. н. двойчаткой. Насадкою служит весной преимущественно мелкий навозный червь, насаживаемый с головы или хвоста. Больших червей лучше разрывать пополам; при хорошем клеве пескарей можно ловить и на обрывки червей. Пескарь всегда держится стаями, берет верно и иногда сам себя подсекает. Во время ужения каждый раз, как клев ослабевает, полезно взмучивать дно реки железными граблями или шестом. Пескари, стоящие ниже места ужения, встретив струю мутной воды, поднимаются по ней до взмученного места, начинают искать во взрытом песке и подходят к насадке. Пескарь – рыба вполне дневная и хотя в полдни берет хуже, чем утром и под вечер, но вечером, тем более ночью, не клюет вовсе.

Уженье уклейки

Уклейка живет во всех реках, речках, даже ручьях, в озерах и в прудах с чистой водою и песчаным дном. Держится она у самой поверхности и только раннею весною и позднею осенью встречается в глубине. Крупная уклейка в большом количестве водится в местах глубоких и тихих; на быстром же месте она бывает в глубоких омутах под шлюзами, а на перекатах встречается редко. Там, где есть фабрики, уклейку следует искать около отверстия труб, выводящих в реку краски; вообще она любит держаться около водосточных труб. Ловят ее во всякое время дня. Всего лучше удить у моста, плотов или обрыва, вообще на глубоких местах. Перед уженьем хорошо бросить несколько горстей отрубей, смешанных с мокрым песком. Удилище должно быть длинное и очень гибкое, всего лучше тоненькое березовое или рябиновое. Леса делается в два волоса с поводком в один волосок, большею частью без поплавка, длиною аршин 5–6; крючок – самый маленький (№ 10–14). Для насадки употребляют комнатную муху, метлу-поденку, муравьиные яйца, хлеб, навозного червя, мотыля. Муху насаживают всегда с головы. Пускать насадку надо как можно мельче. Клев уклейки быстр и неверен; она б. ч. совсем утаскивает поплавок. Подсекать надо проворнее, но не сильно; всего лучше подать вперед удилище и, если рыба не попала, не вынимать леси из воды. Выудив несколько десятков, переходят в другое место.

Уженье уклек начинается большею частью с середины мая. С весны ее можно удить на навозного червя, опарыша, хлебный мякиш и т. д.; но с наступлением настоящего тепла, когда уклейки поднимутся к самой поверхности, лучше всего ловить их на комнатную муху и др. мелких насекомых. Эта ловля продолжается почти до половины сентября, вообще до холодов, после которых уклейка сваливается в глубокие ямы и начинает брать со дна на навозного червя и мотыля.

Уженье плотвы

Плотва водится почти во всех реках, речках, прудах и озерах, лишь бы вода в них была достаточно свежа и глубока; она избегает, однако, холодной и очень быстрой воды и предпочитает тихую и теплую, хотя недолгоблывает мест очень тинистых и иловатых. За исключением поздней осени и зимы она постоянно держится в мелких заливах, и только самая крупная живет почти всегда на глубине. Обыкновенно же некрупная плотва скитается на средней глубине, вполводы, и только с наступлением холодного времени укрывается в глубоких ямах. Лучшие места для уженья – вблизи трав, свай, плотов и т. д., с песчаным дном. Глубина, на которой приходится ловить, колеблется между 1/2–3 аршинами.

Для насадки употребляют мотылей, опарышей и различных личинок, хлеб, пареные зерна, зелень, мух и др. насекомых, раковые шейки и червей. Для успешной ловли плотвы требуется самая аккуратная удочка: длинное и легкое удилище, самая тонкая леска и самый легкий, чувствительный поплавок. Крючки – из мелких номеров. Ловят плотву больше с поплавком; в полоях же на насекомых удобно ловить и нахлыстом. На донную ловят в местах глубоких и тихих, где попадает очень крупная плотва. При ловле на донную удочку следует употреблять более грубую. Клев плотвы, особенно мелкой, крайне неверен и разнообразен: она больше качает поплавок, чем окунает. Крупная плотва берет вернее и сперва тихо ведет поплавок, а потом топит. Подсекать надо при малейшем признаке, что плотва схватила насадку и повела.

Брать плотва начинает вскоре после вскрытия рек, прекращая клев на несколько дней во время самого нереста. Но настоящий клев начинается с того времени, как покажутся первые признаки растительности на дне. Сначала следует ловить на червей; летом же – на хлеб,

мух, кузнечиков, раковые шейки. Когда вырастет водяной шелк (зелень), плотва хорошо берет на него. В сильный жар хорошо ловить плотву в полоях часов с 12 до 4 на черный хлеб, смятый с медом и прованским или анисовым маслом, а также на белый хлеб с медом, окрашенный красной краской, и на мух. При ужении плотвы очень полезно бросать прикормку, состоящую из распаренных корок черного хлеба и поджаренных пшеничных отрубей и толченого конопляного семени.

Ужение голавлей

Голавль любит небольшие быстрые речки с довольно холодной водой. В проточных прудах он редок и держится здесь в самом материке пруда или его верховьях, и то если вода свежа и прозрачна. Крупные голавли придерживаются более глубоких мест, крутояров, где прячутся под берег и в коряги; небольшие же бывают чаще на местах мелких, на перекатах и в полдень плавают у самой поверхности почти по всей реке. Голавли клюют лучше всего по зорям, даже ночью, а днем – в сильный ветер, когда делаются смелее. Для насадки употребляют раков, разных насекомых, червей, пиявок, белый хлеб, ягоды, сыр, лягушек, малявок и пр. Прикормкою служат: конопляная и льняная избоина, сальные вытопки, черви, улитки, пареные зерна, гречневая крупа и пр. Голавль очень силен на удочке, и потому необходимо употреблять крепкое и гибкое березовое удище и самые прочные лески. Величину крючка надо соразмерять с величиной насадки. Чтобы благополучно вытащить крупного голавля, надо его хорошенько утомить на кругах и вытаскивать очень осторожно, непременно с помощью сачка. Клюет он верно и сильно, а потому подсечкой спешить незачем.

Весною голавли начинают брать, когда сольет и просветлеет вода. Места для ужения надо выбирать неглубокие, каменистые или песчаные с сильным течением. Когда же поднимутся водяные травы и появятся майские жуки, с большим успехом можно ловить на этих жуков по вечерним зорям, забрасывая насадку близ листьев лопуха, в местах, где слышатся частые всплески голавля. Жука можно пускать так, чтобы он плавал на поверхности, но хорошо также, если он начнет медленно погружаться. На майского жука (настоящего и искусственного) и друг. насекомых, напр. кузнечика, таракана и даже простую муху, можно ловить голавлей нахлыстом. Для такой ловли удобнее употреблять лодку; с лодки же ловят наплавной удочкой голавлей на рыбку.

Ужение линей

Линь живет преимущественно в стоячих водах; может водиться даже в прудах сорных и с дурной водой. В реках он попадает там, где есть заливы, затоны и вообще места, где совершенно нет течения и где дно покрыто массой ила. Любимую пищу линя составляет мотыль и красный навозный червь. Линь берет во всякое время дня, но лучше около времени захода солнца; лучшее же время года для ловли линей – это весна и осень до начала холода, когда клев линей совершенно прекращается.

Клев линя характерен. Сперва его присутствие около насадки замечается на беспокойстве поплавок: он качается то вправо, то влево, то подается вперед, то назад; затем он решительно повертывает в сторону, на минуту останавливается и затем совершенно ложится на воду – это и есть момент подсечки; как только поплавок лег, подсекать надо немедленно (иначе линь почувствует крючок и выплюнет насадку) и довольно резко, так как момент горизонтального положения поплавок есть тот, когда эта ленивая рыба берет насадку в рот и приподнимает ее со дна, чтобы заглотать. Если подсечка не сделана, то линь иногда заглатывает крючок, что и замечается на поплавке, который принимает вертикальное положение и

быстро погружается в воду; чаще же линь замечает крючок и выплевывает насадку, которую он не обрывает, а обсасывает.

Кроме этой поклевки, линь в редких случаях клюет еще другим образом – резко. При резкой поклевке поплавок исчезает сразу, леса вытягивается, конец удилица гнется. Линь в воде очень силен, упорист и, ведомый на лесе к берегу, старается запутать лесу, заходя на полукругах вправо и влево в тростник. Стоит только на минуту ослабить лесу – и рыболову придется лезть в воду самому или линь срывается.

Летом, когда лини клюют не особенно охотно, ужение представляет особый интерес, так как в это время от рыболова требуется некоторая сноровка и несколько предварительных действий.

Прежде всего в зарослях пруда надо выбрать место, где по разным признакам можно предполагать присутствие линей. В этом месте от берега по направлению к середине пруда прочищают коридор шириною не менее аршина, для чего водоросли срезают у самого корня и выбрасывают на берег. Когда коридор готов, его оставляют дня два в покое, чтобы распуганная работой рыба успокоилась и забыла тревогу. Дня через два или три приходят на расчищенное место с двумя удочками, которые и закидывают вдоль коридора, не посередине, а ближе к стенкам осоки.

Если ловля идет неудовлетворительно, тогда прибегают к приваде.

Прежде и чаще всего употребляется привада из каши или хлеба, смешанных с прованским маслом, в которое прибавлено несколько капель анисового масла. Эта привада действительна как для линей, так и для карасей. Можно также пропитывать ее *Asa foetida* или мятными и лавровишневыми каплями. Хорошую приваду составляет также творог – сухой, хорошо выжатый и немного облитый конопляным маслом. Все эти привады употребляются одинаково: их кладут в мешок из рединки, к мешку привязывается камень, и привада опускается в воду в том месте, где хотят удить.

Полезно перед началом ужения разбросать пригоршню-другую прикормки и во время ужения время от времени подбрасывать такие же пригоршни. Когда ужение производится с лодки, то лодку следует ставить всегда недалеко от осоки и закидывать у самой осоки. Лодка необходима только в том случае, когда берега низменны, болотисты и вообще малодоступны и неудобны для ужения.

Лини берут насадку лучше всего со дна. Если дно илисто и насадка уходит в жидкий ил, то ее следует пускать так, чтобы она чуть-чуть касалась дна; а для того, чтобы насадка не могла уйти в ил, место, намеченное для ловли и предварительно расчищенное от травы, *посыпают слегка песком*. Для того чтобы закрыть ил и сделать дно нетопким, нужно весьма небольшое количество песка, который почти всегда можно найти поблизости. Песок прекрасно сдерживает насадку, а также своей окраской способствует более яркому выделению ее в воде. К тому же места более чистые или покрытые песком среди окружающей их грязи и тины весьма охотно посещаются линиями.

В таких усыпанных песком местах можно ловить линей и на донную удочку, особенно если тут вода имеет небольшое течение.

Ужение лещей

Лещи для своего жительства выбирают места глубокие и тихие, б. ч. заводи и заливы с глинистым и песчаным, реже иловатым дном. Но для ловли лучше выбирать места не очень глубокие, с умеренным течением, крутым берегом и дном песчаным. Самые крупные лещи попадают у крутых глинистых берегов. Лещи всего лучше берут вблизи берега. Весенний клев их начинается, как только реки войдут в берега и вода несколько просветлеет. Самый же жадный жор бывает по окончании нереста, через две или три недели после начала клева.

Днем лещи держатся в травянистых зарослях, вообще в травах и на чистые места выходят только рано утром и поздно вечером. В это же время следует их ловить, за исключением ранней весны, конца апреля и начала мая, и с августа по октябрь, когда лещи берут с 6–7 часов утра и до 5–6 часов вечера. Мелких лещей можно удить и среди дня в теплую и ясную погоду в местах травянистых, выбирая здесь чистые прогалины. На быстринах лещ попадает очень редко. Лещи любят ветер, дующий сверху и производящий возле одного берега муть и наносы всякого сора. Возле такого мутного и засоренного берега очень любят держаться небольшие лещи, т. н. подлещики, а также густера.

Удилище для лещей необходимо выбирать прочное, упругое, но не слишком гибкое, так, чтобы оно сгибалось до половины; длиной аршин пять, всего лучше березовое. Лесы нужны также прочные волосяные от 10–20 волос или шелковые смоленые, надлежащей крепости; крючки средние – №№ 6 и 7. Поплавки надо употреблять хорошо выверенные, т. е. чувствительные, потому что лещ берет очень осторожно. Если удочка делается донная, то надо особенно заботиться о крепости удилища. Донное грузило может быть коническое, овально-плоское или призматическое, но во всяком случае настолько тяжелое, насколько это требуется быстротою течения.

Самую лучшею насадкой для леща служит красный навозный, затем небольшой земляной червь. Кроме того, с успехом ловят лещей на мелких белых червей, опарышей и молодь пчелы или осы; ловят также на хлеб, черный хлеб с творогом и пареные зерна, из которых всего лучше горох. Мелких червей следует насаживать по нескольку штук на крючок; больших же – по одному, насаживая петлями. Опарышей можно насаживать до дюжины на крючок, прокалывая поперек зада и стараясь захватить только самую кожицу так, чтобы они могли свободно крутиться. Мелких угрей и молодь осы или пчелы лучше насаживать поодиночке. Насадке из мятого хлеба надо придавать грушевидную форму величиною в обыкновенный орех. Для более успешной ловли лещей употребляют приваду, состоящую из гречневой, пшенной и полбенной каши, пареных зерен и т. д. При употреблении привады стараются ловить на то, чем прикормлена рыба.

Поклевка лещей в текущей воде передается различно. Иногда поплавок просто задерживается на месте, иногда начинает плыть против течения, иногда порывисто ныряет, но чаще всего лещ кладет поплавок плашмя, т. е. поднимает вверх. Та минута, когда выплывший поплавок начнет тянуть в глубину, самая лучшая для подсечки. Подсекать следует не резко, но довольно сильно и в сторону, противоположную той, куда потянуло. При ужении на донную подсекают тогда, когда почувствуется потяжка, резко отличающаяся от пощипываний, которые ей всегда предшествуют. Первые порывы подсеченного леща довольно сильны, и потому удилище надо держать в руке крепко, чтобы рыба не вырвала его и не соскочила с крючка; лесу тоже ослаблять не следует; медленно выпрямляя удилище и поднимая таким образом рыбу ближе к поверхности, левой рукой нужно приготовить сачок. Если лещ очень велик, надо дать ему сделать несколько кругов на глубине и утомить его настолько, чтобы он свободно позволил вести себя наружу. Лещ очень осторожен, пуглив, и при ужении его необходимо соблюдать возможно полную тишину.

Весеннее ужение лещей можно производить с поплавком, на донную, с донным грузилом и поплавком. Донная удочка употребляется больше для ночного ужения; донная с поплавком хороша при ужении в ветреную погоду, когда ужение с поплавком делается затруднительным (особенно при ветре, дующем по течению). Самое лучшее время для ужения весной – это раннее утро, т. е. до восхода солнца.

Июнь

Ловля раков

Рак, особенно линючий, составляет у нас почти повсеместно лучшую летнюю насадку для ловли крупной рыбы, а потому рыболову необходимо знать, где, когда и как его искать и ловить. Рак в большем или меньшем количестве встречается почти во всех речках, реках и во многих озерах и проточных прудах. Так как рак живет в норах, реже под камнями и корягами, то он всегда многочисленнее в реках с крепкими, иловатыми, глинистыми или песчаными берегами; в вязком иле и сыпучем песке раков почти не бывает, и вообще, чем берега круче, тем более удобств для их жизни и тем их больше. Летом рак роет свою нору (или норы), имеющую два выхода и от четверти почти до аршина длины, в более мелких местах; на зиму же перебирается в глубокие места, большею частью крутояры. Появляются же раки, вернее, начинается их ловля, в конце апреля или начале мая, когда реки войдут в берега.

Самый удобный и самый добычливый способ ловли раков производится *рачевнями*. Снаряд этот весьма прост, материал для него весьма дешев, и всякий может приготовить его дома. Для этого вяжется из простых суровых ниток сетка колпачком, длиной не более полуаршина, ячейки четверть вершка, нижний конец сетки закрепляется наглухо. Берется толстая железная проволока (употребляемая для мебельных пружин), сгибают из нее обруч в диаметре от полуаршина и более; на этот обруч нанизывается сетка, и концы его обматываются ниткой наглухо; обруч перекрещивается тоже проволокой, но тонкой (печной) и притом пережженной; четыре конца этой проволоки прикрепляются равномерно к главному обручу; к этой проволоке привязываются короткие нити, которые служат для навязывания приманки. Снаряд привязывается четырьмя нетолстыми бечевками так, чтобы проволочный обруч находился в равновесии, и прикрепляется к крепкой, но тонкой бечеве, аршина в 4–5, которая привязывается к трехаршинному крепкому шестику, упругому, но не такому жидкому, как удище. К тонкой проволоке, к привязанным уже тонким ниткам внутри главного обруча навязывается приманка, состоящая из тухлого мяса, жирной говяжьей кости, мелкой рыбки, корки черного хлеба, дуранды (льняная избоина) и т. п. Можно заменить железный обруч деревянным, но в таком случае надо подвязать или посередине обруча, где приманка, или по бокам его камни или другую тяжесть.

Рис. 69. Рачевня

Рачевни закидываются с берега так, чтобы обруч лег плашмя на дно реки и чтобы бечевка не была натянута, иначе рачевня будет лежать на дне не плашмя, а боком, что, разумеется, помешает ракам подойти к приманке; палка втыкается в берег. Всего лучше ставить рачевни в глубоких, но не быстрых местах, под крутыми берегами, особенно в заводях. Сначала, в первых числах июня, раки идут в рачевни только ночью, но во второй половине (когда большая часть самцов вылиняет и они очень голодны) раки попадаются и днем. Верной приметой удачной ловли раков рачевнями служит то, что докучливые раки беспрестанно тянут удочку и портят на крючке наживу, когда охотник ловит рыбу; вот тут-то и нужно прибегнуть к содействию рачевен, и можно быть вполне уверенным, что труд не пропадет даром. Вообще можно сказать, что раки начинают идти в рачевни с начала июня и ловятся в июле, августе и даже до половины сентября.

Можно также устраивать рачевни несколько иначе. К обручу из тонкого побега орешника или другого дерева привязывается сетка; посередине этого обруча прикрепляется прут, к которому на равных расстояниях от его концов, в свою очередь, прикрепляется тычинка с привязанною к ней ниже прутика лягушкой. Заостренный конец тычинки проходит через дно сетки для того, чтобы тычинку можно было воткнуть в грунт реки или озера. Кожа с лягушки снимается и заворачивается на голову, так, чтобы последняя была спрятана. Это делается для того, чтобы сильнее пахла приманка и чтобы были скрыты глаза лягушки,

которых рак, как уверяют рыбаки, пугается. Такие рачевни удобнее первых тем, что менее заметны для постороннего глаза.

Кроме рачевен можно ловить раков руками, вытаскивая их, как налимов, из нор (см. далее) или из-под камней. В мелких прозрачных речках с каменистым дном можно наловить их очень много, особенно в солнечный день или ночью с огнем. Кто боится рачьих клешней, тот может, приноровившись, ловить раков расщепленной палкой, надвигая расщеп на середину туловища рака.

Пойманных раков всего лучше сохранять в плетеных корзинках с крышкой (чтобы не выползали), укладывая рядами и перестилая крапивой или мокрой травой. Корзину держат на погребе, зарывая ее в снег. В таком месте жесткие раки могут прожить до месяца и больше, а мягкие – 2–3 недели. Мягких надо держать отдельно от жестких.

Ловля линючих раков

Линька раков начинается в конце мая, по замечанию рыбаков, когда рожь начнет колоситься. («Когда рожь начнет колоситься, тогда и рак начинает лупиться».) Сначала линяют самцы, отличающиеся от самок более длинным туловищем, более длинными (и слабыми) клешнями и более клинообразным хвостом; рачихи в это время еще носят под хвостом яйца. Линька совершается не дружно, а постепенно: сначала снимает старую скорлупу мелкий, потом средний и наконец крупный рак. Самый развал линяния самцов бывает (в средней полосе) около середины июня, но только что вылинявшие раки (вылупки) продолжают встречаться до середины июля и даже до Ильина дня (20 июля). Рачихи начинают линять месяцем позднее самцов, когда уже выведут рачат – с первых чисел июля и до середины августа; всего чаще линючие рачихи встречаются около Ильина дня.

За несколько дней или за неделю до линьки, когда старая очень темная и твердая скорлупа легко снимается руками и под нею образовалась новая тонкая кожица, раки перестают есть и безвыходно сидят в норах до тех пор, пока новая очень нежная (синеватая) кожица не затвердеет, что бывает на 2-й или 3-й день. Поэтому ловить их рачевнями, сетями или на какую-нибудь приманку нельзя.

Коренные рыбаки с самого начала линянья раков начинают искать их по заплескам реки; для большего удобства они даже нарочно кладут в воду на такой глубине, где можно достать руками, старые доски, рогожи, бересту и т. п.; все это слегка засыпают землей (или кладут камни), чтобы не сносило водой и не поднимало вверх. Раки, собирающиеся линять, весьма охотно забираются под это покрытие, и рыбак может быть уверен, что труд его вознаградится и что он всегда будет с хорошей насадкой. Доску, рогожу и т. п. надо поднимать как можно осторожнее (против течения так, чтобы муть относилась водой) левой рукой; правую же, не торопясь, подводят сбоку (но никак не сверху) и обирают раков. При очень резком движении или шуме раки сейчас захлопают хвостами и быстро разбегутся.

Менее предусмотрительные рыбаки ограничиваются тем, что замечают, в каком месте реки всего более рачьих нор, и ловят раков уже в норах, т. е. щупают, как налимов. Искать раков и в этом случае также следует в тихую погоду, т. е. преимущественно после восхода солнца и перед закатом. В ветер волны и муть около заплеса мешают видеть норы, и ловля не может быть добычлива. Идти следует всегда против течения, чтобы муть, поднятая ногами, относилась назад и не мешала видеть находящиеся впереди норы. Если нора имеет два выхода, то правую руку запускают в главный, большой, а левую – в малый или же последний ход заступают ногою. Руку запускают в нору ладонью вверх, чтобы пальцы руки шли по дну норы. В противном случае можно очень больно уколоться об острый шип на лбу рака. Сначала рак щиплет руку клешнями или пятится в глубину норы, но этим смущаться

нечего – руку просовывают дальше и дальше, пока ее не подведут под брюшко рака, который вытаскивается и кладется в мешок.

Ужение на рака

Ужение это начинается вместе с линьнием раков, т. е. с первых чисел июня, и продолжается почти до конца августа. Все это время, в особенности же во 2-й половине июня и весь июль, крупная рыба ночью и по зорям держится почти исключительно около рачьих нор, так как рак составляет тогда ее главную пищу. Днем в жаркую погоду рыба уходит в глубокие места, где холоднее. На рака берет большая часть рыб, начиная со щуки и кончая плотвой (впрочем, последняя берет только на шейку и клешни), но всего более ловят на него окуней, голавлей и язей.

Смотря по тому, какая рыба берет – крупная или средняя и мелкая, – для насадки употребляют или цельного рака, вернее его туловище, или же его части, т. е. клешни (крупных раков) и шейку (т. е. хвост), которая может быть разделена на 2, даже 4 части. Иногда, впрочем, крупную рыбу ловят, насаживая на крючок по 2 больших или 3 небольших раковых хвостика. Всего удобнее ловить на рака, готового линять или только что вылинявшего, еще мягкого (на вылупка), но за неимением таковых можно обойтись и жесткими раками, еще не готовыми к линьке, выбирая из них самых темных и жестких, или раками с уже затвердевшей молодой кожей. Последние хуже, так как облупить их очень трудно.

Рак, готовый к линьке⁷ или мягкий, насаживается на крючок (средних или лучше крупных номеров) в разных местностях различно. Во всяком случае лапки обрываются, а у жестких, кроме того, предварительно обламывают клешни. Лапки бросаются в воду для приманки, также и клешни, но более крупные из клешней лучше приберечь для ловли мелкой рыбы на мелкие крючки. Всего удобнее насаживать рака таким образом, чтобы острие крючка было спрятано в «шейке», потому что рыба почти всегда хватается рака с хвоста и, следовательно, подсечка будет вернее. Так насаживают б. ч. мягкого рака. Крючок втыкают в (левый) глаз и выдергивают около второй пары ног, потом немного спускают рака на поводок и уже окончательно заправляют крючок в хвостик. Хорошо также насаживать рака, продевая крючок в бока, в края молодой кожи два раза. Последний способ всего пригоднее для раков, готовых к линьке, которых приходится предварительно облуплять. Это делается так: у рака отламывают клешни и лапки почти вплоть и отрезают хвост, но не совсем, а оставляя один-два сустава или звена (иначе легко выпустить печень); затем подрезывают немного острие на лбу, после чего старая черная кожа сама собой снимается со спины рака.

Большинство рыболовов, имея в виду, что обыкновенно на крючок насаживается или такой недолупок без хвоста и клешней, или же цельный мягкий рак с мягкими клешнями, продевают крючок сначала в середину хвостика, вдоль по кишечному каналу, потом, вынув его внизу 1-й пары ног так, что шейка будет продета поводком, снова, отступя на полпальца, впускают крючок во внутрь рака так, чтобы острие его выходило или под глазами, или под верхнюю кожу между глаз, причем стараются не проткнуть ее.

Цельную шейку или ее части и клешни насаживают (предварительно облупив их, как сказано) на более мелкие крючки, причем полезно (так как эта насадка слабо держится на крючке) привязывать ее волоском, ниткой или шелковинкой. Цельная шейка насаживается, конечно, посредине и как червяк; клешни лучше употреблять цельные, оторванные и очищенные от самого туловища, во всю длину; насаживаются они с верхнего узкого конца, а крючок прячется в клешне при ее раздвоении.

⁷ Это узнать нетрудно: стоит только сломать у него клешню, и если старая скорлупа снимается с нее беспрепятственно, как бы футляром, то легко можно облупить и самого рака.

Толщина лесок, крепость и длина удилища зависят как от средней величины водящейся рыбы, так отчасти и от глубины. Чаще всего у нас ловят на волосяные лески в 12–20 волос (плетенные в 3 пряди), по той причине, что волосяная леса доступнее и, кроме того, *более растяжима*, чем шелковая. Но последняя много крепче, хотя по причине своей меньшей эластичности требует непременно очень гибкого удилища.

Вот почему на шелковые лески можно ловить или с катушкой, или же на безукоризненные *цельные*, т. е. натуральные удилища. Чем длиннее удилище, тем лучше, но на глубине, превышающей 3 сажени, и при ловле на донную с берега польза длинного удильника, который позволяет, утомив рыбу, подсачить ее, не хватаясь за леску, уже менее ощутительна, и можно ловить с коротким 1–1½-аршинным, только леска должна быть потолще, чем при длинном.

При ужении же на донную с хорошим поводком из жилки толщина лески не имеет на клев почти никакого влияния. Тяжесть грузила соразмеряется с быстротою течения, увлекающего насадку; для донной лучше всего употреблять грузило сильно сплюсненной овальной формы или четырехугольное передвижное, т. е. свободно ходящее по лесе до поводка; при этом условии рыба не слышит грузила и клев ее непосредственно передается кончику удильника. Иногда грузило привязывают к самому концу лески, а поводок с крючком – на 6–7 вершков повыше.

При таком способе можно заметить малейшую поклевку, и рыба также не встречает такого сильного сопротивления, как при обыкновенном способе прикрепления неподвижного грузила. При всех способах ловли на рака необходимо иметь сачок.

Чаще всего ловят на рака на донную⁸ и обыкновенно с берега, реже с лодки. В первом случае, т. е. при ловле с берега, ловят больше на короткие (можжевеловые) удильники, которые втыкаются в берег, а так как удят больше ночью и заставляют большое количество удочек, то к кончикам их привязывают бубенчики или колокольчики. Длинные же удилища втыкать неудобно, и они требуют подставок. При ужении же с лодки они много удобнее коротких, которые к тому же надо закреплять; эти длинные удильники должны быть довольно тяжелы, чтобы рыба не могла сразу утащить их, и вместе с тем очень посадисты (т. е. центр тяжести находится близко от комля); они обыкновенно кладутся поперек лодки. Напомним здесь, что при темном цвете дна для донной лучше употреблять черные лески, а не белые. Самые лучшие места для ужения на рака – на средней глубине и быстрине, с хрящеватым или каменистым дном. Главный клев бывает ночью (особенно лунной) и в первые часы рассвета.

В медленно текущих реках, и особенно в тихих глубоких заводях, можно с успехом удить (с берега и с лодки) на рака с поплавком. Насадка при этом должна не доходить до дна на 3–4 вершка, но удилища должны быть непременно длинные (иначе часто будут неверные подсечки). В таких же местах в некоторых средних приволжских губерниях ловят иногда без поплавка, на весу (тоже на 3–4 вершка от дна), с т. н. клевом, т. е. так, что клев непосредственно передается кончику удильника. Тут, напротив, пригоднее недлинные удильники, особенно в ветреную погоду, когда лодку покачивает волной. Наконец, на реке Мологе ловят на рака с поплавком весьма оригинальным способом, составляющим первообраз т. н. нотингэмского способа ужения⁹. Именно ловят с поплавком и грузилом, пуская насадку на

⁸ Для того чтобы закинуть длинную лесу донной удочки, надо взять грузило на руку, часть лески, идущей от грузила до крючка с насадкой, свернуть кругами, придавить эти круги, положив на них насадку, и, махнув раза два, разжать руку и пустить грузило на воздух; таким образом, пока грузило натянет леску и будет остановлено толчком, круги эти размотаются, и насадка, особенно живец, не получив опасного толчка, спокойно опустится в воду. Еще лучше взять при этом в другую руку удильник и, когда натянется леска, подать его вперед, чтобы уменьшить силу толчка, и тогда уже воткнуть крепче в землю.

⁹ При этом последнем способе употребляется легкая деревянная катушка с двумя ручками (для равновесия); поплавок, грузило и насадка, увлекаемые течением воды, сматывают леску (шелковую) с катушки, и таким образом насадка проплыв-

четверть от дна, но на очень длинную леску (до 3 сажен, не считая подводной части) и без удильника; ее наматывают на пальцы и на плаву дают волю плыть по течению воды, спуская лесу. Можно, впрочем, спускать ее просто из рук, не наматывая на пальцы. Эта ловля считается самую добычливую, но она удобоприменима на довольно быстрых и не особенно глубоких местах, где потому рыба не берет поблизости от лодки. Кроме того, очевидно, что лески должны иметь здесь гораздо большую крепость и что подсечка (т. е. взмах руки) должна быть гораздо энергичнее, чем при ловле с удильником¹⁰. Удобнее бы всего при таких условиях ловить настоящим нотингэмским способом, но так как катушки и удилица для этой цели придется выписывать из-за границы, то можно ограничиться обыкновенным складным (но крепким) удилицем с кольцами и катушкой (на толстом конце). Только тут уже шнурок с катушки надо по мере натягивания лески спускать левой рукой, держа удилице в правой. По всей вероятности, для ловли осторожной рыбы на всякого рода насадку с поплавком всего пригоднее окажется кобылка, или колодка, употребляемая для зимнего ужения или ужения с плотов, у которой внизу, поперек ее, вращается на оси обыкновенная деревянная катушка с ручками на обеих сторонах (иначе она не будет так свободно вертеться). Шнурок (шелковый), наматываемый на эту катушку, пропускается в отверстие, просверленное в передней части кобылки под коротким удильником (можжевеловым или, еще лучше, из китового уса) с несколькими (3–4) кольцами, с нижней его стороны. Приспособление это обойдется очень недорого, леска же будет очень хорошо сматываться с катушки одною силою течения. При клеве рыболов сразу может затормозить катушку тою же рукою, в которой держит кобылку, и подсечь много вернее и сильнее, чем при моложском способе; кроме того, рыбу можно утомить скорее и с меньшим риском, даже употребляя очень тонкую леску, так как имеется полная возможность спустить еще несколько аршин шнура. При ловле с поплавком сторожкой крупной рыбы это дальнейшее отпускане лесы от лодки, пугающей рыбу, вполне может заменить ужение на донную и даже много интереснее и добычливее его. Необходимо только, чтобы все пространство, на которое отпускают поплавок (оно может быть в 10 и более сажен), имело почти одинаковую глубину.

Заграничные способы ужения на донную

При ужении на донную удочку по большей части употребляют несколько удилиц; вследствие этого нередко случается, что когда рыболов, привлеченный звоном бубенчика, подойдет, то клевавшая рыба, натянув лесу и почувствовав сопротивление, уже бросила насадку. Во избежание этого французы придумали особого рода приспособление, совершенно понятное из прилагаемого рисунка; когда рыба, взяв насадку, потянет за лесу, то плоская катушка *a*, на которую она намотана, поворачивается, ударяет шпеньком *b* по пружине с бубенчиком, с прикрепленной к ножке *d* снаряда, и продолжает разматываться, давая рыбе возможность беспрепятственно удаляться с насадкою и при каждом обороте позванивая бубенчиком.

Употребление бубенчика указывает на то, что донное удилице в большинстве случаев не держится в руке, а берется только тогда, когда звон бубенчика уведомит о поклевке; но можно снять бубенчик и держать удилице в руке, как это очень часто делают москворецкие рыбаки.

Без бубенчика удят на донную удочку и англичане, употребляя для этого обыкновенное удилице с катушкою, какое употребляется для ужения с поплавком; разумеется, степень

вает расстояние в 10 и более сажен от лодки. Затем леска наматывается на катушку и снова закидывается у лодки.

¹⁰ Заметим кстати, что вообще сила подсечки должна сообразоваться с длиною удилица: в противном случае рискуешь, что или рыба плохо зацепит за крючок (при коротком удильнике), или же при очень сильной подсечке длинным удилицем оборвешь рыбе (крупной) губу, или сломаешь крючок, или оборвешь поводок, леску.

гибкости верхушки удилища должна соответствовать силе течения и зависящей от нее тяжести грузила. Последнее бывает круглое (при легком течении) или плоское (при сильном); крючок привязан к леске из волоска (жилок) фута в 3 длины с дробинкою, прищипнутою в двух футах от крючка и не дающею грузилу съезжать дальше. Эта леска пристегивается к тонкому непромокаемому катушечному шнуру – и донная удочка готова.

В Англии употребляется один способ донного ужения, производимый следующим образом: приблизительно на один фут над крючком в леску вяжутся двумя петлями небольшую палочку (в 1 дюйм длиною). Затем берут комок чистой мягкой глины величиною от куриного яйца до апельсина; смотря по быстроте течения, прибавляют к глине немного мелких отрубей и червей, опарышей или шварок (смотря по тому, чем хотят насаживать крючок) и осторожно приминают глину около палочки. Крючок с поводком слегка вдавливаются в глину так, чтобы насадка была чуть видна (рис. 71), и шар закидывается в требуемое место; опустившись на дно, он понемногу размывается водою, уносящею вместе с глиною и более лакомые кусочки. Рыба, найдя источник этих благ, начинает разрывать глину, причем почти неизбежно встречается насадку и схватывает ее; сотрясение передается руке рыболова, держащего лесу слегка натянутой, он подсекает и вместе с тем сбивает с лесы остаток глины.

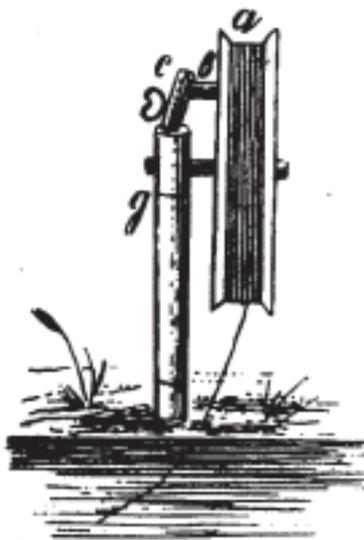

Рис. 70. Катушка для ужения на донную

Рис. 71. Глиняный шар

Способ этот особенно пригоден в тех случаях, когда рыба пуглива и клюет осторожно; единственное его неудобство заключается в том, что он не позволяет закидывать далеко от берега или лодки, иначе шар разбивается, ударившись о воду.

Во Франции этот способ применяется с маленькими изменениями, которые, однако, весьма остроумны и целесообразны. Во-первых, вместо обыкновенного удилища иногда употребляют донное удилище с бубенчиком, а иногда китовый ус, вершков 7-ми, вставленный в пробковую или деревянную ручку вершка в 3 1/2 или 4 длины (рис. 72)¹¹. На расстоянии дюймов 3-х или 4-х от крючка прикрепляется дробина и вместе с ним прячется в комке глины, смешанной с сухим конским пометом и опарышами, червями или шкварками; так делается в местах, где дно чисто. В таких же местах, где на дне много задевов, опасно оставлять крючок на дне после того, как глина, закрывающая его, смывается; а между тем, как узнать, цел шар или нет, когда удилище не держится в руке? Для этого придумали следующее простое и целесообразное средство: на расстоянии 4-х или 5-ти дюймов от крючка на лесу вместо дробинки надевают кусочек пробки, такой величины, чтобы он мог поднять крючок со дна, если рыба, разбивши шар, не взяла насадку или если шар распустился раньше, чем рыба нашла его.

Рис. 72. Ручка с китовым усом для ужения на донную

При этом способе ужения можно также пользоваться услугами поплавка; французы при этом оставляют между поплавком и шаром расстояние, превышающее глубину воды в данном месте на 1 или 2 дюйма.

¹¹ Это удилище уже всегда держится в руке.

Англичане же ставят поплавок фута на два глубже, чем следует; он плывет по течению до тех пор, пока натянется леса между ним и шаром, так как последний водою совсем не сдвигается или сдвигается очень мало. Разумеется, при таких условиях заметна малейшая поклевка.

Этот последний способ можно несколько видоизменить: шар, удерживающий насадку на месте, заменяется грузилом, отстоящим на 1 фут от крючка и настолько тяжелым, что поплавок не может поднять его. Этот род ужения заслуживает внимания со стороны тех, кто не любит пачкаться и возиться с глиною или почему-либо не может удить без поплавка.

Очень часто на лесу надевают поплавок, состоящий из трубки пера вороны или галки, и закрепляют его клинушкой из того же пера (рис. 73); расстояние между поплавком и крючком должно равняться глубине воды в данном месте. Это делается, чтобы легче заметить, когда насадка коснется дна, так как не у всех осязание достаточно развито, чтобы почувствовать это рукою.

Рис. 73

Ужение рыбы на насекомых

С появлением насекомых, приблизительно в конце мая, начинается время ловли внаплавную. Эта ловля плавом и на насекомое самая добычливая во все время жаров, но вместе с тем требует или совершенно особенной снасти, или радикальной переделки той, которая служила для ловли на червя.

Удильник более, чем при всяком другом способе ужения, должен быть удлинен, а вместе с тем и настолько легкий, чтобы не утомлять руки, не выпускаяющей его во все время охоты. Он должен быть сверх этого очень гибок, причем гибь должна уменьшаться постепенно по направлению от верхушки до комля. Таким требованиям удовлетворяет удильник березовый, высушенный на вольном воздухе.

Леса волосяная, волос в восемь, совершенно пригодна для ловли средней рыбы. Лучше, однако, употреблять лесы сырцовые, тонкие, выдерживающие фунтов 5–6 мертвого веса. Необходимо такую лесу сделать непромокаемой. Длина лесы не должна превышать длину удильника более чем на 2–3 аршина, иначе закидывать будет трудно. При ужении на насекомое надо обратить особое внимание на то, чтобы вся снасть была по возможности тонка и мало заметна, вследствие чего следует избегать всяких лишних узелков и петель на лесе. *Поводок* – длинная, выкрашенная ализариновыми чернилами буйволовая жилка, прикрепленная к лесе рыбачьим узлом. *Поплавок* употребляется из гусяного пера или пробки. Всего лучше для этой цели описанные ниже самоогружающиеся поплавки, причем леску полезно смазывать от времени до времени салом.

Крючки для средней рыбы – №№ 4 и 5 Кирби или, еще лучше, крючки без колечка и лопаточки с едва заметным загибом, которые в недавнее время появились в продаже и которые в Москве можно найти, кажется, только у одного Шенбруннера. Крючки эти привязать очень легко, так как они снабжены игольным ушком (а не кольцеобразным) и небольшим желобком вдоль крючка. Буйволовая жилка продевается в ушко *спереди*, и конец, вышедший *сзади* крючка, привязывается к последнему шелком, причем вдоль крючка делаются тонкие поперечные надрезы мелким напилком, чтобы поводок мог войти в эти зазубрины и не соскальзывать с крючка.

Грузило при ужении на насекомое совершенно отсутствует, так как вся снасть вместе с насадкой должна плавать.

Насадкою служат разные насекомые, из которых надо выбирать преимущественно крупных; наиболее употребительные насадки: крупные мухи, жуки, кобылки, кузнечики. Чтобы с успехом употреблять ту или другую насадку, нужно сообразоваться с тем, к какой насадке рыба более всего привыкла в данной местности.

Лучшее *время* для ужения на насекомое – вечер перед закатом солнца, когда насекомые толпятся над водой, а рыба всплывает кверху для кормежки.

Техника ужения проста. Выбрав место, где бы фигура рыболова не выделялась особенно резко, что может спугнуть рыбу, гуляющую на поверхности, поместившись, напр., у куста или под большим деревом и оставаясь в тени, наживляют крючок насекомым так, чтобы не умертвить его, помня при этом, что острый конец крючка не должен быть под покровом насекомого, а непременно должен быть наружи. Наживив крючок, делают взмах и легко опускают насадку на поверхность воды; так как грузило отсутствует, то падение совершается вполне естественно. Если поблизости есть рыба, то она не замедлит схватить насадку; если же нет, то, подождав некоторое время, начинают подводить насадку к берегу легкими толчками; если и после этого рыба не возьмет, закидывают снова и повторяют тот же маневр.

Если рыба взяла насадку, подсекать необходимо только тогда, когда станет заметно, что леса натягивается, – признак того, что насадка во рту и рыба отплывает, чтобы проглотить ее. Подсечка должна быть энергичная, но не резкая. (См. также июль, «Ужение язей на кузнечика».)

Ужение при помощи ветра

Это очень оригинальный и добычливый способ ужения, но пользоваться им можно только при голых берегах и благоприятном (т. е. дующем с одного берега на другой) ветре. Удилище берется очень длинное (6–7 арш.) и довольно гибкое; леса очень тонкая, шелковая, но крепкая, с поводком в аршин или полтора, из тончайших жилок; длина леси должна быть больше, чем длина удилища, на 2 аршина; крючок № 9–12 насаживается поденкою, бабочкою или большою мясною мухою. Рыболов поднимает удилище (насколько позволяет длина рук) так, чтобы насадка находилась на расстоянии аршина от земли, становится спиною к ветру и предоставляет ему нести крючок куда следует. Когда последний, так сказать, повиснет над местом своего назначения, кончик удилища опускается, насадка ложится на воду очень легко и естественно и почти всегда тотчас же схватывается рыбою. Если же при первом падении насадки на воду не будет поклевки, то следует предоставить ее течению, стараясь, чтобы по возможности леса лежала на воде.

Так как все условия, необходимые для успешного применения этого способа, не часто совпадают, то им приходится пользоваться довольно редко, но зато, если дождался благоприятного случая, можно щедро вознаградить себя за долгое ожидание.

Самоогружающиеся поплавки

В мелкой, быстрой и прозрачной воде ужение с обыкновенным поплавком и грузилом почти невозможно: рыба хотя и жадно хватает бросаемую прикормку, но, боясь быстро тонущей приманки, не берет ее. Здесь ловят почти исключительно нахлыстом на живых (или искусственных) насекомых, которые не должны тонуть. Ловля эта самая трудная и требует очень острого зрения и большой ловкости. Между тем, если груз поместить в нижней части поплавка, то последний приобретает надлежащую устойчивость, насадка же, извиваясь в воде на тонком поводке, имеет несравненно более естественное положение и хватается рыбою без прежних опасений. Для ловли живцов в жаркие дни такие *самоогружающиеся*

поплавки положительно незаменимы, но с ними можно ловить и крупных голавлей, язей и плотву.

Самый простейший способ приготовления самоогружающихся поплавков заключается в том, что в нижнюю часть перяного поплавка или в перяную трубку осокоревого или же легкого пробочного поплавка кладут несколько мелких дробинок (или наливают ртути) и, выверив поплавок, залепляют эти дробинки воском. Или же берут цельную трубку гусиного пера, в нее плотно пригоняют деревянную палочку в 1 дюйм длины так, чтобы она вошла наполовину; на другой конец палочки насаживают дюймовую трубку гусиного пера (глухой конец которой должен быть сделан вполне непромокаемым), в которую впускают несколько капель ртути или насыпают самый мелкий дунет. Поплавок вывернется и отделывается. На месте соединения обеих трубок привязывается петелька из самой тонкой проволоки для пропуска лесы, и завязка лакируется. Закрепляется поплавок (рис. 74) на леске одним перяным колечком или двумя – на оба конца.

Для ужения на быстрине такие поплавки мало пригодны, но для ловли плотвы и другой белой рыбы в прозрачной, неглубокой и медленно текущей воде они очень удобны.

Самоогружающиеся поплавки для ловли на быстрине делаются несколько иначе: взяв поплавок, в котором леса задерживается перяным клинышком (деревянные слишком разбухают), пропускают в сквозное отверстие его толстую жилку несколько большей длины, чем поплавок. На концах жилки завязывают по узлу и под этими узелками прищипывают известное число дробинок; если же требуется, чтобы поплавок лежал на воде, то насаживают одинаковое число на оба конца (рис. 57). Когда же надо, чтобы поплавок плыл стоя, то сверху насаживают только одну дробину, не дающую жилке проскользнуть в отверстие поплавка, а снизу – две, три или больше, смотря по надобности. (Рис. 67.) Для того чтобы поплавок из целого, совсем очищенного гусиного или дрофиного пера не соскакивали с палочки, достаточно укрепить ее в перо посредством шеллака или сургуча.

Такого рода поплавки представляют, однако, следующие неудобства: при лежачем положении, если ветер рябит воду, также на перекатах они мало заметны; при стоячем же они хотя становятся и более заметными, но недостаточно устойчивы, и, кроме того, при подобном положении поплавок леса не лежит поверх воды, а пересекает ее поверхность, через это легкая насадка (напр., мухи, мелкие кузнечики) скоро тонет, а рыба, живущая на быстрине, вообще охотнее берет насадку, находящуюся на поверхности воды.

Неудобства эти до некоторой степени устраняются следующим образом. Просверлив хорошую пробку посредине и подчистив сделанное отверстие круглым подпилочком, придают ей форму очень удлиненного яйца. В верхний тупой конец ее вклеивают перяную трубку, а в нижний, тонкий, – конический кусок свинцу со стержнем из медной проволоки, обмотанной слегка ватой. На расстоянии 1/2 дюйма от верхнего конца пробки прожигают раскаленной проволокою поперечное отверстие и вставляют в него трубку утиного пера, затыкающуюся клинышком из того же пера. Затем свинцовый конус обтачивается, насколько это нужно (для чего выверяют его в стакане с водой), для того чтобы поплавок погружался до нижнего края поперечного отверстия. Поплавок окрашивается масляной краской (подводная часть – зеленой, верхняя, включая и трубку, – белой краской) и покрывается копаловым лаком. (Рис. 77.)

Рис. 74. Перяной самоогружающийся поплавок

Рис. 75. Лежачий самоогружающийся поплавок

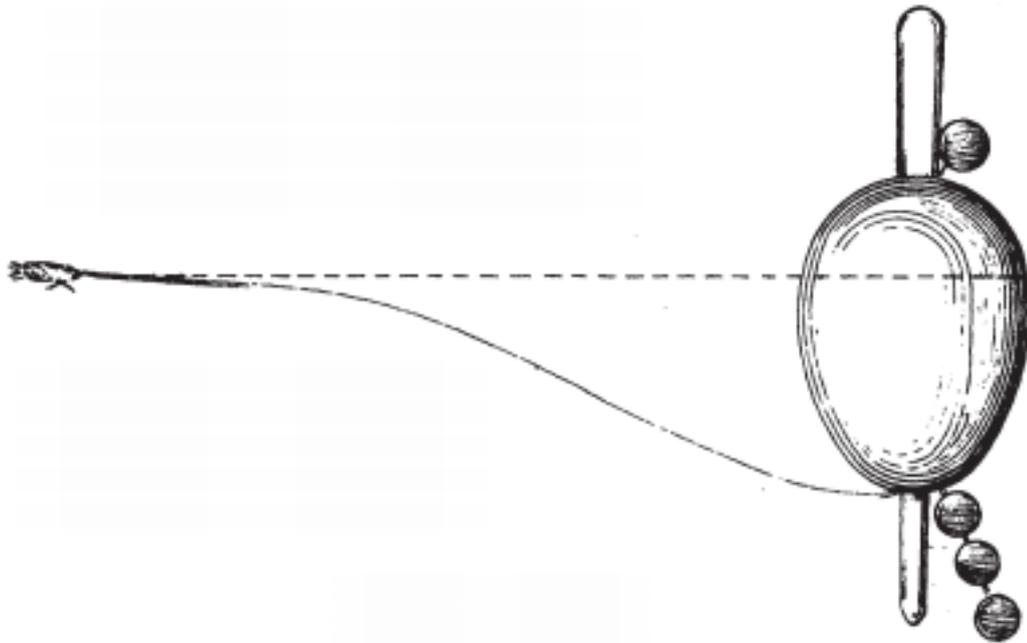

Рис. 76. Стоячий самоогружающийся поплавок

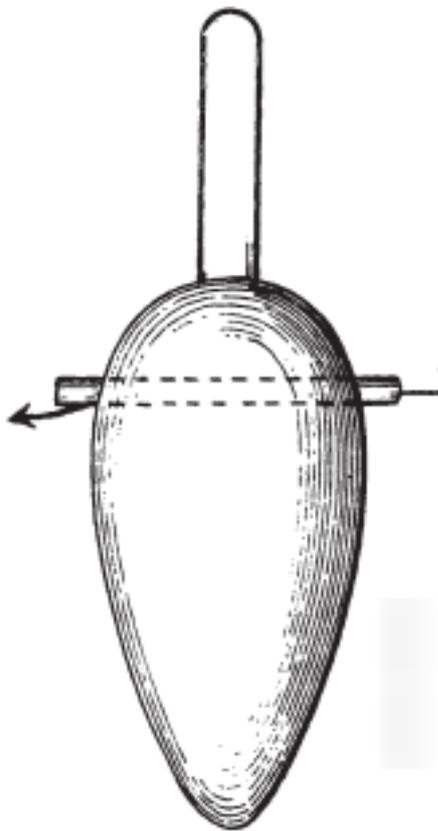

Рис. 77. Поплавок с поперечным отверстием

Но при ужении на быстрине и эти поплавки представляют слишком большое сопротивление при подсечке, почему последняя часто выходит неверною; кроме того, при подтаскивании к себе для перезакидывания он производит некоторую рябь, пугающую сторожковую рыбу. По этим причинам в последнее время придуман новый тип самоогружающегося лежачего поплавка заостренно-овальной формы. Из рисунка (рис. 78) видно, что поплавок

просверлен вдоль; в сделанное отверстие вставляется трубка утиноного или другого какого-нибудь тонкого пера, а в эту трубку – клинышек из того же пера. Вдоль поплавка вырезывается полоса пробки, имеющая в разрезе форму треугольника, основанием обращенного к оси поплавка; на место ее вставляется полоска свинца соответствующей формы. Полоска эта обделывается заподлицо с поплавком, и последний выверяется; если окажется свинцу много, то его вынимают и вырезают с *внутренней стороны* (т. е. с *основания*) сколько нужно. Выверив поплавок местах в четырех (означенных в чертеже пунктиром), вокруг поплавка трехгранным подпилком нарезают неглубокие желобки и по ним крепко обматывают шелком, чтобы свинцовая «подошва» не шевелилась. Остается выкрасить нижнюю половинку в зеленый, а верхнюю в белый цвет и затем покрыть поплавок копаловым лаком.

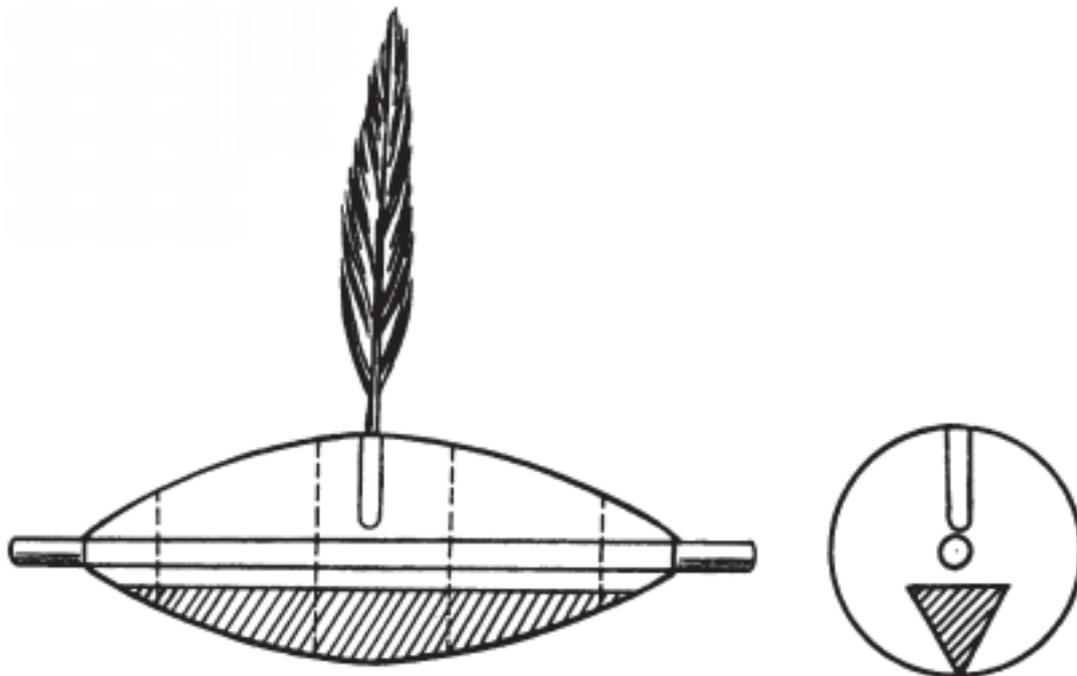

Рис. 78. Лежачий самоогружающийся поплавок со свинцовой подошвой

Для того чтобы поплавок этот был виднее, полезно просверлить в середине его небольшое отверстие, перпендикулярное к оси его, немного не доходящее до продольного отверстия, в котором ходит леска. В это поперечное отверстие вставляется трубка тоненького пера, а в последнюю, когда понадобится, – белое перышко, как изображено на рисунке.

При ужении с самоогружающимися поплавками необходимо употреблять возможно более длинные удилища с не очень гибким кончиком, так как в противном случае подсечка на быстрине не будет достаточно энергичной. Лески надо употреблять как можно тоньше, лучше всего из одной крепкой жилки, поводок же – непременно; чем меньше крючки, тем лучше, особенно если насадкою служит насекомое; можно, впрочем, ловить на червей, раковую шейку и т. п.

Ловля сежей

Ловля сежей, почти неизвестная большинству рыболовов-охотников, – одна из самых занимательных, тем более что этим способом добывается самая крупная рыба даже в самое глухое для ужения время. Хотя тут главную роль играет сеть, но эта охота имеет много общего с ужением, и тот, кто познакомится с нею, всегда предпочтет сиденье на сеже постановке жерлиц и даже донных удочек, где рыба большею частью ловится сама и от рыболова требуется только уметь ее вытащить.

Сежа состоит существенно из большой редкочейной мотни, которая укрепляется известным образом в известном месте небольшой реки или речки по ее течению. Рыболов помещается над сетью на помосте и, как только заметит или почувствует рукой, что в сеть вошла рыба, быстро приподнимает нижний край сети, и зашедшая в нее рыба уже не может освободиться.

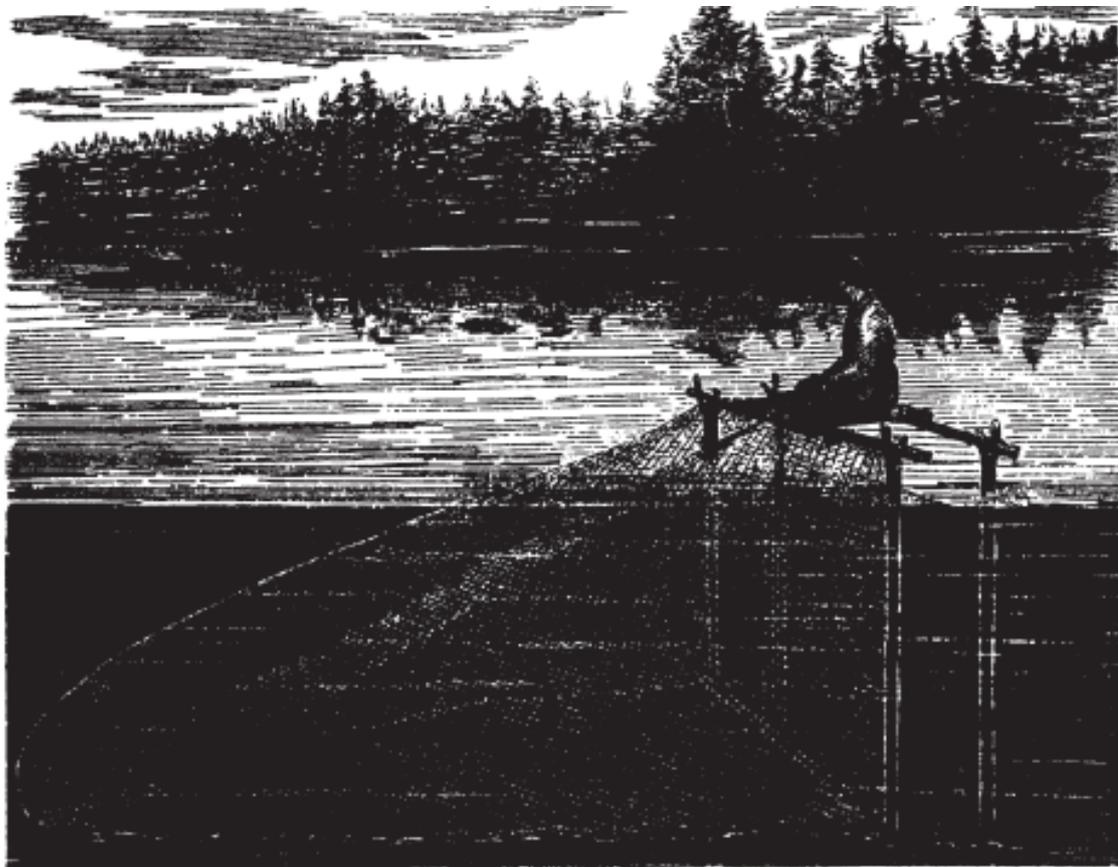

Рис. 79. Сежа

Величина сети различна, но самое устье ее не должно быть менее сажени в диаметре, а длина менее двух. Вяжется она из тонких, но самых крепких ниток, б. ч. трехпалечными ячейками (так, чтобы в ячейку вкладывались три пальца и мелочь проходила бы беспрепятственно). Чтобы сделать сеть еще менее заметной, нелишне ее окрашивать в светло-зеленую или желтоватую краску, но достаточно и продубить ее. Ставится эта сеть или ближе к берегу, особенно весной, или же посредине русла на самом стремени, вообще же там, где главный ход рыбы. Способ прикрепления сежи следующий. В дно поперек реки вколачивают две пары толстых кольев, оканчивающихся развилками; каждая пара отстоит от другой на 3–9 аршин, смотря по величине сети; расстояние между кольями каждой пары равняется 1–1½ аршина, а вершины кольев возвышаются над уровнем воды примерно на пол-аршина. На эти колья кладутся две перекладины, а на последние настилаются доски, на которых и сидит рыболов.

Верхняя бечева сети привязывается к передней перекладине, т. е. обращенной к течению, а нижняя бечева – к коромыслу, которое делается из еловой легкой жерди с петлюю или деревянным кольцом на каждом конце так, чтобы петли эти свободно ходили по кольям. Для того чтобы не пугать рыбы, как кол, так и коромысло полезно обугливать. К коромыслу прикрепляется батожок с петлей, которая задевается за шпенек. К середине сети прикрепляется 5–12 сим, т. е. ниток или самых тонких бечевок, которые рыболов, сидящий на помосте, держит в руке. Малейшее прикосновение рыбы к симам передается рыболову, который мгновенно сдергивает петлю, коромысло быстро всплывает кверху, и рыба остается как бы

пойманной в западню. Можно обойтись и без насторожки, но в таком случае в середину коромысла вделывают вертикальную палку, которую рыбак придерживает рукой и поднимает, когда рыба вошла в сеть. Такое устройство употребляется, впрочем, в прозрачной воде, т. е. где можно обойтись без сим.

Для того чтобы увеличить шансы лова, там, где это можно, т. е. в небольших речках, русло перегораживают заколами с отверстием для сети. Иногда также к сети пришивают крылья большей или меньшей длины.

Ловля сежей начинается с весны и продолжается до осени, но самая лучшая охота бывает в июне. На севере России это один из главных способов добывания самой крупной, осторожной рыбы, например нельмы, тальменя и др. В средних губ. ловля сежей почти не известна, но под Москвой она с большим успехом применяется на Уче, под Пушкином, одним из служащих на фабрике бывшей Прохорова. В сежу попадаются этому рыболову очень крупные лещи, шересперы, язи и др., главным образом ночью, когда рыба идет в сеть много смелее.

Ловля и хранение мотыля

Мотыль – красный червячок-личинка комара долгоножки (*Tipula*) – составляет любимую насадку московских рыболовов при ловле плотвы, подуста, ерша и др. Вообще почти все рыбы берут на мотыля с жадностью; мотыль виден издали, а красный цвет особенно привлекателен рыбе, и, кроме того, рыба находит в нем знакомую добычу. Мотыль встречается почти во всякое время года как в реках, так и в прудах, но чаще в последних, так как живет в иле, откуда его добывают, вычерпывая ил решетками и другими подобными снарядами и потом промывая. Добывание мотыля, так же как и выползков, т. е. больших земляных червей, даже служит в Москве, может быть и в других больших городах, предметом особого промысла. В Москве его почти всегда можно купить на воскресных птичьих базарах на Трубной площади, а в другие дни – у удильщиков-промышленников или в табачных лавочках на Моховой, торгующих и рыболовными принадлежностями, также в магазинах аквариумов. Покупая мотыля на рынке, необходимо предварительно осмотреть мотыля у всех торговцев, чтобы узнать, у кого лучший, т. е. наиболее яркого красного цвета (самый свежий), самый крупный и наиболее чистый, т. е. лишь с небольшой примесью ила, земли или песка. За горсть крупного выгоднее дать вдвое дороже, чем за горсть мелкого. В Москве мотыль продается относительно дорого, и горсть его редко можно купить дешевле 20 к.

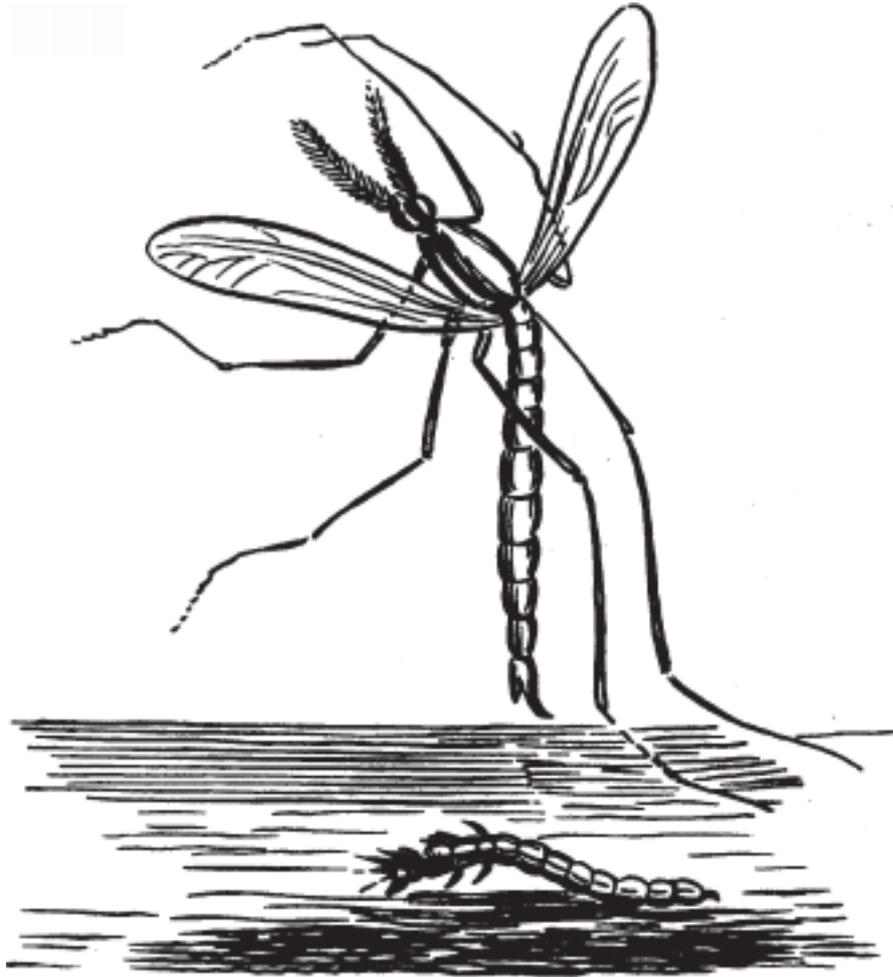

Рис. 80. Долгоножка и ее личинка (мотыль)

Запас мотыля обыкновенно держат в сырой, но не мокрой тряпочке, складываемой плоско – конвертиком (чтобы мотыль не лежал кучей); тряпочку эту кладут в глубокую тарелку или горшок с сырым песком. Посуду ставят на лед, предварительно подстлав под нее соломы, чтобы мотыль не замерз. Летом, при ужении в жаркую погоду, мотыля б. ч. кладут в сырой тряпочке в жестяную коробку, обертываемую мокрым полотенцем или тряпкою.

Рис. 81. Мотыльные крючки

Рис. 82. Насаженный мотыль

Рис. 83. Искусственный мотыль

Самый лучший способ хранения мотыля более продолжительное время следующий. Берут какую-нибудь жестяную банку или коробку и проделывают в крышке ее гвоздем или шилом отверстия. (Особенно для этого хороши ведерочки из цинка, который никогда не ржавеет и потому всегда чище вымывается.) Затем берут листьев спитого чая, *но только такого, который был недавно обварен*, и, выжав их хорошенько, перемешивают с мотылем. При этом особенно наблюдают за тем, чтобы червячки не лежали кучами вместе, а по возможности отдельно, иначе они вскоре начнут преть и тухнуть. Затем чай этот с червями ежедневно встряхивают, чтобы он не слеживался, а чуть он начнет покрываться плесенью, тотчас же подмешивают к нему свежего. Коробку с мотылем следует держать в прохладном месте, а летом даже на погребице. При этом надо наблюдать еще за тем, чтобы коробка была постоянно закрыта крышкой, чтобы влага из чая не испарилась и как самый чай, так и черви не засохли. Один и тот же чай не может служить нескольким порциям мотыля, но каждый раз, как покупается свежий мотыль, коробка должна быть вымыта дочиста и наполнена новым свежим чаем.

В случае надобности место чая может заменить также и белый болотный мох. С мотом мотыль перемешивается так же, как и с чайным листом, только необходимо наблюдать, чтобы он постоянно был влажен и не мокр, иначе с ним произойдет то же самое, что и с перепрелым чаем.

Насаживание мотыля

Насаживать мотыля очень трудно, и для этого требуется навык и сноровка, даже при употреблении самых мелких крючков (№ 14), так как стоит сделать большой прокол – из мотыля вытекает все его содержимое и остается только прозрачная кожица, не имеющая для рыбы ничего привлекательного. На крючки № 10 почти невозможно насадить мотыля. На

Москве-реке для мотыля употребляют б. ч. особого рода тонкие крючки с необыкновенно длинным стержнем и колечком; на них насаживают по три или четыре червячка, прокалывая их поперек второго (от головы) сустава. При таком способе насадки рыба, особенно елец, часто сшибает ее с крючка, а потому пригоднее, хотя и труднее, другой способ, именно: жало самого мелкого и тонкого крючка впускается во второй же сустав мотыля, и последний легонько надвигается до тех пор, пока не закроет всего крючка до завязки. Последнюю лучше делать из красного шелка.

Трудность насаживания мотыля, составляющего, однако, любимую насадку большинства рыб, заставила прибегнуть к замене его искусственным. Несколько лет назад в Англии начали делать таких искусственных мотылей из жилки, окрашенной в ярко-красный цвет и привязанной к самому мелкому крючку. Хотя крючок здесь на виду, но надо принять во внимание, что крючок полирован и, следовательно, менее заметен в воде и что искусственный мотыль назначен для ужения на довольно быстром течении, так что рыба не может или, вернее, не успеет рассмотреть крючка. Впрочем, весьма полезно прикрывать жало крючка кусочком красной шерсти. Искусственные мотыли продаются в Англии около 2 р. за дюжину (с отличными поводками из тончайшей отборной жилки), а у нас встречаются очень редко и стоят значительно дороже. Недавно в Москве появился в продаже искусственный мотыль, приготовляемый каким-то рыболовом-промышленником, но мотыль сделан очень грубо, крючки обыкновенные, неполированные, и поводки из жилки чересчур толсты.

Добывание опарышей

Опарыш, т. е. личинка мясной мухи, довольно редко употребляемый русскими рыбаками, за границей составляет одну из самых употребительных насадок для ужения нехищной рыбы. Добыть опарышей нетрудно: стоит взять кусок мяса, а лучше *печенки* или *легкого* и, сделав на нем несколько глубоких надрезов, повесить его на солнце. Тотчас соберется множество мясных мух и положат в надрезы свои яйца; тогда печенку (или мясо) кладут в закрытый горшок, и вскоре из яиц выводятся белые черви с черною точкою внутри. В горшок прибавляют несколько пригорошней пшеничных отрубей, и через несколько времени (3–4 дня) опарыши достигают полной величины; тогда их перекалывают в горшок, наполовину насыпанный пшеничными отрубями, и дают им только необходимое для питания их количество печенки. Через несколько дней черное пятно внутри опарышей исчезает, они очищаются и становятся годными для употребления. Некоторые привешивают печень к положенным крест-накрест палочкам над горшком или кадочкою, наполненною до половины сухой глиной (или тоже отрубями). Опарыши падают туда и закапываются. В крайнем случае можно добывать опарышей, бросив дохлую кошку или птицу или отыскивая их на какой-либо падали.

Другой очень хороший способ добывания опарышей разнится от предыдущего только тем, что печень заменяется мелкой рыбой (преимущественно уклейкой, колюшками), которую выставляют на воздух в открытом горшке до тех пор, пока не будет наложено мухами достаточного количества яиц; дальше поступают так же, как говорено выше. Иногда опарыши получаются вдвое больше обыкновенного – до 3/4 д. длины и соответственной толщины. Такие опарыши суть личинки большой синей мухи и много лучше и удобнее как насадка, чем обыкновенные.

Опарышей необходимо сохранять в *сухом* сосуде, который должен плотно закрываться и не иметь ни малейшей трещины: если стенки сосуда (конечно, внутренние) будут хоть слегка влажны, опарыши по ним всползут и уйдут. Если сосуд не будет плотно закрыт, то опарыши сделаются добычей крыс, которые до них чрезвычайно лакомы, а если в нем будет малейшая трещина, то опарыши ухитрятся протиснуться сквозь нее и уйдут. Кроме того,

опарыши должны сохраняться в *прохладном* месте; в противном случае они скоро превратятся в коричневого цвета куколку. Хотя куколка эта служит превосходнейшею насадкою для плотвы, но на нее ловят очень немногие, так как она чрезвычайно нежна, требует тонких крючков, осторожного насаживания и быстрой подсечки при первой поклевке.

Насаживание опарышей

Опарыши насаживаются различными способами, только крючки не должны быть крупнее 6-го номера.

- 1) На крючок № 6–8 насаживают 3–4 опарыша, впуская крючок на 1/2 вершка от толстого конца и пропуская через тонкий, причем жало крючка прячут в последнем опарыше.
- 2) Многие рыбаки рекомендуют следующий способ: крючком № 9–11 задевают за кожу на толстом конце опарыша так, что закрыта только небольшая часть сгиба; так можно насадить и двух или нескольких опарышей. Способ этот особенно хорош в том отношении, что опарыш живет очень долго и, сохраняя свободу движения, лучше привлекает рыбу.

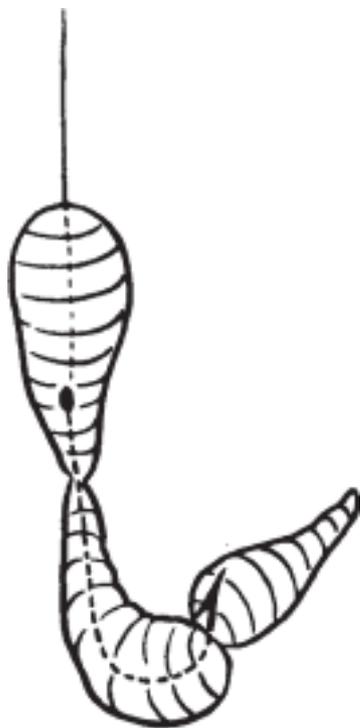

Рис. 84

Рис. 85

Насаживание опарышей

Так как опарыши очень мелкая и нежная насадка, то поэтому в Англии некоторые рыболовы предварительно кладут опарышей в уксус, пока они не напитаются им как следует, а затем слегка пропекают на листе в печи. Через это они делаются крепче и увеличиваются в объеме как в длину, так и в толщину.

Подкрашивание хлебной насадки

Если вода очень мутна, то рыба (плотва, красноперка, уклейка и некоторые другие) берет плохо, и тогда полезно окрашивать белый хлеб в красный цвет. Несомненно, что красный цвет виден в воде дальше, чем какой-либо другой, но, кроме этого, всякая рыба с жадностью бросается на небольшие предметы красного цвета. Для этого берут мякиш сыровато испеченного, лучше сдобного белого хлеба (или пирога), хорошенько сминают его, раскатывая на ладони блинчиком вместе с медом, в который прибавлено очень небольшое количество мелко истолченного сурика или киновари. Мед кроме сладости (не очень голодная рыба, особенно плотва, предварительно пробует вкус насадки) придает белому хлебу вязкость, почти всегда свойственную черному хлебу. Поэтому многие предпочитают мякишу белого хлеба тесто из пшеничной муки, которое не так легко смывается с крючка течением. Хлеб приобретает красный цвет, особенно полежав день или два. Изготовив несколько шариков побольше грецкого ореха, их сохраняют в сыром месте или в выжатой тряпочке. Когда они зачерствеют и начнут крошиться, надо прибавить меду и опять смять. Такие шарики могут сохраняться годными к употреблению в течение недели и более.

Приваживание рыбы

Для того чтобы приучить рыбу собираться на известное место ловли и тем обеспечить себе успех ужения (а иногда и ловли сетями), необходимо ее привадить, т. е. бросать заблаговременно различный корм, смотря по рыбе, а иногда месту и времени года. Корм же, бросаемый во время ужения, называется *прикормкой*. Приваду следует периодически возобновлять, особенно же накануне ужения.

Привада для рыбы кладется обыкновенно в реках, когда они войдут в межень, а в прудах – когда подымутся травы, вообще же, когда рыба начнет приискивать себе постоянные притоны. Привада бросается преимущественно около берега – для ужения с берега, плотов или мостов и мостков – в таких более или менее глубоких местах, где может держаться та рыба, которую желают ловить; для ужения с лодки привада употребляется редко, но также весьма полезна. Место должно быть предварительно расчищено, т. е. весь район ужения освобождается от коряг, травы и других задевов. Приваду следует бросать кругом того места, где будет находиться насадка, всего гуще у самой насадки. В местах, вовсе не имеющих течения или имеющих небольшое, т. е. в прудах и речных заводях, привада бросается прямо на дно; там же, где ее нельзя часто возобновлять (в тихой воде) или где нежелательно пресытить рыбу, особенно если прикормка уносится течением, погружают ее, иногда с грузом, на дно в кульках, мешках из рединки, марли или же в пробуравленных многочисленными отверстиями жестянках с крышкой. Мешки эти или сосуды привязываются к крепкой бечевке, которая или втыкается на колышке в берег, или (при ужении с лодки) несет на конце поплавков (палку, щепку, пучок камыша и т. д.). Перед началом ужения мешок вытаскивают на берег, так как иначе крючок будет часто зацеплять за него и бечевку. Еще удобнее в быстрой воде, особенно если привадой служат черви, опарыши и др. животная приманка, закатывать ее в глиняные шары, которые бросаются на дно. Глина здесь играет как бы роль теста, а черви роль фарша, почему глина должна быть хорошо промята; если же приманкой служат зерна растений, то глина берется только в том количестве, какое необходимо для того, чтобы связать эти зерна. Такие шары (различной величины) бросаются обыкновенно за несколько часов до ужения или перед самым ужением, так что являются уже прикормкой.

Постоянное ужение в одном и том же месте – причем выбрасываются в воду негодные для насадки органические вещества, а перед прекращением ужения – вся насадка, которую рыболов не рассчитывает сохранить до следующего раза, – также служит отличным средством привады к этому месту рыбу. Поэтому надо принять за правило по окончании ловли бросать всю остающуюся насадку и прикормку, если только это не составит затруднения, т. е. если насадку эту вообще нетрудно добывать.

Привады и прикормки могут состоять из весьма многих растительных и животных веществ, которые иногда предварительно сдабриваются различными маслами и сильно пахучими веществами, привлекающими рыбу даже с больших расстояний. Чем заметнее привада в воде (это важно, впрочем, только вначале), чем она пахучее и вкуснее для той рыбы, которую желательно ловить, тем лучше; чем крупнее отдельные куски привады, тем более вероятности, что она не достанется мелкой рыбе и не привлечет ее вместе или прежде крупной. Но во всяком случае надо принять за правило, что привада (и прикормка) должна быть менее привлекательна для рыбы, чем самая насадка, и лучше держаться той привады, которая почему-либо чаще всего употребляется в данной местности. Многие полагают, что насадка должна быть та же, как привада или прикормка, только более крупная, т. е. отборная, но этому правилу нельзя всегда следовать, да и нет в том особой надобности.

Сколько следует бросать привады и как часто возобновлять ее – зависит от того, как часто удят на этом месте (чем чаще, тем меньше), от быстроты течения, свойства дна (в иловатое дно много ее уходит) и других условий. Приваду можно бросать или класть в количестве 2–3 горстей и нескольких (5 и более) фунтов, а возобновлять ежедневно, через несколько дней и (если можно) накануне ужения. Если это невозможно, то бросают перед ужением такую же прикормку.

Самое лучшее время для возобновления привады – раннее утро и вечер после заката; если ловят в данном месте только ранним утром, то приваду следует всегда бросать ночью; если же ловят только вечером, то утром и даже среди дня; если ночью, то перед закатом.

Никогда не следует бросать хлебную приваду, уже испортившуюся, т. е. заплесневевшие и прокисшие зерна, хлеб, кашу, а также совсем испортившихся червей. Рыба такую приваду не ест, и она привлекает только раков. Можно приваживать рыбу только на гнилой сыр и испортившийся творог.

Необходимо заметить, что, если можно, следует устраивать две или даже три привады в недалеком друг от друга расстоянии. Это делается для того, чтобы, поймав несколько крупных рыб и распугав остальных, можно было продолжать ловлю на другом месте.

Различного рода привады

Привада может состоять из веществ животных и растительных, но первые употребляются гораздо реже последних.

Из животных веществ *рубленое мясо, внутренности рыб и различных животных и птиц, куски рыбы* употребляются для привады хищной рыбы (сомов, иногда щук, окуней), а *черви, улитки, опарыши, мотыль* – для привлечения всякой белой рыбы; бросаются они преимущественно незадолго до уженья (иногда в глиняных шарах) или же во время уженья.

Хлебный мякиш и корки – самая доступная растительная привада, пригодная для очень многих нехищных рыб. Хлеб полезно смачивать конопляным или льняным маслом, а корки распаривать или поджаривать так, чтобы они пригорели. Иногда хлебный мякиш налепливают на пучки камыша или на листья водяных трав (при уженьи плотвы и красноперки в травах); иногда сминают большой кусок хлеба и в середину кладут камень, но лучше всего кидать хлеб небольшими смятыми шариками. Крошить хлеб не годится, ибо его уносит течением или ветром и, кроме того, крошки привлекают одну мелочь. Вообще как в стоячей, так и в текучей воде гораздо удобнее хлеб (а корки всегда) опускать в воду в редких мешках. Нередко вместо хлеба для привады употребляют тесто.

Отруби – пшеничные или ржаные (которые хуже) – употребляются только в смешении с другими растительными веществами и не иначе как в мешках. Назначение их – служить подспорьем настоящей приваде, привлекая к ней рыбу с больших расстояний (при течении). Большею частью отруби предварительно поджаривают в масле.

Зерна хлебных и бобовых растений составляют самую лучшую прикормку для белой рыбы. Лучше всего пшеница, за нею следует рожь, ячмень, горох, бобы и кукуруза. Все эти семена бросаются (или опускаются в мешках) в воду не иначе как предварительно распаренными. Для этого они кладутся в горшок с водою и ставятся в русскую печь (или шкаф); в печи они должны находиться до тех пор, пока не разбухнут настолько, что некоторые дадут трещину. Тогда следует все зерна откинуть на решето и полить холодной водою, от чего они обыкновенно белеют и становятся, следовательно, более заметными.

Каша из различных круп (гречневой, пшенной, полбенной), а также вареная перловая крупа или вареный рис, в свою очередь, служат отличной приманкой. Кашу надо варить как можно круче, иногда так, чтобы можно было ее резать кусками; лучше, если она сдобрена конопляным или льняным маслом и сварена на молоке. Большею частью кашу (так как она плавает) опускают в мешках или же сминают с глиной.

Конопляное семя, непременно толченое и затем поджаренное, как и отруби, служит также подспорьем к главной приваде, опускаемой в мешке. Впрочем, можно бросать в воду непосредственно только одно семя (и отруби), если его смешать с глиной.

Конопляные или льняные выжимки, остающиеся от производства масла (жмых, колоб, дуранда), составляют превосходную приваду для сазана и других рыб. Их следует употреблять небольшими кусками.

Сыр, как привада, употребляется в России редко и б. ч. в виде примеси к другим веществам. Сыр для привады берется старый, гнилой, но несоленый.

Творог составляет довольно употребительную приманку, особенно для линей. Он также может быть несвежим. Опускается в воду в кульках или мешках.

Для лещей кроме моченого гороха и различного рода каш очень хорошую приваду составляет рощеный ячмень. Берут 1–2 гарнца рощеного и крупного смолотого ячменя, варят его в воде, дают два раза вскипеть, потом процеживают через холстину. Получается тестообразная масса; ее сминают руками в небольшие комочки и бросают в воду.

Вот еще отличная привада для всякой рыбы. Берут старого гнилого, но несоленого сыру и растирают его на конопляном, льняном или прованском масле так, чтобы составила жидкая смесь. Затем в нее прибавляется небольшое количество камфары (на фунт смеси 2 грана) или несколько капель анисовых или мятных капель, хорошенько все перемешивают и затем подбавляют столько отрубей, чтобы можно было катать из этого теста небольшие шарики. Шарики эти кидаются на месте уженья накануне и в небольшом количестве.

Пахучие вещества, привлекающие рыбу

Сильно пахучие вещества, мельчайшие частицы которых почти так же далеко распространяются в воде, как и в воздухе, привлекают рыбу с таких расстояний, где насадка никак не может быть замечена. Кроме того, они придают острый вкус насадке, которая поэтому проглатывается рыбою с большею жадностью. Это пристрастие рыбы к пахучим веществам давно обратило на себя внимание рыболовов за границей, и последние для сдобривания насадки и прикормки употребляют с успехом даже такие вонючие вещества, как ассафетида (чертов кал). У нас, в России, для той же цели ограничиваются прибавлением к хлебу небольшого количества конопляного или льняного масла (реже прованского), в котором иногда вымачивают и червей. Но гораздо лучше к этому маслу прибавлять несколько капель анисового или мятного масла (5 капель на столовую ложку), которое может быть заменено значительно большим количеством мятных или лавровишневых капель. Рыба, в особенности плотва, охотно берет на шарики хлеба с анисовым маслом, когда вовсе не клюет на простой хлеб; на них попадают также порядочные голавли и лещи. Очень хорошим средством для привлечения рыбы служит камфара, которую можно прибавлять к хлебу, но лучше класть ее в ящики (в мох), где хранится запас червей. На таких пахучих червей рыба охотно берет, даже если они больны и неподвижно сидят на крючке. Основываясь на том, что еще в прошлом столетии рыболовы советовали натирать для приманки рыбы кусочки красного сукна, привязываемые к приманке, *петролиумом*, надо полагать, что все эти вещества (включая даже конопляное и льняное масло, не всегда имеющееся под руками) можно заменить простым керосином, который всегда под рукой.

Хотя рыба очень любит пахучие вещества, но, по-видимому, не все. По крайней мере за границей еще в прошлом столетии употребляли иссоп, если требовалось выгнать рыбу из очень крепких мест. С этой целью мелкоистолченный иссоп смешивают с землею и бросают в воду. Вреда рыбе он не приносит, но рыба долгое время (?) даже не приближается к тому месту, где было брошено это снадобье.

Прикормка

Прикормкой называется привада, которая бросается в воду перед уженьем или во время самой ловли. Для прикормки употребляются те же вещества, как и для привады, но большинство рыболовов ограничивается тем, что подбрасывает к удочкам то же, что ими употребляется для насадки.

В стоячей или медленно текущей воде прикормку бросают около самого крючка; в быстрой воде приходится бросать ее несколько выше по течению, соображаясь с быстротою его

и с глубиной воды, что дает опыт. Полезнее в таком случае прикормку закатывать в глиняные шары и бросать их на дно. Опускать прикормку в мешке не годится, так как крючки могут задевать за него и бечевку. Для опускания прикормки на дно употребляются особые снаряды, которые опоражниваются на какой угодно глубине.

Не надо забывать, что цель прикормки не есть *насыщение* рыбы, а только *возбуждение ее аппетита*. Поэтому никогда не следует бросать слишком много прикормки, так как это вернейший способ испортить себе ужение. После поимки крупной рыбы, возня с которой распугала других, полезно бросить немного прикормки, но вообще, пока рыба клюет хорошо, прикормку бросать *не следует*; она пригодится тогда, когда клев станет ослабевать. Очень хорошо, если можно бросить прикормку заранее в нескольких местах (напр., местах в пяти на расстоянии четверти версты) с уверенностью, что ими никто другой не воспользуется; тогда, лишь только в одном месте клев прекратится или возня с очень крупной рыбой распугала других, можно перейти на следующее место и т. д. Когда нельзя себе приготовить большого количества прикормленных мест, можно довольствоваться двумя, отстоящими друг от друга шагов на 40; в таком случае все же больше шансов на добычливую ловлю, чем когда располагаешь только одним местом.

При ужении на такие насадки, которые не сбиваются с крючка подсечкою, очень выгодно употреблять попорченную насадку в качестве прикормки; особенно удобно это тогда, когда рыба хорошо клюет.

Очень часто прикормка и привада поедаются раками, не доставаясь рыбе. Во избежание этого лучше застрелить несколько птиц, ощипать их и бросить (с камнем) в воду подле прикормленного места. Заметив вблизи прикормки более лакомую пищу, раки мало-помалу оставляют ее в покое и переходят к мясу.

Притрава

Притравой называется собственно муть, производимая в месте лова каким-либо способом. Рыба, особенно пескарь, ерш, также плотва и другие, встречая эту муть, далеко относимую течением, с которою у нее связано представление о поживе, подходит к крючкам и берет приманку. Всего удобнее производить муть длинным шестом или граблями, но можно также бросать пригоршни песка, особенно иловатого. Плотву очень хорошо притравливать илом, содержащим в себе мотылей. Ил этот разводят водою до густоты довольно жидкого киселя (или чрезвычайно густых сливок) и пускают его по дну реки при помощи аппарата, состоящего из воронки с широким отверстием, к которой прикреплена гуттаперчевая трубка надлежащей длины. Конец этой трубки удерживается на требуемом месте посредством какого-нибудь груза, привязанного к нему; ил вливается в воронку через каждые 10 и 15 минут в количестве одного полуштофа (конечно, приблизительно) и, попадая на дно реки, несет вместе с собою и червячков. Рыба, естественно, старается отыскать источник поживы и приближается к крючку, плывущему именно в той мутной струе, которая несет с собою лакомую пищу; этот способ применим только при ужении с лодки, плота или моста.

Снаряды для опускания прикормки на дно

Так как в текучей воде бросаемая прикормка уплывает и ложится на дно вдали от рыболова, то для опускания прикормки употребляются особые снаряды.

Первый снаряд состоит из жестянки вершка 3 вышиною и 1 вершок в поперечнике (или гораздо длиннее и шире). Он до половины заливается свинцом и имеет на дне колечко. Жестянка закрывается крышкою, которая также до половины залита свинцом, наверху имеет колечко и *легко* снимается с жестянки. К нижнему верхнему кольцу привязывается вере-

вочка из тонкой отбойки длиной в 6 вершков. Кроме того, к верхнему кольцу привязывается такая же веревочка длиной в несколько аршин, смотря по глубине. Прикормка насыпается в жестянку, которая после этого закрывается крышкой и спускается на дно. Когда жестянка дойдет до дна, тогда, стоит только дернуть за длинную веревочку, крышка снимается с жестянки, причем жестянка опрокидывается, а прикормка поплывет по дну.

Гораздо удобнее снаряд, обыкновенно употребляемый в окрестностях Берлина. Он состоит из усеченно-конического жестяного сосуда *A*, снабженного в верхней своей части известным числом небольших отверстий (рис. 86). К верхней части припаяно кольцо *a*, а к нижней – на петлях крышка *b* с петлей *d*. Наполнив жестянку прикормкою, вкладывают облитый свинцом крючок *e* в петлю *d* и посредством привязанной к нему веревки, проходящей через кольцо *a*, опускают жестянку в воду крышкой (*b*) вниз. Как только жестянка коснется дна, ослабляют веревку, которая до сих пор была натянута; крючок *e*, благодаря свинцовой рубашке *c*, выскакивает из петли *d*, и когда начинают вынимать жестянку из воды, то прикормка своею тяжестью открывает крышку *b* и ложится на дно.

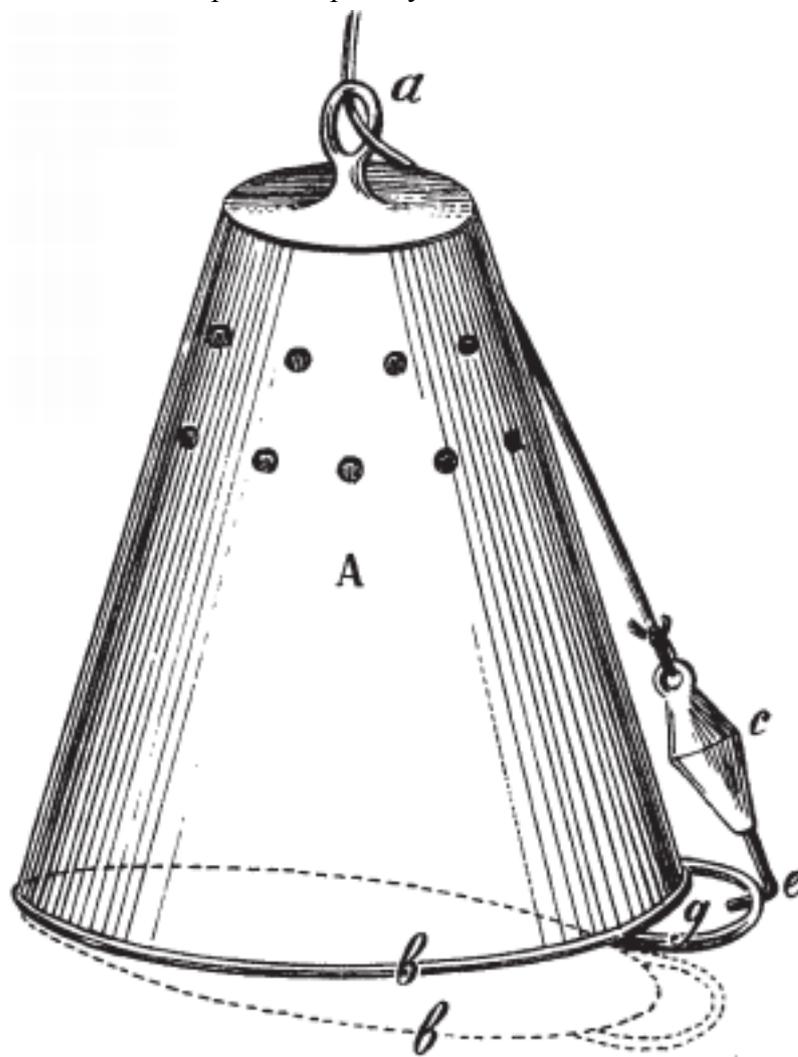

Рис. 86. Снаряд для опускания прикормки

Снаряд этот может сделать не только что каждый медник, но даже порядочный кровельщик.

Устройство гаток, или язов

Чтобы удержать прикормку на довольно быстром течении, не прибегая к помощи мешка, которого некоторые рыбы (особенно карп) боятся, устраивают т. н. *гатки*, *мостики*, местами называемые также язами. В месте, избранном для ловли, вбивают по направлению от берега к середине реки перпендикулярно течению воды довольно крепко два ряда кольев, по три и даже по четыре в каждом ряду. Расстояние между кольями не более 1 1/2 аршина, а между обоими рядами кольев – 1 аршин. Колья оплетаются лозою или орешником, причем концы орешника или лозы длиной до 3/4 аршина оставляются от середины реки незаплетенными. Таким путем образуются в воде два плетня в расстоянии один от другого не более аршина и длиной около 5 аршин. Промежуток между плетнями наполняется в уровень с поверхностью воды разным хворостом. Если мостик или гатка устроены с правого берега, то сиденье устраивается по правую сторону гатки, и наоборот, сиденье устраивается с левой стороны гатки, если гатка находится подле левого берега реки. Течение реки, встречая препятствие в гатке, направляется к концу плетня, а по другую сторону гатки образуется место с весьма слабым, едва приметным течением; здесь будут закидываться удочки; сюда же бросается несколько прикормки, но большую часть прикормки следует бросать прямо на гатку; зерна, падая между плетнями в хворост, задерживаются там некоторое время и затем под влиянием напора на первый плетень текущей воды проскакивают сквозь второй плетень и попадают в тихое место, где и ложатся на дно. Нужно бросать прикормку на другой или на третий день после устройства гатки (см. также июль, «Ужение на метлицу»).

Ловля рыб на подпуски

Ловля подпусками нечто среднее между ловлей переметом и на донную удочку. Длина самого подпуска, делаемого обыкновенно из толстой волосяной леси (в 30–40 волос) или крепкой бечевки, бывает различна, смотря по количеству крючков, привязываемых на аршинных коленцах, обыкновенно волос в 8 толщиною; один крючок от другого должен быть на расстоянии около пяти четвертей. Количество крючков произвольно, но для скорейшей насадки всего лучше штук 20–25, не более; № крючков 6. К подпуску привязывается грузило (гирька фунта в 3), так, чтобы подпуск был отдельно от грузила или выше его, для чего гирька привязывается к подпуску на отдельной веревочке с пол-аршина длиной и вместе с подпуском опускается на дно; свободный же конец леси привязывается к небольшому, но крепкому удильнику. Леса от грузила к удильнику натягивается довольно туго, совершенно перпендикулярно, так, чтобы удильник немного пригнулся к воде. Когда возьмет довольно крупная рыба, то по удильнику это можно узнать в ту же минуту. Насадкой служат черви и линючие раки – целые или только их шейки (хвостики), реже живцы (пескари, ельчики).

Ловля на эту снасть производится на быстрой и очень глубокой воде, однако не на самом фарватере, непременно с лодки или с моста. Для ужения с лодки (обыкновенно вдвоем) ее укрепляют на якорю (кошке), от которой идут две бечевки: одна зачаливается за корму, другая за нос ботника, так что лодка стоит поперек реки. Один удильщик сидит в носу, другой в корме; когда все крючки подпуска насажены, каждый спускает свой на дно, где они и ложатся параллельно один другому.

В других местностях Средней России подпуск делается несколько иначе. От короткого удильника (или просто от руки) идет бечева к тяжелому грузу, лежащему на дне, а от груза к крупному наплаву, относимому течением на значительное расстояние от груза. На последней половине бечевы прикрепляются такие же поводки с наживленными крючками. По движению наплава узнают о пойманной (даже небольшой) рыбе.

Ловля сомов на жерлицы

Жерлицы для сомов делаются более крупные и крепкие, чем для ловли другой хищной рыбы. Шест для поддержки жерлицы должен быть березовый, длинный и упругий и крепко воткнут в берег. Наживляются крючки всякой рыбой, но кажется, лучше всего сом берет на карася, подлещика и на небольшую щучку. Жерлицы ставятся в местах чистых, чтобы живец не мог запутаться за траву и был виден хищнику. Насаживают также на жерлицы лягушек, и сомы охотно идут на них; при этом надо стараться, чтобы лягушка все время держалась на поверхности и ворочалась. Для этого грузило с жерлицы снимают, и конец от рогульки до крючка делается такой длины, чтобы крючок только что доставал до воды. Лягушку зацепляют крючком за спину и ставят в некотором расстоянии от листьев водяного лопушника. Стремясь доплыть до этих листьев, она постоянно огребается задними ногами. На этот шум и бежит сом.

Ловля сомов на удочку

Удочки для ловли сомов должны быть особенно крепки. Удилище цельное, березовое, толстое в комле, не особенно длинное и гибкое. Лесу следует употреблять просмоленную пеньковую с металлическим поводком; привязывать ее нужно ближе к комлю удилища и затем обвить вокруг до верхушки. Поплавков – соразмерной величины с остальными частями удочки. На донную ловить сомов приходится редко, так как дно в местах ловли их бывает засорено и завалено. Огромный крючок наживляется рыбой или лягушкой, раком, куском мяса и проч. Удочки ставятся больше на ночь и укрепляются на берегу, для чего следует удилище крепко воткнуть в берег и даже по возможности привязать к чему-нибудь. На случай же вырывания сомом удилища из берега или из стланей на плотине, куда его часто втыкают, можно привязать к удилищу на особой бечевке род огромного поплавка из куска дерева, палку, доску или большую пробочную пластину. По этому поплавку можно всегда найти затащенную удочку; не мешает окрасить такой поплавок яркой краской, чтобы можно было увидеть его издали. Если сомов ловят с лодки, то закреплять удилище отнюдь не следует, потому что крупный сом может ее опрокинуть. На этот случай лучше привязывать к удилищу длинную веревку.

Местами на юге России ловят сомов без удилища, наматывая очень длинную и крепкую бечеву на блок, укрепляемый в носу лодки.

Ловля сомов на клоковую уду

Местами, большею частью на юге, ловят сомов с помощью *клокуши*. Так называется несколько изогнутая палка, делаемая к одному концу тоньше, а к другому толще. На этом толстом конце она несколько выдалбливается. Делают ее иногда и просто прямо. Длинною палка бывает около полуаршина. Выдолбленным концом клокуши рыболов ударяет в воду, от чего получается звук, напоминающий глухое и отрывистое «ббук, ббук, ббук» – звук, похожий на крик выпи или как если бы опрокинутым стаканом ударяют по воде. Некоторые клокуши приспособляются так, что производят нечто похожее на кваканье лягушки. Ловить с клокушей называется клочить сома.

Клокушей ловят с лодки, и удочка при этой ловле несколько изменяется, а именно: вместо длинного удилища на конце леси привязывается поперек небольшая толстая ручка для того, чтобы удобнее было удержать рыбу и чтобы не порезать рук в случае, если попадет очень большой сом. Приготовив все нужное для ловли, рыбак садится в лодку на корму и

выезжает на середину реки, но не сразу, иначе течением может унести лодку слишком далеко, а постепенно, держась берега, заезжает далеко вверх и затем выплывает на середину. Здесь он перестает грести, а крючок с насадкой опускает в воду. Лево́й рукой рыболлов держит лесу, а в правую берет клокушу и начинает клочить. На этот звук сом подходит к лодке, замечает насадку, но обыкновенно не сразу глотает ее, а как бы сосет, причём виснет точно ги́ря. В этот момент рыболлов спускает с руки понемногу лесу, затем уже подсекает как можно сильнее, чтобы крючок высвободился из приманки. Если сом небольшой, его надо сейчас же тащить в лодку; если же он очень велик, то необходимо спустить бечеву, чтобы она отошла к носу лодки; таким образом рыболлов старается достигнуть понемногу отлогого берега, где выходит из лодки и вытаскивает добычу. Заматывать лесу на руку никогда не следует, потому что очень крупный сом может стащить в воду даже сильного человека. Для вытаскивания сома необходимо иметь сачок и топор, которым сом пришибается в голову. Если же оставить сома в лодке неубитым, то он может из нее выскочить.

Рис. 87. Клокуша

Рис. 88. Клоченье сомов

Всего лучше сом ловится на не очень глубоких быстринах, куда он выходит охотиться за рыбой; но ловят его также и на глубоких ямах. Самая добычливая ловля производится в тихую погоду по вечерам и утрам; вечером сом хорошо ловится с того времени, как садится солнце, и до самых сумерек; утром же – до восхода солнца. Хорошая погода – необходимое условие для ловли сомов; в дурную или ненастную он лежит на дне, не поднимаясь, и не слышит клоченья.

Насадка для ловли с клокушей употребляется различная: белый червь, линючий рак, воробей, большая ракушка (*Unio*), вынутая из раковины, и т. п. На Дону сомов б. ч. клочат на лягушку, на рака и на голову тарани (морской плотвы).

Ужение шереспера на донную

Местами шереспера ловят на донную в закидку. Ловля эта производится непременно ранним утром или вечером, летом даже ночью (только осенью шереспер берет и днем), большею частью с лодки (за исключением небольших речек и мельничных омутов, где можно удильники втыкать в берег или в мельничную стлань). Донная удочка должна иметь относительно более крепкую и очень длинную лесу, очень тяжелое грузило, лучше плосковатое или четырехугольное (не катящееся течением), и очень длинный (лучше жилковый) поводок (не менее 8 вершков длины и до аршина). Весьма полезно грузило прикреплять к концу лески, а поводок привязывать на четверть выше, ибо тогда насадка не может коснуться дна. Насаживается живец за голову или за спинку.

Шересперов ловят также на подпуски, и это едва ли не лучший способ для их добывания. На Волге удят их также на кобылки, с плотов, на самой быстрой воде, с навесу, опуская насадку на 1–2 аршина.

Ловля щуки силками

На обыкновенное удилище (лучше березовое, но можно какое угодно, лишь бы достаточно упругое и неломкое) привязывается к концу волосяная затягивающаяся петля вершков двух-трех в диаметре. С такой снастью отправляются обыкновенно вдоль берега небольшой речонки; особенное удобство представляют речки от небольших наших мельниц. Особенно в ясную и теплую погоду щука стоит притаившись под кустом около берега или спрятавшись между листьями и, если осторожно подходить, уходит весьма редко. Заметив щуку, начинают понемногу опускать удилище с петлей и надевают ее с головы; хотя щука начинает понемногу отодвигаться назад, но только крайне бесцеремонное обращение заставляет ее уйти. Когда петля уже надета (приблизительно до 1/3 туловища щуки), то нужно сильно дернуть удилище; петля настолько сильно врезается, что можно без затруднения выбросить щуку на берег. Нельзя сказать, чтобы ловля была недобычлива, напротив, при достаточной сноровке она весьма прибыльна. Случается таким образом ловить щуку фунта в четыре и более. Волосяная петля должна быть довольно толстая (в 15–20 волос) и хорошо свита; от употребления петли нередко рвутся, но всегда можно иметь запасные.

Ловля судака

Судак живет в реках, реже в больших озерах и проточных прудах с песчаным дном, любит свежую чистую воду и избегает мути, от которой иногда даже засыпает. Держится или в глубоких ямах у перекатов, куда выходит на добычу, или около глубоких берегов, где много коряг и тому подобных засад. Вообще он предпочитает крепкие места, а потому на небольших речках живет главным образом в мельничных омутах. Кормится преимущественно по утрам и вечерам, летом – даже ночью. Любимая пища его – пескарь, елец, уклея и мелкие щурята; летом он ест, кроме рыбы, раков и даже лягушек. Считается одной из самых глупых рыб и не отличается осторожностью.

Ловля судака начинается обыкновенно после спада воды, но до нереста, который бывает в б. ч. России в конце мая и в июне, судак попадается редко, преимущественно на жерлицы, иногда (в проточных прудах) на кружки. Жерлицы ставят над ямами, и живец

пускается глубоко, близко ко дну, и на рогульку наматывается возможно меньший запас лесы (бечевки). Насаживаются жерлицы, как и на шук; крючки лучше употреблять двойные, непременно на басках.

Настоящая ловля и ужение начинаются в июне и продолжаются почти весь июль. Ловят судака или на донную, в закидку, или на удочку с поплавком и без него – на лодке или с берега, смотря по обстоятельствам.

Так как судак живет в местах крепких, то для ужения его необходимы прочные снасти. *Удилище* должно быть крепкое, не особенно гибкое, лучше всего березовое; чем длиннее, тем лучше. *Леса* или волосяная (в 10–20 волос), или, еще лучше, просмоленная шелковая средней толщины (как леса в 10 волос). *Поплавок* яйцеобразной формы средней величины; *басок* тонкий – последний скрипичный бас. *Грузило* – достаточное для того, чтобы нести крючок с баском над самым дном при сильном течении. *Крючок* употребляется большею частью одиночный (№ 5/0). Лучшая *насадка* – елец, уклея и пескарь (вообще неширокая рыба); живца аккуратно задевают за верхнюю губу или за спинку близ плавника, стараясь как можно меньше мять рыбку и сохранить полную свободу ее движений. Необходимо, чтобы живец бойко ходил на удочке, никуда не забиваясь, и не падал на дно, а потому насадка должна вершка на два не достигать дна. Судак, особенно крупный, держится на дне и на вялого живца берет редко.

Удят или с берега (всего лучше ловить под мельницей), или с лодки, стараясь забрасывать живца к корягам, бревнам, сваям и тому подобным подводным предметам. Ловят обыкновенно ранним утром и вечером. Очень длинная леска употребляется только при ужении на местах относительно безопасных от задевов, большею частью с лодки. Когда течение унесет поплавок и станет толкать его, леску надо подтянуть к себе, не вынимая живца из воды. Если поклевки долго нет, место нужно переменить.

Поклевка судака передается поплавком различно. При ужении в тихой воде поплавок окунается медленно, как при поклевке окуня, или же порывисто, как будто клюнула щука. На быстром же течении судак большею частью не топит поплавок, но ведет его, подобно подлещику, в сторону или против течения. Схватив живца зубами, судак плывет к какому-нибудь убежищу, заглатывая на ходу свою добычу. Поэтому, когда судак потянет, необходимо подавать ему леску как можно дальше (чтобы лучше заглотал) и, когда уже нельзя больше поддать, подсекать очень быстрым, но нешироким размахом. Почувствовав подсечку, судак старается спастись в лом, хворост, коряжник и т. п., а потому в таких местах надо водить его круто и лучше ловить на короткие лесы. В воде судак очень силен и боек, но только сначала, так как устает довольно скоро, и его нетрудно тогда подсачить или подцепить багром. Очень крупный судак иногда ложится на дно и так упорно там двигается, что его не скоро сдвинешь с места. В таких случаях, чтобы расшевелить его и пустить в ход, всего лучше натянуть лесу и потягивать ее в разных направлениях. Невывоженого судака подсачивать не следует, так как он легко может перешибить леску, но как только его вынули из воды, он совершенно беспомощен и очень скоро засыпает. Мелкого судака на крепкую лесу можно тащить прямо в лодку или на берег, держа леску на весу, так как на крючке вне воды судак почти не двигается.

Ужение судаков под мельницами без наплава

Судак лучше всего берет под мельничными плотинами, около свай, в стлани, под колесами и в самом мельничном омуте, где находит себе много удобных мест для засады. Здесь ловят его, как уже было описано выше, но так как удить его приходится на короткие лески (немного длиннее удилица), то лучше ловить его без поплавка, на весу. При этом можно заставить живца пробежать большее пространство воды, меняя направление и глубину его хода. Живца пускают то над самым дном, то на поверхности воды, то ведут наискось, мед-

ленно опуская груз, по мере того как он относится течением, то дают ему постоять поблизости какой-нибудь заранее исследованной засады. Весьма полезно бывает также изредка задерживать живца на несколько секунд и потом вдруг пускать его. Бойкость живца является здесь еще более необходимым условием, чем при ужении с поплавком, с которым живец дольше не снет. Таким образом можно исследовать каждый вершок доступного рыболову пространства воды. Даже сытый судак не преминет схватить плывущую мимо него рыбку.

Снасти употребляются те же, как и при ужении с поплавком, только грузило должно быть немного потяжелее. Поклевка судака слышна в руке, которая чувствует довольно слабый, но резкий толчок, как будто пулька стукнулась о камень; затем леску начинает тянуть из рук, как будто на нее нацепился большой пук подводной травы или широкая щепка и течение как бы стало сильнее. Затем поддают леску как можно дальше и подсекают.

В таких местах около мельниц, где нельзя свободно действовать длинным удилищем, заменяют его коротким удильником. При ловле же на стлани и в щелях пола (в мельничных амбарах), под мельничными колесами, где судак также очень любит держаться, можно обходиться без удильника и держать лесу в руке на весу (только леса должна быть покрепче обыкновенной). При ловле же под разными мельничными навесами нужен, наоборот, весьма длинный удильник и самая короткая, аршинная, леска. При ловле на стлани, вообще в таких местах, где подсачивать трудно, крупного судака необходимо подбагривать, стараясь зацепить багром под жабры или между грудными плавниками.

Судаков можно ловить также на подпуск и на так называемый paternoster (см. июль), имеющий много общего с подпуском.

Ужение судака на мертвую рыбку

В южной Германии применяется следующий способ ловли судака на мертвую рыбку. Поймав уклейку, ельчика или голавлика от 3-х до 3 1/2 вершка длины, отрезают голову у самых жабр и снимают мясо с костей двумя пластинками, сделав предварительно надрез по самой середине спины. Снятые филейчики должны по возможности сохранить всю чешую, блеск которой делает насадку более заметною. Продев крючок сквозь тот конец, который приходился к голове рыбы, закидывают по возможности дальше и затем тащат насадку к себе (подобно тому, как при ужении на искусственных насекомых). Она получает волнообразное движение, привлекающее внимание затаившихся хищников, которые вместе с насадкою схватывают крючок. Способ этот всего пригоднее для мест, где течения почти нет и где вода завалена всяким хламом, представляющим удобные засады для судака.

Летнее ужение окуней

Более крупные окуни ловятся летом на рака (линючего), раковую шейку и небольшого живца; средние и мелкие – на малявку. Если нет линючих раков, то можно насаживать самых маленьких живых рачков длиной в 1, 1 1/2 и 2 дюйма. Лучшими живцами служат: голянь, голец, вьюн, пескарь, уклейка; последняя лучше всех, потому что бойчее ходит на крючке и всюду ее легче достать. Самый простой и лучший способ насадки – это зацепить живца крючком за спину впереди спинного плавника. Если окуни напуганы и осторожны, то можно задевать живца за верхнюю губу; если же они наперебой рвут насадку и вообще жадно берут, то малявку выгоднее насаживать как червя, т. е. пропуская крючок через всю рыбку. Хорошо также насаживать ее, пропуская крючок в голову так, чтобы он весь в ней спрятался и только жало немного обозначалось у головы; в последнем случае насадка держится на крючке особенно крепко. Живца следует пускать не больше как на 2–4 вершка от дна. На местах очень быстрых, напр. под шлюзами, ловят на малявку без грузила и поплавка на длинном удилище

с такой же длины лесом; малявка надевается осторожно на крючок под жабры. Тогда, поддерживаемая на поверхности течением, она засыпает не так быстро. Еще ловят таким образом: опускают живца в те места, где охотник рассчитывает найти окуней, – в омута, окна между густых зарослей трав, около печур и т. д.; давши дойти ему до дна (чтобы узнать глубину), его передвигают короткими толчками вверх и в сторону, изредка опуская на дно, чтобы не потерять глубину. Таким образом обуживают данное место до тех пор, пока не будет поклевки или охотник не убедится, что по соседству нет рыбы.

При ужении окуней на рака и живца следует употреблять удочки большего размера, чем при ужении на червя; для раковой насадки требуется крючок из крупных номеров, но для насадки малявки пригоднее небольшой крючок. При ужении на живца с поплавком последний должен быть настолько велик, чтобы живец не мог своими усилиями потопить его. Ловят окуней еще на жерлицы, причем нет надобности употреблять металлический поводок. Лучшей насадкой служит здесь небольшая плотичка. Живца следует пускать глубоко, ближе ко дну; места для постановки жерлиц выбирают чистые, с песчаным или глинистым дном.

Привада для окуней

Если хотят привадить окуней к какому-либо месту, то бросают приваду, состоящую из земляных или навозных червей, слизняков и т. п. Один известный английский рыболов-писатель Э. Фицгиббон рекомендует следующий способ, чтобы привадить окуней к одному месту: взяв широкогорлую банку белого стекла, пускают в нее штук 10 гольянов, пескарей или другой мелкой рыбы, завязывают горло банки кисеей и опускают ее в том месте, к которому хотят привадить окуней. Эта мысль была сначала осмеяна, но за последнее время в английской «Газете рыболовов» нередко встречаются очень хорошие отзывы об этой приваде.

Другая привада, которую также одобряют многие английские рыболовы, – это сырые кости: бараньи, телячьи или говяжьи. Кости эти (разумеется, с небольшими остатками мяса) навязываются на длинную веревку и с камнем вместо якоря опускаются на дно. Чтобы легче было найти приваду, к ней на бечевке привязывают какое-нибудь легкое тело: кусок коры, большую пробку или пучок тростника. Особенно рекомендуется в довольно быстротекущих водах.

Летнее ужение голавлей

К лету голавли, особенно средние и крупные, с мелких мест сходятся в более глубокие, с умеренным течением. Ловят их здесь на угря-сальника, кучу глист, рака и раковую шейку. Все насадки пускают утром и вечером по дну или близко к нему; в середине же дня, т. е. от 11 до 4 часов, на расстоянии аршина от поплавка. К тому времени, как поспеет крыжовник, малина, вишня, можно пользоваться для насадки этими ягодами; для них (а также для сыра) лучше употреблять небольшой якорек № 6 без колечка. В июле кроме ловли нахлыстом удят голавлей еще на насекомых с самоогружающимся поплавком. В июле же хорошо ловить на молодой овес (см. июль). Как только появятся мелкие лягушки, начинается ужение на них голавлей. Насаживают лягушонка за кожу на спинке так, чтобы не причинить ему серьезного повреждения. На быстрине удят чаще всего на донную. Кроме того, ловят голавлей из-за кустов и нахлыстом на мертвую лягушку. При ужении на быстрине надо ставить грузило не менее 6 вершков от крючка или даже больше, до аршина. Ужение из-за кустов производится таким образом: леса наматывается на кончик удилица до грузила и осторожно просовывается между ветвями; затем рыболов начинает полегоньку спускать леску, пока лягушка не попадет в воду; потом следует слегка поводить концом удилица вправо и влево, чтобы

лягушка постоянно находилась в движении. Если есть поблизости голавль, то он не замедлит схватить насадку.

Ужение на живца бывает наиболее удачно в теплые летние дни, когда крупные голавли ходят поверху или на незначительной глубине. Удить следует на местах, где есть порядочное течение. Самая лучшая насадка – уклейка, ельчик и пескарь. Пускают живца на глубину около аршина. Грузило можно не употреблять. Крючок продевают в ноздрю снизу, так чтобы жало его торчало кверху. Подмосковные рыболовы ловят голавлей на живца исключительно по ночам на донную.

Летнее ужение лещей

Летом, с конца мая, в июне, июле и даже начале августа, самое успешное ужение лещей производится ночью – от 10–11 часов и после полуночи до восхода. Особенно хорошо берет лещ в полнолуние в тихие и теплые ночи. Ловят и с поплавком, но больше ставят донные удочки. Для того чтобы поплавки были виднее, на них надевают черные кружочки из бумаги: к донным же удочкам привязывают колокольчики или бубенчики, по звонку коих можно узнать в темноте, когда взяла рыба.

Ловят лещей на те же насадки, как и весной. На цельного линючего рака лещ никогда не берет, но он очень охотно клюет на раковую шейку, а еще лучше на раковую клешню.

Летнее ужение ельцов

С наступлением лета и жары ельцов нужно ловить исключительно на насекомых, всего лучше на комнатную муху удочкой с поплавком без грузила. Насадку пускают очень мелко. Хорошо также в это время ловить ельцов на насекомых нахлыстом: в этом случае можно употреблять и искусственных насекомых.

Летнее ужение пескаря

Отличается от весеннего тем, что пескарь ловится в более глубоких и менее быстрых местах, имеющих уже не хрящеватое, а чисто песчаное дно. Ловят его также со дна на удочку с поплавком или без поплавка – на весу, так чтобы грузило почти касалось дна. Лучшей насадкой служит в это время мотыль, а потому употребляют тонкие мотыльные крючки (с длинным стержнем и колечком, рис. 8 и 9). Крупных пескарей можно в это время ловить на донную (с берега или лодки).

Сохранение пойманной рыбы летом

В жаркое летнее время, когда дни стоят ясные, совершенно безветренные и солнце сильно печет землю, наилучший способ сохранять уснувшую рыбу свежей – это закопать ее в песок, а за неимением такового – просто в землю на глубину полуаршина или еще больше. Там всегда достаточно холодно, чтобы предохранить рыбу от порчи. Укладывать рыбу следует с травой лопушника или мать-и-мачехи так, чтобы хоронимые особи не касались друг друга своими туловищами. Даже рыбу живую еще, но уже близкую к тому, чтобы уснуть, напр. с попорченными при вытаскивании крючка жабрами, лучше приколоть и зарыть в землю, хорошенько утоптав последнюю. Живую крупную рыбу всего лучше сажать на кукурузу; опускание в воду сетки с мелочью не спасает последнюю в знойное время от смерти; прятать уснувшую рыбу где-нибудь на берегу – в тени куста или густой травы – бесполезно:

рыба в этом случае легко портится; кроме того, большая зеленая муха непременно ее отыщет и не преминет облепить своими яичками.

Стрельба язей

В небольших реках и речках, изобилующих язями, летом трудно ловить этих рыб иначе как нахлыстом на насекомое (кузнечика и др.), а ловля эта требует большого искусства. В таких местах всего удобнее стрелять язей на приманку. Это делается следующим образом.

В ясный день охотник, забрав с собой запас майских жуков, кузнечиков или других крупных насекомых, отправляется с ружьем на омут. Высмотрев из-за деревьев плавающих рыб, он осторожно бросает по тому направлению жука, стараясь не напугать язей взмахом руки, и немедленно же готовится к выстрелу. Если день ясный и клев хороший, то почти тотчас же один из язей отделяется от других и бросается на жука, иногда так стремительно, что вся голова его высовывается из воды; в это мгновение охотник спускает курок. Бывает, впрочем, и так, что язь медленно поднимается со дна головою вперед, и охотник спокойно, не торопясь, выждав тот момент, когда рыба готова уже схватить приманку, пускает в нее заряд.

Убитый язь поворачивается на месте же брюхом вверх и или всплывает на поверхность воды, или же тонет тут же. В том и другом случае его достают сачком, насаженным на длинную тонкую жердь; иногда употребляют и острогу. Почему одни язи тонут, а другие всплывают, вероятно, зависит от того, когда захватит выстрел рыбу – всплывающую ли еще за жуком наверх, или уже опускающуюся на дно.

Дробь для этой стрельбы употребляется крупная, № 4; более мелкая не всегда убивает наповал, хотя и приходится стрелять на расстоянии всего каких-нибудь 8–10 шагов; раненого же только язя достать нет никакой возможности: забьется куда-нибудь в траву и пропадет.

При некотором навыке охота эта довольно добычлива в том случае, конечно, когда рыба не напугана слишком продолжительною стрельбою. Если язи плавают по поверхности, то выстрел обыкновенно разгоняет их, по крайней мере, на полчаса времени; если же язи ходят по дну, то промежутки между выстрелами бывают иногда очень незначительные.

На длинном омуте охоту эту могут производить несколько человек зараз: жуков бросает стоящий вверх по реке, а язь стреляется тем из охотников, в районе которого он схватывает жука.

Майский жук как приманка имеет перед другими жуками следующие два преимущества: его легко доставать, так как в мае и июне его десятками можно стряхивать с каждого листовенного дерева и, во-вторых, он настолько велик, что маленькая рыба не в состоянии его проглотить. Иногда случается, что жук улетает в то время, как его бросают в воду; во избежание этого нелишне надламывать ему надкрылья.

Охота эта очень весела и добычлива: язи идут на жука большие – от 2 до 5 фунтов.

В то время когда язи играют по поверхности воды, их можно бить и без всякой приманки.

Июль

Ужение язей на кузнечика

В небольших реках, текущих в пологих берегах, заливаемых весной, в конце июня и в начале июля, белая рыба, в особенности язь, начинает превосходно брать на кузнечика (называемого также кобылкой или скачком), который к этому времени появляется на лугах в большом количестве и с берега часто попадает в воду. Вообще елец, плотва, голавль и язь, начиная с июня, кормятся насекомыми, падающими в воду, а потому часто плавают на поверхности. Для язя кузнечик составляет самую лакомую пищу, и вечером, с 6–7 часов до заката, утром до полудня в ясную погоду часто можно заметить, как язи поднимаются с глубины кверху, высовывая свои толстые морды. В ненастье они вовсе не играют и не берут.

Так как язи летом ведут оседлую жизнь, то прежде всего надо заметить, где они держатся и где чаще замечается их «игра». Любимым местопребыванием их служат в это время глубокие места реки, особенно в заворотах реки около быстрины, заваленные корягами, хламом, затонувшими деревьями; очень хорошо, если в этом месте лежит большой камень или вблизи находится островок камыша или тростника, а на берегу растут кусты. Часто язи держатся также около плотов.

Ловля на кузнечика, как и всякая другая ловля в наплавную, нахлыстом, одна из самых трудных и требует большого навыка и ловкости, ибо приходится закидывать очень длинную леску. Удилище для этой ловли нужно очень гибкое, легкое и вместе с тем очень длинное – от 7 до 8 арш. и более. Лучше всех березовое удилище, но при такой длине их тяжело держать в руках, а потому многие предпочитают употреблять березовые удильники со сращенным, длинным, гибким и легким рябиновым концом. Леска должна быть очень тонкая, волосая (из 6–8 волос), много длиннее удилища. Волосяную легче закинуть, чем шелковую, но все-таки весьма полезно употреблять т. н. прививок, как и при ужении на овес, т. е. к верхнему концу лески от соединения ее с концом удилища на аршин или полтора прививают еще 2–3 такие же лески. Закидывание много облегчается упругостью прививка. По всей вероятности, и здесь можно применять самоогружающиеся поплавки, которые, имея довольно значительный вес, позволяют малоопытному рыболову без особого труда закинуть насадку на желаемое место. Обыкновенно же ловят без поплавка; насадка должна плыть по воде, а потому крючок не должен быть очень велик, примерно № 10-го; лучше, если он привязан не к леске, а к самому тоненькому жилковому поводку, который все-таки крепче 6-волосной лески.

Насадкой служит кузнечик, сначала бескрылый, потом крылатый, и чем крупнее, тем лучше, так как мелких очень теребят ельцы, плотва и мелкие голавли и подъязики. Ловля этих насекомых не особенно легка и малодобычлива; без сачка из редкой кисеи их много не поймашь. Лучше всего эту ловлю производить накануне ужения, в солнечный день, когда роса совершенно обсохнет, до 5 часов пополудни, а так как не всегда бывает хорошая погода, то необходимо иметь их в запасе. Хранят кузнечиков в жестянках, коробочках или ящиках с крышкою и небольшими отверстиями. Здесь они живут несколько дней, только надо всегда класть в эти помещения достаточное количество травы, иначе эти драчливые насекомые перегрызутся.

Кузнечика лучше насаживать целиком, не отрывая ног; крючок втыкают в грудь и, оставив голову свободной, сколько возможно, проводят через туловище. Многие втыкают крючок в голову, пропуская его в грудь, но этот способ много хуже, так как рыба обыкновенно хватается кузнечика с головы.

Ловля производится с берега или плота; лодки язь боится, и закидывать с нее не очень удобно. Выбрав место, где замечена игра язей, рыболлов начинает закидывать леску, стараясь, чтобы насадка падала около того места, где они чаще всплывают. Как закидывать такую длинную леску – объяснить словами мудрено; можно только сказать, что при этом сильно взмахивают удилицем, как бы намереваясь ударить кончиком по воде. При этом резком движении леска даже свистит. Закинув насадку, дают ей проплыть некоторое расстояние, насколько позволяет длина лесы и удилица, затем подтягивают к себе и снова переакидывают. С непривычки это может показаться очень скучным и утомительным – до первой крупной рыбы, конечно.

Язь берет кузнечика очень тихо и осторожно; при остром зрении можно видеть, как берет язь и когда следует подсекать его; но клев можно также видеть и чувствовать по леске: сначала кажется, как будто ее кто-то трогает или она за что-то зацепила; иногда она начинает как бы особенным образом крутиться и идет не вниз, а против течения или же в глубину. Выждав несколько секунд и дав рыбе немного проплыть, быстрым, но не очень сильным движением подсекают ее и потихоньку ведут к себе. Язь, если тихо вести его к себе, идет ходко: по всей вероятности, он очень чувствителен к боли или очень робеет от неожиданности; но если сильно тащить его, он непременно оборвет лесу. Берет он очень верно и срывается редко. Крупного язья приходится порядком поводить, прежде чем он утомится; тогда уже можно осторожно брать за леску так, чтобы можно было выпустить ее при первом порыве: рыбу затем подсачивают. Без сачка обойтись очень трудно, и у самого ловкого рыболова много язей будет срываться и запутываться в прибрежной траве при вытаскивании их на берег волоком. Если язь запутается в траве, леску по необходимости приходится ослаблять: рыба снова всплывает, и ее направляют куда следует. Очень хорошо, если имеется поблизости надежный помощник или товарищ, который бы подсачивал подведенную к берегу рыбу, но, как и всякую крупную рыбу, язья лучше ловить одному, даже прячась за кустом или другим прикрытием. Рыба, плавающая у поверхности, очень хорошо все видит и слышит.

Рис. 89. Мошкара

Рис. 90. Поденка (метла)

Ловля эта продолжается до середины, иногда до начала второй половины августа, но всего добычливее бывает в самые жаркие июльские дни. Во второй половине июня язь уже начинает брать, но кузнечиков в это время бывает еще очень мало и они мелкие. Лучше всего берет язь под вечер, начиная с 6–7 часов до заката, затем с утра до полудня, после чего клев его прекращается. Мелкие подъязики берут, впрочем, с восхода до позднего вечера в течение всего дня.

Прибавим, что язи местами весьма охотно берут, особенно под вечер, на крупную мошкарку (*Phryganea*), которая иногда может вполне заменить кузнечика. Мошкару эту нетрудно наловить сачком, всего лучше с лодки. Насаживается она на маленький крючок (№ 10–12); лучше, если острие крючка находится в голове, а не в туловище насекомого.

Уженье на метлицу (поденку)

На некоторых реках (Северо-Западной, Северной, частью Средней России), имеющих иловатые берега, в берегах этих выводится громадное количество, б. ч. беловатых, перепончатокрылых насекомых, называемых или метлицей (так как, появляясь в большом количестве, они напоминают снежную метель), или же поденками, потому что они живут в виде совершенного насекомого один-два дня.

В этот кратковременный период своего существования поденка кладет яйца, из которых выходят личинки – маленькие беленькие червячки, зарывающиеся в ил или песок и живущие в своих норках до следующего лета; тогда червячки превращаются в куколку, которая вскоре выползает из норки и поднимается на поверхность или влезает на бревна плотов и на берег, здесь оболочка ее лопается, и из куколки выходит крылатое насекомое.

Вылет метлы совершается ночью в различные летние месяцы (большею частью в конце июня и июле, реже в августе и еще реже в мае), смотря по тому, к какому виду она принадлежит, по широте местности и, наконец, по реке. По-видимому, на каждой реке, представляющей удобства для жизни этого насекомого, живет в большом количестве только один вид поденки, валовой вылет которой совершается почти всегда в одно и то же время года (разница бывает не более недели) и продолжается несколько дней. Местами, впрочем, метлица (вероятно, различные виды ее) продолжает падать гораздо долее, несколько недель, но в небольшом количестве. Обыкновенно сначала появляются самцы (более темные и с длинным двойным-тройным хвостиком). Затем, через день-два, вылетают самки, более крупные, белесые (вообще более светлые) и толстобрюхие. Большею частью (но не всегда) прежде всего метла начинает падать в устье, и чем далее вверх, тем она вылетает позднее. Поэтому во время падения метлы рыба стаями поднимается вверх по течению и нередко доходит до верховьев реки. Всего больше падает метлы перед восходом; появляется же метла за час до заката, а к 6 часам утра летающей уже не видно. Большая часть метлицы падает в воду и делается добычей рыб, для которых она составляет самую лакомую пищу, так что они нередко объедаются ею и умирают. Рыба, пойманная во время главной валки метлицы, очень скоро снет, покрывается красными пятнами, и мясо ее всегда гораздо рыхлее и безвкуснее обыкновенного. Это не мешает, разумеется, рыболовам ловить ее в огромном количестве как в сети, так и на удочку. Ни на какую другую насадку рыба в это время почти не берет, даже на рака (тем более что тогда, обыкновенно в июле, линючие раки встречаются реже), потому что ночью держится близко от поверхности, а на день, наевшись до отвала, уходит вглубь и лежит там, почти не двигаясь, до заката.

Как только появится метлица в большом количестве, рыбаки делают запасы ее для привады и насадки. Наловить ее можно очень много, махая частым сачком (или из кисеи), даже мокрым решетом. Другие добывают метлу, плывя ночью в лодке и махая пучком зажженной лучины; обожженные насекомые падают в лодку на разостланное холстинное покрывало. Еще лучше и удобнее делать для этой цели так назыв. заплавы. В берег или в вершину язка (см. далее) укрепляют длинное бревно; к противоположному концу бревна привязывается веревка, бревно заводится несколько наискось против течения и удерживается в этом положении веревкой. К этой заплавы течением прибивает массы метлы, которая частью служит прикормкой непосредственно, частью собирается сачками – для ловли и привады, опускаемой на дно в нескольких мешках из рединки и меняемой ежедневно. Для насадки лучше

употреблять метлу, только что пойманную сачком, так как она очень нежна и скоро портится. Впрочем, ее можно сохранять на льду в течение 2–3 дней, укладывая в мелкие корзины или, еще лучше, в луночки, делаемые во льду. Многие делают большие запасы метлицы, высушивая ее в печи или на воздухе. Такая сушеная метла годится только для привады.

Рис. 91. Язок и ужение на метлу

Удят на метлу преимущественно с берега или плотов на местах с чистым хрящеватым дном, которое заблаговременно очищают от коряг и задевов. В высокое стояние воды замечено, что рыба берет лучше на песках и более мелких местах, поблизости от омутов и крутояров; в низкую воду, напротив, она берет б. ч. на самых глубоких местах. Так как на быстром течении ловить неудобно, то в таких местах весьма полезно устраивать язки, или заязки. На Шексне язки делаются из 8 пар кольев, которые идут от берега вглубь, не совсем перпендикулярно руслу, а несколько наискось против течения; каждая пара отстоит от следующей на аршин; последние три пары для большей крепости поддерживаются подпорками. Между кольями грузят по поверхности воды фашинник, раakitник, связанный снопами, так что образуется заводь, где рыба охотно задерживается, тем более что к язку прибывает много метлы и других насекомых. Очевидно, что это сооружение может принести большую пользу рыболову только в реках с быстрым течением. В таких искусственных заводах обыкновенно ловят с поплавком, пуская насадку немного повыше дна, непременно с донной прикормкой из той же метлы. В местах с медленным течением в заязках нет особенной надобности, но здесь удобнее ловить без поплавка и грузила, так, чтобы насадка плавала поверху. Вообще во время падения метлы, когда вся рыба вечером, ночью и ранним утром держится у поверхности воды, ужение в наплавную, ловля на нетонущую насадку – нахлыстом – должны быть добычливее ужения с грузилом. Надо полагать, что самоогружающиеся поплавки (см. далее) окажутся здесь весьма полезными. Донные удочки при ловле на метлу почти вовсе не употребляются.

Вся снасть для ужения на метлу, особенно в наплавную, должна быть гораздо тоньше, чем для ужения на рака. Удилище выбирается длинное и гибкое (березовое), леска не толще

8 волос, с тонким поводком и маленьким крючком, не крупнее 10 номера. Поплавок тоже должен быть легкий и чувствителен. Для ловли в наплавную, чтобы удобнее было закидывать легкую леску, необходимо делать так назыв. прививок, т. е. от верхушки удилица на аршин или полтора леска должна быть в несколько раз толще остальной части (см. август, «Уженье на овес»). Насаживать метлу довольно трудно, так как она плохо держится на крючке. Лучше всего выбирать для насадки самцов, которые хотя и мельче самок, но тверже телом и прочнее. Обычно насаживают по 2 штуки с хвостика, но можно также употреблять для насадки (особенно на крючки средних размеров при ловле с поплавком) небольшую щепотку метлы, обматывая и прикрепляя ее к крючку белым конским волосом или ниткой.

Нечего и говорить, что ловля на метлу в наплавную гораздо труднее ловли с поплавком.

Искусственная приманка для шересперов

Основываясь на привычке шереспера во время жары ходить у самой поверхности, его ловят за границей на больших яркоцветных искусственных мух. За что он принимает их – вообще трудно сказать; несомненно, однако, что некоторых из них он принимает за мелкую рыбу. В России этот способ уженья шереспера не применяется, хотя, впрочем, у нас местами употребляют для него искусственные приманки. Так, напр. в Смоленске, шереспера ловят на длинные куски белой овчины, которую шереспер будто бы принимает за миногу. Местами также ловят его на пучки белой шерсти, перевязанные красною. Радкевич описывает следующую искусственную приманку для жереха: «К крючку, прикрепленному к толстой леске, привязывают два маховых пера, как мне сказали – сойки (*Garrulus* – птица), вогнутостями внутрь так, чтобы крючок был между ними. Удилище употребляется не очень длинное, легкое, лучше всего березовое. Рыбак, разведав, где плещется белезна (шереспер), медленно плывет в лодке по течению и забрасывает свою удочку к берегу, не очень быстро ведет ее к себе так, чтобы крючок с перьями плыл к нему почти по поверхности воды; затем, вынув удочку, опять ее забрасывает и ведет к себе и т. д.» (Радкевич «Ужение рыбы», стр. 133). У Терлецкого описывается «жереховый вабик», как он его называет «Из опахала гусиных белых перьев, связанных по краям и в середине, делается плотный цилиндр в вершок длиною, в 2 линии толщиной. С задней части этого вабика в самом конце укрепляются четыре или три крючка в одинаковом друг от друга расстоянии, т. е. со всех четырех сторон, а в середине между ними приделывается кусочек красного сукна наподобие хвостика рыбы. К верхней части вабика привязывается длинная – сажень 10 – леса без грузила и поплавок. Закидывая на весьма длинном уденье этот вабик на струю ходовой воды, охотник его постоянно подтягивает и перекидывает. На вабик берет только жерех». Очень пригодны для уженья жереха в наплавную гуттаперчевые *сшивные* рыбки на одиночном крючке Лимерик № 1.

Рис. 92. Гуттаперчевая рыбка

Уженье на *paternoster*

Это странное название произошло оттого, что леска с несколькими крючками, употребляемая при этом способе и имеющая сходство с нашим подпуском, в первоначальном своем

виде несколько напоминает четки (см. рис. 93, *a*); отсюда и произошло название *paternoster*. Теперь это сходство с четками совершенно исчезло, так как *paternoster* имеет всего только одно тяжелое грузило внизу.

Самый лучший способ устроить его – следующий. Берется леса из крепких жилок (или непромокаемого шелкового шнура) длиной от 1 1/2 до 3-х аршин; в ней завязывают небольшие петли, отстоящие друг от друга на 9–12 дюймов, начиная в 3-х дюймах от грузила. К этим петлям пристегиваются крючки на коротких поводках вершка в 3–4; для ловли окуня, форели поводки делаются из жилок, для ловли же щуки как поводки, так и леса делаются из тонкой басковой струны (см. рис. 93, *в*). Соединять поводки с лесой можно двояко: или двумя петлями, или же посредством узла, показанного на прилагаемом рисунке (рис. 94). Грузило употребляется преимущественно коническое.

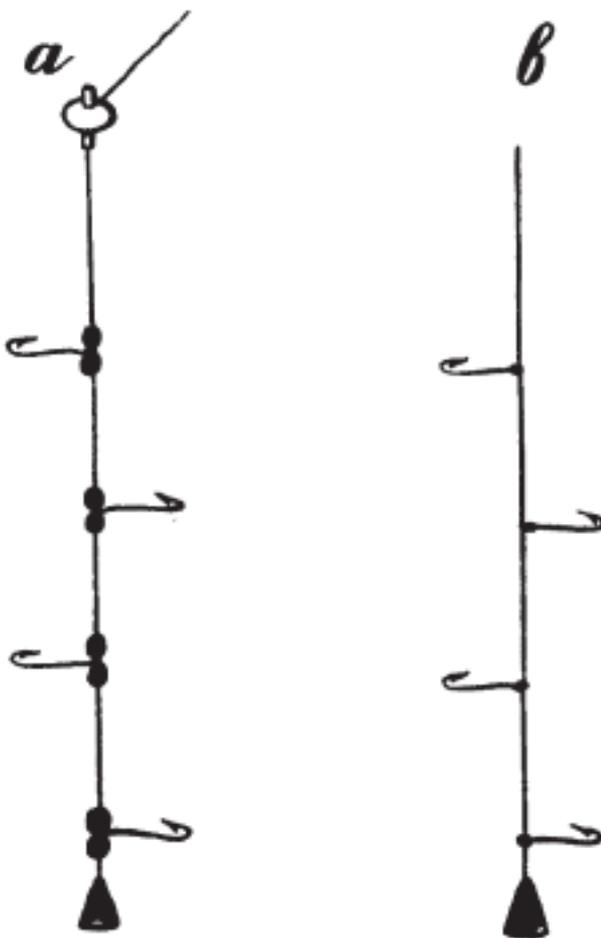

Рис. 93. Paternoster

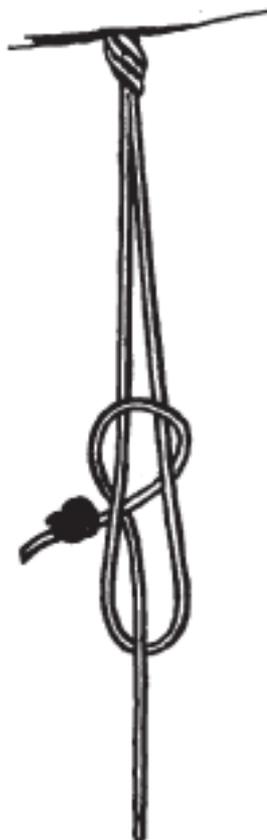

Рис. 94. Соединение поводка с лесой

Для уженья на патерностер с берега берут удилище футов от 14 до 16; для уженья с лодки – футов 10 или 12. Оно должно быть по возможности легко, довольно жестко и вместе с тем упруго. Леса – не слишком толстый шелковый шнурок. Большею частью ловят на складные удилища с катушкой, на которую намотан большой запас лесы; при сильных порывах рыбы спускают лесу и потом снова наматывают.

Насадив крючки гольянами, пескарями или уклейками, зацепленными за верхнюю губу, *осторожно* закидывают; когда грузило коснется дна, его потихоньку приподнимают на аршин и передвигают в сторону. Если почувствуется поклевка, то ждут несколько секунд, чтобы дать клюющей рыбе хорошенько взять живца в рот, и затем подсекают.

Описанный способ уженья очень выгоден тем, что насадка, постоянно двигаясь на различных глубинах, привлекает всех находящихся в соседстве хищников, из которых многие не заметили бы ее, если бы она находилась в покое.

Вместо рыбок иногда насаживают червей.

Удить патерностером следует преимущественно в глубоких местах, в омутах, происходящих от падения воды с высоты или оттого, что быстро текущая вода вырыла в русле яму, в которой она получает кругообразные движения.

Патерностер можно ставить для ловли хищных рыб, как ставят жерлицы; в таком случае его снабжают большим поплавком, как показано на рис. 93, *a*.

Уженье сазанов

Сазаны, или карпы (карпом б. ч. называется прудовой сазан), водятся в реках, озерах и даже небольших прудах Средней и Южной России. Местами от обыкновенного речного сазана отличают сорт его – горбыля, более толстого и с более горбатою спиною. Горбыли

эти гораздо сильнее собственно сазанов, которые, в свою очередь, гораздо труднее вываживаются, чем прудовые карпы. В реке сазаны выбирают для своего жительства самые глубокие омуты, преимущественно где берег обрывистый, т. е. круто сходит вглубь, где много коряг, камней и пр. Такой омут в реках бывает б. ч. на крутых заворотах русла. Всего лучше берут сазаны с глинистого дна, а также и с песчаного, если оно переходит в недалеком расстоянии в глинистое. Лучшее время ловли карпов удочкой – это конец июня, июль и август. Весною до нереста карп берет плохо и далеко не везде. В сентябре, в середине или в конце, клев сазана обыкновенно прекращается. Наиболее крупные чаще попадают в начале июля и в конце августа. Лучшее время дня – раннее утро, но можно с успехом ловить и вечером, с 4–5 часов пополудни; днем сазан не клюет, за исключением мелкого. Впрочем, в августе и сентябре он часто хорошо берет с 9 до 11 часов пополудни. Насадкою для уженья сазанов могут служить: красный навозный червь, куча глист, пшенная каша, приготовленная вкрутую, так, что ее можно резать на куски; земляные черви, распаренные зерна пшеницы, клецки из пшеничной муки, измятый мягкий белый и черный хлеб, мелкие сальники, бобы, кукуруза и шейки вареных раков. При начале лова надо испробовать различные насадки, так как сазан иногда предпочитает одну, иногда другую.

Лучшая прикормка для сазанов – вареная пшеница с пшенной кашей; но можно также прикармливать их на пареную пшеницу, рожь, гречневую кашу, творог, белый и черный хлеб, на вареные бобы, пшенную кашу, сваренную на молоке, разваренный рис и перловую крупу. Очень хорошо также бросать для прикормки шары, смятые из глины с толченым конопляным семенем и распаренными зернами (ржи, пшеницы, ячменя). Обыкновенно прикормку бросают просто в воду рукою на то место, где должны быть закинута удочки, а также немного по бокам и в глубину. Если желают удить утром, то заприваживают место вечером, при закате или после заката солнца; если же намереваются ловить вечером, то лучше заприваживать место по утрам или же среди дня. После первой засыпки прикормки повторить ее можно только накануне самой охоты, а еще лучше за день до нее. Прокишенные зерна отнюдь не следует употреблять для прикормки.

Удилище при уженьи сазанов должно быть крепкое, достаточно длинное, всего лучше цельное березовое. Леса – по возможности тонкая, а главное – крепкая; лучшая – из жилок; за нею следует плетеная шелковая просмоленная и наконец пеньковый снурок; длина леси должна соответствовать длине удилища, и леса должна быть не длиннее как на два аршина. Крючок берется небольшой и крепкий; величина его не должна превышать английского крючка № 4. Поплавков должен быть невелик и хорошо выверен, насадка должна касаться или почти касаться дна и даже немного волочиться по дну. Всего удобнее ловить на 3 удочки, которые ставятся на подставках. После подсечки остальные удочки выбрасываются на берег, чтобы рыба не могла запутать другие леси. С лодки ловить сазанов неудобно, так как они ее боятся.

Нечего и говорить о том, что для уженья сазана на одних и тех же местах, прежде чем заприваживать эту рыбу, необходимо, насколько возможно, расчистить их, т. е. вытащить ближайшие коряги и другие подводные предметы.

В Астраханской губернии ловят сазанов на донную без поплавок в крутоярах, стараясь, чтобы грузило легло на уступе берега, а насадка (крупный красный червь) висела свободно. Всего лучше ловится здесь сазан в августе и сентябре. В прудах сазаны (карпы) нередко берут также весной, в середине или в начале мая, когда вода еще не запружена.

Самая обыкновенная сазанья поклевка следующая: поплавок плывет в сторону с возрастающей быстротою, не вдруг погружаясь в воду. Впрочем, сазан иногда погружает поплавок прямо в глубину, а иногда даже кладет плашмя, как лещ. Бывает также, что крупный сазан берет с разбега; в этом случае обыкновенно он перешибает лесу. Если поплавок погрузился прямо в глубину, то для подсечки нужно удилище быстро подхватить или дернуть

вверх; при погружении поплавок влево подсечка делается поднятием удилища вправо и наоборот – при погружении поплавок вправо подсечают в левую сторону. Карп после подсечки с быстротою молнии бросается в сторону – это самый опасный момент: рыболов должен быстрым и энергичным поворотом удилища вправо или влево заставить карпа повернуться к себе головою, затем, встав с места, крепко держать удилище в правой руке, а если карп крупный, то и в обеих руках, не попуская и не подтягивая к себе лесу; карп, бросаясь в разные стороны, начинает описывать правильные горизонтальные дуги, сначала подле дна, а затем все ближе и ближе к поверхности; когда он поднимется настолько, что видно его в воде, можно его несколько приблизить к себе, подняв немного удочку; но если при этом сазан станет описывать вертикальные дуги и даже покажется на поверхности, следует попустить ему лесу; его появление на поверхности свидетельствует, что он еще не истомлен. Если же, подтянув ближе к себе карпа, вы увидите, что он продолжает описывать горизонтальные дуги и притом не так быстро и не так порывисто, как прежде, это верный признак, что карп устает; подержите еще несколько времени в таком положении удочку: сазан будет вскоре как бы нехотя, медленно описывать дуги и даже остановится на несколько секунд; тогда пора брать сачок и подводить карпа поближе к берегу, но при этом не следует брать руками за лесу даже и тогда, когда карп станет на месте. Подсачиванье следует производить так: когда рыба утомится настолько, что лежит по нескольку секунд без движения, то, приподняв ей голову, подхватывают ее сачком, не поднимая последний, но быстро таща его к берегу. Все это необходимо соблюдать с крупными карпами; с мелкими же можно, конечно, обходиться с меньшей церемонией. Сачок должен иметь довольно длинную рукоять – аршина два и более.

Насаживание белых червей и глист при ловле сазана

Едва ли не лучшей насадкой для сазана служат белые черви, особенно черви с рыжей головкой и гладкой блестящей кожей, почти без волос. Однако на мелких белых червей, которые попадаются реже крупных, сазан всегда берет охотнее, вероятно, потому, что крупные очень скоро чернеют. Для того же, чтобы они не чернели, сердобские рыболовы отрывают головку червя, после чего черные внутренности его нетрудно вытряхнуть в образовавшееся отверстие. Затем оба края отверстия прокалывают крючком, за последним протаскивают поводок, жало крючка опять вводится в червя на 1–2 милл. ниже выходного отверстия первого прокола, и червь насаживается обыкновенным способом; поводок натягивается, и отверстие кожного мешка, который теперь изображает из себя червь, стягивается так, что вода легко проникает в него и получается очень пышная и белая насадка. (Рис. 95.) Если червь очень велик, его можно разрезать пополам и насаживать каждую половинку отдельно.

Очень часто при нерешительном клеве сазана случается, что он берет червя за его нижний край, находящийся на сгибе крючка, так что острие последнего остается свободным, и сазан после подсечки, конечно, уходит. В таком случае вместо того, чтобы насаживать червя согнутым, следует надевать его, как футляр, так чтобы сгиб крючка лежал в самом конце червя. Для того же, чтобы последний крепче держался на месте, за него слегка задевают жалом крючка, для чего достаточно надавить на червя в том месте, где чувствуется жало. Всунув крючок (сгибом вперед) так, чтобы сгиб его лежал в самом кончике червя, головной конец последнего привязывают двумя оборотами суровой нитки, кончики которой вплотную обрезают. (Рис. 95, II.) При таком способе насаживания сазан не может взять червя, не взяв вместе с тем и жало крючка в рот.

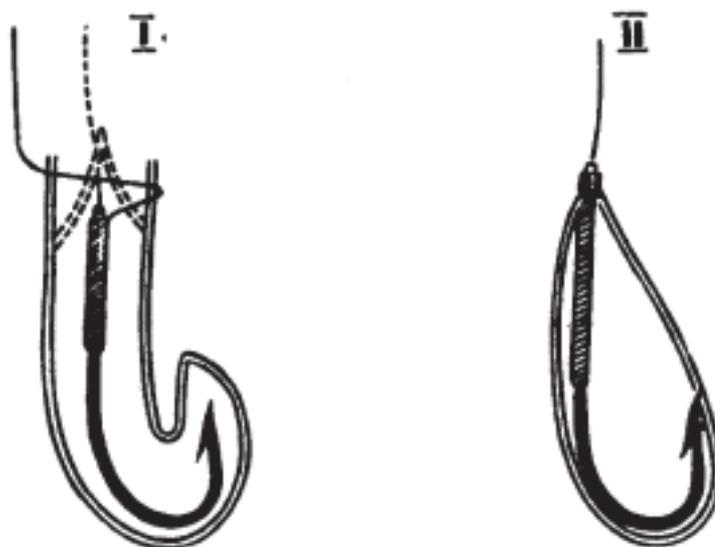

Рис. 95. Способы насаживания белого червя

Глисты для ловли сазана насаживаются на крючок или по одной (при нерешительном клеве), или (навозные) кучей, причем черви по очереди прокалываются посередине, затем около головок и хвостов или же только в середине, причем жало прикрывается хвостиком или головкой. При хорошем клеве насадка кучей очень удобна, но при плохом лучше ловить на одну глисту, а так как и в этом случае сазан часто обрывает кончик (без хвоста он почти не берет), то поэтому лучше насаживать червя *кренделем*. Жало крючка вводится в самую середину глисты по направлению от головки к хвосту, и глиста надвигается на крючок, пока расстояние между жалом последнего и концом его хвостика не сократится до полудюйма. Тогда жало выводится наружу и пропускается в другую половину глисты на расстоянии полудюйма от конца головки.

Вываживание самых крупных сазанов

К толстому концу (комлю) удилица прикрепляется бечевка сажени 2–3 длиной и более; к свободному же концу ее привязывается порядочный пучок камыша. Подле места ужения в скрытом убежище ставят лодку. Как только сазан возьмет насадку и после подсечки окажется, что рыба из крупных, так что удилице, пожалуй, не выдержит, рыболов бросает удочку с бечевкой и пучком в воду, а сам, не торопясь, берет сачок, садится на лодку и, подъехав к ныряющему удилице, ловит его в руки, а если русло очень глубоко и удилице скрылось под водою, то хватает снурок, при помощи его подтягивает к себе удилице и, держа его в руке, водит сазана большею частью на середине реки. Чем глубже место, тем меньше шансов потерять рыбу. Если сазан очень силен, то приходится не раз брать в руки удильник, вощить рыбу и опять бросать удилице в воду; только после некоторого утомления сазана, когда удилице перестает нырять и погружаться в воду, берут удилице в руки и, окончательно истомив рыбу, подводят ее к лодке и подсачивают.

Ловля судака на донную

Донную удочку надо забрасывать непременно на песчаном месте, лучше всего около мелей, где к тому же нет и задевов. Удильник (аршина в 1 1/2, лучше можжевелевый) должен иметь достаточную крепость; леска – или крепкая тонкая английская бечевка, или волосяная (волос в 20 и более, смотря по тому, какие судаки водятся); басок не должен быть толст, и

его предварительно надо сделать гибким (руками); груз должен соответствовать силе течения, но так как судак не сразу заглатывает добычу, то лучше, если грузило будет немного тяжелее, чем следует, ибо тогда можно пустить лесу послаби. Крючки для донной употребляются больше одиночные, не очень большие, так как необходимо насаживать некрупных живцов, зацепляя их притом за голову или под жабры. Можно также (на крупного судака) насаживать живца (большого), продевая басок при помощи большой тупой иглы через рот и задний проход (см. рис. 42), но лучше пришивать крючок к спинке или боку (см. рис. 43 и 44). Зацеплять крючок за спинку отнюдь не следует. Лучшее насадкою для донной служат, кажется, пескарь и голец. При ночной ловле, как водится, к концам удильников привязываются бубенчики или колокольчики.

Ловля рыбы переметом

Перемет состоит из длинной и крепкой бечевы, на которой в расстоянии сажени (или несколько больше) друг от друга навязываются поводки из более тонкой бечевки длиной каждый аршина 3–4 с крючками на концах. Перемет б. ч. перетягивается с одного берега реки на другой и прикрепляется на обоих берегах к кусту, дереву или, если место голое, к прочно вбитому в землю колу. Снасть висит над водою, и поводки опускаются на такую глубину, чтобы живец, не доставая дна, мог свободно ходить на некотором расстоянии от него. Если посреди русла на глубоком месте торчит из воды верхушка большого затопленного дерева, то хорошо ставить перемет несколько наискось вдоль по течению реки, прикрепляя один конец его к означенному дереву, а другой к тому берегу, который глубже. При постановке перемета сначала протягивается поперечная бечевка и затем, перебираясь по ней на лодке, рыболов навязывает на бечеву поводки с крючками. Живцы насаживаются или тогда, когда уже привязаны все поводки, или тут же, при самом привязывании последних. Насаживают их, зацепляя крючком за спинку или за губу, в ноздрю. Попадают на снасть: щуки, судаки, шересперы, голавли, сомы и др. Для насадки служит всякая некрупная рыба, но всего лучше пескари и уклейки. Переметы ставят на местах глубоких, оставляют их на ночь и осматривают по утрам; днем же рыба попадает плохо. Снимать с перемета попавшуюся крупную рыбу надо осторожно и, пока рыба не утомилась, отнюдь не хвататься за поводок.

Если желают поставить перемет скрытно, чтобы его не украли, или если почему-либо нельзя загораживать переметом реку, то его опускают среди реки на дно, для чего к концам бечевы привязываются тяжелые камни. Для вынимания его тогда надо иметь багор или маленький якорь; для скорейшего же нахождения можно привязывать к перемету на веревке особые поплавки. Опускают на дно перемет также с целью ловли налимов, которые охотнее берут со дна.

Можно наживлять крючки на перемете также червями (штук по 5 на каждый), раковой шейкой и пр. При ловле на такие насадки нужно поводки привязывать ближе друг к другу и чаще осматривать снасть. Попадает много всякой мелочи: окуни, ерши, подлещики и пр.

Делают еще перемет таким образом: веревка, поддерживающая нити, предварительно вываренная в масле или просмоленная в видах предохранения от гниения, пускается на поверхность воды совершенно свободно, не в натянутом положении, для чего ее продевают сквозь пробки, размещенные на известном одна от другой сообразно с тяжестью веревки расстоянии. Такая *наплавная веревка* закрепляется наглухо на обоих берегах, на *причалах* – заостренных колышках, воткнутых в землю. Каждая нить с грузом и крючком (леса) привязывается к *поплавку*. Поплавок состоит из *рогульки*, продетой сквозь большую пробку. На раздвоенном конце рогульки, в самом углу рожков, прикрепляется *уравновешивающий груз*, который держит весь поплавок в вертикальном положении простым, нераздвоенным концом вверх. Несколько выше груза до того, как *рожки* начнут расходиться, привязывается наглухо

леска, так чтобы у нее оставался свободный конец длиной немного более аршина. На конце этом привязывается крепкая *палочка*; в самой середине и несколько отступя от нее на леске делается глухая *петля* диаметром меньше половины длины палочки. Таким способом образуется *захлестка*, при помощи которой можно удерживать поплавков на любом месте наплавной веревки. Ненужный *запас* лесы наматывается на оба конца рогульки известным уже способом (цифрой 8, так, чтобы рожки были в центре обеих половинок), а *действующий конец* ее с грузом и наживленным крючком опускается в воду. Этот конец может быть закреплен наглухо) к одному из рожков рогульки соединительным узлом или же защемлен в расщеп рогульки, смотря по тому, входит ли в расчет предварительно несколько утомить рыбу. Надводный нераздвоенный конец рогульки для отметки снабжается флагом. Существует еще вид перемета, так называемый *самолов*. Устраивается он подобно перемету, с тою разницей, что крючки располагаются чаще (крючки имеют несколько иное устройство сравнительно с крючками обыкновенными) и ставится он на поплавках, чтобы крючки не лежали на дне. На крючке *самолова* ничего не насаживается, а рыба, проходя мимо, задевает за крючок; стараясь оторваться, она задевает за соседние крючки и таким образом попадает в руки рыбаку. Само собою разумеется, что *самоловом* можно ловить не всякую рыбу, а только с более нежною и мягкою кожей, как, напр., стерлядей.

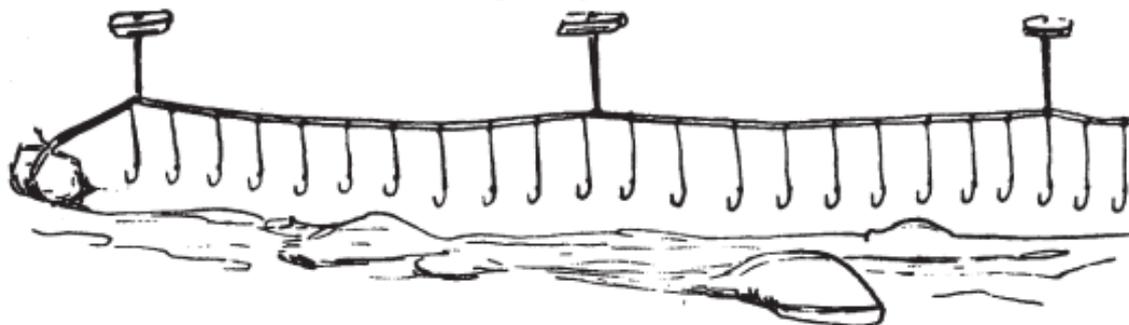

Рис. 96. Перемет-самолов

Август

Ужение на овес

В конце июля или в начале августа, как только начнет наливаться овес, в некоторых местностях Средней России употребляется особый способ ужения без поплавок – нахлыстом на молодой овес, до которого очень падка большая часть рыб, особенно же лещи, язи и голавли. Эта едва ли не самая трудная ловля может производиться только на небольших реках (скорее речках), имеющих голые берега, и не иначе как вдвоем с помощником.

Удилище здесь должно быть легкое, тонкое, гибкое, но вместе с тем чрезвычайно упругое, так чтобы могло сгибаться в кольцо и потом быстро выпрямляться. Наилучшая длина его 6–6½ аршин. Складные удилища вовсе не годятся, а из цельных всего пригоднее березовые. *Леска* употребляется здесь очень длинная – от 6 до 10 сажень, смотря по ширине реки, в 3–9 волос, непременно волосяная и лучше плетеная, чем витая. *Крючок* – самых мелких номеров (№ 12–14); *поводок* – отборный конский волос или самая тонкая жилка (буйволов волос).

Для того чтобы иметь возможность забросить такую длинную и легкую леску, гибкости удилища обыкновенно недостаточно, и потому конец лесы, который привязывается к удилищу, должен быть гораздо толще всей остальной части. Это достигается тем, что верхний конец лесы обвивают или оплетают несколькими такими же лесками. Этот так называемый *прививок* бывает толщиной в 40–50 волос, а длиной от одного до 2 аршин; к удилищу он привязывается не как обыкновенная леса, а крепкими нитками, так что составляет как бы продолжение верхушки удильника. Вообще при ловле нахлыстом (на кузнечика, метлу, майского жука), когда употребляется леска гораздо длиннее удилища, прививок необходим.

Самая ловля производится следующим образом. Прежде всего заблаговременно насыпают в мешок овса, примерно восьмьюшку, и самые крупные зерна отбирают. Затем часов в 7 пополудни, когда свалит жар, рыболов с удочкой и отборными овсянами отправляется на реку с товарищем-помощником, несущим мешок с овсом. Один из них переходит на другую сторону реки, причем рыболов должен стоять на низменном берегу, в расстоянии 100–200 или более шагов от помощника. Последний бросает горстями овес, стараясь забрасывать его на быстрину (иначе овес прильет к берегу) через каждые 5 минут; овес этот доплывает до омута, против которого стоит рыболов; в скором времени находящаяся здесь крупная рыба, увидав плывущую приманку, начинает подниматься на поверхность и хватать овес, который обыкновенно тут несколько задерживается. Как только рыба начала *болтать*, т. е. хватать зерна, рыболов ловким движением закидывает леску так, чтобы отборная овсянка, насаженная на крючок, тихо, без шума легла в середину или в передних рядах плывущего овса, и тихо идет вниз по течению до края омута. Необходимо, чтобы крючок весь был спрятан в овсянке и вместе с тем чтобы жало его выходило совершенно свободно. Охотник зорко следит за своей овсянкой и, лишь только схватит ее рыба, подсекает. Подсекать надо несильно, чтобы не оборвать губы или поводка. Прежде чем тащить крупную добычу, разумеется, необходимо ее утомить; только когда она всплывет наверх, можно подтаскивать к себе леску и подсачить рыбу. Перезакидывая удочку, следует вытаскивать удочку как можно осторожнее, чтобы не испугать рыбы, и забрасывать ее снова у верхнего края омута. Перед закатом, когда охотник уже не может видеть своей овсянки, ловля кончается.

Охота эта бывает иногда очень добычлива и по качеству, и по количеству рыбы, но она требует острого зрения и большой ловкости для закидывания длинной лески. Когда овес созреет, рыба уже неохотно берет на него и ужение на овес кончается.

Ловля на дорожку

Дорожкой называется род блесны, спускаемой на длинной бечевке с лодки, плывущей большею частью по течению. Поэтому ловят на дорожку попутно, отправляясь на ловлю, и эта ловля пользуется особенною популярностью у волжских судовых рабочих. На севере и северо-востоке России она, впрочем, употребляется и настоящими рыбаками, чего вполне заслуживает, так как это один из самых веселых способов ловли. Ловля на дорожку начинается во второй половине августа, с началом осеннего жора щуки преимущественно, и кончается в сентябре. Чаще всего на дорожку попадает щука, окунь; реже судак и белорыбица (на Волге, а на севере – нельма) и еще реже сом; на севере и в Западной Сибири хорошо берет на дорожку тальмень.

Так как дорожкой ловят на ходу, то она несколько отличается от большинства блесен, хотя некоторыми из них можно дорожить довольно успешно, именно: более легкими и имеющими плоскую форму. На северо-востоке дорожка делается из 2–4-вершковой медной, иногда железной пластинке с небольшим выгибом на переднем конце, в котором просверливается небольшое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного сукна или другой материи. (Рис. 97 и 98.) Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большой опытности, так как при неправильном центре тяжести она плывет не горизонтально – плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно играет (колеблется). Поэтому хорошая дорожка ценится рыбаками очень дорого – до рубля и более.

Рис. 97. Дорожка сбоку

Рис. 98. Дорожка сверху

За границей, где, по-видимому, ловля на дорожку и блесну гораздо распространеннее между рыболовами-любителями, чем у нас, существует очень много дорожек-блесен различной формы. Одни из них имеют форму рыбы и делаются металлическими (рис. 99 и 100) и гуттаперчевыми. Последние много хуже, так как не блестят и приметны рыбе только вблизи (см. рис. 92). Чтобы они вертелись в воде, их делают несколько изогнутыми к хвосту или снабжают двумя лопастями, устроенными по принципу Архимедова винта и прикрепленными около головы. Собственно блесны-дорожки делаются за границей из меди, большею частью посеребренной (или из сплава, вроде мельхиора), чаще всего такими, как представлено на рис. 101 и 102. Первая из них, снабженная Архимедовым винтом, может вращаться вокруг своей оси; вторая может только колебаться с боку на бок, но удобнее первой, тем более что ее нетрудно сделать самому из мельхиоровой чайной или десертной ложки. Блесны-дорожки делаются также стеклянными, но такие непрочны и менее привлекательны для рыбы. Для того чтобы дорожка свободнее вертелась или колебалась, к ней прикрепляют карабинчик; снабжают ее или одним якорьком назад или двумя, даже тремя, как в искусственных рыбках-дорожках. Тройной крючок вообще много лучше одиночного, в особенности при ловле щук, которые с обыкновенного крючка очень часто срываются. Поводок делается из баска, редко (у простых рыболовов) из медной проволоки.

Рис. 99

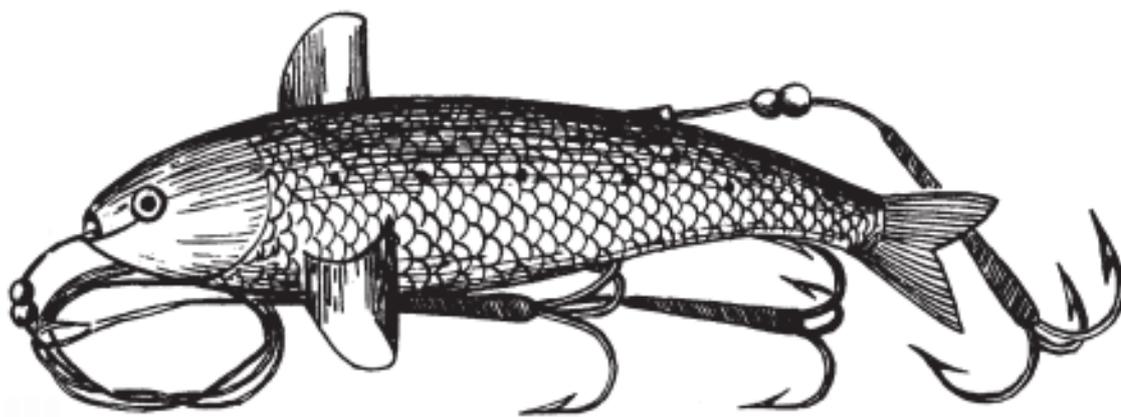

Рис. 100
Заграничные рыбки-дорожки

Рис. 101

Рис. 102
Заграничные блесны-дорожки

Дорожка привязывается к более или менее толстой, но крепкой бечевке в 10–20 сажен длины, которая навивается или на палку, или, что еще удобнее, на большую деревянную катушку с рукояткой для навертывания, иногда же на вращающуюся на шпильке рамочку. Все это, т. е. катушки, наvertки и разнородные заграничные блесны, можно достать в любом магазине, торгующем рыболовными принадлежностями.

Ловить на дорожку всего удобнее на небольших легких лодочках, управляемых одним веслом с кормы; впрочем, когда приходится ловить на больших реках или ездить вдвоем, то лучше выбирать более надежную лодку и сидеть самому в корме, а гребцу – на носу (с двумя веслами). Грести, впрочем, приходится очень мало – только на обратном пути, так как рыба всего успешнее ловится на дорожку, когда лодка плывет по течению, т. е. бесшумно. Одному же грести против воды и ловить совсем неудобно. Рыболов, сидя в корме, спускает бечевку с дорожкой так, чтобы дорожка плыла за лодкой в 5–10 и более саженях вполводы или глубже; на перекатах бечевку необходимо укорачивать, на глубоких местах отпускать длиннее, а в траве иногда приходится и совсем ее вытаскивать. Палку или катушку надо держать как можно крепче, иначе крупная рыба может ее вырвать из рук. Если же ловить в одиночку,

то по необходимости следует держать веревку в зубах. Некоторые рыбаки для того, чтобы слышать, хорошо ли играет дорожка, закладывают бечевку за ухо, но это довольно опасно. С дорожкой следует держаться ближе к берегу, чем к середине реки, особенно если у берегов растут водяные травы – притон щуки. Другие хищники придерживаются, впрочем, глубоких мест. Можно ловить на дорожку и на больших прудах и озерах, что даже удобнее. Ловля продолжается весь август и почти весь сентябрь. Крупную рыбу вытаскивают при помощи сачка, багра или щучьего топора, но очень большой рыбе нелишне дать повозить лодку до утомления. Лучшее время для ловли – утром и под вечер.

Приготовление оловянных блесен

В конце августа в рыбных водах уже начинается блеснение окуней, шук и другой хищной рыбы, а потому необходимо заблаговременно заготовить достаточное количество блесен.

Блесна есть не что иное, как кусок олова (реже свинца, который слишком тяжел), которому придана известная форма (изменяющаяся, смотря по местности) и в который залит одиночный или двойной-тройной крючок. Нередко также это медная, несколько изогнутая пластинка с загнутым острым концом в виде крючка, но без бородки или же с припаянным стальным крючком.

Самые обыкновенные формы оловянных блесен следующие:

Московская блесна состоит из трехгранного куска олова с подобием рыбьего хвоста наверху и одним крючком внизу. (Рис. 103.)

Новгородская блесна – плоский овальный кусок олова (а иногда свинца) с одним крючком. (Рис. 104.)

Блесны

Рис. 103. Московская

Рис. 104. Новгородская

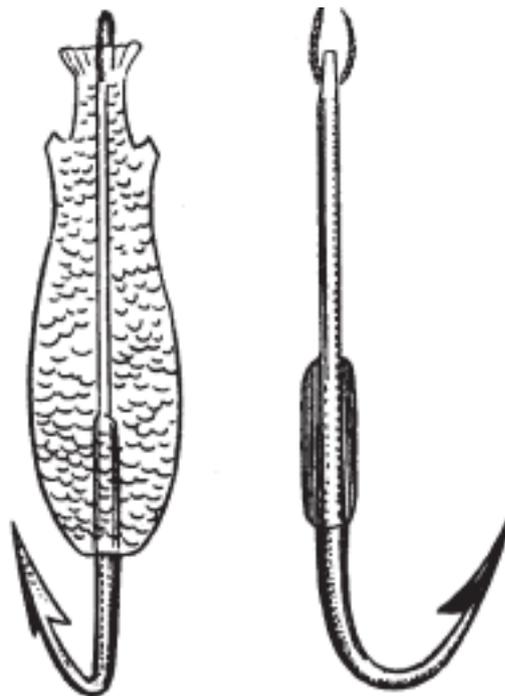

Рис. 105 и 106. Нижневолжская на белорыбицу

Рис. 107 и 108. Нижневолжская на окуня

Сердобская блесна – широкий продолговатый кусок олова, поперечный разрез которого представляет равнобедренный треугольник с очень тупым углом в вершине. Блесна эта делается с одним или двумя крючками; для того чтобы она лучше играла (т. е. шла ко дну не вертикально, а наискось, поворачиваясь с боку на бок), ей дают небольшой выгиб, как показано на рисунке. Стержни крючков закрываются кусочком красного сукна. Эта самая лучшая блесна, пригодная и для ловли на дорожку. Они делаются двух размеров – для окуней и щук (рис. 109–112).

Нижневолжская блесна делается из олова или свинца с одним крючком и отличается от других тем, что на ней сделаны насечки в виде рыбьей чешуи, что делает ее в воде более заметной. Они бывают двух родов: одна – большая, с бородкой на длинном крючке (рис. 105 и 106) – употребляется б. ч. для ловли белорыбицы самоловами (см. декабрь), другая –

меньшая, с более коротким крючком, без бородки – для блеснения окуней преимущественно из прорубей. (Рис. 107 и 108.)

Заграничная блесна состоит из оловянной рыбки с тройным крючком (рис. 113). Эта блесна хуже всех, так как не может играть. Вместо нее лучше блеснить заграничными дорожками, описанными выше.

Сердобские блесны

Рис. 109. Для окуней сбоку

Рис. 110. Сверху

Рис. 111. Для щук сбоку

Рис. 112. Сверху

Рис. 113. Заграничная блесна

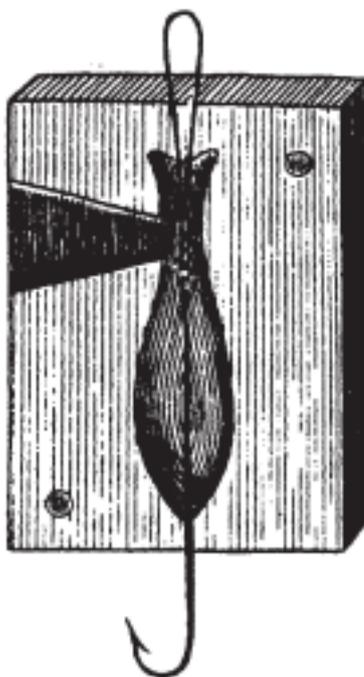

Рис. 114. Отливка блесен

Кроме того, в Западной Сибири употребляются для зимнего ужения особенные небольшие блесны, имеющие иногда форму жучка, иногда малявки. Приготовление их будет описано в ноябре.

Все оловянные блесны отливаются в меловых, глиняных или даже в деревянных формочках. В брусочке величиной немного более блесны выдалбливается углубление, возможно более подходящее к форме блесны. Тот конец формы, который будет нести крючок, должен посередине иметь неглубокий и короткий канал, в который перед отливкой вставляется один или два одиночных, или же двойной-тройной крючок. Для того чтобы крючок сидел крепче в блесне, лучше брать крючки, оканчивающиеся лопаточкой или колечком, и, кроме того, делать на стержне неглубокие надрезы подпилком. Формочка наливается расплавленным (в чумичке) оловом через отверстие сбоку или чаще с конца, противоположного крючку, – вровень с краями; затем, дав ей остыть, блесну вынимают из формы и окончательно отделяют, т. е. дают ей надлежащий выгиб (если он должен быть), выравнивают крупным, потом мелким подпилком и затем полируют или оискабливают ножом. В конце, противоположном крючку, просверливается шилом отверстие для привязки лесы или поводка – и блесна готова к употреблению.

Приготовление металлических блесен

Из пластинки желтой или красной меди толщиной в пятак высекается или выпиливается желаемой формы блесна. На обоих концах ее просверливается по одной дырочке. Заблаговременно заказывают кузнецу выковать из обуха негодной косы прутик толщиной в 1/8 дюйма. Конец такого прутика на вершок длины закрепляется и заостряется напильком и отсекается. Нелишне накаливать его докрасна на углях и дать ему постепенно остынуть, чтобы он был мягче и при загибании не ломался. Тупую оконечность его *a* (рис. 118) отгибают в ручных тисках под прямым углом.

Загнутую часть крючка вставляют в дырочку, просверленную на узком конце блесны, и разбивают острым концом молотка, чтобы образовался заклеп. Можно и не заклепывать, а, вставив загнутую часть, припаять железку к пластинке медным припоем. Так будет еще крепче. Затем выравнивают блесну сначала средним, а потом самым мелким подпилком и загибают крючок и пластинку, как показано на рис. 117. Придав блесне надлежащую форму, нужно крючок закалить, т. е. нагреть его докрасна, и быстро погрузить в воду. Остается только отполировать пластинку, чтобы она блестела. Полируют обыкновенным воронилом или какою-нибудь гладкою стальною вещью, напр. вязальной иглой.

Кроме красных и желтых блесен делаются еще белые, для чего серебрят обыкновенную медную блесну.

Западносибирские медные блесны

Рис. 115

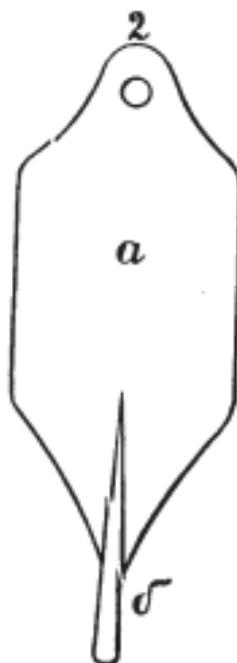

Рис. 116

Рис. 117

Рис. 118. Крючок

Сенежский способ осеннего ужения щук

В глубоких рыбных озерах и прудах, где щуки *в период осеннего жора* собираются в большом количестве в известных глубоких местах вслед замелкой рыбой и где по этой причине можно бывает выудить до десятка и более щук, не съезжая с места, всего целесообразнее употреблять следующий, *форсированный*, способ ужения.

Вся снасть должна быть гораздо крепче обыкновенного. Не беда, если она груба, потому что в жор щука хватает живца с разбега, без всякой осторожности. *Удилище* должно быть крепкое, с толстым кончиком, почти не гибкое, но и не хрупкое, лучше всего можжевеловое или березовое; из складных удилищ для этой ловли годятся только самые крепкие, перцовые, с коротким верхним коленом (или же обыкновенным, наполовину срезанным). Длина удилища не менее 4 аршин. Леса – голландская бечевка или шелковый шнурок, выдерживающий никак не менее 30 фунтов мертвого веса. *Поводок* – толстый басок (или, еще

лучше, медная, вдвое скрученная проволока) – неподвижно прикрепляется к довольно крупному якорьку, т. е. тройному крючку. *Поплавок* – обыкновенной грушевидной формы самого большого размера (т. е. с грушу), так чтобы полуфунтовый живец не мог бы его топить. Грузило такой тяжести, чтобы поплавок стоял как следует; иногда лучше ловить без грузила, ибо тогда живец менее стеснен в своих движениях и может плавать на различных глубинах.

Лучшими живцами служат плотва и окунь около четверти длиною. Насаживаются они за спинку под спинной плавник покрепче, т. е. пониже и глубже обыкновенного.

Ловят непременно с лодки, на значительной глубине, не менее 2, даже 3 сажен, в одиночку или вдвоем. С кормы спускают более или менее тяжелый камень (еще лучше гирию или якорь); нос же остается свободным, так как на одном камне менее шансов на то, что щука запутает леску кругом веревки. Удят на две или на три удочки, пуская живца на аршин от дна; чем дальше будет одна удочка от другой, тем лучше. Далеко закидывать нет никакой надобности, так как на глубине щука отлично берет и под лодкой, но все-таки между поплавком и удилищем должно быть не менее 3–4 аршин лесы.

Клев щуки на глубине несколько отличен от клева на мелких травянистых местах. Здесь щука большею частью сразу топит поплавок, ведет немного (на аршин) в сторону, потом останавливается и начинает забирать в пасть живца, которого сначала хватается только за голову или за брюхо. Это самый удобный момент для подсечки. Удильщик при первом погружении поплавок должен встать, быстро отодвинуть остальные удилища, если они стоят слишком близко от той удочки, на которую берет, и, схватив удильник последней, выждать, попуская леску, до остановки поплавок и вторичного хода щуки, который следует обыкновенно через минуту после первого погружения поплавок. Тогда, как только леса начнет вытягиваться, рыбу настолько сильно подсекают, насколько это позволяет крепость лесы и собственные силы; затем немедленно тащат рыбу к лодке, быстро перехватывая леску, и с маху быстрым движением вытаскивают щуку в лодку, если рыба небольшая, и надеются на крепость лесы и на то, что крючки хорошо забрали. В противном случае щуку левой рукой подводят к лодке, а двумя пальцами правой руки (большим и средним) хватают ошалевшую рыбу за глаза и, крепко сжимая их, втаскивают ее в лодку. Сачок или багор, если ловят в одиночку, б. ч. менее удобны, так как при значительной глубине удилище здесь ни при чем и при быстром вытягивании лески обе руки бывают заняты. Главное – не давать щуке опомниться, ибо от сильной подсечки она на секунду ошалеет; если же ее быстро тащить к себе, то вода заликает ей за жабры и она подводится к лодке как бы в столбняке; когда же ей сдавили глаза, то даже большая, 10–12-фунтовая щука только слегка шевелит хвостом, не делая никаких попыток освободиться. Она приходит в себя только уже в лодке и здесь начинает неистово подпрыгивать и мотать головой, разевая свою огромную пасть – самая опасная штука, когда она еще в воде. Но в лодке эта скверная привычка очень даже полезна, так как в большинстве случаев крючок сам собою высвобождается из пасти и нет надобности прибегать к кропотливому его доставанию при помощи разных щипцов и вилочек или отвязывания поводка. Если же якорек засел довольно глубоко, ближе к глотке, что при подсечке, скоро следующей за клевом, бывает редко, то почти всегда достаточно бывает подержать щуку на поводке между ногами на весу.

Как видно, эта ловля основана на быстроте. Вся процедура продолжается не более пяти минут, между тем как при обыкновенном способе ужения с вываживанием для этого требуется почти четверть часа, а при ужении на английский манер с катушкой – не менее получаса. Всякий согласится, что *все хорошо на своем месте и в свое время* и что неблагоприятно, если не более того, ловить рыбу на тонкие лески, когда она отлично берет и на толстые, и потом поднимать продолжительную возню на большом пространстве, ежеминутно рискуя зацепить в наших «нецивилизованных» водах за корягу и лишиться и рыбы, и дорогой снасти.

Разумеется, если щука попалась очень большая и подсечка не имела на нее большого влияния, не вызвала, так сказать, некоторого сотрясения мозга, рыбу необходимо предварительно вываживать сначала на удилице, а потом на леске, держа последнюю всегда натянутой, но и настолько слабо, чтобы она при резком движении рыбы не могла оборваться. Компания тут бывает очень полезен, так как он может поднять веревку с камнем или якорем, за которую вываживаемая щука очень часто запутывает лесу; на неукрепленной же лодке можно выводить крупную щуку и на нее особенно прочную снасть. Если же приходится ловить в одиночку, то при подсечке крупной щуки (более 10–15 фунтов) необходимо немедленно переходить на нос лодки и не допускать щуку до веревки. К тому же лодке при такой позиции рыболова предоставляется большая свобода движения, умеряющая порывы сильной рыбы. Крупная же щука даже и при скорой подсечке редко срывается с якорька, так как в большинстве случаев мелкого живца она глотает в один прием.

Этот способ применяется опытными московскими рыболовами при ловле щук на известном Сенежском озере, что близ Подсолнечной, станции Николаевской железной дороги, и дает самые лучшие результаты.

Сентябрь

Ловля на блесну

Ловля на блесну начинается с того времени, как окунь и другая хищная рыба удалится в глубокие места, т. е. с начала сентября, реже с конца августа, и с небольшими перерывами продолжается почти всю зиму уже по льду, хотя с некоторыми изменениями. Ловля эта заключается в том, что рыболов беспрестанно подергивает блесну и голодная хищная рыба, видя последнюю и принимая ее за рыбку, хватается блесну и зацепляется крючком.

Ловить на блесну можно только на самых глубоких местах реки, озера или большого пруда на т. н. ямах, где позднее рыба собирается в таком количестве, что нередко приходится вытаскивать ее на блесну под жабры. Поэтому блеснят обыкновенно с лодки, очень редко с берега, купальни и плотины. Лодку эту укрепляют на месте при помощи одного и двух тяжелых камней (или якоря), но опытные рыбаки Западной Сибири предпочитают держаться на месте (разумеется, на слабом течении) при помощи весла: одною рукою он блеснит, а другою подгребается.

Для блеснения употребляются оловянные и медные блесны, описанные выше. Способ прикрепления блесен к леске различен: одни просто привязывают их к волосяной леске или бечевке, другие, если рассчитывают и на шук, употребляют поводок из баска или медной скрученной (вдвое-вчетверо) проволоки, которая, например в Западной Сибири, прикрепляется к медному или железному колечку; проволока эта связывается с лесой (волосяной) не непосредственно, а к ней привязана небольшая петля из крепкой бечевки. (Рис. 119, d.) Всего же лучше как к самой блесне, так и к поводку прикреплять карабинчики (рис. 52 и 53), так как тогда блесна играет много лучше. Для блеснения всего пригоднее волосяные лески; толщина их зависит как от величины попадающейся рыбы, так и от глубины воды, длины и гибкости удилица.

Удилища для блеснения употребляются или довольно длинные, около 4 аршин, и не очень гибкие, или же, напротив, очень короткие и гибкие в виде прутика в аршин и менее, который для того, чтобы его ловчее было держать, обертывается камышом. В Западной Сибири удильником служит т. н. мотылек – прутик вершков 8 длиной и толщиной в мизинец (рис. 120); на середине его оставляется сучок в $\frac{3}{4}$ вершка длины. Оба конца прутика надкалываются ножом; в расколотые места вкладываются маленькие клинушки и расколы стягиваются тонким шнурком. Затем на часть прутика *a* (рис. 121) накладывают кругом в несколько рядов камыш, натуго перевязывают его в трех местах шнурком, а концы обравнивают ножом. Один конец лески привязывают к месту мотылька, обозначенному через *a*, и наматывают ее через сучок *b* и надкол *б*. На свободном конце ее делается петля, посредством которой она прикрепляется к шнурку *д* (рис. 119). Такой мотылек в особенности пригоден для блеснения на очень больших глубинах. На глубине же двух-трех сажен удобнее ловить на длинное удилице.

Рис. 119. Западносибирская блесна

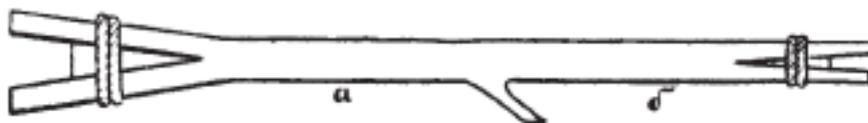

Рис. 120. Мотылек необделанный

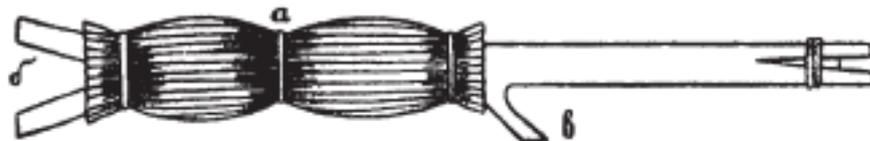

Рис. 121. Мотылек, обделанный в камыш

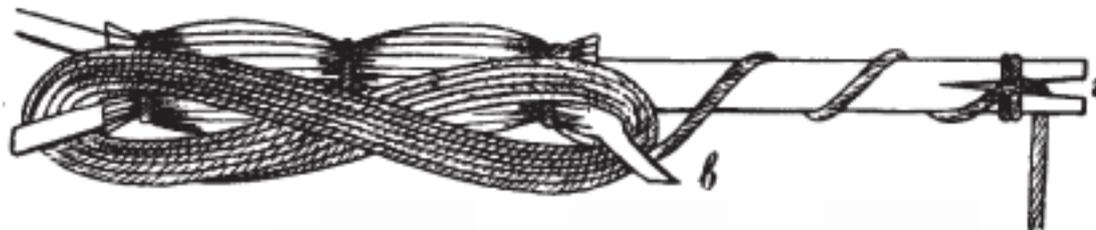

Рис. 122. Мотылек с навитой леской

Смотря по тому, какое употребляют удилице – длинное или короткое, – блеснят различно: в первом случае длинными размахами, так, что блесна вытаскивается вполводы или выше и потом падает на дно благодаря своей форме не вертикально, а наискось, быстро переворачиваясь с боку на бок, так, что она имеет вид рыбки, спасающейся от хищника. Во втором – удильник поднимает кверху короткими толчками, причем блесна, обыкновенно плоская медная, покачиваясь, медленно падает ко дну почти вертикально. Блесна, однако, отнюдь не должна касаться дна, а потому прежде, чем начать ловлю, необходимо вымерить глубину.

Большую часть блесна сама по себе служит приманкою хищной рыбы, но иногда, особенно для ловли окуней при плохом клеве, нелишне насаживать на крючок червя или малька.

В низовьях Волги, где ловля блесной весьма распространена и очень добычлива, замечено, что жор окуня бывает или в большой мороз, или в верховой ветер, особенно перед сменной северного ветра на моряну (низовый ветер, дующий с моря). Верным признаком того, что окунь не будет брать, служит т. н. стук: окунь не хватает блесны, а только ее толкает – стучит, т. е. играет с нею. Всего больше попадает на блесну окуней; щука ловится на нее хуже и только местами, где ее очень много собирается в глубинах. Другие хищные рыбы, как налим, судак, хватают блесну еще реже, сом же, кажется, никогда, так как в сентябре почти не ест. Щук всегда лучше ловить на блесны с тройным крючком, так как одиночный крючок с бородкой плохо вонзается в твердую щучью пасть; в противном случае лучше уже ловить на блесну без бородки на крючке. Во всяком случае, почувствовав при поднимании блесны, что она схвачена рыбой, надо сделать подсечку. Очень крупных щук (а также окуней), если не надеются на прочность лесы, необходимо предварительно утомить и потом вытащить при помощи сачка или багра. Западно-сибирский мотылек очень удобен в этом отношении, так как стоит только перевернуть его в руке – леса выскочит из расщепы, и рыбе можно дать смотреть с развилки весь запас лесы. Для вытаскивания крупных щук в Западной Сибири употребляется багор особого устройства, без зазубрины. Он делается из мягкой стали (рис. 123); часть его *а* врезывается в деревянную рукоятку в аршин длины (рис. 124) и прикрепляется к последней медным или железным кольцом (*б*).

Как крючки блесен, так и багор, должны быть всегда острые, а потому, если они хоть немного притупились, их необходимо немедленно подтачивать мелким подпилком. Кроме того, блесна, имея своим назначением блестеть в воде и этим приманивать рыбу, должна быть всегда светлого, почему ее необходимо чистить как перед ловом, так и во время лова. Оловянные блесны достаточно поскоблить ножом или потереть пемзой, мелким подпилком;

медные же лучше чистить наждаком, трепелом и другими порошками или мазями, употребляемыми для чистки медной посуды. На Оби рыбаки чистят свои медные блесны деревянной палочкой, обтянутой кожаным ремнем (рис. 125). Ширина палочки – 1/4 вершка. Ремень (бб) натирается трепелом или самым мелким отмученным наждаком. Потертая этим ремнем блесна тотчас же принимает свой первоначальный блеск.

В случае задева блесну отцепляют свинцовым кольцом-отдевкой (рис. 38), но так как, вынув его из воды, всякий раз приходится наматывать бечевку этого кольца на дощечку, то гораздо удобнее отдевка, употребляемая обскими рыбаками, устройство ее видно из рисунков (рис. 126, 127 и 128).

Рис. 123. Багор

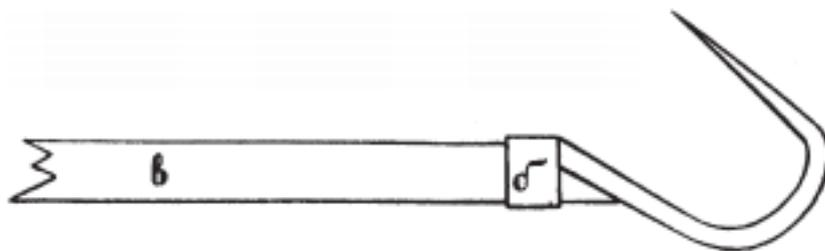

Рис. 124. Багор, прикрепленный к деревку

Рис. 125. Палочка для чистки блесен

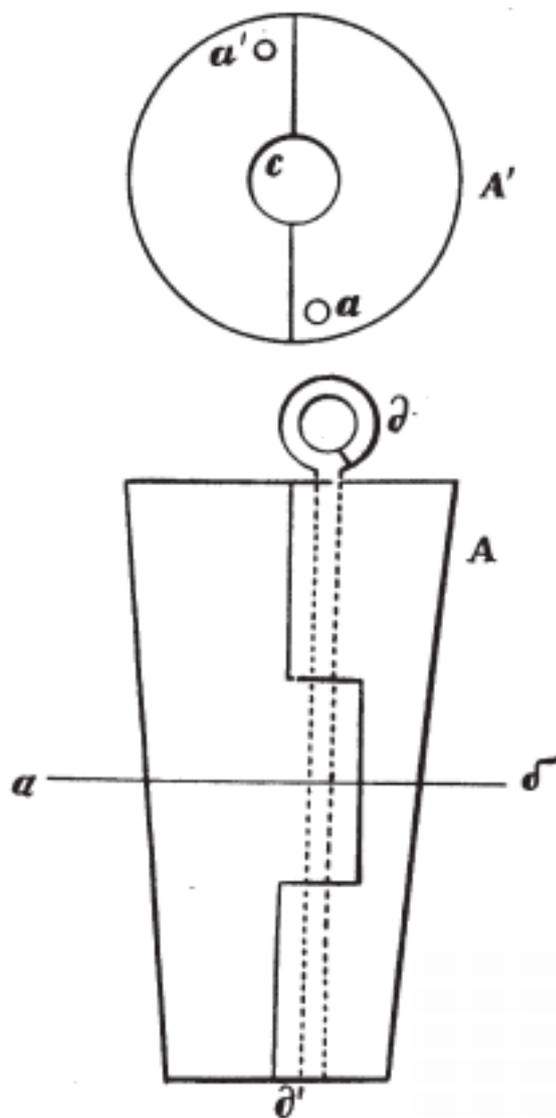

Рис. 126. A – отдевка, $A1$ – вид сверху

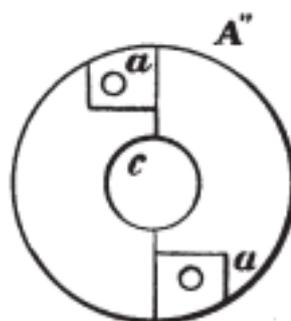

Рис. 127. Разрез по линии

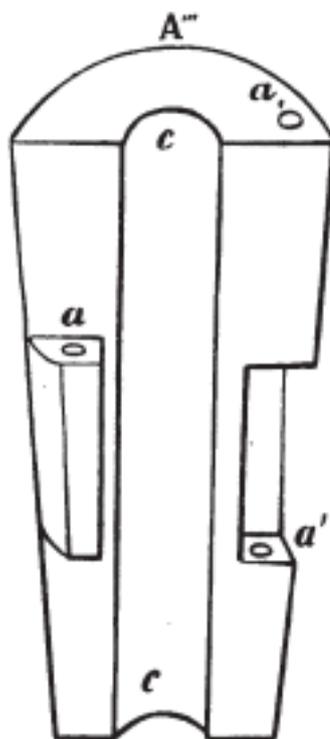

Рис. 128. Половинка отдевки

По приготовленной заранее модели отливают из свинца две совершенно одинаковые половинки A''' . Когда их сложат вместе, то образуется усеченный конус A , с круглым отверстием c, c' – по всей длине его. В местах a и a' (рис. 126, A') конус просверливается насквозь; в просверленные места вставляется медная проволока. Одна из этих двух проволок с обоих концов расклепывается, так что тут образуется шарнир; другая проволока d, d' , с загнутым в колечко d концом, должна свободно вкладываться в отверстие a и выниматься из него. Когда эта последняя проволока вынута, то обе половинки конуса свободно раскрываются на шарнире; тогда леска вкладывается в среднее отверстие c, c' , конус запирается проволокою d, d' и опускается по леске в воду. Упав на колечко (б) блесны (рис. 119), конус отцепляет ее, а вынуть его из воды и снять с лески – полминуты. Можно, разумеется, употреблять для отдаления блесен отцеп в виде раздвижного гладкого кольца (рис. 38, III, в) с защелкой, но внутренний диаметр этого кольца должен быть уже диаметра блесны и, следовательно, кольцо должно быть гораздо толще обыкновенного.

Стрельба рыб на небольших речках

Там, где разводят коноплю и пеньку мочат (в сентябре) в бочагах небольших речек, практикуется местами следующий способ охоты на рыб. Когда бабы свалят пеньку в бочаги, вода мутнеет, принимает особенный запах, и задыхающаяся рыба спешит по течению на более глубокую и свежую воду, причем плавает почти вся наружу, подняв до половины голову из воды. Тут-то и поджидает ее охотник с ружьем в одной руке и с саком, для ловли застреленной, в другой. Зорко следит он за приближающейся мутной водою и стреляет прямо в голову на расстоянии 10–25 шагов дробью № 4-й. Промахнуться трудно – добыча видна издали и может быть выждена на близкую дистанцию. Убитая рыба сейчас же перевертывается кверху брюхом и затем тонет, так что необходимо немедля выхватить ее сачком на берег.

Эта довольно истребительная охота продолжается дней семь, много десять; кроме крупной рыбы, случается, что идет станицами мелкая рыба: голавль, язь, окунь, плотва, ино-

гда, впрочем, от 1 до 2 фунтов весом. Стреляют тут прямо в станицу, и случается одним выстрелом добыть от 5 до 10 фунтов рыбы, причем, разумеется, много уходит раненой.

Ловля налимов на лягушонка

Осенью, начиная с сентября, налим очень хорошо ловится на донные удочки (а также переметы), наживляемые мелкими лягушками. Шекнинские и моложские рыбаки не употребляют в это время другой насадки и заблаговременно делают большие запасы лягушат (шадры), которые осенью целыми партиями собираются в родниковые ямы или просто в ямы у берега. Сохраняют шадру в подвалах. Донная удочка обыкновенная, но с грузилом на конце лески; крючки употребляются мелкие одиночные, и лягушонка (живого) насаживают, просто прокалывая крючком обе его губы снизу вверх. Прятать крючок нет надобности. Ловят по ночам в тихую погоду при разведенном костре, огонь которого, вероятно, действительно привлекает бродящих ночью голодных налимов.

Осеннее ужение ельцов

Осенью елец снова берет на червя, но уже со дна и в местах более глубоких. Этот клев продолжается до порядочных морозов. В это же время можно ловить ельца на распаренные хлебные зерна. После сильных морозов, незадолго до замерзания реки или озера, весь елец уходит в самые глубокие ямы и перестает ловиться до ранней весны.

Осеннее ужение пескаря

С сентября, даже в конце августа, пескари сваливаются с мелких мест в глубокие ямы с песчаным или иловато-песчаным дном и собираются там на зимовку огромными стаями. В это время лучше всего ловить их с лодки на двойчатки; насадкою служит сначала червь или мотыль, а позднее – почти исключительно мотыль.

Сохранение червей на зиму

Во многих местностях России, преимущественно южной, рыба (особенно окунь и мелкий сазан) хорошо берет на червя в начале зимы по первому льду. Поэтому там запа�ают червей (земляных и навозных) с осени. Держат их в глиняных корчагах с небольшим количеством земли или навоза, в сенях или в подполье и кормят *отрубями* и *лошадиным калом*. Прибавим, что хорошо изредка вливать в корчагу небольшое количество бульона, но несоленого, или молока. Вместо земли можно употреблять мягкий мох, употребляемый для построек. При ужении в морозные дни червей держат в тряпочке, банке и т. п., за пазухой, иначе они замерзнут.

В городах земляных червей в небольшом количестве можно всегда достать в садовых заведениях – оранжереях и теплицах.

Октябрь

Лученье рыбы

Лученье рыбы в прозрачной воде может производиться уже с мая, после половодья и до ее замерзания, но в большинстве случаев оно начинается только во 2-й половины сентября или даже с октября, когда трава ляжет на дно и вода в прудах и озерах совсем просветлеет, а кончается в ноябре, когда вся рыба уходит вглубь. В реке лучить можно только в заливах, вообще в таких местах, где течение очень слабо. Кроме прозрачности воды и слабого ее течения, необходимое условие этой охоты – совершенно тихая, безветренная ночь; чем она темнее, тем лучше.

Лученье рыбы заключается, как известно, в том, что при помощи огня освещают неглубокую воду и, заметив в ней достаточно крупную рыбу, спящую или только ослепленную светом, бьют ее острогой. При некоторых благоприятных условиях (например, в медленно текущих речках) можно лучить прямо с берега, причем один светит, а другой высматривает рыбу и колет ее острогой. Но обыкновенно лученье производится с лодки, вдвоем, реже втроем или в одиночку.

Лодка для лученья должна быть очень легкая – всего лучше обыкновенный рыбачий челн; плоскодонки устойчивее, но зато очень тяжелы, что неудобно, потому что надо грести с кормы одним коротким веслом-рулем. Так как устройство освещения на носу лодки небезопасно и мало достигает цели, то в носовой части всегда прикрепляется так называемая *коза*. Коза состоит из изогнутой железной рукоятки, к которой привариваются с боков более тонкие железные прутья, на концах согнутые под прямым углом, так что в общем весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни около аршина длиною. Конец рукоятки прикрепляется к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего пространства. Для лученья употребляется острога, более тяжелая и насаженная на менее длинное древко, чем острога для весеннего боя щук на поверхности воды. Самая острога делается более массивною и прочною, в 6–8 и более зубьев, насаживается она на легкое, сухое и совершенно прямое ратовище длиною в сажень или полторы. Обыкновенно берут с собою две остроги: одну большую, с более длинным древком – для ловли самой крупной рыбы и на более глубоких местах, другую – в четверть ширины, с трехаршинным древком. Иногда зубцы остроги бывают с гранеными, а не цилиндрическими стержнями; кроме того, на стержне каждого зубца изредка делаются небольшие насечки.

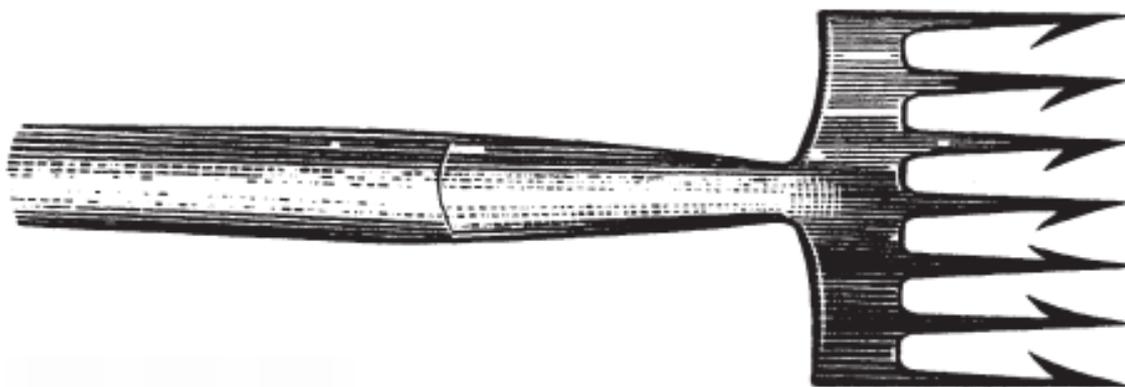

Рис. 129. Острога

Рис. 130. Лученье

Самый лучший осветительный материал для луча – это так называемое *смолье*, т. е. небольшие поленья и щепки, наколотые из смолистых сосновых пней и дающие самое яркое и продолжительное пламя. Смолье всегда готовится заранее, еще в августе и июле, и высушивается как можно лучше; в противном случае оно горит темнее, притом с треском, пугающим чуткую рыбу. За неимением смолья можно довольствоваться сухой лучиной, сухими, мелко наколотыми березовыми дровами, берестой и т. п. Дрова полезно облить керосином. Кроме того, лучом могут служить смоляные факелы, особо устроенные лампы, также керосиновые и бензиновые кухни. Самый лучший свет, конечно, электрический, но, к сожалению, он слишком дорог и доступен только очень богатым людям.

Собственно лученье производится следующим образом. Взяв с собою достаточный запас смолья и иногда большую корзину для рыбы, когда совсем стемнеет, разводят огонь на козе и едут по реке, пруду или озеру, придерживаясь неглубоких мест – от аршина до двух и никак не более сажени. Один из участников ловли медленно гребет, сидя в корме, стараясь не булькать веслом, т. е. не вынимать его из воды; другой стоит в носовой части, держа наготове острогу, и, как только заметит стоящую рыбу, дает знак гребцу придержать лодку или направить ее в сторону и пронзает рыбу острогой.

Бой острогой с лучом очень труден и требует большого навыка и верного глаза, так как надо всегда принимать в соображение преломление лучей в воде. Обыкновенно рыбак предварительно опускает острогу в воду и уже в воде наводит ее на рыбу, затем вдруг сильно ударяет ею. Самое главное здесь – угадать то расстояние, на котором медленное движение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар; притом всегда следует бить рыбу не вертикально, а несколько наискось и сначала опускать острогу как бы мимо рыбы и на расстоянии полуаршина или менее осторожно переносить ее на цель, т. е. спину рыбы, впереди спинного плавника, притом *поперек*, а не вдоль рыбы, так как при поперечном ударе веро-

ятность промаха значительно уменьшается. Самый лучший и верный удар – пальца на три от головы. Пойманную рыбу не мешает прижать ко дну, чтобы зубцы остроги глубже вонзились. Это особенно важно при бое рыбы, покрытой крепкой чешуей, напр. язей, а также для очень крупных щук, которые, будучи втиснуты в ил, скорее изнемогают. Иступившуюся острогу следует тут же подточить подпилком. Рыба, стоящая на дне, срывается реже, чем стоящая вполводы, но попасть в нее труднее. Очень крупная рыба (щука или сом) иногда вырывает острогу из рук, а потому ее бьют только длинными острогами, к древку которых привязана крепкая веревка в несколько сажен длины с поплавком на конце.

Заготовка натуральных цельных удилиц

Всякий настоящий рыболлов согласится, что самые лучшие и, главное, надежные удилица – цельные. Самые лучшие заграничные складные удилица не могут спорить с ними в крепости и без катушки почти не пригодны для ловли крупной рыбы. Кроме того, так как эти последние и предназначены для ужения с катушкой, то, во-первых, центр тяжести их находится слишком далеко от комля и держать их в руках без катушки *тяжелее*, чем с катушкой; во-вторых, их нельзя втыкать в берег. Складные продажные удилица московского изделия хотя и могут быть воткнуты в берег (толстый конец их заострен, и на него набивается железный конус), но еще гораздо менее прочны и *посадисты* (центр тяжести очень далеко от комля), чем заграничные. Если же многие хорошие столичные рыболловы предпочитают складные удилица цельным, то только потому, что цельных удилиц в продаже не бывает и они не так удобны для перевозки (особенно по железным дорогам), как складные.

Главные достоинства цельного удилица, приготовленного из молодых гибких деревьев известных пород, заключаются в его гибкости и упругости, соединенных с прочностью. Такое удилице может согнуться в крутую дугу, как никакое складное, и не сломаться, а потому, если леса, к нему привязанная, достаточно крепка сама по себе, или же, кроме того, обладает значительной растяжимостью, как все волосяные, то на хорошее натуральное удилице можно вытащить самую крупную рыбу, разумеется, предварительно утомив ее вываживанием. Вот почему опытный русский удильщик ловит на свои березовые или можжевеловые удилица с волосяными лесками не менее, если не более крупную рыбу, чем рыболловы с английскими снастями, катушками и шелковыми лесками. Гибкость и упругость удилица вместе с растяжимостью волосяной леси вполне заменяют ему катушку, которая имеет свой *raison d'être*¹² только в таких водах, где дно свободно от задевов на большое пространство и где рыба особенно напугана и потому осторожна. А таких вод у нас еще не особенно много.

Приготовить несколько превосходных цельных удилиц вовсе не так трудно, как думают многие, обойдется такое удилице дешевле самых скверных складных московского изделия. Материал для них – можжевелник, береза, орешник и рябина – почти везде имеется под руками; нужно только выбрать их, выправить и выпрямленные завялить, а затем, для большей прочности, пропитать маслом и даже покрыть масляной краской.

Самые лучшие натуральные удильники по своей упругости, прочности, прямизне верхушки и относительной легкости – можжевеловые. Для ловли крупной рыбы они положительно незаменимы. К сожалению, можжевелник (вересовник) только редко достигает значительной вышины, более 4–5 аршин, и только местами (преимущественно в более северных губерниях) растет деревьями до трех и более сажен вышины. Но и при трехаршинной длине можжевелового удилица толстую половину его приходится значительно обстругивать рубанком. Короткие удильники для ловли на донную почти везде можжевеловые. Большинство рыболлов по этим причинам употребляет березовые удилица, которые достать можно

¹² Смысл существования (фр.). – Ред.

езде и какой угодно длины. Они тяжелее можжевельных и не имеют той стальной упругости, которая свойственна можжевельнику. За березой, как материал для удилищ, следует рябина, потом орешник и, наконец, липа; последние два дерева для ловли крупной рыбы мало пригодны по своей чрезмерной гибкости. Прочие породы деревьев не годятся для удилищ или по своей тяжести, или по своей ломкости.

Самое лучшее время для срезывания удильников – осень, именно октябрь или даже ноябрь, когда лист с дерева падает и древесина уже приобретет значительную плотность. Можно срезать удильники и рано весной, в апреле или марте, но тогда древесина уже сыровата и не имеет такой крепости, как осенью. Кроме того, весной уже не до заготовки удилищ, да и удильники хотя весной сохнут почти втрое скорее, чем осенью и зимой, но все-таки к открытию сезона уженья еще не бывают вполне готовы. Самые пригодные для удильников березки большею частью находятся в чаще молодого 10–15-летнего березняка (парусника). Только здесь можно найти почти совершенно прямые деревца длиной до 3 и более сажен и у комля тоньше двух пальцев. Выбирать березки надо (или другие деревца) с лучшей (т. е. с прямой, равномерно утоншающей к концу) верхушкой. Срезать лучше ручной пилой, чем ножом или топором, непременно со всей вершиной до конечной почки.

Срезанные удилища аккуратно очищают от сучьев, а также от коры, за исключением, однако, верхушки (одной трети), которую надо оставлять в шкурке до окончания сушки. Комель, если он очень толст, следует обстрогать рубанком, но не слишком, иначе центр тяжести переместится ближе к середине и удилище будет не так ловко держать в руке. Примерно центр тяжести должен находиться от комля не далее как на $1/2$ или даже $1/3$ четв. всей длины удилища.

Приготовленные таким образом удилища следует высушить, вернее, *завялить* в сарае или на открытом воздухе, но непременно в тени. Но так как безусловно прямых деревцов не бывает, то прежде, чем сушить, удилища выправляют, т. е. придают им возможную прямизну. Выпрямлять удилище можно двумя способами. Первый, самый простой, заключается в том, что верхушку удилища приматывают бечевкой к 1–2-аршинной совершенно прямой тонкой палке или тросточке и эту палку подвешивают к балке или стропилам сарая так, чтобы комель удилища на пол-аршина не касался земли или пола. Затем к комлю привязывают более или менее тяжелую гирю или камень (в 1–2 пуда и даже более); удилище выправляется в струнку, и его оставляют висеть так до весны, т. е. до марта. Тяжесть полезно постепенно увеличивать.

При втором способе выстругивают рубанком толстую круглую слегу, вдоль которой проводят две-четыре прямые полосы, делящие слегу на две-четыре равные продольные части для означения на слеге прямого направления, по которому должны лежать удилища; к этой слеге привязываются срезанные сырые и обделанные удильники и обматываются с толстых концов бечевою как можно туже и чаще. Верхние же тонкие концы, которые от стягивания бечевой могут сломаться, достаточно не очень туго обмотать толстыми прочными нитками. Затем эта слега с привязанными к ней удилищами кладется в сарай под крышу (только не железную) на переметы, где и остается до весны, когда наступит пора уженья. Примотанные к слеге удилища очень полезно, особенно вначале, осматривать через две-три недели и снова перевязывать, переворачивая их теми сторонами, где есть искривления, причем не мешает слегка выправлять эти погибы руками.

Уматывая бечевою удильники на слеге или на доске, необходимо подбирать удильники одинаковой длины для каждой отдельной слеге. При таком подборе выправлять и завяливать удилища гораздо удобнее, так как тонкие, средние и толстые части удилищ будут находиться на одинаковой высоте и, следовательно, подвергнутся одинаковому давлению опутывающей их и выправляющей бечевы. Полезно привязывать удильники и по окончании рыболовного сезона или по миновании в них надобности.

Выпрямление слишком кривых натуральных удилиц

Почти совсем прямые молодые березки или какие другие деревца, для совершенного выпрямления которых достаточно одного обвязывания веревкой на слеге, попадаются очень редко. В большинстве случаев срезанное удилице при общей своей прямизне имеет одно или несколько искривлений, а потому способы заготовления натуральных удилиц, описанные выше, для такого деревца не совсем пригодны. Такие удилица необходимо выправлять следующим образом.

Приготовив как можно аккуратнее желобки (4) на толстой (около 2 вершков в комле) слеге (или бруске) так, чтобы каждый желобок был совершенно прям и вместе с тем вполне соответствовал какому-либо из четырех удилиц (диаметр желобка должен быть чуть-чуть побольше диаметра соответствующей части удилица, а глубина – не более половины этого диаметра), удилица вставляют каждое на свое место так, чтобы верхушки их лежали на одинаковом расстоянии (на вершок или два) от тонкого конца слезы, и слегу с удильниками слегка обматывают веревкой или же связывают в 3–4 местах. При этом стараются, чтобы большинство искривлений, на толстой части удилица в особенности, лежало бы *над* (а не *сбоку*) соответствующими им частями желоба. Затем берут обыкновенные скобки, употребляемые для задвижек, и вколачивают их, начиная от комля удилица до $\frac{3}{4}$ длины последнего, на расстоянии полуаршина или менее одну от другой, преимущественно в тех местах, которые оттопыриваются и не прилегают ко дну желоба. Вместе с этим боковые погибы отводятся при помощи долота (всю эту процедуру удобнее производить вдвоем) и удерживаются на своем месте большими гвоздями (проволочные по своей гибкости менее пригодны, чем обыкновенные). Скобки, нажимая на погибы сырого дерева, совершенно их выправляют; для того же, чтобы они не врезывались в удилице, под них подкладывают небольшую деревянную (лучше березовую) пластинку. На 4 удилица требуется от 20 до 30 скобок (стоящих 15 коп. десяток) различной величины от одного вершка ширины и полутора длины до полувершка ширины и $\frac{3}{4}$ длины.

Загнав таким образом как можно плотнее все удилица по очереди в желоба, начинают выправлять последнюю четверть каждого деревца отдельно. Для этого в скобках уже нет надобности, и тонкая часть удилица удерживается на своем месте гвоздями, которые вбиваются преимущественно на боковых погибах. Самый кончик удилица примерно на поларшина не нуждается в такого рода выправке и оставляется покуда свободным. Затем все удилица, начиная с последней (тонкой) трети или даже с середины, как можно крепче обвивают крепкой веревкой (потоньше карандаша). Для этого веревка предварительно аккуратно навивается на скалку (всего лучше на медный или железный пестик) и свободный конец ее закрепляется за одну из вбитых скобок. Один наматывает, другой же после каждого оборота слегка ударяет молотком по обвиваемым частям всех четырех удилиц; этим выправляются легкие погибы, и удилице совершенно плотно прилегает ко дну желоба. Обороты делаются на расстоянии не более вершка, но и не менее полувершка.

Не доходя трех четвертей до верхушки, обматывание приостанавливают, веревку закрепляют и начинают выправлять самые кончики удилиц. Для этого на расстоянии полуаршина от вершины привязывают толстую, сложенную вдвое нитку, так, чтобы концы ее были на две четверти длиннее всего кончика. Один из работающих держит кончик удилица, натягивая концы ниток; другой такую же ниткою (или вдвое сложенною) обматывает всю верхушку (обороты на полвершка) и нитку закрепляет на кончике. Затем *все* концы ниток натягивают возможно сильнее и заматывают за гвоздь, вбиваемый немного повыше самого кончика верхушки. Гвоздь не мешает вогнать после закрепления ниток еще глубже и отогнуть. Через это тонкая часть удильника ляжет в желобок еще плотнее и еще более натянется

и выпрямится. Приготовив таким образом все верхушки, заканчивают обматывание слегу веревкой, как сказано выше.

Можно этим и ограничиться, но кто желает иметь к весне безукоризненно прямые удилица или если срезанные удилица были настолько кривы, что даже и при этом способе их выпрямления остались небольшие боковые погибы, тому следует поступить следующим образом. Из сухой березовой лучины или тонкой доски готовят значительное количество небольших клинушков различной величины, начиная от полудюйма толщины при вершковой длине. Эти клинья вбиваются под те места удильника, где он все еще имеет небольшую боковую кривизну, а также впереди и позади каждого его выгиба кверху. Самая верхушка удилица выправляется самыми крошечными клинушками, которые обыкновенно бывает достаточно подложить под веревку с того или другого бока.

Затем слуга ставится в сарай лучше в вертикальном, чем горизонтальном положении, верхушками удилиц кверху, и удилица сохнут здесь до весны, т. е. до марта или апреля, и тогда уже окончательно отделяются, и кора на верхушке удильника осторожно очищается пемзой или стеклянной бумагой.

За неимением скобок можно выправлять оттопыривающиеся части удилиц, завертывая их толстой и крепкой веревкой на палке, т. е. веревку связывают в этом месте мертвым узлом, под узел просовывают палку и вертят ее, пока кривизна не выпрямится. Затем один из концов палки прибивается к слуге гвоздем или привязывается к ней бечевкой.

Перевозка живой рыбы

Перевозку живой рыбы на большие расстояния как для продажи, так, в особенности для *пересадки*, можно без особых приспособлений производить с успехом только осенью, всего лучше в октябре. Весною рыба хлипкая, зимою она сама или вода, в которой ее везут, скоро замерзает. Некоторые рыбы, например налим, оттаяв, через несколько часов оживают, но вообще зимою перевозка удобна только в теплую погоду.

Главные условия удачной перевозки – свободный доступ воздуха и предохранение рыбы от толчков и ушибов. Первое достигается тем, что рыбу везут в открытых чанах (лучше суживающихся кверху) или же в обыкновенных водовозных бочках со значительно расширенным отверстием, которое сверху закрывается рединкой. Так как вода, особенно в чанах, сильно расплескивается, то необходимо ее по дороге часто добавлять свежую и везти чан (если еще нет санной дороги) непременно на длинных качках роспусках. Для того же, чтобы рыба не зашиблась при толчках и не тыкалась носом об дерево, вся внутренность чана или бочки выстилается свежей болотной травой (камышом, тростником и т. д.), которая, в свою очередь (выделяя кислород), содействует освежению воды. Траву можно с боков довольно прочно прикрепить к стенкам (расщепленными палками), а если это камыш или тростник, то из него нетрудно сплести нечто вроде внутреннего цилиндрического футляра.

Таким образом можно перевозить самую нежную рыбу на многие десятки верст, а на малые расстояния и ночью – даже в летнее время. Всего лучше ловлю садочной рыбы производить бреднем. В большом неводе, если в мотню много набьется рыбы, много ее мнется и большая часть рыбы не выдерживает дальней перевозки.

Ужение поздней осенью в проточных прудах

Как только начнутся сильные осенние морозы, вся рыба начинает держаться на середине пруда в самых глубоких и крепких местах. Здесь ее можно ловить со дна на лодке, нехищную – на червя, хищную – на живца, малявку и блесну. Червяков необходимо сохранять за пазухой. Когда пруд начнет замерзать, рыба обыкновенно на время переходит в верховье

пруда, к т. н. трубе, и держится близ середины реки. В это время можно ловить очень много рыбы, прочищая береговой лед длинным шестом и употребляя длинное удище. Необходимо только наблюдать, чтобы леса не прикасалась к крайкам (иначе она примерзнет), а также осторожно вытаскивать ее из воды, чтобы не перерезать. Затем зимой рыба берет или из прорубей (лучше всего на глубоких местах), которые сами по себе составляют приманку для рыбы, ощущающей недостаток воздуха, или же в полыньях, у сильных родников, куда иногда рыба собирается массами.

Глушение рыбы по перволедью

Эта весьма интересная охота основана на том, что, как только вода замерзнет, вся рыба первое время держится подо льдом и ясно видна ночью при освещении сквозь еще не покрытый снегом и прозрачный лед реки, озера или пруда. Иногда глушат и днем, но чуткая рыба стоит тогда плохо и уходит прежде, чем рыбак успеет к ней подкрасться со своим кийком – полуаршинной чуркой вершков 6 в отрубе, которая насаживается на двухаршинную рукоятку. Поэтому глушение б. ч. производится по ночам, когда рыба спит, почти касаясь ледяной коры своим спинным пером. При этом необходимы многие предосторожности, и грузному, тяжелому человеку лучше не пробовать счастья: тонкий лед трещит, пугает рыбу и иногда проламывается. Ради возможной тишины рыбак обувается в валеные сапоги (пимы). С небольшой козой в левой руке он осторожно скользит по стеклянной поверхности озера и ловко бьет кийком стоящую рыбу, темная спина которой при свете луча отчетливо виднеется сквозь тонкий лед. Удар должен приходиться прямо против головы рыбы и бывает действителен, только когда последняя стоит не далее полуаршина от внутренней поверхности ледяного покрова: тогда она перевертывается вверх брюхом с одного удара. Крепче всех рыб налим, слабее всех щука; первого редко удается оглушить с одного раза, между тем как щука шалеет даже от слабого удара и иногда на аршинной глубине. Оглушенная рыба, однако, скоро приходит в чувство, а потому рыбак немедленно прорубает пешней или топором надлежащее отверстие и мелким сачком на длинной рукоятке выкидывает добычу на лед. Во избежание несчастных случаев лучше глушить вдвоем: один несет огонь и бьет рыбу, другой достает ее и на всякий случай имеет при себе достаточно длинную веревку. Иногда киек заменяется обухом топора или простой дубиной, коза – железным ковшом, даже лопатой, а при случайной ловле просто светят горящею берестяною трубкою. В реках и протоках обыкновенно бьют рыбу прямо с берега.

По всей вероятности, всего безопаснее глушить рыбу на широких лыжах, подбитых войлоком.

Ноябрь и декабрь

Принадлежности зимнего ужения

Так как для зимнего ужения приходится тащить с собой очень много вещей, и притом очень тяжелых, как напр., пешня для прорубания лунок, то благоразумнее запастись салазками, на которые и укладывают все принадлежности лова. Последние состоят из нескольких кобылок (колодок, см. далее), налимьих удочек (см. д.), дубового ведра, длинного шеста, употребляемого для взмучивания воды, чем приманивается рыба, сачка, рогож, кольев и пешни. Очень полезно также брать с собою железное ведро с угольями, чтобы в случае сильного мороза можно было бы развести в нем огонь и погреться. Зимний сачок делается значительно меньше и мельче обыкновенного: железное кольцо его имеет 6 вершков в поперечнике, надевается на короткую палку не более аршина длины, а сетка вяжется из тонкой бечевки и не более четверти глубиною. Пешня – это четырехгранный заостренный кусок железа в аршин длиною, к острому концу которого приваривается сталь: насаживается она на полторааршинную дубовую палку. Рогожки необходимы для устройства шалаша, или, вернее, щита, служащего защитой рыболову от ветра во время ловли. Обыкновенно шалаш устраивается таким образом, что около той лунки, где рыболов намеревается сидеть, с подветренной стороны вбивают в лед, сделав предварительно в нем отверстия пешней, колья (полтора– или двухаршинные) полукругом и к ним привязывают рогожу. Лучше, если рогожа прикреплена неподвижно к кольям еще дома.

Прибыв на реку и выбрав место (преимущественно яму), обгораживают его рогожами, затем пешнею прорубают лунки в расстоянии одна от другой на четверть. Количество лунок зависит от количества взятых с собою кобылок, но большею частью ограничиваются 3–5 лунками, так как при большем количестве уже трудно уследить за клевом. Насадка обыкновенно пускается на вершок или на два от дна. Многие кроме небольших лунок прорубают во льду около шалаша еще большую лунку в форме корытца аршинной длины и полуаршинной ширины; в середине этого корытца делается сквозное отверстие, в которое выступает вода из-под льда; образуется отличный садок для рыбы, которая по окончании лова пересаживается в ведро. Иногда такие лунки, только сквозные, прорубают и для ловли рыбы на несколько рядом поставленных кобылок.

Блеснение подо льдом

Зимнее блеснение несколько отличается от осеннего. Блеснят зимою из проруби на короткие удильники с более тонкими лесками (рыба зимою очень вяла), и крючки блесен никогда не имеют зазубрины. Это делается потому, что заглотанный крючок вынимать на морозе не совсем удобно.

Самое лучшее время для блеснения – по перволедью, когда лед достаточно крепок, чтобы держать человека, но еще чист и не занесен снегом; всего удобнее ловить в ясный солнечный день и в самых глубоких ямах, куда рыба собирается на зимовку. Прежде всего прорубают несколько прорубей (лунок), одни ближе к берегу, другие к середине, чтобы в случае если рыба не будет ловиться, то не распугивать ее шумом, прорубая лед в других местах. Проруби делаются такой величины, чтобы крупная рыба могла в них свободно пройти при вытаскивании, обыкновенно вершков 4 или 5 в поперечнике. Для ловли употребляют или короткие удильники, обернутые камышом, или описанный выше мотылек (рис. 122); лески

б. ч. делают тогда в 9–12 волос. Блесны употребляют плоские медные, редко оловянные, небольшой величины.

На Оби по перволедью ловят окуней на очень маленькую блесенку, формой своею похожую на мулька (рис. 131); на крючок ее привязывается кусочек губки, который служит приманкой. Такую блесенку не дергают, как осенью, а тихонько приподнимают ее и так же тихо опускают. Затем, когда лед уже совсем окрепнет, здесь ловят на блесенки с надетой на них губкой, а позднее – наживленной мормышом (см. далее).

Делают эти блесны так: свертывают из бумаги трубочку *a*, *б* (рис. 132) и обвязывают ее, чтобы не развернулась, ниткой; в конец *a* вставляют приготовленный заранее крючок *в*, укрепляют трубочку на чем-нибудь, чтобы она не упала (напр., в сыром песке), и наливают через конец *б* растопленное олово с прибавкой свинца. Когда сплав остынет, его вынимают из трубочки и придают ему надлежащую форму. Тупой конец блесны, как это видно на рис. 133–135, отгибается кверху, а в самом сгибе его провертывается насквозь узенькая дырочка (ушко). Это, собственно, блесна, потому она не блестит и не должна блестеть. Назначение ее состоит в том, чтобы формой своей она походила на букашку, а тяжестью погружала бы крючок до дна. Рыба хватает ее потому, что на крючке ее надета нажива. Тоненькая леска наматывается на такой же мотылек, какой употребляется осенью; разница только в том, что прутик, на котором закрепляется леска, у зимнего мотылька тоньше и немного длиннее, чем у осеннего. Он должен быть более гибок на тот случай, что когда схватит большой окунь, то прутик, сгибаясь, уменьшает степень напряжения тоненькой (в 4 волоска) лески и тем предупреждает ее разрыв. Свободный конец лески продевается в ушко блесны со стороны крючка и завязывается снаружи узлом (см. рис): вследствие этого блесна держится в воде почти в горизонтальном положении. Если она попадет на задевник, то ее отцепляют свинцовой отдевкой, представляющей усеченный конус с сквозным отверстием *a* в середине. Отдевку эту при малом ее размере неудобно делать с шарниром: притом же шарнир зимой, обледенившись, не может раскрываться. Чтобы спустить эту отдевку, нужно развязать у лески который-нибудь узелок, продеть отверстие конуса и тогда спускать последний; вынув его из воды, леску связать снова. В первую половину зимы употребляют самую маленькую блесну (рис. 133). Леска при этом должна быть самая тонкая – не толще как в 4 волоска. К концу зим употребляют блесну средней величины (рис. 134), а к весне, особенно когда начинает местами подтаивать и рыба делается бойчее, блеснят на самую большую зимнюю блесну и леску привязывают не менее 9 волосков.

Зимние блесны

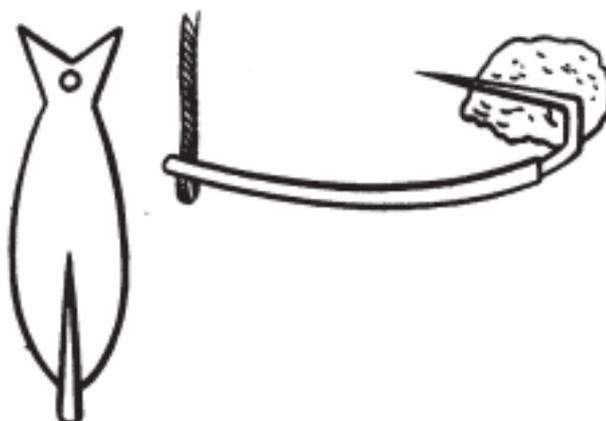

Рис. 131. Зимняя блесенка

Рис. 132. Формочка

Рис. 133

Рис. 134

Рис. 135

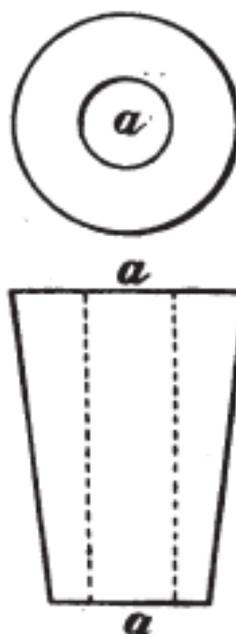

Рис. 136. Отделка для зимних блесен

Зимний самолов

На Нижней Волге употребляется для зимней ловли судака, окуня и белорыбицы весьма остроумная снасть, которая много практичнее всех других самоловов, не говоря уже о самодействующих подсекателях, весьма непрактичных и неудобных, так как они требуют негибкого удилища, значительно затрудняющего вытаскивание крупной рыбы. Устройство волжского самолова, который ставят иногда десятками, даже до сотни, нетрудно понять из следующего его описания и прилагаемого рисунка (рис. 137).

Длинный шест, снабженный тяжестью на толстом конце, ходит на треножной подставке, попеременно опускает и поднимая один и тот же конец, как журавль, которым достают воду из колодцев. К концу этого шеста привязана леска такой длины, чтобы крючок висел над поверхностью льда, в то время когда тяжелый конец шеста опущен. После наживления крючка его опускают с лескою в воду и пригибают к ней тонкий и легкий конец шеста,

поднявши наоборот его толстый и тяжелый конец. В таком положении удильник (бадик) удерживается посредством особого *сторожка*, устроенного нижеследующим образом. На поверхности льда близ проруби, около которой устанавливается самолов, вмораживается в лед дуга, затем на леске прикрепляются последовательно: *клинушек* с расщепом, *перекладина* размерами длиннее хорды дуги и еще ниже ее маленькая палочка, привязанная посередине, – *зацеп*.

Короткий конец клинушка (лежащий выше привязи) заводится за верхнюю часть дуги. Тяжесть толстого конца бадика, натягивая лесу, выпячивает остальную часть клинушка, который выскочил бы из-под дуги, отцепился бы от нее, если бы его не удерживал зацеп, входящий в расщеп, в свою очередь удерживаемый перекладиною, помещенной за дугою и в то же время удерживающий и эту перекладину. Таким образом, вся леса держится на весу, на зацепе, который, в свою очередь, удерживается силою, вытягивающею клинушек, т. е. тяжестью на толстом конце бадика. Величина (вес) тяжести – в зависимости от веса и силы рыбы, на которую поставлен самолов. Ясно, что когда рыба схватит приманку и присоединит мускульную силу к действию тяжести лесы, зацеп сползет вниз, выйдет из расщепа и освободит клинушек, который, в свою очередь, выйдет из-под дуги: весь снаряд будет освобожден, рыбе придется уже одною мускульною силою поддерживать удильник в данном ему положении: результат, конечно, тот, что толстый конец бадика опустится и поднимет рыбу, вытащив ее на лед. Насадкою обыкновенно служит блесна, изображенная на рис. 105 и 106.

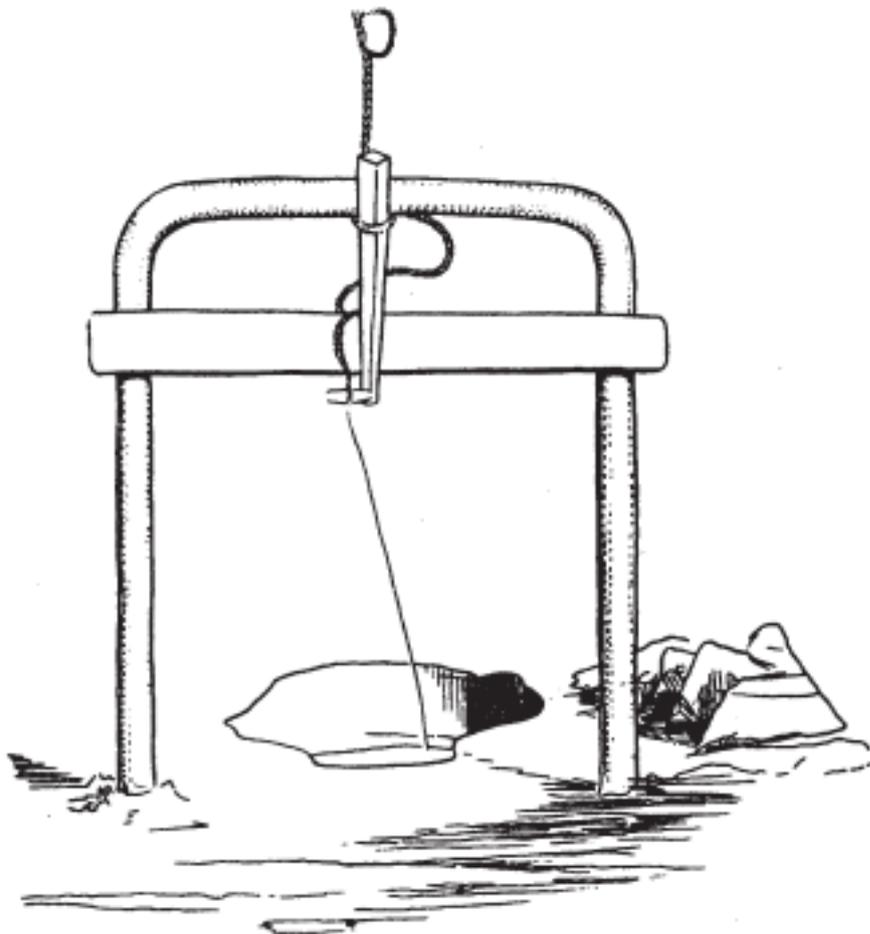

Рис. 137. Волжский самолов

Зимняя ловля рыбы кобылками

При ловле рыбы в прорубях на живую приманку, особенно в том случае, когда нельзя ожидать частого клева, обыкновенный короткий удильник, который нельзя укрепить во льду и необходимо держать постоянно в руке, что при больших морозах весьма неудобно, во многих местностях России (Средней) заменяется кобылками (в Москве) или т. н. колодками (на Средней Волге). Устройство кобылок очень просто: устойчивое деревянное основание небольшого объема, удобное для обхвата одною рукою и вделанный в него наглухо короткий удильник из можжевелевого прутика или, еще лучше, китового уса. Форма кобылок, как видно из рисунков (рис. 138 и 139), различна по местностям: делаются они из различного дерева, б. ч. березы, длиною (без прутика) около четверти, так что она не может проскочить под лед через сделанную во льду прорубь (лунку). Кобылка с навязанной лесой надлежащей крепости (смотря по той рыбе, которую желают ловить, и ее величине) и известной приманкой на крючке, тоже различном по величине, ставится у края лунки так, чтобы кончик удильника приходился над серединою лунки и насадка находилась (б. ч. червь, реже мотыль – красная личинка большого комара-долгоножки) или немного глубже нижней поверхности льда, или у дна (при ловле ершей). Так как зимою почти вся рыба за недостатком воздуха и пищи находится в полусонном состоянии, то даже довольно крупная рыба не оказывает большого сопротивления и может быть без особого затруднения вытащена на лед. Волосяные лески для зимней ловли предпочтительнее шелковых, так как последние скорее могут быть разрезаны нижними острыми краями лунки при сопротивлении крупной рыбы. Полезно поэтому нижние края лунки обивать так, чтобы они образовали бы не прямой, а тупой угол.

Кроме того, при уженьи на кобылки нет надобности держать их в руке, они имеют еще то удобство, что можно ловить одновременно на несколько снастей. На кобылки ловят также и в другое время года – не по льду, в том случае, если приходится ловить при отвесном положении лесы, на глубоких местах и вообще когда нельзя как-нибудь закрепить толстый конец удильника, чтобы не держать его в руке. Поэтому в средних губерниях ловят на кобылки с плотов, паромов, мостов (плавающих и постоянных), с барок и с лодок.

Рис. 138. Колодка волжских рыбаков

Рис. 139. Кобылка москворецких рыбаков

При ночной ловле на несколько кобылок одновременно необходимо к кончикам удильников, по крайней мере на тех кобылках, которые находятся не под рукою, привязывать бубенчики или колокольчики.

Зимнее ужение на мормыша

Мормышом, или бокоплавом (*Gammarus*), называется небольшой рачок величиною около дюйма. Различные виды его живут преимущественно в озерах Северной России и Западной Сибири, но ужение на мормыша (местное название этого рачка в Пермской и Оренбургской губ.) известно, кажется, только по ту сторону Уральского хребта. Однако он водится и во многих озерах Средней России (под Москвой он встречается в оз. Косине и Сенежском), а потому обращаем на него внимание рыболовов. Летом мормыша почти не видно, так как он живет больше под плавунами (лавдами), которыми зарастают берега озер, реже в камышах и выходит оттуда только по ночам: к тому же рыба тогда берет на него плохо. Но в середине зимы мормыши выходят из-под трясин и садятся иногда в огромном количестве на нижнюю поверхность льда. Особенно много бывает их со второй половины зимы до образования закраин. В это время он служит почти единственной пищей многих рыб, особенно окуня, ерша и налима. В озерах, где мормыша очень много, рыба, впрочем, всегда сыта и берет на него плохо.

Ловят мормышей на гороховину и на льняные, также ржаные снопы, куда они любят забиваться. Еще удобнее ловить их решетом, спуская его на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый луком: мормыши, наевшись, падают в решето; затем их осторожно вытаскивают из проруби. В большом количестве для продажи рыболовам в тех местах, где его мало (ведро продается от 20 до 50 коп.), мормыша ловят длинным (около сажени) и узким ящиком, одно из длинных ребер которого густо усажено щетиною. В один конец ящика прикрепляется под углом довольно большая жердь, затем ящик просовывается в довольно большую прорубь, приводится в горизонтальное положение и загребает всех мормышей, сидящих на льду *кругом проруби*, на радиус, равный длине ящика. Так ловят иногда зараз по нескольку ведер: но еще больше мормыша попадает в мотню большого зимнего невода. Хранят его в осиновых кадушках, которые закапываются в землю или ставятся на погреб; здесь он может пробыть живым до 2 недель. Еще лучше хранить мормышей в небольших ямках, выкапываемых в подпольях. Ямки эти смачивают водою, кладут в них чистую тряпицу, которую ссыпают мормыша; сверху покрывают его также чистой тряпкой, которую по временам смачивают.

Ужение на мормыша (на Зауральских озерах) начинается с первым прочным льдом и продолжается до Рождества. В конце декабря и весь январь рыба берет плохо и ловле препятствуют сильные морозы. В начале февраля клев возобновляется и бывает особенно хорош в марте. Ловят короткими, 8–10-вершковыми удочками (березовыми), завернутыми наполовину в камыш, который туго обматывается бечевкой; леса волосяная: при хорошем клеве удобнее употреблять крючок без бородки. Удить лучше всего на глубине 2 аршин с навесу и с грузилом так, чтобы насадка была на четверть ниже льда. Мормыш насаживается с головы. Удочку держат в левой руке, а в правой – небольшую деревянную лопаточку, *служащую для более быстрой и сильной подсечки*. Лопаточка эта вообще весьма полезна при ужении с навесу на короткие удильники. Как только клюнет рыба, рыболов мгновенно поддевает лесу и, откинув левую руку, быстро подводит лопатку почти к самой добыче и выбрасывает ее на лед: затем одним ударом лопатки по голове рыбы высвобождает крючок, в одну секунду оправляет мормыша, если он остался на крючке, и снова опускает крючок в прорубь. Окунь берет на песчаных, а ерш – на иловатых местах. Ловят большею частью мелкую рыбу около четверти, так как ловить ее много удобнее и выгоднее, чем крупную, которая держится на большой глубине; длинная же леса легче путается и смерзается, да и крупную рыбу нельзя прямо вытаскивать на лед, как мелкую.

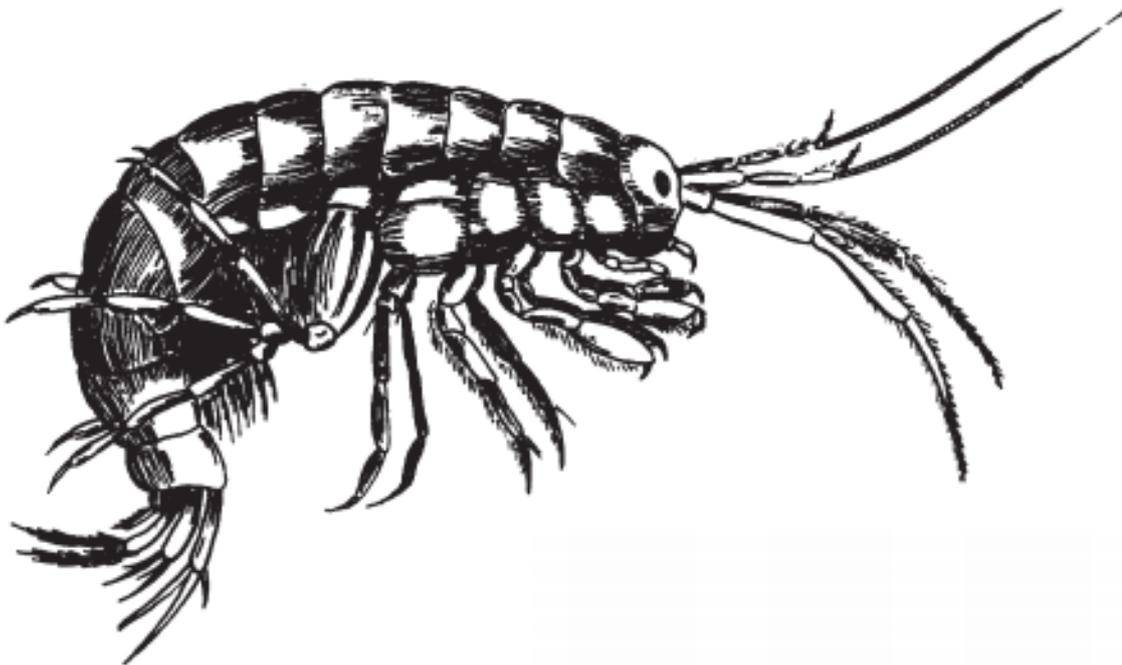

Рис. 140. Мормыш (увеличен вдвое)

Советуем любителям зимней ловли поискать мормыша и половить на него. Это одна из лучших (если не лучшая) и удобнейших зимних насадок. Ловить на мормыша можно, вероятно, только там, где он водится.

ЗИМНЯЯ ЛОВЛЯ НАЛИМОВ

Налимы ловятся зимой удочкой на живую рыбку или, за неимением ее, просто на кусок сырой крупной рыбы. Следует, когда станет река, пока еще не толст лед, нарубить на нем колодчиков четверти по две в диаметре один от другого на расстоянии не ближе десяти шагов, вдоль берега. При этом надо выбрать место на реке не очень глубокое, но быстрое, что способствует не только удачной ловле, но и меньшему замерзанию прорубей. Удилище берется такой длины, чтобы при опускании его в колодчик оно одним концом касалось дна немного в наклонном положении по течению, а другой бы торчал на поверхности.

К удилищу навязывается леска на четверть выше конца, который пойдет в воду, длиною не больше полуаршина, с крючком без бородки. На крючок насаживается рыбка, и удилище опускается в колодчик так, чтобы касалось дна непременно в наклонном положении по течению. Насаживая живую рыбу на крючок ближе к хвосту, не надо прокалывать позвонка, иначе она скоро засыпает. Выносливее прочих налимчики, ершики и окуньки. Наставив таких удочек, следует осматривать их каждую ночь, вооружаясь предварительно пешней для прорубания застывших за ночь колодчиков и ковшом для вычерпывания из них льда.

На Москве-реке ловят налимов несколько иначе. Именно берется бечевка, называемая шестериком, к одному концу ее привязывается палочка полуаршинной длины, а к другому – басок с крючком № 3: на полторы четверти от последнего прикрепляется грузило. На крючок насаживается кусок живца, затем в прорубленную лунку опускается бечевка с насадкой до самой палочки, которая кладется поперек лунки на лед, причем насадка не должна доходить до дна на вершок или на два. Ловля эта продолжается с успехом до Николина дня.

В Средней России зимою, именно в Рождественский пост, ловят также налимов следующим простым способом: изготавливается несколько более или менее коротких лес (смотря по глубине воды), к которым вместо крючка привязывается один из концов гибкой рогульки в

виде буквы V или острого треугольника толщиной в куриное перо: другой конец лески привязывается к удилищу (более или менее длинному, смотря по глубине) на высоте полуаршина от заостренного толстого конца его, который втыкают в дно реки. Где водятся большие налимы, там следует употреблять более длинную лесу и часть ее наматывать на обыкновенную рогульку, которая и привязывается к шесту. На крючок надеваются кусок рыбы, мяса, куриные потроха, сало и искусно зашиваются так, чтобы крючок был совершенно закрыт. Иногда концы крючка сводятся вместе. Таким образом изготовивши дома удочки, захватив пешню и топор, отправляется рыболов на реку, выбирает там откосье или мель, прорубает небольшие проруби (лунки) вдоль реки на расстоянии нескольких сажен одна от другой и в них расставляет удочки, оставляя их до следующего дня. Налимы по своей неразборчивости в пище и жадности проглатывают вместе с насадкой и деревянные крючки, концы которых расходятся в желудке, вонзаются в его стенки и не дают рыбе сойти с лесы. После полудня следующего дня рыбак идет осматривать свои снасти и те из них, на которых есть добыча, уносит домой, потому что, не разрезав у налима желудка, невозможно высвободить крючка, точно так же, как налиму невозможно, не проглотив крючка, съесть с него кусок рыбы. Вот почему приманка даром никогда не пропадает.

Зимнее ужение пескаря

Там, где пескарь ценится (для ухи) очень дорого, например под Москвой (1 р. – 1 р. 50 к. за сотню), пескарей ловят и зимою, притом в большом количестве, из прорубей в самых глубоких иловато-песчаных местах реки (ямах) с песчаным дном на кобылки, также со дна. Насадкою служит исключительно мотыль.

Починка складных заграничных удилиц

Чаще всего подвергаются порче трубки, служащие для соединения отдельных колен. Порча эта состоит в том, что трубка лопаётся по спаяу, или вследствие того, что была дурно спаяна, или же вследствие очень неосторожного обращения. Если спай лопнул в самом конце трубки, у края ее, то трубку очень легко можно исправить. Обернув лопнутое место одним оборотом крепкой отоженной проволоки, закручивают концы ее до тех пор, пока края спая не будут плотно сжаты. Тогда на самый конец трубки напаивают оловом ободочек из тонкой латуни шириною в 2 миллиметра, обращая внимание на то, чтобы спай этого обручика не совпадал со спаем трубки, а находился бы на противоположной стороне трубки. Прежде чем припаивать обручик, надо тщательно соскоблить с конца трубки лак или бронзирровку и смочить это место соляною кислотою. Обручик же во время припаивания также обертывается проволокою для того, чтобы он как можно плотнее обхватывал трубку.

Если спай лопнул на значительном пространстве, то приходится снять трубку и спаять ее вновь серебряным или медным припоем.

Если трубка погнута или помята, ее снимают с колена и выправляют молотком на болванчике.

Трещины спая встречаются почти исключительно в дешевых удилицах: в более дорогих они составляют величайшую редкость. От поминки же не застрахована не только медная трубка, но даже и ружейный ствол.

Впрочем, для предохранения трубок от поминок и забоин их затыкают деревянными пробками: лучше всего, если пробки оправлены в медь, так как они тогда плотнее входят, не разбухают и не ссыхаются. Вообще носить дорогое складное удилище без чехла и без пробок непростительно.

Погибы удилица лучше всего исправляются при помощи огня. Погнутое колено держат над горячими угольями, и когда оно нагреется, выгибают его легонько рукою. Это повторяют до тех пор, пока оно не будет достаточно выпрямлено. Еще удобнее для этого пользоваться следующим простым приспособлением: в верстак или в стуловые тиски вставляют липовую доску в 1 дюйм толщины, в которой просверлено несколько дыр различного диаметра от 1 дюйма до 1/4 дюйма. Нагрев погнутое колено, его пропускают в дыру соответствующей ширины до того места, в котором оно погнуто, и затем слегка и осторожно погибают его, пока оно не будет выпрямлено.

Переломы могут быть исправляемы различными способами.

1) Если перелом произошел у трубки или оправы, т. е. у верхнего или у нижнего конца колена, то проще всего укоротить колено и вновь насадить трубку или оправу. Но это, конечно, может отозваться до известной степени на гибкости удилица, напр., если пришлось укоротить третье колено четырехколенного удилица, назначенного для ужения нахлыстом, на 2 вершка. В таком случае удилице становится гораздо грубее и потому лучше заменить поломанное колено новым, если это возможно.

2) Если перелом произошел на таком расстоянии от концов колена, что нельзя укоротить колено, не нарушив гармонию всего удилица, можно починить удилице двумя способами.

Если перелом очень косой, то поверхности его склеиваются крепким столярным клеем и затем это место туго обматывается крепкими нитками. Завязка эта прикрывается несколько раз *копаловым* лаком. Этот лак высыхает медленнее, чем спиртовой лак, но зато от него никак не может отсыреть клей, соединяющий поверхности перелома.

Если перелом более или менее прямой, то приходится удлинить его посредством подпилка. Иногда же может оказаться более выгодным соединить оба куса тем способом, которым соединяются отдельные куски дерева, входящие в состав бильярдного кия. В обоих случаях обломки колена склеиваются и туго обматываются крепкою бечевкою, а когда клей совершенно засохнет (через сутки), то место соединения обоих кусков туго обматывается крепкими нитками, которые покрываются *копаловым* лаком.

Чаще всего ломается верхушка, и по большей части благодаря какой-нибудь неосторожности рыболова: если она будет тщательно починена каким-либо из описанных способов, то может служить так же хорошо, как и новая. Средние колена ломаются очень редко: но и они могут быть починены так хорошо, что прослужат много лет.

Справочный отдел

Список книг и статей об ужении рыбы¹³

1. **А. В.** Ужение на р. Вороне. – *Пр. ох.*, 1884, VII, с. 50–55.
- *2. **Аксаков С. Т.** Записки об ужении рыбы. М., 1847. 8°. 163 с. (50 к.). – Изд. 2. 1854. 8°. 274 с. (1 р.). – Изд. 3. 1860. 8°. 345 с. (1 р. 25 к.). – Изд. 4. 1871. XV – 363 с. (1 р. 25 к.). – Изд. 5. 1881. 8°. 248 с. (2 р.).
Разборы: *Отеч. зап.*, 1847. т. LII, отд. 6. с. 127. – *Библ. д. чтен.*, 1847. т. 82. отд. 6, с. 42–47. – *Современник*, 1847. № 6, т. 3. отд. 3, с. 113–114. – *Финск. вестн.*, 1847. т. 18, отд. 5. с. 1–4. – *Москвитянин*, 1854. т. II, № 7, кн. 1. с. 129–131. – *Московск. вед.*, 1854. № 28. – *Тр. Ими. в. экон. общ.*, 1854. т. 2. отд. 3. с. 98–99. – *Отеч. зап.*, 1854. т. 93. отд. 3. с. 84–85. – *Отеч. зап.*, 1857. т. 110. отд. 2. с. 50–51. – *Современник*, 1857. т. 61. с. 43. – *Пр. ох.*, 1882. II, с. 97–98. (Библ. зам. В. В-а о 5-м изд.).
3. **Аксаков С. Т.** Отрывки из рассказов и воспоминаний охотника. I. Охота с острогой. – *Москвитянин*. 1854. т. V. смесь, с. 159.
4. – Несколько слов о раннем весеннем и позднем осеннем ужении. – *Журн. охоты* (Мина), 1858, т. I, с. 1–8.
5. **Арсеньев Ф.** Метлица на Шексне. – *Русск. дневн.*, 1859, № 89; – *Вестн. естеств. наук*, 1860, № 28, с. 881–900.
6. – Ужение рыбы на Шексне. – *Жур. Моск. общ. охоты*, 1870, № 5 (сентябрь), с. 3–20.
7. **Башуцкий.** Старинная лампа для привлечения рыбы. – *Ж. общепол. свед.*, 1835. № 20, с. 189.
8. **Безобразов С. В.** Стрельба язей. – *Пр. ох.*, 1879, VII, с. 148–150.
- *9. **Буржинский А. Б.** Календарь рыб. (Изд. «Мирского слова»). Спб., 1875. 32°. 171 с. (40 к.).
10. **В.** (*Всеволожский Н. Н.*). Бессонное озеро, или Сметанное. (Уфимск. губ.). – *Пр. ох.*, 1879, X, с. 158–159.
11. **Вавилов М.** Ужение на овес и на стрекозу. – *Дом. хоз.*, 1870. с. 95–98; 109–114. *Ж. ох. конноз.*, 1871. с. 177–178; 181–184.
12. – **Ловля сомов.** – *Дом. хоз.*, 1870. с. 253–255; *Ж. ох. конноз.*, 1871, с. 213–214.
13. – Сиденье на сеже. – *Дом. хоз.*, 1870. с. 330–331. – *Ж. ох. конноз.*, 1871. с. 136–137.
14. – Зимняя ловля рыбы. – *Дом. хоз.*, 1870. с. 366–367. – *Ж. ох. конноз.*, 1871, с. 89–90.
15. **Васильев П.** Блеснение. – *Пр. ох.*, 1884. VIII, с. 1–28.
- *16. **Вениаминов Н. И.** Рыболовство в России всеми орудиями и во все времена года. С рис. М., 1876, 8°, 455 с. (3 р.)
- *17. **Виноградов М. Е.** Наставление к ловле рыб и раков в наших пресных водах. Спб., 1880, 8°, 112 с. (1 р.). – Отд. оттиск из ж. *Семья и школа* за 1880 г.
18. **Волков П.** Ужение рыбы на Рабанской Сухоне. – *Вологод. губ. вед.*, 1876. № 2, с. 8.
19. **выправлять** (Как) не совсем прямые натуральные удилища. – *Пр. ох.*, 1884. XI. с. 83–85.
20. **Венцеславский А.** Ловля рыбы удочкою. – *Тр. И. в. экон. общ.*, 1850. т. IV. с. 101–110.

¹³ Отдельные издания, т. е. книги, отмечены сбоку звездочкою. Список этот составляет небольшую часть III тома, составленного мною «Указателя книг и статей охотничьего и зоологического содержания», 1-я и 2-я части которого печатались в журнале «Природа и охота» за 1882, 1883 и 1884 годы. Этот третий том, заключающий в себе почти исключительно перечень статей по рыболовству России, по этой причине не может быть помещен в журнале.

21. **Гаряев.** Охота на щуку с ружьем. – *Эконом. зап.*, 1855, № 25. с. 198.
22. **Г. В. Н. (Горбачев).** Два новых поплавка. – *Пр. ох.*, 1884, IV. с. 55–56.
23. **Глумилин М.** Ужение нахлыстом. – *Ж. ох. конноз.*, 1873, с. 282–284.
24. **Д. А.** О клеве рыб. – *Ж. конноз. ох.*, 1843. II, с. 146–150.
25. **Д-в А. (Дунаев, Алексей).** Охотничье жите-бытье. (Ужение в Ковровском у.). – *Пр. ох.*, 1879. с. 378–382: VII. с. 75–86.
26. – Зимняя ловля налимов. – *Пр. ох.*, 1880, I, с. 153–155.
27. – Рыбные озера (в Владим. губ.). – *Пр. ох.*, 1882, VIII, с. 112–113.
28. – Письмо удильщика. – *Пр. ох.*, 1882, X, с. 21–24.
29. **Дублянский Н. А.** Об ужении карпов. – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 43–66.
30. **Е.** Ловля рыбы на блесну зимою. – *Пр. ох.*, 1880, III, с. 501–503.
31. **Е. Н. (Ермолов).** Ловля сазанов. – *Пр. ох.*, 1883, II, с. 65–72.
32. **Завадовский И.** Несколько слов по поводу статьи Д. Торчилло: «Заметки и воспоминания о ловле рыбы на р. Вороне удочкою и переметом». – *Пр. ох.*, 1882, IX, с. 105–111.
33. **замечания** (Некоторые) иностранных о рыбных ловлях, а особливо о ужении оных. – *Эконом. магазин*, 1784, т. XX, № 94, с. 241–255.
34. – (Некоторые практические) о наших деревенских рыбах. – *Эконом. магазин*, 1786, № 97, с. 289.
- *35. **Записки** рыбака, или наставления, как находить различных рыб. С фигур. М., 1854, 16°, 76 с. (50 к.).
Разбор: *Отеч. зап.*, 1854, т. XCIV, отд. 4, с. 117–118.
36. **Исполатовский Петр, свящ.** Рыбные ловли на р. Сеже. (В Тверской губернии). – *Тр. И. в. экон. общ.*, 1865, август, с. 216–227. (Ловля щук и сомов).
37. **К. В. П. (Колокольцев).** Заметка на статью: «В каком отношении находится сила рыбы и ее вес». – *Пр. ох.*, 1882, IV, с. 103–106.
38. **К-в А.** Удочка и ужение рыбы. С рис. – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1875, I, с. 36–41; II, с. 52–61.
39. **Клуб** рыболовов (в Петербурге). – *St.-Petersb. Herold.*, 1876; – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1876, III, с. 67.
40. – (Рыболовный) в Петербурге. – *Пр. ох.*, 1878, V, с. 209.
41. **Костромской охотник.** Еще о ловле налимов. – *Пр. ох.*, 1880, V, с. 114.
42. **Куроедов Н. Б.** Рыбный пруд. (Рассказы). – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1877, VI, с. 22–28; VII, с. 33–43.
43. **Л. А. (Левашов).** Ловля шересперов. – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1877, V, с. 45–49.
44. – Записки об ужении рыбы. – *Пр. ох.*, 1789, V, с. 145–161; VI, с. 328–336; VIII, с. 214–232; IX, с. 383–396.
45. – Ужение карасей. – *Пр. ох.*, 1879, X, с. 65–74.
46. – История и география одного пруда. – *Пр. ох.*, 1879, XI, с. 253–262.
47. – Сомовье царство. – *Пр. ох.*, 1880, V, с. 58–77.
48. – Ответ на статью г. Н. Т-ского «Замечания на Записки об ужении рыбы». – *Пр. ох.*, 1880, X, с. 137.
49. – На судачков. – *Пр. ох.*, 1881, II, с. 1–19.
50. – С Оки. – *Пр. ох.*, 1881, XI, с. 49–59.
51. – С новым сезоном. – *Пр. ох.*, 1882, VII, с. 102–110.
52. – Зима. – *Пр. ох.*, 1882, XII, с. 42–52.
53. – По поводу самоогружающихся наплавов барона Черкасова. – *Пр. ох.*, 1883, VIII, с. 40–43.
54. **Либерих.** Гатчинская форель. – *Бирж. вед.*, 1869, № 159; – *Ж. ох. конноз.*, 1871, с. 160–161.

- 55. ловлении** (О) рыб удою. *Эконом, магазин*, 1780, т. IV, № 99, с. 330–332.
- 56. Ловля** налимов на лягушонка. – *Пр. ох.*, 1884, IX, с. 67–68.
- 57.** – (Рыбная) – *Народн. ремеслен. газ.*, 1872, с. 393–398, 417–423.
- 58.** – щук поставушами. – *Пр. ох.*, 1884, V, с. 97–98.
- 59. ловлях** (О рыбных) и о уженьи. *Эконом. магазин*, 1784, с. 241–255.
- 60. Лучение** рыбы. – *Детск. чтение*, 1871, с. 560–569.
- 61. Мочарский Н.** Очерк уженья рыбы на Перерве. – *Пр. ох.*, 1883, IV, с. 64–70.
- 62.** – Самодельная катушка. – *Пр. ох.*, 1884, IV, с. 52–55.
- 63.** – Ловля щук весною. – *Пр. ох.*, 1884, IV, с. 80–82.
- 64.** – Котово. – *Пр. ох.*, 1884, V, с. 46–57.
- 65.** – Линь и способы его ловли. – *Пр. ох.*, 1884, V, с. 50–52. (3-й отдел).
- 66.** – Ловля рыбы на насекомое. – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 70–73.
- 67. Мстинский рыболов.** О ловле рыбы наметом. – *Пр. ох.*, 1879, V, с. 273–275.
- 68.** – Ловля рыбы переметом в р. Мете. – *Пр. ох.*, 1879, VII, с. 64–74.
- 69. Мясницкий И.** Рыбу лучат. Рассказ. (Посвящается В. Н. Назарову). – *Моск. листок*, 1883, № 323.
- 70. Н., доктор.** Воспоминания детства. (Из записок доктора). – *Петерб. вестник*, 1861, № 7, с. 129–133. (Не кончена).
- 71. Общество** рыбной ловли в Петербурге. – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1874, II, с. 45.
- 72. Охота** на сазанов. – *Пр. ох.*, 1879, VII, с. 169.
- 73.** – (Ружейная) за рыбами. – *Ж. ох. конноз.*, 1870, с. 154–155.
- 74. П.** Охота на язей с ружьем. – *Ж. ох. конноз.*, 1873, с. 346–349.
- 75. Палатин.** (Соболев В. Н.). Первое августа. Рассказ. – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1877, XI, с. 15–18.
- *76. Петров А.** Новейший и опытный рыболов, или собрание редких и любопытных секретов в пользу и удовольствие охотников до рыбной ловли. М., 1829, 12, 26 с. (См. Опытнейший рыболов).
- *77. Петров Н.** Рыбак, или средства ловить рыбу удою. М., 1831, 12°, ? с. (1 р.).
- 77*. П. И. (Попов).** Сом и охота на него на Дону. – *Пр. ох.*, 1880, 0», с. 66–75.
- 78.** – Ловля стерлядей кивками на Дону. – *Пр. ох.*, 1881, VIII, с. 73–80.
- 79. привадах** (О рыбных). *Эконом, магазин*, 1784, т. XX, № 99, с. 321–334.
- 80. Приготовление** натуральных цельных удилиц. – *Пр. ох.*, 1884, XI, с. 58–60.
- 81. примаках** (О разных), употребляемых при ловлении рыб. *Эконом. магазин*, 1784, т. XX, № 97, с. 289–302.
- 82. Применение** электричества к ужению рыбы. – *Пр. ох.*, 1880, IX, с. 160.
- 83. Проект** устава Общества любителей рыбной ловли удочкой в Москве. – *Ж.Имп. общ. ох.*, 1874, VI (декабрь), с. 71–72.
- *84. Радкевич И.** Ужение рыбы. Подробное описание различных удочек и других принадлежностей ужения. С 58 рис. Спб., 1874, 16°, 145 с. (80 к.).
- 85. Р. М.** Наставление охотникам удить рыбу. – *Ж. общепол. свед.*, 1835, № 20, с. 189.
- 86. Родзевич.** Ловля угрей. – *Эконом. зап.*, 1856, № 32, с. 251.
- *87. рыболов** (Опытнейший). Содержащий в себе любопытные и редкостные секреты, касающиеся до рыбной ловли разного рода снастями, как-то: неводом, вершею, удою и другими средствами, с наставлением разводить рыбу в прудах, сохранять в садках и выкармливать, также ловить, разводить и сохранять раков. М., 1829, 16°, 47 с.
- *88.** – (Опытнейший), содержащий в себе секреты, касающиеся до рыбной ловли: неводом, вершею, удами и другими средствами. М., 1862. (30 к.).
- Примечание.* Второе издание предыдущей книги (?).

*89. – (Счастливый). Советы страстного охотника до рыбной ловли удочкою и всеми вообще снастями и орудиями. М., 1865, 16°, 152 + VI с. (50 к.).

90. **рыбы** (Хищные). – *Ж. ох. конноз.*, 1870, с. 179–181; 190–191; 196; 203–204; 211; 221–222; 227; 248.

91. **Сабанеев Л. П.** Жизнь рыб и рыболовство на Зауральских озерах. С 2 рис. и 65 полит. М., 1874, 8°, 145 с. Ц. 1 р. (См. также сборник «Природа», 1873, II, с. 220–302 и 1874, I, с. 122–184).

92. – Рыбы России. Жизнь и ловля наших пресноводных рыб. С 6 картин. и 433 политип. М., 1875, 8°, 640 с. Ц. 3 р. 50 к. (в продаже нет).

93. **Салов.** Мельница купца Чесалкина. Рассказ. – *Отеч. зап.*, 1877, т. ССXXXIV, № 9, отд. I, с. 75–108.

94. **С. И. (Сперанский).** Из писем к приятелю об ужении язей. – *Пр. ох.*, 1883, VIII, с. 72–88; 1884, VII, с. 60–80.

95. **слов (Несколько)** об ужении рыбы. – *Землед. газета*, 1854, с. 366–368; 375–376, 384–386; 392–394. – *Арханг. губ. вед.* 1854, № 33, с. 258–260; № 34, с. 271–273; № 35, с. 280–281; № 36, с. 288–290. (Ср. Аксаков «Зап. об уж. рыбы»).

96. **Соловьев.** Ловля налимов зимою. – *Пр. ох.*, 1882, II, с. 99.

97. **способе (О)** ловить рыбу руками. – *Эконом. магазин*, 1783, т. XIII, № 1, с. 9–10.

98. **способ (Сенежский)** ужения щук. – *Пр. ох.*, 1884, X, с. 55–57.

99. **средство (Верное)** ловить по множестве рыбу удою. – *Эконом. зап.*, 1856, с. 375.

100. **Сысоев В. М.** С удочкой и жерлицей по Сестре. – *Пр. ох.*, 1884, IV, 24–41.

101. – Три рыбака. (Рассказы). – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 41–55.

102. – Ямога. – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 28–31.

103. **Тарасов.** Ловля хищных рыб на мертвую рыбку. – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 48–51.

*104. **Терлецкий П.** Жизнь рыб в наших реках и озерах. Рыбное хозяйство и охота. Практическое руководство, составленное из многочисленных наблюдений, удобопонятно для всех желающих заниматься рыболовством и разведением рыб. рис. 23 С. Спб., 1876, 8°, 312 + 3 с. (1 р. 50 к.). – Изд. 2-е. Спб., 1879. (Только перепечатана обертка).

105. **Терюхин Н.** Измайловский пруд. – *Пр. ох.*, 1882, IV, с. 65–74.

106. – Несколько замечаний по ужению. – *Пр. ох.*, 1884, IX, с. 30–39.

107. **Торчилло Д. В.** Ужение на Сенеже. – *Пр. ох.*, 1879, III, с. 260–271.

108. – Ужение на р. Вороне. – *Пр. ох.*, 1881, IV, с. 51–81.

109. – Письмо в редакцию. – *Пр. ох.*, 1882, II, с. 100.

110. – Заметки и воспоминания о ловле рыбы на р. Вороне. – *Пр. ох.*, 1882. IV, с. 20–39; V, с. 54–72.

111. – В защиту здоровой удильной снасти. – *Пр. ох.*, 1882, VI, с. 58–64.

112. – Ответ неопытного рыболова опытному. – *Пр. ох.*, 1883, IV, с. 71–88.

113. **Т-ский Н. (Томашевский).** Замечания на «Записки об ужении рыбы» г. А. Л. – *Пр. ох.*, 1880, VII, с. 70–81.

114. – Ужение лещей. – *Пр. ох.*, 1880, VI, с. 46–56.

115. **Тютчев.** Ужение сазанов в Пензе. – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 45–47.

116. **Ужение рыбы.** *Ж. конноз. ох.* 1855, VII, с. 104–116.

* 117. – (*Остроухова*). Описание главнейших пород рыб Средней России, их образа жизни и способов ужения. С рис. М., 1877, 16°, II + 86 с. (35 к.).

118. – поздней осенью в проточных прудах. – *Пр. ох.*, 1884, X, с. 57. (Заметка).

* 119. **Устав** общества любителей рыболовства. М., 1877, 12°, 8 с.

120. **Фабрикация** рыболовных крючков. – *Журн. охоты* (Мина), 1858, т. I, с. 290–293.

121. **Ф. Д. (Федорчуков).** Рыбная ловля на У-ском пруде. – *Пр. ох.*, 1882, V, с. 53–57. (Рассказ).

122. Фенютин. Рыбная ловля на р. Мологе. – *Труды Ярославск. губ. статист. комит.*, вып. VI, с. 49–107.

123. Харинов. Один из промыслов Ямбургского уезда (уженья форели). – *Гдовско-Ямб. лист.*, 1872, № 8, с. 6–7.

124. Ходнев С. Очерки рыбной ловли на Москве-реке. – *Ж. Моск. общ. охоты*, 1870, II (июнь), с. 19–28; III, с. 62–69; VIII, с. 45–48.

* **125.** – Очерки рыбной ловли на Москве-реке и несколько слов о прудовой рыбе. С 2 карт. и 10 полит. в тексте. М., 1872, 12°, 71 с. (1 р.). (Перепечатка пред. статьи с некотор. дополнениями).

126. Черкасов П. Г., барон. Заметки об уженьи рыбы. С политип. – *Пр. ох.*, 1880, II, с. 232–250; III, с. 436–450; IV, с. 98–113; VI, с. 19–26; IX, с. 38–54; XI, с. 19–44.

127. – По поводу замечания г. Н. Т-ского на «Записки об уженьи рыбы». – *Пр. ох.*, 1880, IX, с. 132–137.

128. – Производство рыболовных принадлежностей в Англии. – *Пр. ох.*, 1880, XII, с. 11–14.

129. – Воспоминания рыболова на Москве-реке. – *Пр. ох.*, 1882, I, с. 33–51.

130. – Уженья отдельных пород рыбы. – *Пр. ох.*, 1881, I, с. 39–56; III, с. 99–121 (щука); XI, с. 28–48 (окунь, судак, ерш, шереспер); 1882, III, с. 67–93 (ерш, пескарь, уклейка, елец); XI, с. 1–16 (голавль); XII, с. 1–31 (язь, плотва); 1883, II, с. 1–2 (красноперка); с. 2–5 (подуст); с. 5–17 (усач); 1883, V, с. 16–52 (сазан); XII, с. 64–78 (сазан); 1884, V, с. 1–19 (лещ).

131. – Заметка о крючках. – *Пр. ох.*, 1881, XII, с. 46–52.

132. – В каком отношении находится сила рыбы и ее вес. – *Пр. ох.*, 1882, II, с. 80–82.

133. – Светящиеся поплавки. – *Пр. ох.*, 1882, II, с. 98–99.

134. – Домашнее приготовление удилиц. – *Пр. ох.*, 1882, VI, с. 70–90.

135. – По поводу статьи г. Торчилло «В защиту здоровой удильной снасти». – *Яр. ох.*, 1882, XII, с. 99–100.

136. – Заметки рыболова. Привязывание поводков к крючкам с опилочными стержнями. Рецепты варов, лаков и красок для жилок. – *Пр. ох.*, 1883, I, с. 144–148.

137. – Товарищи рыболовы! – *Пр. ох.*, 1883, VII, с. 124–131.

138. – Самоогружающиеся поплавки. – *Пр. ох.*, 1884, III, с. 51–53.

139. – Кое-что из моего рыболовного арсенала. – *Пр. ох.*, 1884, IV, с. 49–52.

140. – Новое кольцо для верхушек удилиц. – *Пр. ох.*, 1884, VI, с. 47–48.

141. Черняев Н. Страстный рыболов. (Рассказ). – *Ж. конноз. ох.*, 1852, IV, с. 120–127.

142. Ц-в В. Об уженьи рыбы в Малороссии. – *Эконом. зап.*, 1856, № 45, с. 355.

143. Шамов. Ловля налимов. – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1875, IX, с. 30–32.

144. Шведов И. Заметка о весеннем уженьи на Ангаре (хариусов). – *Пр. ох.*, 1878, VI, с. 270–271.

145. – Добавление к заметке об уженьи рыбы на Ангаре. – *Пр. ох.*, 1880, VIII, с. 157.

146. Ширинкин Лев. По речке Бланке. Рассказ. – *Пр. ох.*, 1882, IV, с. 61–68.

147. Юнг А., фон. Средство привлечь рыбу в то место, где предполагается производить ловлю. – *Ж. общепол. свед.*, 1856, август, с. 219.

148. Ю. С. Ловля щук силками. – *Пр. ох.*, 1881, IV, с. 85.

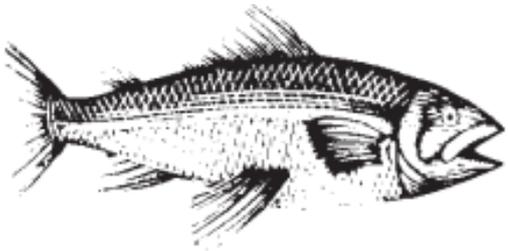
149. Янковский И. Приманка для рыб. (Варен. овес). – *Эконом. зап.*, 1855, с. 163.

Кроме того, замечания об уженьи рыбы можно найти в следующих книгах и статьях:

А. В. Из Астрахани. – *Пр. ох.*, 1883, V, с. 43–44. * **Аксаков.** Расск. и воспомин. Изд. 2, с. 17–34. **Арсеньев.** Шуйга – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1876, XI, с. 1–17. **Лемье.** – *Ж. Имп. общ. ох.*, 1875, IX, с. 1–10. С берегов Вычегды. – *Пр. ох.*, 1884, V, с. 70–72. * **Брэм.** Жизнь животн. Т. VI. * **Вавилов.** Ох. в России, IV, с. 99–192. **Витте.** Охота в Астрах губ. – *Газ. лесов. ох.*, 1856, № 13, с. 101–103; № 14, с. 109–111; № 15, с. 116–118. Поездка в Дарму. – *Газ. лесов. ох.*, 1856,

№ 33, с. 261–264. * **Воропай**. Ох. на севере России. С. 33–40. **воспоминаний** (Из) о Мологе. – *Волга*, 1863, № 68. * Jawarecki. Polski stawowe gospodarstwo. С. 242–247. **Гомилевский**. С Кр. Севера. – *С. хоз. лесов.*, 1879, IX, с. 80. **Гримм**. Из практ. Никольск. завода. – *С. хоз. лесов.*, 1881, IV, с. 293–310. * **Двигубский**. Лексик. гор. и сельск. хозяйства. Т. XI, с. 170–173. **Дмитриев**. Из записной книжки. – *Ж. Моск. общ. охоты*, 1860, сентябрь, с. 60–74. **Дублянский**. Из Железноводска. – *Пр. ох.*, 1884, XI, с. 16–18. **Золотницкий**. Аквариум любителя. – *Пр. ох.* 1882, 1883 и 1884 гг. * **календарь** (Иллюстрированный охотничий) на 1873 г. с. 31–74. * **книжка** (Карманная) русск. барина-охотника, с. 7–22. **Лаврентьев**. Справочно-памятная книжка-календарь для охотников на 1884–1885 г. Спб. отд. III. с. 1–76. * **Левшин**. Домоводство. IV. с. 174–209. * **Книга для охотников**. IV, с. 407–522. **ловлях** (О рыбных) и ужении. – *Эконом. магазин*. 1784. XX. с. 241–255. **Очерки** ох. в Малороссии. – *Газ. лесов. ох.*, 1855. с. 212–214. **Переваленко**. – *Кавказ*. 1851. № 56. **Познанский**. С Дону. – *Пр. ох.*, 1883. с. 21–34. **Поездка** в Ахалцих. – *Зап. Кавк. отд. геогр. общ.*, VIII, с. 67. **Сабанеев**. Княспинское озеро. – *Ж. Имп. общ. ох.*. 1874. **Сохранение** червей на зиму. – *Пр. ох.*. 1884. IX. с. 68. **Цветков**. Мухури. – *Кавказ*. 1851. № 33.

Труды по рыболовству

ЖИЗНЬ РЫБЪ
И
РЫБОЛОВСТВО
НА
ЗАУРАЛЬСКИХЪ ОЗЕРАХЪ.

Л. П. Сабанѣва.

МОСКВА.

Типографія В. Готье на Кузнецкомъ мосту, д. Торлецкаго

1874.

Титульный лист первого издания книги Л. П. Сабанеева

Жизнь рыб и рыболовство на зауральских озерах

I

Вообще мы, русские, не можем похвастать основательным знакомством с естественными богатствами своей страны, и за примерами дело не станет: едва ли кто из читателей и подозревает то значение, какое имеют многочисленные озера юго-восточного склона Уральских гор не только для таких огромных краев, каковы Пермская и Оренбургская губернии, но даже для Уфимской, Вятской и Казанской губерний, куда озерная рыба идет в огромном количестве и успешно конкурирует с рыбой Волги, Камы и других второстепенных рек. Сотни тысяч пудов доставляют ежегодно эти озера, многие рыбопромышленники нажили чуть не миллионы, и никто, даже большинство пермских и оренбургских жителей, не имеет малейшего понятия об этом неистощимом богатстве, хорошо знакомом только людям, заинтересованным в этом деле, результаты которого из расчета и боязни конкуренции держатся ими в строжайшей тайне.

Действительно есть что и скрывать: одна удачная тоня окупает не только арендную плату, вообще очень низкую, но и все затраты на снасти и наем рабочих. О богатстве рыбою можно судить уже по тому, что уловы считаются здесь не поштучно и не пудами, а коробами, вмещающими от 70 до 80 пудов, смотря по величине и породе рыбы. Бывали, да и до сих пор бывают, случаи, что без риска оборвать канаты, тетивы невода и самый невод нет никакой физической возможности вытащить последний в притонную прорубь, и стеснившуюся рыбу вычерпывают сачками в продолжение нескольких суток, причем, само собою разумеется, сотни, даже тысячи пудов успевают уйти обратно в озеро. И все-таки в таких случаях улов достигает невероятно громадной цифры – при некоторых благоприятных условиях до 5000 пудов!

Конечно, подобные тони случаются не каждый год и вообще представляют довольно редкое исключение, но на основании добытых сведений мы имеем полное право заключить, что и средняя тоня зимнего неводного лова для всех озер должна быть не менее двухсот пудов. Для самых больших и вообще наиболее рыбных это количество значительно ниже действительного, и можно положительно сказать, что в улов могут идти в сравнении с ними только Нижняя Волга и Урал. Как это ни странно с первого взгляда, но цены озерной рыбы нисколько не ниже, а иногда даже выше средних цен красной рыбы, тоже на месте лова, и это, конечно, самое лучшее доказательство ее высокого качества и большого запаса. Вряд ли где в России можно встретить таких гигантов окуней, ершей, линей, щук, налимов и такую крупную плотву или, вернее, тарань. Вся рыба в приуральских озерах, очень часто соединенных между собою протоками, необыкновенно жирна и вкусна и растет, как мы увидим впоследствии, по крайней мере впятеро скорее, чем в реках.

Рассмотрим теперь, что следует понимать под общим названием Зауральских озер, и сделаем возможно наглядный и вместе краткий обзор их, по возможности избегая мелких подробностей и не вдаваясь в сухой перечень фактов, не представляющих общего интереса.

Весь восточный склон Среднего Урала в Пермской губернии, начиная от широты Екатеринбурга, и Южного в Оренбургской, усеян бесчисленным множеством больших и малых озер, которые отчасти находятся в самом Урале и имеют вид настоящих горных бассейнов, но по мере удаления на восток принимают все более и более степной характер; в Челябинском уезде и Троицком в особенности эти озера, частью являясь более или менее солеными или горько-солеными, имеют уже большую аналогию с озерами Барабинских и Киргизских степей. В обширном смысле вся Зауральская черноземная равнина, окаймляющая

подошву Екатеринбургского и Златоустовского Урала, вместе с озерами, на ней лежащими, может быть рассматриваема как западная и северо-западная окраина этих громадных степей, в которые она незаметно переходит.

Главная масса Зауральских озер находится в юго-восточной части Екатеринбургского уезда и в западной Шадринского. Последние вместе с челябинскими все принадлежат к числу настоящих степных озер; они большею частью мелки, иловаты и редко находятся в связи между собою; большая часть Екатеринбургских озер расположена, напротив, вдоль хребта, даже в самом Урале, имеют весьма значительную глубину, соединены между собою протоками и служат для некоторых заводов как бы запасными прудами, которые имеют еще ту выгоду, что делают весеннюю прибыль воды почти неприметною и предохраняют заводские плотины от прорыва. Таковы в особенности озера Каслинского и Кыштымского Урала, которые почти все сообщаются между собой естественными, а иногда и искусственными протоками. Не будь этих озер, существование этих заводов было бы весьма сомнительно: при сравнительно небольшом количестве выпадающего дождя и снега на юго-восточном склоне Урала заводская деятельность ограничивалась бы весьма коротким временем, а для того, чтобы они постоянно были в ходу, потребовались бы целые цепи запасных прудов и, следовательно, громадные затраты, между тем как все это при существующих условиях достигается весьма ограниченными средствами.

В самом деле, чрезвычайно замечательно редкое отличие между западным и восточным склонами Екатеринбургского Урала. Трудно поверить, что только главный хребет, большею частью шириною не более двадцати верст и такой незначительной высоты, разделяет две страны, весьма отличные друг от друга по местности, почве, климату, а частью и по своему животному населению и растительности. Отроги главного хребта тянутся к западу на несколько сот верст, здесь множество мелких ручьев, рек и речек, принадлежащих бассейну Уфы и Чусовой, но зато вовсе нет озер; снега достигают иногда саженной глубины, количество выпадающего дождя весьма значительно, вся почва даже на вершинах гор проникнута влажностью, и вся растительность гораздо разнообразнее и роскошнее. Ель и пихта составляют здесь главные лесные насаждения, но берега рек имеют совершенно особенный характер и ту древесную растительность, свойственную так назыв. уремам Уфимской губернии, столь живо описанным известным охотником-писателем¹⁴.

На восточном склоне Урала мы видим, наоборот, необыкновенное однообразие – однообразие, выкупающееся, однако, с лихвою бесчисленными озерами, и нельзя не пожалеть, что эти великолепные озера не находятся на западном, например в Уфимском, уезде; тогда положительно во всей России не было бы другой более счастливой и разнообразной местности. Но не будь этих озер, Кыштымско-Каслинский Урал лишился бы всей своей оригинальности: сухие песчаные или каменистые увалы его не производят почти ничего, кроме угрюмой сосны; здесь почти нет ели, пихты, можжевельника, липы и вяза, вовсе не растет клен, ильм и дуб, и только береза да сосна, изредка прямоствольная лиственница придают некоторую оживленность мрачному виду гор, вершины которых притом, вследствие беспримерно дурного лесохозяйства, совершенно обнажены во всякое время года. Сравнительно со всеми другими частями Урала и звериный промысел тут тоже незначителен и однообразен; он ограничивается исключительно добыванием диких козлов (*Cervus carpeolus var. rugarus*), которые, впрочем, во множестве – тысячами – со всех сторон, иногда за сто, две-сти верст, стекаются сюда в позднюю осень.

Вся привлекательность Кыштымского и Каслинского Урала главным образом заключается в многочисленности озер, глубоких, рыбных, в многочисленности и разнообразии пород водяных птиц, находящих здесь обильную пищу. Все недостатки его забываются, все

¹⁴ С.Т. Аксаковым в сборнике «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии». – *Ред.*

мелкие и неутешительные частности сглаживаются и исчезают, когда с какой-нибудь вершины увидишь эту громадную массу вод, эту непрерывную цепь бесчисленных озер, окаймляющих подошву Урала.

Трудно представить себе более величественный и вместе оригинальный вид, который открывается с высоты Аракульских утесов, находящихся притом как раз посередине области горных озер Кыштымско-Каслинской дачи. Утесы эти – весьма замечательное явление в Уральских горах вообще, за исключением Дальнего Севера, отличающихся своими полугими очертаниями, отсутствием скал и глубоких расщелин – издали весьма напоминают огромные полуразвалившиеся каменные здания; но у подножия их сравнение это не совсем верно, так как они имеют более 20 сажен вышины. Вообще Аракульская гора – одна из наиболее любопытных и наиболее уединенных местностей Каслинского Урала: растительность здесь разнообразней, чем где-либо, чаще, чем другие местности, ее посещают медведи, рыси и прочие дикие звери; в последнее время здесь появились даже соболи, вероятно прикочевавшие из Верхотурского уезда, так как в Екатеринбургском Урале они уже давно сделались анахронизмом. В выступах этих отвесных скал гнезятся сокола, и не так давно на склоне горы в высеченной из камня пещере спасались каслинские кержаки, т. е. раскольники.

Взобраться сюда стоит большого труда, и один неверный или скользкий шаг – и можно жестоко разбиться об острые выступы камней, действием воды и воздуха отделившихся от главной отвесной массы. Но на вершине все трудности невольно забываются, и никакое перо не в состоянии вполне изобразить тот великолепный вид, который открывается удивленному взору в ясное майское утро, когда в воздухе еще не парит и далекий горизонт только синее, не теряясь в беловатых туманных очертаниях. Вверху тишина, изредка прерываемая пронзительным криком и свистом крыльев быстролетных стрижей, которые гнезятся здесь только в Урале, внизу беспокойно шмыгают взад и вперед сокола, неожиданно потревоженные со своих неприступных гнезд; в лесу у подножия утеса ясно слышны разнообразные голоса бесчисленных птичек, воркованье «микитанки» – витютня, чужфысканье и бормотанье тетерева; а с озера у подошвы горы доносится только какой-то неопределенный гул: это кричат невидимые утки, крохали, гагары и лебеди, кажущиеся отсюда едва заметными белыми точками.

Верст на семьдесят кругом все видно, как на ладони, и какая резкая противоположность: на запад – один лес, безграничный, непрерывный лес, среди однообразной синевы которого не на чем остановиться; с великим трудом отличаешь разве дальние колокольни отдаленных заводов. Далеко виднеются Полевские, Уфалейские и Ураимские (Нязепетровские) горы, постепенно сливающиеся с горизонтом, и волнообразные очертания этих гор придают всей местности вид как бы внезапно застывшего моря. А на севере, юге и востоке – всюду, куда только хватает глаз, и леса, и горы отходят совершенно на второй план, получают как бы второстепенное значение, озера же, по-видимому, занимают гораздо большее пространство, чем суша.

Прямо на север в 25 верстах между высокими горами лежит девятиверстный, почти круглый Иткуль, настоящий представитель горных озер; в сравнении с ним небольшие смежные озера, соединенные с ним протоками, кажутся небольшими лужами. На северо-востоке в таком же расстоянии виднеется Синарское озеро – не меньшей величины, Окункуль и многие другие второстепенные водоемы. Все они принадлежат к бассейну реки Синары, вытекающей из Синарского озера или, вернее, Иткуля.

На востоке у подошвы Урала, который здесь круто обрывается и граничит с черноземной равниной Екатеринбургско-Шадринского уездов, глазам зрителя представляется целая масса озер, соединенных между собою широкими протоками. Это – Каслинские озера, которые, собственно говоря, составляют один огромный бассейн с весьма искривленными очертаниями. К югу от этой цепи озер виднеется двадцативерстный Иртыш; он соединен про-

током с Каслинскими озерами, и в свою очередь, хотя и в меньшей степени, состоит из нескольких плёсов, т. е. небольших озер. А за этими озерами блестит множество второстепенных, лежащих уже в полосе березовых лесов; последние редуют все более и более, мелкие степные озера уже невидимы невооруженному глазу, и едва отличаешь длинную блестящую полосу – это двадцативерстный Увельки. А за ним уже ничего не видно, и безграничная степь сливается с далеким горизонтом.

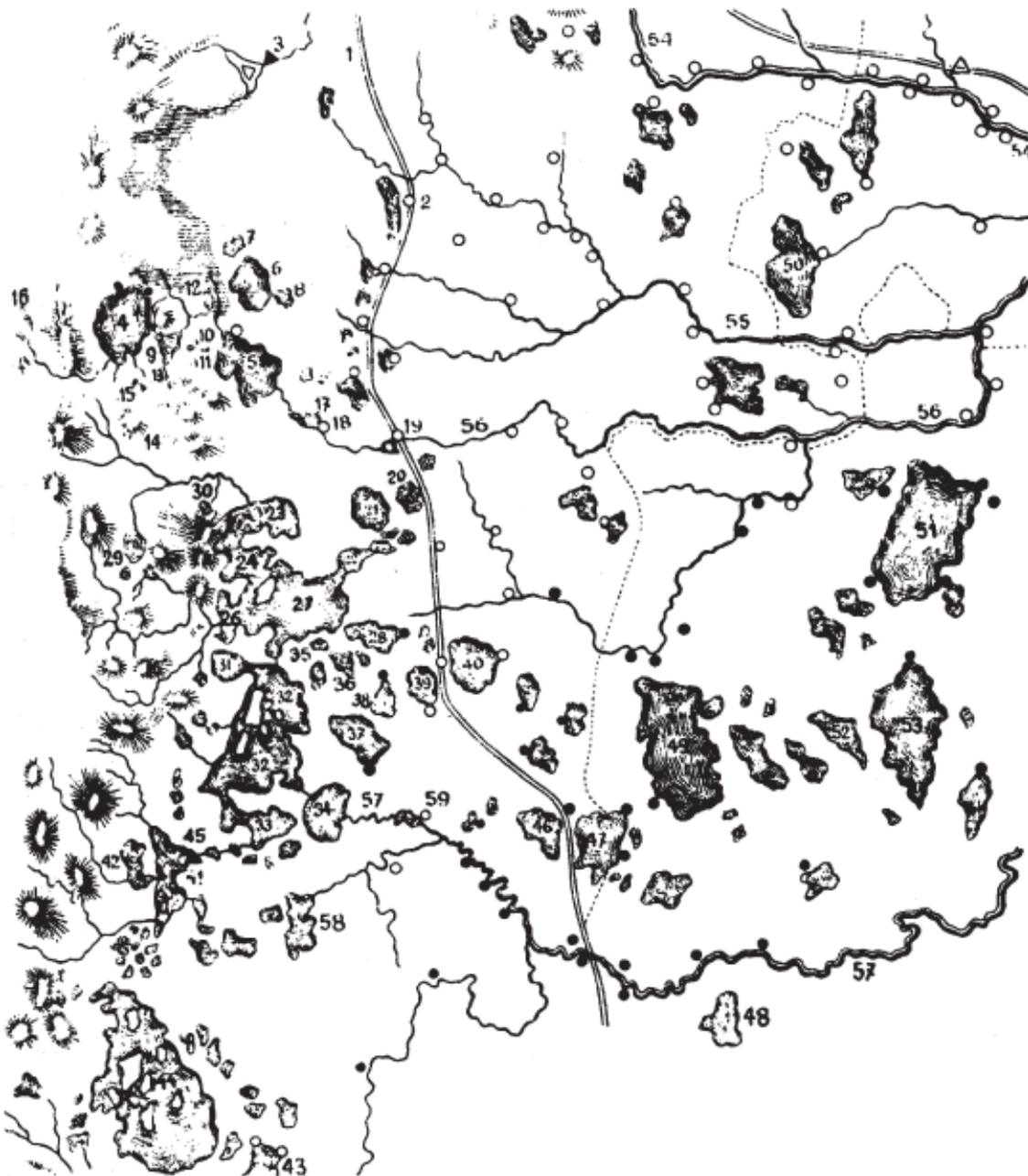

Рис. 1. Зауральские озера (20 верст в дюйме) 1. Дорога в Екатеринино; 2. Село Щелкунское; 3. Верхне-Сысертский завод; 4. Оз. Иткуль; 5. Оз. Синарское; 6. Оз. Бол. Окункуль; 7. Оз. Мал. Окункуль; 8. Оз. Черкаскуль; 9. Оз. Карасье; 10. Оз. Турундук; 11. Оз. Лебяжьи; 12. Оз. Татош; 13. Оз. Таикуль; 14. Оз. Семискуль; 15. Оз. Арыткуль; 16. Оз. Чусовские; 17. Оз. Карагуз; 18. Село Воскресенское; 19. Село Тибук; 20. Оз. Мал. Аллак; 21. Оз. Бол. Аллак; 22. Оз. Косигач; 23. Оз. Силач; 24. Оз. Сунгул; 25. Оз. Киреты; 26. Оз. Карасье; 27. Оз. Бол. Касли; 28. Оз. Алабуга; 29. Оз. Аракуль; 30. Оз. Булдым; 31. Оз. Щучье; 32. Оз. Иртяш; 33. Оз. Бол. Наного; 34. Оз. Кызылташ; 35. Каслинский завод; 36. Оз. Мал. Касли; 37. Оз. Бердениш; 38. Оз. Урускуль; 39. Оз. Котакуль; 40. Оз. Куяш; 41. Оз. Кыштымское; 42. Оз.

Сугомак; 43. Оз. Ирдяги; 44. Оз. Увельды; 45. Кыштымский завод; 46. Оз. Калды; 47. Оз. Чебакуль; 48. Оз. Тышки; 49. Оз. Увельки; 50. Оз. Шаблиш; 51. Оз. Маян; 52. Оз. Тарталым; 53. Оз. Айдакуль; 54. Река Исеть; 55. Река Багаряк; 56. Река Синара; 57. Река Теча; 58. Оз. Улагач; 59. Село Метлино; 60. Оз. Черновское

К югу от Иртяша, в Кыштымской даче, количество озер еще более увеличивается, но здесь они уже весьма незначительны и в большинстве случаев и вовсе неприметны: за исключением громадного Увельды – красы уральских озер, начинающегося от границы Оренбургской губернии, они не имеют особенного значения. Но Увельды весьма замечательны как по своей величине и глубине, так и по множеству утесистых островков, которые поросли хвойным лесом и с вершины Аракуля кажутся большими или меньшими темными точками. Более ста озер видно отсюда невооруженному глазу: от Сысертских гор до Златоустовского Таганая с севера на юг, от Нязепетровского завода до больших озер Шадринской степи с запада на восток, легко сказать более полуторы тысячи квадратных верст можно обнять глазом. Действительно, зрелище великолепное, и ради его можно перенести и не такие мелкие лишения.

Все эти озера, конечно, заслуживают более основательного знакомства с ними, и, вероятно, читатель не посетует, если мы дадим краткие описания наиболее замечательных из них. Начнем с Иткуля.

Иткуль, как уже сказано, может служить наилучшим представителем настоящего, и притом большого, уральского озера. Он весь окружен и даже как бы стеснен горами, которые местами спускаются в него довольно значительными крутизнами. Нельзя сказать, однако, чтобы он был очень глубок: есть озера и гораздо меньшие по величине, которые глубже Иткуля, но все-таки в некоторых местах последний достигает до 20 аршин глубины; так, например, у Шайтан-камня – большой скалы, выдающейся из воды на несколько сажен и служащей с незапамятных времен гнездилищем пары соколов, детей которых иткульские башкирцы ежегодно разоряют и продают степным башкирцам, большим любителям соколиной охоты. Главную особенность животного населения озера составляют, однако, необыкновенно многочисленные крохали, которые гнездятся в трещинах каменистого берега, самого Шайтана и небольшого плоского известнякового острова, т. е. Белого камня, занимающего в длину не более 15 сажен.

Иткуль довольно рыбное озеро, но так как оно совершенно чисто, а поэтому в нем очень мало различных растительных и животных организмов, то рыба растет довольно медленно, и иногда даже трехгодовая беспрепятственно проходит в крылья невода, впрочем вообще имеющего весьма крупные ячеи. Не так давно здесь бывали тони в 18–20 коробов, но в зиму 1870/71 года более 8 коробов (около 600 пудов) не вытаскивали; зато и не было тони (всех тоней более ста) менее 35 пудов. Всего же здесь было поймано неводом более 20 000 пудов, доставивших арендатору около 30 000 р. валового дохода. Как странно после этого читать в статистическом описании Пермской губернии, составленном в 1864 году, что во всем Екатеринбургском уезде в 1857 году было добыто только 19 438 пудов рыбы на сумму 11 069 р. с.!

Как и во всех проточных озерах, в Иткуле живут все породы рыб, свойственные всему юго-восточному склону Среднего Урала. Главная коренная рыба озера чебак (местное, собственно башкирское название плотвы) составляет более половины всего количества рыбы: за ним следует окунь, щука, ерш, язь, елец и наконец линь и карась, которые заходят сюда из мелких тинистых озер Семискуля, Арыткуля и проч. Вся остальная мелкая рыба не имеет уже никакого значения: таковы не употребляемые в пищу гольцы, веретей (Cobitis taenia, barbatula) или же весьма малоценные, как, например, гольяны (Phoxinus) и пескарки, называемые обыкновенно пескозобами.

Все эти различные породы рыб придерживаются каждая известного места, особенно зимой, и опытные неводчики всегда знают наверное, какая именно попадает в известную тону, а каждая тonya имеет свое определенное место и особенное название. На середине озера, у Белого камня и р. Карабайки, вообще на самой глубине постоянно попадает только один *чебак*; *ерши* большею частью придерживаются берегов и всего чаще ловятся у Шайтан-камня и между Средней и Дальней башкирскими деревнями; отличная *язиная* тonya у р. Казанки; *щука* тоже ловится у берегов. Главные места нереста хотя и меняются через неопределенный промежуток времени, также более или менее известны, и рыба главным образом играет у Белого камня, у Долгого мыса, у р. Долгой и у истока, сообщающего Иткуль с Синарой.

Иткуль, как горное озеро, вскрывается очень поздно, значительно позже всех прочих уральских озер, не говоря уже о степных. По этой причине и вся рыба нерестится здесь иногда несколькими неделями позднее: как известно, почти каждая порода требует для метания икры известной температуры воды. Правило это, однако, не всегда верно, и это видно уже из того, что сборная рыба из Синары, Ташкуля, Окункуля и проч., которая опытным рыбаком отличается безошибочно по цвету и относительной толщине, играет несколько ранее коренной рыбы, хотя все-таки развитие икры здесь несколько задерживается, и она начинает ловиться, когда весенний лов ее во время нереста в соседних озерах уже кончился. Таким образом, игра сборной рыбы, сравнительно малочисленной, служит здесь лучшим предвестником скорого нереста коренной рыбы.

Конечно, весенний лов рыбы далеко не имеет таких грандиозных размеров, как зимний, неводной, но все-таки он гораздо значительнее летнего и осеннего. Обыкновенно арендаторы озер ловят рыбу только по льду, начиная с ноября и кончая серединой апреля, немного раньше или позже, смотря по осени и весне и местоположению озера, ловят ее только неводом, а на все остальное время сдают озеро в аренду мелким промышленникам за известную плату, смотря по количеству мереж и других мелких снастей. Здесь же это право предоставлено самим башкирцам-вотчинникам; нельзя, однако, сказать, чтобы этот ленивый народ усердно пользовался таким правом: всякий труд в тягость башкирцу, и поэтому немногие из них постоянно занимаются рыболовством; большей частью они ловят рыбу, только когда в доме не останется куска хлеба. За всем тем количество рыбы, вылавливаемой в продолжение всего теплого времени года и сбываемой обыкновенно за бесценок в окрестные заводы и селения, весьма значительно: по всему вероятно, оно заключает в себе не одну тысячу пудов.

Из небольших озер, имеющих сообщение с Иткулем, всего замечательнее Ташкуль и Татош; остальные – Карасье, Семискуль, Арыткуль – мелки и няшисты и потому неудобны для неводной ловли; притом главная рыба здесь *карась* и *озерной гольян* (*Phoxinus phoxinus* Pall) между тем как в первых водятся почти те же породы, как и в Иткуле. Ташкуль – одно из самых глубоких и рыбных уральских озер и, в сущности, гораздо лучший представитель последних, чем Иткуль. Дно его расположено крутыми уступами, которые имеют вид огромной каменной лестницы, и вот почему в нем, несмотря на его величину (около 8 квадратных верст), всего только четыре годные тони, несмотря на богатство рыбой. Глубина его действительно замечательна: в некоторых местах она достигает семнадцати сажен, а прозрачность воды его такова, что и на этой огромной глубине в тихую погоду можно ясно различать белые камни на дне. Поэтому едва ли не большее количество рыбы, и притом самой крупной, добывается с лучом и острогой, что возможно здесь не только осенью, но и летом. Успешному лучению, однако, весьма часто мешает его глубина, почему оно по необходимости должно ограничиваться одними берегами.

Татош почти одинаковой величины с Ташкулем, но далеко не так глубок и представляет гораздо большие удобства для ловли неводом. В нем всюду около 8 аршин, дно его совершенно ровно, и в нем считается девять постоянных тоней, которые доставляют еже-

годно около 30 коробов, т. е. более 2000 пудов крупной рыбы. Всего многочисленнее здесь *чебак*, за ним следует *окунь*, *ерш*, *щука* и наконец *карась*, в небольшом количестве; *язя* здесь нет вовсе, и он заходит сюда только случайно. Татюшская рыба высокого качества и ценится почти вдвое дороже иткульской; *окунь* и *караси* достигают здесь более 8 фунтов веса, *чебак* – 2–3 фунтов; ерш-фунтовик здесь не редкость.

Из числа остальных, вовсе незначительных, озер окрестностей Иткуля нельзя пройти молчалием одного из них – Теренкульчика; он замечателен во многих отношениях и прежде всего представляет наилучший пример, до какой степени рыбного богатства могут достигать здешние озера. Озерко это занимает немного более десятины при трехсаженной глубине и притом расположено на горе, по крайней мере, на 20 сажен выше уровня смежного с ним Ташкуля. Долгое время оно считалось совершенно безрыбным. Лет 5 назад один башкирец случайно обратил внимание на плесканье стеснившейся рыбы и, не давая никому знать о своем открытии, вздумал воспользоваться им по первому льду. Результат превзошел все его ожидания: с одной удочкой первые дни он вытаскивал, трудно поверить, до 15 пудов рыбы, большею частью окуня-двухфунтовика и фунтового чебака. Само собою разумеется, за ним стали следить, и молва об этом открытии разнеслась по всей окрестности: в продолжение 2-х недель более 40 рыболовов каждодневно ловили от 3 до 5 пудов каждый, и в это короткое время было поймано приблизительно никак не менее 2000 пудов. Затем количество рыбы сразу уменьшилось, вся крупная рыба окончательно выловилась, начала клевать уже мелкая, и рыболовство не стало представлять особенных выгод. Но и до сих пор в Теренкульчике все еще много мелкого окуня и чебака, и в 1871 г. он был даже отдан в аренду (за 23 рубля на 12 лет). В нем всего две тони маленьким неводом в 150 сажен длины.

Вторая группа – Синарские озера находятся уже в предгорьях Урала и уже примыкают к черноземной равнине. Все они числом девять принадлежат, однако, не башкирцам, а владельцам Каслинских заводов, частью владельцу Воздвиженской дачи. Первые владеют тремя четвертями Синары, Черновским, Карагузом и другими незначительными озерами, второй – обоими Окункулями, Черкаскулем и остальной частью Синарского озера.

Самое значительное по величине Синарское озеро, с которым все остальные соединены постоянными или временными протоками, имеет такую же величину, как Иткуль, даже несколько длиннее последнего; глубина его местами тоже превосходит наибольшую глубину Иткуля и у Чищеного камня, саженях в ста от берега, недалеко от д. Воздвиженки (Клёпино), достигает 12 сажен. Эта глубокая яма имеет, однако, менее полуверсты длины и ста сажен ширины, и средняя глубина озера вообще не превышает 14 аршин. Весной, когда вся рыба отыграет и уходит отдыхать вглубь, она собирается здесь во множестве и ловится мережами едва ли не в большем количестве, чем во время нереста. Рыба здесь та же, но она гораздо ценнее иткульской, тем более, что главную массу ее составляет *ерш*, достигающий притом очень больших размеров, о которых, конечно, не имеют и понятия в России.

Окункуль с лишком вдвое менее Синары и имеет незначительную глубину, нигде не превышающую 2-х сажен, почему в жаркое время года большая часть рыбы уходит отсюда в более холодную воду Малого Окункуля, полузатянутого трясинной. За всем тем вода первого чрезвычайно чиста и прозрачна, и эта прозрачность, небольшая глубина и рыбность озера способствуют необыкновенно успешному осеннему и весеннему лученью: нередко один ловкий рыбак набивает здесь острогой более десяти пудов рыбы, которая вообще здесь значительно крупнее, чем во всех других описанных озерах.

Речкою Шумихою соединяется с Окункулем Черновское озеро, замечательное обилием щуки и ерша, которые здесь необыкновенно толсты и жирны, и притом почти совершенно черного цвета: ерши в полтора фунта здесь не редкость, а аршинная щука часто весит более 15 фунтов. Озеро это, несмотря на свою незначительную величину, довольно глубоко (до 5 сажен), но главнейшие благоприятные условия заключаются, однако, не в глубине, а в

обилии пищи, обусловливаемом обширной примыкающей к нему трясинной, под которой и течет Шумиха, выходящая наружу в немногих местах. Через этот проток ерш проходит в Окункуль, но, задерживаемый небольшим водопадом, уже не может вернуться обратно. Осенью, обыкновенно около 8 сентября, он идет из Окункуля и в таком количестве стесняется в небольшой бокалдине, образованной вышеупомянутым водопадом, что его просто выгребают отсюда сачками, даже подолами, и увозят целыми возами.

Еще более замечательный Карагуз лежит уже в черноземной полосе и принадлежит скорее к числу степных озер. В сущности, это огромный рыбный садок, в котором вся пересаженная рыба отъедается и растет необыкновенно быстро. Это т. н. кормное озеро имеет около десяти квадратных верст; оно лежит совершенно отдельно, сообщаясь с Синарой только в весеннее время, и то не каждый год, не особенно глубоко, даже скорее мелко, чрезвычайно няшисто и в крайней степени изобилует мормышем – небольшим рачком из рода *Gammaus*, составляющим вообще главную пищу озерных рыб и главную причину их необычайно быстрого роста. Коренная рыба здесь, как и следовало ожидать, карась, но не так давно пересаженные сюда чебаки, окуни и ерши в короткое время необыкновенно размножились и достигли значительной величины. Здесь-то все чаще бывали примеры тех баснословных тоней, которым трудно и поверить, не выдавши массы рыбы, приступающей в жары к берегу и ищущей выхода: озеро колышется от множества рыб, «рыба воду на себя носит», и вдруг, точно по сигналу, внезапно выпрыгивает из воды и с шумом, подобным раскату грома, падает обратно. Зимой 1871/72 года арендатор Карагуза Бельников ловил здесь от 20 до 24 коробов в каждую тону – средним числом около 1500 пудов!

Переходим к Каслинским озерам и Иртяшу. Как первые, так и последний лежат у самой вершины Каслинского Урала который здесь круто обрывается и граничит с черноземною равниною.

Рыба Каслинских озер как по своему качеству, так и по величине славится по всей Пермской губернии и с давних времен имеет такой верный сбыт, что в большинстве случаев скупается в день лова екатеринбургскими, каменскими и более дальними, например вятскими и казанскими, прасолами, которые, впрочем, везут отсюда исключительно окуня и мелкого, малоценного чебака. Нельзя сказать, однако, чтобы озера эти принадлежали к числу наиболее рыбных, но они, наравне с другими уральскими озерами, имеют то немаловажное преимущество перед степными, что рыбное богатство здесь неистоимо и множество рыбы укрывается в глубине, где ее не достанешь никаким неводом. В Иртяше, например, посредине находится длинная узкая полоса, где глубина достигает 20 сажен. Иногда, хотя и редко, случается, что вследствие каких-то необъяснимых причин *вся* рыба уходит в самые глубокие места озера и держится там всю зиму; конечно, улов значительно уменьшается, но вместе возрастает и ценность ее, а запрос так велик, что арендаторы при этом почти ничего не теряют, даже выигрывают, хотя, конечно, в следующую зиму. В этом отношении весьма замечательно небольшое, но необыкновенно глубокое, т. н. Бездонное озеро (в Тагильской даче Верхотурского уезда), в котором ловят рыбу в огромном количестве, когда она выходит из глубины к берегам.

Главная рыба Каслинских озер – *окунь*, достигающий тут баснословных размеров: здесь именно лет 20 назад был пойман окунь-гигант, весивший 30 фунтов, но и теперь изредка попадаются 12-фунтовые. Кроме окуня в них, разумеется, встречаются и все остальные породы рыб, но они уже не представляют никаких особенностей и в этом отношении уступают многим другим озерам. Количество тоней на всех этих озерах и Иртяше весьма велико и приблизительно должно быть не менее четырехсот. Такую же роль рыбного садка, подобно Карагузу, играет здесь оз. Малые Касли, тоже лежащее совершенно отдельно от прочих и также изобилующее мормышем. Сюда выпускается почти вся рыба, пойманная весной, когда она может скоро портиться, и поэтому не имеет такого верного сбыта.

Иртяш – одно из самых великолепных озер Зауралья. Трудно представить себе всю живописность его островов, оригинальная растительность которых, вовсе не свойственная юго-восточному склону среднего Урала, придает им характер оазисов: липа, вяз, огромные ветлы, боярышник, карагана и красная смородина составляют единственную древесную растительность этих островов, весьма странную посреди сосен на нагорном берегу и березовых рощ на прилегающей черноземной равнине.

Живо вспоминается мне последняя летняя поездка на Иртяш. Погода вполне благоприятствовала плаванию: неугомонное озеро, недоступное и при незначительном ветре, представляло совершенно ровную зеркальную поверхность, и только далеко, ближе к середине, виднелась легкая зыбь. В дальнем северном углу в восемнадцативерстовом расстоянии белела высокая колокольня Каслинской церкви; прямо посередине озера виднелись три небольших круглых острова, и с них в утренней тишине смутно доносились голоса бесчисленного множества гнездящихся там чаек. На берегу мертвая тишина; вся жизнь сосредоточена на этих редко посещаемых островках и ближе к западному подуральскому берегу, на больших липовых островах, расположенных длинною и узкою десятиверстной цепью. Не всякий решится и в тихую погоду доплыть до каменистых гряд, окружающих все эти острова; при незначительном ветре даже опытный рыбак, ловко управляющий утлым челноком¹⁵ при помощи своего единственного весла, ни за что не согласится выплыть на середину бурного озера. Чем ближе подъезжаешь к островам, тем слышнее и слышнее гул бесчисленных голосов водяной птицы, и в этом гуле постепенно отличаешь то звучный крик *лебедя*, то пронзительный хохот большой *чайки-хохотуны* (*Larus cachinnans*); чаще и чаще в почтительном отдалении ныряют *нырцы* (*Podiceps*) и *большие гагары* величиною с гуся (*Colymbus arcticus*), чаще и чаще подымаются селезни *крохалей*, *гоголей*, *связей* и других разнообразных пород уток; на круглых островах уже можно различать сотни сидящих и летающих рыболовов и крачек; подъезжаешь еще ближе, и вдруг целая туча больших чаек вылетает навстречу, кружится над лодкой, и видишь, как неоперившиеся птенцы их проворно уплывают от ближнего острова. А на последнем в кустах красной смородины десятки, более – сотни гнезд почти сплошь покрывают его каменистую вершину; весь берег и кусты белеют от извержений множества птицы; везде валяется скорлупа, болтуны, бегают только что выклюнувшиеся птенцы; всюду в кустах, на воде, даже в яйце слышится писк их; все пронзительнее кричат, все назойливее и ближе кружатся чайки, и только выстрелами избавляешься от их неприятного соседства. На другом острове птицы еще более. Подобно рою пчел, кружатся над водой у берегов тысячи *земляных ласточек*; сотни *крачек* (*Sterna nigundo*) и *рыболовов* (*Larus minutus*) трепещутся над гнездами, видишь, как самки слетают с последних и тревожно летают, присоединяя свой голос ко всеобщему хору. С первым шагом на берег острова – и из-под ног вылетает *крохалиха*, и едва не давишь ее крупные беловатые яйца; из первого попавшегося дупла ветлы вытаскиваешь крепко сидящего *лутка*. На смежном островке, угрюмо втянув шею, спокойно сидит на сухом вязе *цапля*, а над ней просиживает зоб *скопа*, только что поймавшая рыбу, и обе равнодушно смотрят на внезапно поднявшуюся тревогу. В сотне саженьях беспокойно вертится на одном месте *лебедь*, очевидно опасющийся за целостность своего потомства; украдкой, окольным путем, выплывает к нему лебедка, только что спрятавшая лебедят; там и сям ныряют, кувыркаясь, *большие гагары*, и далеко слышится их заунывное «погиб». Какая громада птицы бывает здесь на пролете – трудно себе представить!

В этом отношении, как говорят, еще более замечательно Увельды в Кыштымской даче; но, насколько справедливо это, я не имел случая убедиться, и я могу только сказать, что это озеро со своими многочисленными островами, поросшими густым хвойным лесом, имеет

¹⁵ Настоящие двухвесельные лодки здесь вовсе не употребительны.

гораздо более угрюмый вид. Да и по своим рыбным ловлям Увельды, несмотря на свою величину (оно занимает более 250 квадратных верст), стоит неизмеримо ниже Иртяша. Все оно чрезвычайно ямисто, почему в нем насчитывается очень немного годных тоней и арендная плата сравнительно незначительна. Однако в нем пропасть всякой рыбы, и годами, когда она выходит из своих глубоких и безопасных убежищ, ловится в очень большом количестве. Не так давно, всего года четыре назад, здесь была поймана огромная щука, весившая три с половиною пуда! Сколько времени этот великан укрывался в недоступных глубинах озера и сколько лет счастливо ускользал от жадности человека!

Кругом Увельдов расположено множество небольших, большею частью мелких и няшистых, озер; они все вместе не имеют и десятой доли значения Каслинских озер и Иртяша. Более сорока озер, соединенных между собою протоками, составляют как бы непрерывное звено вокруг этого большого озера, и весь избыток этих вод вливается в Иртяш; но, несмотря на это количество, едва ли можно насчитать здесь более десяти, которых производится правильная неводная ловля; таковы Ирдяги, Кыштымский пруд, состоящий, собственно, из нескольких озер, Акуля, Улагач и некоторые другие. Кызылташ, Бердениш, Алабуга, прилежащие к Иртяшу, уже находятся в черноземной равнине; каждое из них, и в особенности Кызылташ, через который протекает Теча, воспринимающая все воды Кыштымских и Каслинских заводов, имеет большее значение, чем даже огромное Увельды. Кызылташ замечателен, и не по одной своей величине (около сорока квадратных верст), но прежде всего тем, что заключает в себе, так сказать, самую крупную и отборную рыбу. Кызылташские лини и караси, несмотря на чистоту и прозрачность озера, достигают здесь наибольшей величины, и слава их гремит верст на сто в округности. В озере живет только одна крупная рыба, а вся мелкая уходит вниз – в Течинский пруд, частью вверх – к Иртяшу и возвращается, достигнув только известного возраста; поэтому ценность ее – более чем где-либо, и вся рыба буквально покупается нарасхват. Обилие крупной рыбы привлекает на озеро, особенно в конце мая, когда линь во множестве подступает к берегам, десятки «вольных» рыбаков, которые набивают острогой целые сотни пудов отборной рыбы. Случается, что иногда зараз выезжает до 50 лодок с лучом, и что за великолепное зрелище представляют постороннему зрителю эти медленно движущиеся огоньки – при ночной тишине, прерываемой только трещанием полуночника и кряканьем вспуганных уток!

II

Длинная цепь озер тянется у подошвы Урала с лишком на шестьдесят верст и граничит с другой стороны с черноземной равниной, сначала покрытой березовыми лесами, а затем почти сразу переходящей в настоящую ровную и почти безлесную степь. Иногда всего какие-нибудь 20–25 верст разделяют две совершенно противоположные фауны: типические представители хвойных лесов Урала *рысь*, *медведь*, *бурундук*, *белка*, *куница*, *глухарь* и *рябчик* и т. д. здесь уже заменяются совсем другими – степными животными. Прежде всего появляются *суслики* (*Spermophilus rufescens*), называемые *польскими кошками*, большие *тушканчики*, *ремеза* – знаменитые строители гнезд, *клинтухи*; *крохали* заменяются *турпаннами* (*Oidemia fusca*) – большими черными утками, *лебеди* – бесчисленным множеством *гусей*; водяная дичь становится все многочисленнее и многочисленнее; на болотах появляются *турухтаны*, *болотные кулики*, называемые *евдошками*, разные породы *кронишневов* и других голенастых птиц; в камышах ухает *выть*. В березовых лесах гнездится баснословное количество *тетеревов*, которых ловят зимой тысячами; в кустах по болотам и у озер появляется *белая куропатка* – характеристическая особенность Зауральских степей, увеличивающаяся в численности к востоку; еще далее, ближе к границам Шадринского и Челябинского уездов, появляется *дрофа*, *колпица*, *тиркушка*, наконец, *корсаки*, *степные кошки* и

чекушки – настоящие представители степи. Далеко-далеко отсюда, более чем за полтора ста верст, виднеются вершины Уральских гор, как бы подернутые туманом и скорее кажущиеся тучами на горизонте.

Степные озера имеют уже совершенно другой характер: глубина их редко достигает трех сажен, большую часть они бывают гораздо мельче; берега их обыкновенно порастают густым и высоким камышом, и они, видимо, мельчают и зарастают. Лучшим примером такого пересыхающего бассейна служит не уступающее величиною Иртышу Увельки, в котором рыба, прежде многочисленная, совершенно перевелась. С другой стороны, мы также встречаем тут пропасть зарастающих или совсем заросших озер, образовавших наконец топкие трясины с небольшими бокадинами, где может жить только один карась. Зарастание это совершается следующим, хотя и медленным путем: сухие стебли камыша, обламываемые ветрами, с течением времени образуют в заливах и у подветренных берегов озера целые помосты, увеличивающиеся с каждым годом; они или гниют на месте, или выбрасываются на берег, где из них составляются целые валы, перемежающиеся с песком или илом. Валы эти существуют у всех степных озер, у некоторых горных и достигают наибольшей вышины – до сажени, когда озеро ничем не защищено с северо-запада, со стороны главного, и притом самого сильного, ветра. Очевидно, в юго-восточных углах озер они будут всего выше, всего ниже в противоположных, что замечается и на самом деле. Зарастание озер, следовательно, будет начинаться исключительно с северо-запада: здесь, под защиту берега и прибрежных лесов или кустов, отчасти самих камышей, сухие стебли последних, образовав помост, постепенно увеличивающийся на месте во все стороны и в толщину, сплавиваются пылью, листьями деревьев, различными другими водяными растениями и образуют рыхлую массу, обсеменяемую наконец некоторыми болотными растениями, которые еще более скрепляют его и в конце концов образуют т. н. трясину. Раз образовавшись, эта трясина, или *лавда*, все быстрее и быстрее обволакивает озеро; под защиту ее начинается подобное зарастание озера с противоположной стороны, и наконец все озеро получает вид зыбкого болота, на котором мало-помалу оказывается ивняк, а затем и чахлые березки. Иногда, разумеется, зарастание озера стоит в прямой связи с его высыханием, но в таком случае получается уже другой результат – т. н. чистое болото, а не трясина.

В прудах и проточных камышистых озерах эти лавды, образуясь несколько иначе, представляют весьма любопытное явление. Главную роль играют здесь уже не сухие стебли камыша, а та рыхлая и легкая масса, которая образуется из сгнивших корней камыша, частью и других водных растений. От сильной прибыли воды она отрывается от берега огромными глыбами, плавающими на поверхности, и выносится из протока в какое-либо мелкое место пруда, где становится на мель или задерживается камнем, корягой, даже растениями, каковы водяные лилии, горошница (*Potamogeton*) и друг. Глыба эта покрывается болотными растениями; впоследствии к ней, иногда очень скоро, присоединяются новые массы, постепенно связывающиеся и скрепляющиеся друг с другом, и наконец образуется как бы остров; при значительной прибыли воды в пруд и сильном ветре этот остров иногда выносится на глубокое место и плавает там взад и вперед до тех пор, пока при наивысшем уровне воды не сядет окончательно на мель и не образует настоящего низменного и болотистого острова. Такие плавающие острова находятся, например, на Метлинском (Течинском), Воскресенском, Александровском (у Березовского завода, близ Екатеринбурга) прудах, в Силаче и некоторых других озерах, хотя вообще составляют исключительную принадлежность прудов. В жизни рыб они играют весьма важную роль и имеют для них первостепенное значение: в течение всего июля и августа вся мелкая рыба укрывается под лавдами и только к осени выходит на открытые места; следовательно, эти острова служат как бы убежищем и вместе питомником молодой рыбы, которая находит здесь полную безопасность от щук и окуней и обильную пищу. Один только налим, любитель тени и прохлады, большую часть года живет под

лавдами, но это далеко не такой опасный и проворный и притом немногочисленный хищник. Кроме него в петровки собирается сюда весь ерш; последний тоже предпочитает холодную воду и вместе с налимом тоже ведет более ночной образ жизни; в некоторых местах он ловится все лето не иначе как из прорубей в лавдах и притом клюет здесь только с заката до восхода солнца; таковы лавды на Иртяше и т. н. глубокая лавда на Силаче – одном из Каслинских озер. Само собою разумеется, что все сказанное нами о значении лавд применяется только к плавучим! или укрепившимся на глубоких местах пруда или озера. Такие лавды имеют еще одну странную и не вполне объяснимую особенность: весной, по окончательном вскрытии, они тонут и начинают постепенно подыматься на поверхность уже в июне, когда болотные растения достигнут некоторой высоты. Очевидно, они же и служат главной причиной всплывания лавды: воздух, заключенный в растениях, облегчает всю массу последних, и каждый стебель осоки, каждая былинка является для нее как бы постепенно расширяющимся плавательным пузырем.

Степные озера имеют еще одну особенность, резко отличающую их от уральских: весьма многие из них, например Чебакуль, Малый Аллак, Калды и нек. друг., содержат более или менее заметную примесь солей, преимущественно хлористого натрия, частью глауберовой соли. Далее на юг и юго-восток это явление повторяется все чаще и чаще; и в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии некоторые соленые озера содержат такой значительный процент хлористого натрия, что могут служить, и частью служат, для добывания соли, хотя последняя редко получается в совершенно чистом виде, что зависит от значительной примеси посторонних веществ. Некоторые озера являются здесь настоящими горько-солеными или горькими, чем много напоминают озера Барабинской степи и, не доставляя никакой пользы человеку, совершенно лишены рыбы и птиц – почти без всякого проявления животной жизни, производят весьма тяжелое впечатление.

Многочисленность озер, большее или меньшее содержание солей как в них, так и во всех низменностях, бесчисленное множество солончаков, толщина и солонцеватость чернозема в низменностях и незначительность слоя его на буграх и небольших степных возвышенностях, выклинивание его у подошвы Урала и Сысертьских увалов и постепенное утолщение на юго-восток – все служит доказательством, что обширная равнина эта составляет непосредственное продолжение Киргизских и Барабинских степей. Нет сомнения, что она вместе с ними еще в последние геологические эпохи принадлежала обширному Арало-Каспийскому бассейну и некогда составляла всего ранее осушившееся дно этого огромного моря. По мере высыхания последнего в отдельных низменностях и котловинах шло постепенное обособление озер; первоначально соединенные между собою протоками, которые существуют или следы которых заметны и до сих пор, последние с течением времени при посредстве дождевой воды все более и более выщелачивались и уносили большую часть своих солей в реки, вместе с образованием озер пролагавшие себе путь с Урала на восток. Очевидно, только позднее образовавшиеся озера и притом никогда не имевшие стока могли и по настоящую минуту остаться с прежним, а при постепенном пересыхании даже с большим содержанием солей. Вместе с выщелачиванием озер шло и выщелачивание почвы, вообще удобопроницаемой. Оба явления эти продолжают и в настоящее время: на памяти старожиллов многие озера пересохли или заросли и превратились в болота, трясины и солончаки; многие солончаки превратились в роскошные луга, дающие ценное сено. Отсюда очевидно, что и самый зауральский чернозем, как исключительно водное, хотя и не вполне морское образование, имеет здесь совершенно другое значение и не может быть тождествен с южнорусским. Впоследствии мы рассмотрим обстоятельно этот важный вопрос о значении зауральского чернозема и постараемся определить границы Арало-Каспийской котловины и арало-каспийской фауны. Заметим только, что весьма многие факты прямо указывают на бывшее соединение Арало-Каспия с Ледовитым океаном.

Большая часть степных озер Екатеринбургского уезда, в сущности, еще не принадлежит к настоящим степным, какими могут называться только озера Шадринского и Челябинского. Все они находятся в полосе лиственных лесов, которые только дальше на восток и юго-восток постепенно редееют и, наконец, на сухих местах заменяются кустами дикой вишни, караганы, *Spiraea*, а в низменностях тальниками – местопребыванием множества белых куропаток. Лиственные леса юго-восточной части Екатеринбургского и западной – Челябинского уездов главным образом принадлежат башкирцам и занимают огромное пространство; окаймляя подошву Урала и цепь подуральных озер длинной, местами суживающейся лентой, они нисколько не похожи на наше среднерусское чернолесье. Леса эти состоят почти исключительно из одних березовых насаждений; осина растет здесь только небольшими островами в более сырых местностях леса, и главную массу его составляют столетние и крайне редко расположенные березы, отчего все башкирские леса имеют вид огромных рощ, всюду удобных для проезда; мелкого березняка, который ежегодно уничтожается весенними палами и ленивой привычкой башкирцев рубить на дрова только самые тонкие деревья, здесь почти вовсе нет, и весь подсед заключается единственно в кустах шиповника, дикой вишни и *Cytisus*¹⁶. Но вернемся, однако, к озерам.

Из озер этой полосы упомянем только о наиболее замечательных. К таковым принадлежит Малый Аллак, Чебакуль, Тышки, отчасти, хотя в отрицательном смысле, Каллы. Особенного внимания заслуживает Чебакуль; это довольно большое озеро лежит на границе трех уездов – Екатеринбургского, Шадринского и Челябинского, и знаменито, как показывает, впрочем, само название, своими чебаками. Последние достигают здесь невероятной величины; не всякий, конечно, поверит, не выдавши тарани южнорусских рек (которая, в сущности, тот же чебак, или плотва, при благоприятных условиях выросшая до огромных размеров), что презренная плотвица, почти последняя рыба из обширной семьи сазановых, достигает здесь 5–6 фунтов. Во всяком случае, тут кроме мормыша, тоже многочисленного, должны существовать еще другие причины, обуславливающие необычайное развитие этой рыбы, вообще принадлежащей к числу самых мелких пород; но какие именно эти причины, сказать очень трудно, так как я не имел случая заняться внимательней исследованием мелких беспозвоночных и растительностью озера; но то или другое должно, а priori, представить какую-нибудь интересную особенность, отличающую Чебакуль от всех других озер. Остальная рыба – окунь, ерш и щука – не так многочисленна, судя по всему, не принадлежит к числу коренной, каковой является только чебак, и, хотя вообще довольно крупна, не представляет, однако, таких резких отклонений в величине. Чебакуль принадлежит к числу довольно больших озер; оно занимает около пятидесяти квадратных верст при глубине до трех сажен и заключает пятьдесят тоней; по ценности рыба его почти не уступает кызылташской, уловы же здесь также средние.

В этом отношении он резко отличается от Малого Аллака и Тышкова, находящегося уже в Челябинском уезде. В Малом Аллаке, занимающем всего около 9–10 квадратных верст, несмотря на его незначительную глубину, которая нигде не превосходит двух сажен, еще в начале шестидесятых годов уловы доходили до 22 коробов, т. е. более 1500 пудов. В последние годы, вслед за пересадкой окуня и ерша, как мормыш, так и чебак – коренная рыба озера – стали постепенно уменьшаться, и ежегодный приплод и прирост рыбы не стали пополнять ежегодный убыли; но, во всяком случае, и теперь Малый Аллак все еще принадлежит к числу наиболее кормных озер. Этим он существенно разнится от Тышкова, где чебак хотя и находит для своего размножения все благоприятные условия, состоящие главным образом в

¹⁶ Еще на памяти старожиллов подобные леса покрывали большую часть Шадринского и Челябинского уездов. Весьма вероятно, что некоторая доля участия в образовании чернозема принадлежала и этим лесам.

отсутствии окуня и щуки – главных истребителей как его самого, так его икры¹⁷ и приплода, но, не получая достаточного количества пищи, останавливается в своем росте. Тышкинский чебак кроме своей мелкости отличается еще белосоватостью и относительной длиной; он, как выражаются, очень прогонист, что, конечно, тоже зависит от вышеупомянутого условия. В довершение всего он здесь какой-то необыкновенно вялый и хворый, и хотя вообще при удачных тонях много рыбы давится в мотне и вытаскивается уже снулой, но это всего более относится к тышкинскому чебаку. В последнее время вследствие вылова рыбы и появления мормыша вышеупомянутая задержка развития уже не имеет места в полном значении слова: тышкинский чебак, прежде не более четверти фунта и не дороже 15–18 к. за пуд, впрочем, десять лет назад увеличился вдвое и продается теперь до 60 к., даже более. Но во всяком случае это явление представляет большой интерес, а что оно обуславливается недостатком пищи – видно из того, что тышкинский чебак, пересаженный весной в кормное озеро, к осени увеличивается с лишком в пять, а через полтора года в шестнадцать раз: из шестнадцати чебаков на фунт к открытию зимнего лова каждый из них весит треть фунта, а к следующей зиме каждый из них – фунтовик!

Всего удивительнее, что главную причину подобного быстрого прироста рыбы и этого *неистощимого* рыбного богатства Зауральских озер является ничтожный рачок величиною около полудюйма и известный в зоологии под названием бокоплава – *Gammarus*, а у местных жителей Оренбургского края и сибирской половины Пермского, где он распространен до Петропавловского завода, а может быть и севернее 60° с. ш., – под игренем *мормыша*. Мормыш составляет главную, исключительную пищу здешних рыб; все другие мелкие беспозвоночные не имеют сотой доли его значения¹⁸, и все рыбы, начиная от хищной щуки до травяного карася, в большей или меньшей степени, и притом круглый год, кормятся этим ничтожным рачком, который местами, в особенности в карасьих – няшистых – озерах, встречается в таком невероятном множестве, что за ночь буквально поедает все выставленные сети. Навряд ли кто может сказать утвердительно, что такая рыба, как окунь и плотва, может где-нибудь в России в полтора года своего существования достигать фунтового весу, а между тем это здесь неоспоримый и общеизвестный факт, хотя и не имеющий всестороннего применения. Во всем Зауралье нет почти ни одного озера без мормыша, но коренное местопребывание его все-таки проточные и непроточные няшистые озера, населенные карасями, менее других рыб употребляющими животную пищу. Главным же истребителем мормыша является ерш, который как летом, так даже в еще большей степени зимой буквально набивается им по горло и, несомненно, только ему обязан своей необычайной величиной, неслыханной в России.

При громадном запасе гниющих растительных, отчасти животных остатков, образующихся на месте или вносимых в проточные озера многочисленными речками, ручьями и дождевыми потоками с самых вершин Уральских гор, при таком почти неисчерпаемом источнике, очевидно, существование мормыша, а следовательно, и обилие рыбью обеспечено на долгие времена; это тем более вероятно, что все настоящие горные озера имеют сообщения с горными реками и такую значительную глубину, что о вылове рыбы не может быть и речи. Другое дело в степных, непроточных, более мелких озерах, где нечего ожидать прибыли извне; но зато эти самые озера имеют несравненно более богатую флору водных растений, большею частью иловатое дно и еще в сильнейшей степени способствуют размножению пресловутого мормыша. В таких озерах, конечно, нет ничего мудреного выловить в один год почти всю рыбу, но тут-то мы и видим то поразительное соотношение, которое

¹⁷ К числу главных истребителей икры принадлежит также ерш, питающийся ею с ранней весны и почти до середины мая.

¹⁸ Без сомнения, малочисленность их зависит в большинстве случаев от того, что мормыш, вообще всеядный, в свою очередь, питается ими.

существует между пищей и потребителями. Предположим, что в данном озере рыба размножилась до такой степени, что мормыш почти окончательно истребился. Необходимым следствием будет весьма незначительный прирост рыбы, вынужденной питаться исключительно растительной пищей и в весьма незначительном количестве употребляющей животную. Последующие поколения этой рыбы по мере дальнейшего уменьшения пищевых веществ постепенно уменьшают свой прирост, и наконец наступает такой момент, что озеро будет заключать в себе громадное количество рыбы, большей частью очень мелкой и остановившейся в своем росте. Допустим далее, что озеро это начинает постепенно вылавливаться все более и более; оставшаяся рыба соответственно этому постепенно получает большее количество пищи, которая прежде была едва достаточна для образования икры, не говоря уже о приросте; в то же время уцелевшие или просто случайно занесенные рыболовами-удильщиками мормыши начинают, в свою очередь, необыкновенно быстро размножаться под прикрытием все более и более развивающейся растительности; уцелевшая рыба и ее новый приплод в один год вырастает вдесятеро более, чем при прежних неблагоприятных условиях, и озеро, по-видимому окончательно выловленное, через два года снова доставляет арендатору богатый доход, тем более значительный, что пуд крупной рыбы в несколько раз ценнее пуда мелкой. Подобный замечательный пример мы видим на озере Тышках, много лет кряду доставлявшем баснословное количество мелкой и малоценной рыбы: до последнего времени менее пятисот пудов не вытаскивали, и только очень недавно количество это уменьшилось в значительной степени; вместе с тем появился мормыш, и оставшаяся рыба сразу получила более высокую ценность¹⁹. Само собой разумеется, что такой случай прекращения прироста возможен только там, где живет только такой вид нехищной рыбы, которая бы питалась мормышом. Все необходимые условия для этого совмещает вполне один чебак, и отсюда ясно, что вполне неистощимыми озерами могут называться только населенные одним этим видом.

Последний чаще других рыб подвергается различного рода болезням. Мы уже упоминали о болезненности чебака в Тышках, но внезапный, иногда совершенно необъяснимый мор в большинстве случаев относится именно к этой рыбе, которая вдобавок еще чаще других страдает как от наружных, так и от внутренних паразитов. Например, в Калдах²⁰, где чебак составляет главную массу рыбы, он исключительно перед другими видами содержит в кишечном канале больших ленточных глистов, вследствие чего часто задерживается и даже вовсе прекращается развитие икры; вообще Калды, несмотря на свою величину, в чем мало уступает почти рядом лежащему Чебакулю, заключает в себе весьма невкусную и малоценную рыбу. Впоследствии мы будем еще иметь случай говорить о болезнях рыб и видимых причинах этих болезней, а теперь, оставив в стороне Челябинские и Троицкие озера, весьма мало нам известные, перейдем к Шадринским.

Горные озера со своими более или менее обрывистыми берегами, окаймленными тесною стеною крупноствольного хвойного леса, конечно, величественны и живописны, но живописность эта имеет, однако, какой-то угрюмый и мрачный характер. Совсем другое дело чисто степные озера. Пологие берега их, иногда совершенно лишенные древесной растительности, придают им вид какой-то безграничности, вполне гармонирующей с окружающей равниной; гармония эта в редких случаях нарушается одиноко стоящими берегами, между тем как прибрежные тальники вполне сливаются с береговыми очертаниями. И сколько, однако, жизни в этом кажущемся однообразии, жизни, обусловливаемой рыбным богатством этих озер, в свою очередь зависящим от необычайного изобилия растительной и животной пищи! В сравнении со степными горные озера кажутся совершенно пустынными и необитаемыми.

¹⁹ То же самое явление наблюдается ныне и в Иткуле.

²⁰ Также в Шарташе, в окрестностях Екатеринбургa, в Багарях близ Синары и пр.

Эта противоположность особенно резко выражается весной и осенью, когда на этих степных озерах присоединяются к местовым массы пролетных птиц с дальнего севера и большая часть выведшихся на горных озерах. В разнообразии и богатстве фауны Шадринские и Челябинские озера не имеют тогда ничего подобного; но и летом, когда разнообразие это уменьшается в значительной степени, птичье население их поражает своею многочисленностью: кряканье и свист уток, гоготанье гусей и пронзительный крик бесчисленных чаек и крачек издали дают знать о присутствии озера, так сказать, центра животной жизни, около которого группируется почти все степное население, привлекаемое отчасти легкой добычей, отчасти прибрежными кустарниками и деревьями.

Во главе Шадринских озер стоят два огромные озера, почти не уступающие величиною Увельдам и Иртышу, – Маян и Увельки; второстепенное значение имеют Айдакуль, Тарталым и многие другие тоже значительные водоемы, перечисление которых будет совершенно излишне. Самое замечательное озеро, бесспорно, Маян – настоящий представитель степных озер, до сих пор дающий громадные, баснословные уловы, которые на других озерах Пермской губернии давно уже сделались анахронизмом. Неиссякаемость его рыбного богатства, в свою очередь, имеет необходимым следствием бесчисленное множество водяных птиц, и в этом отношении Маян тоже имеет себе подобных только в Оренбургской губернии.

Маян – озеро совершенно замкнутое, не имеющее никаких истоков; через это, во-первых, пищевые вещества, состоящие из многочисленных гниющих растительных остатков, которые служат через посредство мормыша и других ракообразных, равно как и личинок насекомых, а также и непосредственно к увеличению прироста рыбы, не уносятся в реку, а, так сказать, капитализируются; во-вторых, сама рыба не имеет никакой возможности уйти в реку или другое озеро. Рыбопромышленники, конечно, косвенным образом озаботились о равновесии между пищей и ее непосредственными потребителями – рыбами, но жадность их не могла все-таки исчерпать громадного рыбного богатства этого огромного озера и имела следствием большой прирост. Наоборот, в один год отдыха прирост этот уменьшается в значительной степени; после трехлетнего прекращения ловли неводом она здесь почти прекращается, и главную массу рыбы, остановившейся в своем дальнейшем развитии, составляет мелочь: является необходимая потребность, так сказать, процедить рыбу и через это дать возможность мелкой достигнуть к следующей зиме вдвое большей величины. Таких предусмотрительных арендаторов, однако, почти вовсе нет; вся деятельность их в этом отношении заключается единственно в невольном, даже вынужденном выбрасывании рыбы, пойманной весной в т. н. садки, т. е. кормные озера. Польза же подобных отдыхов очевидна до такой степени, что непонятно, почему большинство рыбопромышленников не следует этому необходимому правилу: факты говорят положительно, что озеро совершенно выловленное, т. е. дающее большею частью холостые тони, через 3–4 года дает уловы, каких не запомнят и старожилы, и один-два года такой благоразумной ловли дает больший доход, чем двенадцатилетняя аренда при непрерывной ловле неводом.

Маян, однако, не глубок – не глубже 5–6 аршин, и эта относительная мелкость несколько уменьшает его прочность на будущее время и не так обеспечивает одинаковость уловов, как это мы видим в горных озерах, глубина которых не позволяет выловить всю рыбу и дает возможность ловить в одинаковой мере целые десятки лет. Однако, как мы уже видели, и здесь косвенным образом пополняется убыль рыбы: годами она уходит в глубь, недосыгаемую неводом, и держится там в продолжение всей зимы; необходимым следствием этого трудно объяснимого обстоятельства является значительное увеличение уловов следующих зим.

В этом отношении, т. е. в отношении глубины, Тарталым, имеющий до 3-х, даже более сажен и принадлежащий к числу озер средней величины, занимает первое место между Шадринскими озерами; вследствие этого он ценится арендаторами сравнительно

очень высоко, значительно выше гораздо большего, но мелкого Айдакуля. За всем тем, независимо от больших или меньших удобств вылова, можно положить за правило, не переходя, впрочем, некоторых границ, что так как с уменьшением глубины озера количество пищевых веществ не уменьшается, а увеличивается, то при одинаковом пространстве озера, имеющее вдвое большую глубину, будет в состоянии пропитать только немного большее, иногда даже меньшее количество рыбы.

Положение это имеет, однако, некоторые пределы: лучшим примером для этого может служить уже отчасти знакомое нам Увельки, где, несмотря на огромное и постоянно увеличивающееся количество пищевых веществ, рыба вследствие постепенного мельчания озера постепенно уходила через исток в реку Караболку, частью выловилась, частью вымерзла или погибла от летних повальных болезней. Между тем еще очень недавно это огромное пересыхающее озеро в богатстве рыбы не уступало Маяну; но одна суровая зима, в которую оно вымерзло, затем сухое и жаркое лето окончательно истребили, частью выгнали всю рыбу; озеро, служившее, по-видимому, неисчерпаемым источником дохода и продовольствия окрестных башкирских селений, сразу потеряло все свое значение и превратилось в огромную, совершенно бесполезную лужу, из которой впоследствии образуется обширное и все-таки более полезное болото. Исчезновение рыбы, в свою очередь, имело последствием видимое уменьшение количества и разнообразия водяной птицы, которая если и до сих пор весьма многочисленна на Увельках, то единственно потому, что не осталось более никаких других потребителей огромных запасов пищевых веществ, которые заключает в себе это озеро.

Область озер в Пермской губернии не ограничивается, однако, вышеприведенными местностями Екатеринбургского и Шадринского уездов; она кончается несколько севернее Екатеринбурга и занимает некоторую часть Камышловского уезда, через который проходит граница чернозема и прежде сплошных березовых лесов: далее к северу и северо-востоку в Верхотурском и Ирбитском уездах начинаются уже бесконечные болота и низменные хвойные леса; вся местность принимает совершенно другой характер, напоминает тундру Дальнего Севера, вероятно, имеет другое происхождение и, весьма возможно, обязана им именно Ледовитому океану.

Из этих окраинных вод всего замечательнее озера, расположенные на севере, вернее, на северо-западе от Екатеринбурга, в самом Урале и истоках Исети и Пышмы, берущих из них свое начало. Аятское и Верх-Исетское озеро, Таватуй, Балтым – все это озера, примечательные во многих отношениях, и об них можно было бы сказать многое, если бы дело могло обойтись без скучных и длинных подробностей. Вообще эти озера имеют уже несколько другой характер, отличный от Каслинских и Кыштымских: берега их более или менее болотисты, и они, так сказать, составляют *переход* к тундряным озерам, которые начинают встречаться, хотя в весьма ограниченном количестве, далее к северо-востоку и обыкновенно с течением времени рано или поздно образуют моховые трясинные болота. Это в особенности приложимо к Аятскому озеру, лежащему у подножия Урала и со всех сторон окруженному обширными болотами. Таватуй и Верх-Исетское озеро занимают тоже около пятидесяти верст в окружности и, следовательно, принадлежат к числу наибольших озер Пермской губернии, но они скорее могут назваться горными, а из второстепенных бассейнов Балтым уже во многом напоминает степные озера; вообще окрестности его составляют как бы оазис среди однообразия хвойных, исключительно сосновых лесов, которые в северо-восточном углу занимают огромное пространство, никак не менее 150 квадр. верст. Это одна из самых диких и пустынных местностей южной половины Пермской губернии, и в этом отношении с нею могут соперничать только т. н. Белые степи Красноуфимского уезда – обширная плоская, почти безлесная возвышенность, так сказать насквозь пропитанная ключами; последние дают начало многочисленным ручьям и речкам и обуславливают необычайно сильную рас-

тельность, почти достигающую человеческого роста и служащую приютом и убежищем северных оленей и множества косуль, которые собираются сюда летовать со всех окрестных дач.

Балтым представляет самое лучшее доказательство влияния окружающей древесной растительности на рыбное богатство озера. Несмотря на близость города, количество рыбы почти не уменьшается²¹, между тем как соседние даже большие озера не могут поравняться с ним в этом отношении: в последних рыба растет далеко не так быстро и, очевидно, имеет большой недостаток в пище. Это различие объясняется единственно окружающей растительностью и почвою: все эти озера, за исключением Балтыма, окружены сосновым лесом и имеют песчаное дно и песчаные берега; Балтым, напротив, окружен весьма смешанными и преимущественно березовыми рощами, растущими на почве, чрезвычайно изобилующей растительным перегноем. Последний, обязанный своим происхождением отчасти этим же листовым лесам, в ряду питательных веществ микроскопической фауны озера имеет, очевидно, гораздо большее значение, чем песок, даже перегной хвои, вносимый в озеро; вообще можно принять за правило, что прибрежные листовые леса имеют весьма сильное влияние на образование озерного ила и вместе с тем обуславливают и большее обилие рыбою. Рыбы в Балтыме действительно много, особенно окуня и ерша, опытному рыболову во время клева ничего не значит выудить два, даже три пуда рыбы, что при близости города²² составляет весьма немаловажное количество. Балтым замечателен еще в другом отношении и представляет любопытное, хотя почти необъяснимое явление: один год клюет в нем только окунь, другой – ерш. Последний имеет здесь даже большие размеры, чем в озерах Каслинского Урала, и о величине с балтымским соперничает только таватуйский ерш, достигающий полуторафунтового веса.

Мелкие немногочисленные озера Сысертьских увалов и довольно большие бассейны на границах Камышловского уезда замечательны более по отношению к птичьему населению, чем по рыбным ловлям. На небольших озерах близ Соснового выводится необыкновенное количество лебедей: здесь их десятки, даже сотни пар, гнезда расположены в нескольких аршинах одно от другого, даже рядом, подобно гнездам чаек и крачек на островах, лавдах Каслинских и Шадринских озер. Камышловские пограничные озера заслуживают внимания по громадному количеству пролетных казарок, которые десятками тысяч останавливаются здесь каждую весну и осень, нередко минуя прочие, более южные озера Зауралья. Судя по всему, Шаблиш, Куяш²³ и др. служат первою станциею, первым местом отдыха и пищи этих птиц, которые хотя выводятся несколько севернее, в Камышловском, Ирбитском и Верхотурском уездах, но исключительно живут на дальнем Севере, на бесчисленных островах устья Оби, где тоже гнездятся общественно, но в несравненно большем количестве, чем лебеди близ Соснового.

Большинство немногочисленных озер северо-востока Пермской губернии в Верхотурском уезде принимает уже тундряной характер и в большинстве случаев имеет вид совершенно замкнутых бассейнов; чаще и чаще встречаются полузатянутые и вовсе затянутые трясинной озера; моховые болота – некогда бывшие озера – занимают огромные пространства. Единственными обитателями этих озер являются карась и озерной голянь, самые неприхотливые представители ихтиологической фауны; чебак, столь многочисленный в мелких степных озерах с песчаным дном, здесь уже является настоящею, хотя и весьма редкою речною рыбою и нисколько не отличается от обыкновенной среднерусской плотвы, между тем как на юге он имеет некоторые, хотя и несущественные, отличия.

²¹ Это, конечно, всего более зависит от отсутствия неводного лова.

²² Балтым находится в 18 верстах от Екатеринбурга.

²³ Это озеро не надо смешивать с другим того же названия, которое лежит южнее, ближе к границам Челябинского уезда.

Вообще карась и озерной гольян во всех Зауральских, исключительно в горных и тундряных озерах, а чебак в степных, составляют виды наиболее устойчивые и безразличные к изменениям озера. Между глубокими и обширными проточными озерами, изобилующими всякого рода рыбой, и озерами, подобно Увелькам, окончательно лишившимися своего рыбного населения, существует множество переходных ступеней. По мере исчезновения протоков, уменьшения глубины, обособления озера и его пересыхания исчезают различные виды рыб, и, наконец, смотря по свойству дна, озеро содержит только чебака или карася, реже оба вида вместе. Настоящие проточные горные, или приуральские озера – Иткуль, Синара, Каслинские и проч., – через которые протекают Синара, Теча и Исеть, имеют все породы рыб, водящиеся в этих реках, хотя, конечно, и здесь вследствие многочисленных условий мы встречаем перевес одних видов над другими. В небольших, но глубоких уральских озерах, имеющих только исток, мы не встречаем более многих рыб; прежде всего удаляются *гольян* (*Phoxinus laevis*), *голец* (*Cobitis taenia*), *пескарь* и *веретя* (?) (*Cobitis barbatula*) – собственно речные жители, только заходящие в озера, и по преимуществу зимой. Но во многих из них как налим, так и елец еще живут в продолжение некоторого времени, особенно после нереста.

По мере уменьшения глубины озера оба вида эти окончательно исчезают: *налим*, не находя там достаточно свежей воды, уже не доходит до него, хотя и продолжает жить в истоке; вследствие той же причины – мельчания озера и увеличения количества ила – *елец* тоже перестает посещать озеро. В таких все еще проточных озерах живут, однако, все остальные виды рыб, но по мере дальнейшего уменьшения глубины и увеличения иловатости исчезает из него *язь*; далее с постепенным уменьшением истока *лινь*, доселе находивший все благоприятные условия для своего существования, удаляется, в свою очередь, и мы получаем третью категорию озер – полупроточных, к которым относятся Бердениш, Кожаккуль, Куяш и мног. друг., где живут щука, ерш, чебак и карась. При дальнейшем обособлении бассейна протоки совершенно исчезают и озера освежаются временно весной или после проливных дождей притоком воды в бывшие протоки. В таких временно проточных озерах (Карагуз, Малый Аллак), с иловатым дном в особенности, количество ерша уменьшается, и, наконец, весной или осенью, он вовсе уходит отсюда, как это можно наблюдать в Куяше и Кожаккуле, где ерш, прежде необыкновенно многочисленный, в последнее время почти совершенно перевелся. Вслед за ершом постепенно вылавливается окунь, уже не находящий удобных мест для нереста; в больших замкнутых озерах он, однако, еще может существовать, хотя чебак и карась или один из них, видимо, берут перевес над ним; но в малых замкнутых озерах окуня уже нет, хотя щука все еще продолжает держаться. При постепенном обмелении или затягивании озера трясинной щука исчезнет, в свою очередь, и мелкие озера с песчаным дном заключают только одного чебака, няшистые – только карася и озерного гольяна. При дальнейшем пересыхании даже полупроточного, но вымерзающего озера, как это мы видели на Увельках, жизнь какой бы то ни было рыбы становится немыслимой; один только карась еще может иногда прозимовать в глубокой няше хотя бы и мелкого озера, и вообще этот вид является наиболее индифферентным: озеро почти окончательно затянулось трясинной и превращается в зыбкое болото, а карась все еще живет в нем. Вообще же можно принять за правило, что для существования рыбы необходима глубина, несколько превышающая толщину льда, который иногда достигает здесь пяти, а на глубоких уральских озерах даже шести четвертей.

III

Мертвая тишина царствует на озерах, и это безмолвие, нарушаемое только человеком, который спешит воспользоваться ледяным покровом, чтобы извлечь из них наибольшую пользу, представляет резкий контраст той жизни, которая кипит здесь в другие времена года.

Но вот наконец март – наступает весна; все сильнее и сильнее греет солнце; тонкий наст уже не выдерживает днем тяжести охотника; с глухим гулом садится снег, и белая пелена его потемнела местами; почернели дороги. Еще в первых числах быстро тают неглубокие снега на полуденной стороне увалов и на рыхлых *парах* черноземной равнины, где уже показались глянцевиные грачи – первые весенние гости. Теплый ветер так и съедает снег, насыщенный дождем; горные ручьи текут все быстрее и быстрее; вода прибывает в них с каждым днем и постепенно заливают тонкий лед речек и рек, которые имеют здесь еще весьма незначительные размеры; наконец, в исходе месяца она подтачивает этот лед, остатки его всплывают и силою течения выбрасываются на берег на крутых заворотах реки или нагромождают в теснинах недолговечную, но нередко довольно высокую ледяную преграду, обуславливающую иногда значительные разливы рек в самом Урале. Но вся эта весенняя вода, принимаемая проточными озерами и задерживаемая заводскими плотинами, не оказывает, однако, почти никакого влияния на дальнейшее течение реки и в черноземной равнине, где неглубокие снега тают с большой постепенностью и большая часть снеговой воды уходит в рыхлую почву, разливы уже вовсе неприметны: здесь реки прибывают в незначительной степени и никогда не выходят из берегов.

Но увеличивающейся теплоте и напору речных вод долго не одолеть ледяного покрова озера, который, особенно на глубоких горных бассейнах, как мы уже видели, достигает громадной толщины. Прежде всего именно в середине апреля образуются закраины у устьев рек и ручьев; на непроточных степных озерах *сначала* тоже около этого времени отъедает берега в прибрежных камышах и тростниках: снег быстро тает на поверхности озера, весенние ручейки скатываются с берегов, и эта коренная и прибылая снеговая вода уходит в щели, образованные водяными растениями, постепенно увеличивает эти щели и превращает лед в решетчатую массу; последняя очень скоро рыхлеет и тает на месте.

На этих закраинах и скучивается вся масса прилетных водяных птиц, которые в скором времени разлетаются по местам или улетают далее на север. Но в начале весны почти все животное население группируется около устьев горных рек, и эти поймы до середины, даже конца апреля представляют самую оживленную и разнообразную картину. Обилие пищи привлекает сюда множество хищников, куликов, пташек, и вот почему первый момент прилета имеет место не на степных непроточных озерах, хотя они, как мы увидим, очищаются ото льда ранее горных, а в Урале.

Настоящий прилет птицы начинается по вскрытии горных рек, т. е. в конце марта; только орлы и беркута, иногда зимующие, показываются несколько ранее. В первых же числах в Урале начинает токовать по зарям краснобровый глухарь, дико ухает по ночам филин, и при этих звуках – вестниках наступающей весны, – звуках, нарушающих невозмутимую тишину бора, радостно бьется сердце охотника, которому уже наскучило однообразие зимней утомительной охоты.

Но вот на речных и озерных полыньях показались лебеди, далеко отдается в горах их звучный крик; вскоре к ним присоединяются гоголи и, не утомимо ныряя, охотятся за рыбой, почуявшей свежую, обильную воздухом воду. Прилетела скопа и, зорко высматривая рыбу, редко дает промах: от ее цепких когтей не избавляется и проворная щука, если только не оказывается сильнее своего врага и не увлекает его безвозвратно в глубину. Черный коршун уже хватает мелкую рыбешку, плавающую на поверхности; многочисленные трясогузки, неуго-

мимо помахивая длинным хвостом, прытко бегают по берегу; в камышах прыгают болотные воробьи, подбирая осыпавшиеся семена; в прибрежных *кардашах*²⁴ свистят голубые лазоревки, прочие синицы и ранние пташки. Наступает апрель; горные речки разливаются все более и более, постепенно подмывают у своего впадения ледяной покров озера и наполняют последнее; лед отрывается от берегов и с каждым днем утончается. Быстро тает снег на озере, снеговая вода, образовав сначала наледи, уходит под лед, разрыхлив его; закраины образуются и в других местах, особенно в курьях – камышистых и травянистых заливах; лед синее все более и более, только там и сям белеют снежные сугробы, нанесенные снежными метелями около прорубей; скоро он будет уже не в состоянии сдерживать рыбаков и глухо трещит даже под досками, подкладываемыми для большей безопасности; берега все более и более отъедаются, и закраины образуют, наконец, узкое, неправильное и быстро расширяющееся кольцо. Главная ледяная масса остается, однако, неприкосновенной до конца апреля, а на некоторых горных бассейнах и гораздо долее.

Еще в первых числах месяца на очистившихся разливах рек и на закраинах озер появляются многочисленные породы уток, крохали; целыми тучами летают большие рыболовы; в камышах гогочат стаи гусей, которые, впрочем, скоро вместе с кряквами переселятся в болото, далеко не дождавшись окончательного вскрытия озер. В воздухе уже слышится то заунывное курлыканье журавлей, напоминающее валторну, то свист утиных крыльев или токованье бекаса; на прибрежных лугах, надоедая своим пронзительным криком, кружатся, ловко перевертываясь на лету, десятки, сотни пигалиц, а в курьях зорко стерегут рыбу ленивые, неподвижные цапли.

Обратимся, однако, к главным – подводным обитателям озера. Вообще вся рыба, почуяв полую воду, выходит из глубины, жметя к берегам и идет в ручьи и реки против течения. Этого требует и самый организм их, нуждающийся для развития икры в большом количестве воздуха, что в особенности относится к рыбам, в скором времени начинающим нерест: ельцу, щуке, язю, которые все мечут икру, как только начнут образовываться закраины.

Прежде всех еще в середине апреля нерестится, или, по местному выражению, *играет*, елец. С первых чисел месяца целыми массами идет он из озер в ручьи и реки; вообще он мечет икру только в проточной воде и может жить только в проточных озерах, да и там придерживается ходовой воды. К середине апреля здесь не остается ни одного ельца; даже прошлогодние, не имеющие икры, следуют всеобщему стремлению и вместе с икрятниками и молошниками, вдвое малочисленными и отличающимися от самок беловатыми зернышками на чешуе, особенно заметными на голове, входят в быстротекущую воду и, если бы человек не старался всюду расставлять преграды этому движению, дошли бы почти до самых верховьев, где во всякое другое время года живет только один голяк.

Еще прежде, в марте, когда елец выходит из глубоких озерных ям, где он *«словно поте-ряется»* на всю зиму, ловят его в большом количестве на мормыша или червяка, если трудно бывает достать первого, что в это время – самую горячую пору для ужения – случается довольно часто. Но все-таки эта добыча ничтожна в сравнении с количеством, добываемом позже, во время самого нереста, который имеет место около 12–15 апреля. Так называемыми *мордами*, которые, в сущности, не что иное, как среднерусские верши, ловят их целыми возами и, конечно, продают за бесценок. В самый разгар хода в одну и ту же морду рыба набивается по самое горло по пяти раз в день, что составляет приблизительно до 10 пудов.

²⁴ Лес на болоте.

Рис. 2. Цапль (*Ardea cinerea*)

Играет и ловится только двухгодовалый, 2 1/2–3-х вершковый елец и старые; большая часть годовиков уходит через прутья не особенно частой морды. Самое метание икры производится, подобно большей части рыб, целым руном, почти всегда составленным из рыб одного возраста, всегда в прибрежных осоках. Икра выпускается здесь целыми грудами; в конце апреля все плоские берега Вязовки, Булдыма положительно улеплены ельцовой икрой, громадное количество ее поедается рыбаками, утками, воронами, которые все жадно истребляют и самих рыб, идущих густыми стаями; еще большая часть по спаду воды остается на мели и высыхает, не достигнув окончательного развития. Ловля ельцов бывает еще добычливее, когда река внезапно сбудет и рыба очутится в ямах и побочных пересыхающих руслах; здесь ловят ее самым первобытным способом – подолами, штанами, завязанными на концах веревочками, и выбрасывают прямо на берег. Несмотря на все, молоди бывает еще так много, что количество ельцов убавляется в меньшей степени, чем какой-либо другой рыбы, но это зависит, конечно, не от количества икры, которая, напротив, отличается своею крупнозернистостью, но единственно от неудобства ловли неводом, который не в состоянии захватить глубоких ям, служащих исключительным местопребыванием ельцов в зимнее время.

Между здешними рыбаками весьма распространено странное мнение, что зародыш ельца образуется через слипание четырех икринок; подобный предрассудок существует и относительно развития щук; но, конечно, нечего и сомневаться в невозможности и нелепости подобного факта, в котором, однако, твердо убеждены и волжские рыбаки.

По окончании нереста, обыкновенно в двадцатых числах или исходе апреля, ельцы возвращаются обратно в озеро; в реке остается только небольшая часть, так как им далеко нет здесь того простора и того обилия пищи – обилия, необходимого для рыбы, изнуренной продолжительным постом, плаванием противу быстрого течения и, наконец, самим процессом нереста. Последний весьма любопытен и наблюдается едва ли не легче, чем у других рыб. С невысокой крутизны речного берега в неглубоких заводях, несмотря на помутневшие воды обыкновенно прозрачной, как кристалл, речки, ясно видны тысячи ельцов; ярко сверкая своею серебристою чешуею, исполняют они немногими виденную рыбу пляску; шум и плеск играющего ельца, вообще отличающегося своим проворством и живостью, заглушает журчание быстротекущей речки и бывает слышен за несколько десятков сажен. Елец, однако, довольно осторожен, и потому его можно наблюдать только при соблюдении достаточной тишины и некоторых предосторожностей, что, впрочем, вполне вознаграждается этим необычайным и невиданным зрелищем.

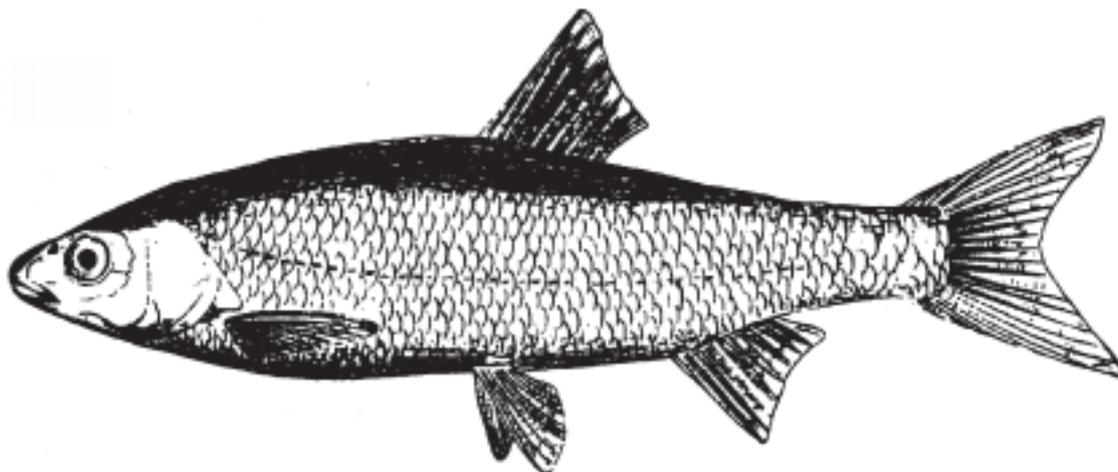

Рис. 3. Елец

Выметав икру, елец, значительно уменьшившийся в численности, идет в глубину озера и отдыхает там в продолжение недели; затем он снова подходит к берегам, где уже образовались очень большие закраины, и начинает жадно клевать на червяка, что бывает обыкновенно в конце апреля или в первых числах мая, когда у молошников уже не замечается более вышеназванных беловатых крупинки и самцы уже трудно отличаются от икряников. Этот непродолжительный отдых после нереста, уход ее вглубь и затем жадный клев – явления, общие почти всем рыбам.

В конце апреля, как было сказано, у большей части озер образуются большие закраины, но дальнейшая судьба ледяного покрова, представляющегося огромным, большею частью нераздельным островом, бывает весьма различна у горных и степных озер, и вообще надо принять за правило, что чем открытее местность озера, тем скорее очищается последнее. При сильных весенних ветрах, изменяющих свое направление, плавучая масса уже рыхлого и нетолстого льда прибывает поочередно то к тому, то к другому берегу; часть его выпирается на прибрежный песок и тает уже здесь; в центре постепенно образуются трещины, увеличивающиеся все более и более и, наконец, разъединяющие всю массу на несколько льдинок, которые при сильном ветре разбиваются на еще более мелкие и недолговечные куски; середина озера постепенно очищается, и льдины собираются уже к подветренной стороне.

В глубоких горных озерах, имеющих более толстый лед и защищенных от ветров, отчасти и солнечных лучей близстоящими горами и увалами, окончательное вскрытие сильно замедляется; эта разность бывает иногда весьма значительна и достигает нередко десяти, иногда даже четырнадцати дней: часто случается, что на степных озерах не остается и десятой доли ледяного покрова, между тем как в Урале, хотя и не без риска, продолжают ходить, удить и даже ездить. Прежде всех вскрываются озера Шадринского уезда, не защищенные лесом; вслед за ними – степные озера Екатеринбургского – Чебакуль, Калды, Куяш; несколькими днями позднее очищаются приуральские бассейны, каковы Иртяш, Касли, Силач; еще позже Синара и после всех Ташкуль и Иткуль. В последнем лед держится на середине до вешнего Николы, иногда даже до 15 мая.

Сообразно с этим различием окончательного вскрытия различно и время нереста рыбы, который все-таки находится в некоторой зависимости от температуры воды, а иногда и вполне обуславливается ею. Возьмем для примера Каслинские озера. Вся весенняя рыба прежде всего играет в Силаче, в Синаре – 3–5 днями позже, спустя еще три дня – в Окункуле, Татоше; разница между нерестом одной и той же породы в Силаче и Иткуле достигает восьми, даже десяти дней. Со степными озерами это различие заметно еще более, и можно принять почти безошибочно, что нерест рыбы в 2-х различных озерах совершается столькими днями ранее или позднее, насколько ранее или позднее они окончательно расчищаются. Нельзя не заметить, однако, что в Каслинских озерах, соединенных между собою протоками, правило это для непосвященного покажется не совсем верным. Дело в том, что здесь почти всюду бывает так называемая сборная рыба, которая вследствие известной степени развития икры, частью унаследованной привычки, играет *почти* одновременно, как и в коренном озере. Отсюда происходит тот замечательный факт, что в проточных водоемах рыба играет не только более продолжительное время, но даже в несколько приемов, в несколько различных сроков, отделенных несколькими днями один от другого. Опытный рыбак, однако, очень хорошо знает, какая рыба мечет икру – коренная или пришлая; во-первых, последняя всегда гораздо многочисленнее первой; во-вторых, и чебак, и окунь, и щука, и проч. в различных озерах, смотря по составу и цвету воды, большему или меньшему изобилию пищи и вследствие других условий, имеют некоторые различия в окраске и форме, различия большею частью неприметные для непосвященного, но очевидные для зоркого и наметавшего глаза рыболова, выросшего на озерах. Рыба может прийти уже давно, но все-таки она сохраняет свою типическую окраску и форму, все-таки нерест ее совершается почти в то же время; но потомство ее уже мало отличается от коренных обитателей озера.

Во второй половине апреля озера, особенно степные, имеют уже весьма оживленный вид. Многочисленные и разнообразные пташки оглашают прибрежные леса и кустарники своим пением; в ивняках, мелодически посвистывая, прыгают ремеза, собирающие здесь материал для своих артистических гнезд, основа и доньшко которых уже белеются на концах длинных ветвей развесистых *берез*²⁵; в окраинных болотах свистят красноногие травники, пролетные кулички, и, завидев человека или собаку, безумолчно стонут долговязые болотные кулики, вместе с травниками и пигалицами составляющие главное болотное население. Первое время по прилете все эти кулики вместе с кроншнепами держатся на иловатых берегах или лавдах. В последних же скрываются еще гораздо ранее прилетевшие бесчисленные бекасы; неумоимо копаются они в жидкой грязи плавучих кочек, и в воздушной выси уже давно слышится их оригинальное бляение, производимое сотрясанием распущенного хвоста. На уральских озерах голенастое население гораздо малочисленнее, но зато оно имеет там других представителей: здесь по преимуществу раздается звонкий свист речного и лесного кулика (*T. glottis et ochropus*) и жалобный писк перевозчика (*Actitis*).

²⁵ Весьма редко в ивняке и никогда в камыше.

Вся эта голенастая птица не принадлежит, однако, к настоящим обитателям озер: она только временно гостит на их берегах и островах и скоро окончательно перебирается в окрестные болота, даже сухие равнины, как, например, большие кроншнепы, или летит далее на север. Главные, коренные жители озер – лысухи, большие и малые гагары, красно-головые нырки, выпь, черные и белые крачки, маленькие рыболовы, составляющие три четверти пернатого населения озера, степного по преимуществу, – прилетают тоже около середины апреля, когда уже образуются большие закраины, очистятся все камыши, когда всюду в лесах расцветет желтый прострельник – первый весенний цветок Зауралья, в болотах заквакают лягушки, впрочем здесь немногочисленные, и под влиянием лучей апрельского солнца быстро начнет набухать березовая почка.

Около Егорьева дня, т. е. 23 апреля, в степных озерах начинает играть щука, которая в горных нерестится значительно позднее: в Иткуле обыкновенно около вешнего Николы, т. е. двумя неделями позже. В очень холодную весну игра щуки, да и некоторых других рыб, вообще запаздывает на целую неделю, и в холодный апрель в уральских бассейнах первая мечет икру даже в середине мая. Это, впрочем, весьма понятно и зависит от известных причин, но в низовьях Волги нерест щуки представляет весьма любопытное и пока совершенно необъясненное явление: известно положительно, что здесь она мечет икру почти после всех рыб, между тем как в верховьях и среднем течении она, как и у нас, нерестится очень рано, прежде чем реки, а тем более озера, совершенно очистятся от льда. Объяснение этого странного исключения из общего правила надо, конечно, искать в каких-нибудь особенных условиях нижнего течения Волги.

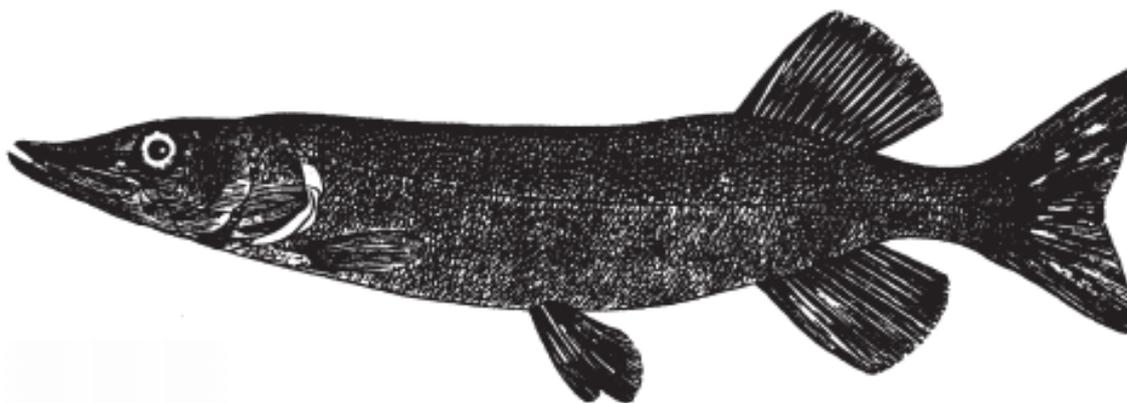

Рис. 4. Щука

В противоположность большинству рыб щука играет не рунами, а весьма небольшими артелями – штуки по три-четыре, в числе коих находится обыкновенно одна самка, так что молошников гораздо более икряников. Вследствие этого, очевидно, большая часть выметанной икры оплодотворяется, чего далеко нельзя сказать о другой рыбе, у которой, частью по недостатку самцов, частью по неправильному распределению их между самками, даже вследствие самой тесноты и безалаберной давки много икры и молоко вытекает и пропадает совершенно понапрасну. При огромном количестве щучьей икры не было бы никакого сомнения в необычайном размножении этого хищника, в конечном истреблении всех других видов рыбы, за исключением окуня и хорошо себя отстаивающего ерша, если бы большая часть икры, выметанной щукой, не оставалась на высыхающих разливах и болотах, множество самой рыбы не пропадало таким же образом и если бы громадная масса щуки, необыкновенно смирной во время нереста, в чем ей уступает тогда даже язь, не делалась добычей человека и хищных птиц, например скопы, коршуна, белохвостика. Впрочем, двум первым достаются только небольшие щуки и шурята; большие, полупудовые, даже меньшие щуки уже в состоянии утащить своего неожиданного всадника в глубину, и последний – всегда

смелая и цепкая скопа – платится жизнью за свою дерзость. Только белохвостики, далеко, впрочем, уступающие в ловкости скопе, пожалуй и коршуну, могут справиться с такими большими рыбами, которые в другое время очень редко делаются его добычей.

Щука мечет икру обыкновенно по третьему году, когда уже бывает здесь более полуаршина. Прежде всех играет не самая крупная, как у всех других озерных рыб, а самая мелкая, потом средняя и, наконец, самая большая, иногда даже с небольшими промежутками, отчего нерест продолжается чрезвычайно долго, дольше, чем у всех других рыб, – нередко недели две, что, конечно, тоже способствует ее более успешному лову. Много щук ловится еще перед игрой мережами, когда они только лезут в камыши и плавают у закраин. Самый нерест имеет, однако, место не здесь, а на самых мелких местах, в осоке, заливаемой водой озера, или реке; вследствие этого часто случается, что они заходят на далекое расстояние от русла реки или летнего ложа озера и нерестятся не только в пересыхающих болотах, но и на твердых, обыкновенных сухих берегах. В это время часто приходится наблюдать щук на такой незначительной глубине, что спина их высовывается из воды. Потом после внезапной убыли воды, особенно на разливах рек, им предстоит много отчаянных прыжков, и хорошо, если удастся перевалиться или перепрыгнуть с разбега в текучую воду или хотя глубокую яму и «шурф»²⁶. Без сомнения, множество этой рыбы остается на мели и рано или поздно делается добычей птиц и человека.

Наступает самая горячая пора для приозерного башкирского населения, где чуть ли не каждый вместе с тем и рыболов. Дело в том, что ельцы играют исключительно в уральских речках и ловятся, и то украдкой, заводчанами, а запрещение весеннего лова по смыслу заключаемого условия – хотя и здесь дело не обходится без некоторых притеснений со стороны арендаторов, – не касается самих вотчинников, главная масса селений коих расположена по берегам степных озер. Кроме того, щука водится не только во всех проточных, но даже и в так называемых карасьих озерах; при обширном распространении вместе с тем по своему количеству, величине и продолжительности нереста, который, заканчиваясь в одних озерах, начинается в других и длится иногда чуть не целый месяц, она представляет более верную и более ценную добычу, а также гораздо большее значение для жителей. Трудно хотя бы примерно вычислить все огромное количество этой рыбы, добываемое во время игры; ценность ее с наступлением теплой погоды, обуславливающей только местный сбыт, уменьшается вдвое-вчетверо; почти все население в это время, можно сказать, питается одной щукой, а потом *во всю страду* употребляет ее в соленом виде, но за всем тем численность ее уменьшается весьма незаметно, и прирост здесь более, чем у каких-либо других видов, вознаграждает ежегодную убыль. Впрочем, это объясняется отчасти и тем, что неводная ловля вряд ли доставляет большее количество щуки, нежели весенняя, и вообще относительно незначительна, что зависит от исключительности ее местопребывания и неудобства зимнего лова. Несомненно, по весу весенней добычи первое место между всеми другими рыбами принадлежит щуке.

Ловля ее весьма разнообразна и во многих случаях довольно оригинальна. Прежде всего, как только образуются небольшие закраины и вода начнет поглощать воздух, она подходит к камышам и всего охотнее плавает у самого края льда, что объясняется тем, что вода содержит тут наиболее воздуха, пузырьки коего освобождаются при таянии. Явление это свойственно, впрочем, всякой рыбе, а у щук выражено только несколько яснее. В это время, предвещающее скорое наступление нареста, обыкновенно ловят их мережами, и чем чаще запутавшаяся щука выпускает, бившись, икру, тем ближе эта с нетерпением ожидаемая пора. Проходит неделя, щуки начинают ходить уже целыми артелями: обыкновенно два-три самца, отличающиеся своею прогонистостью, преследуют одну толстую, как обрубок,

²⁶ Т. е. шурф – яма, выкопанная золотопромышленниками.

самку; еще день-два – щуки окончательно теряют свою обычную осторожность, подходят к самому берегу озера, вступают в поднятые водой прибрежные болота и разливы рек; артели их уже представляются одною слившеюся массою: медленно и плавно самка то опускается на дно, то поднимается кверху, и темные спины увивающихся самцов иногда совсем высовываются из воды. Начинается самая главная, самая добычливая ловля. Башкирцы, а тайком и русские, ловят их сильями, колят острогой, бьют из ружья, огромное количество щук входит в тесный лабиринт *котцов*. С неподражаемою ловкостью, по колена в студеной воде подкрадывается башкирец к замеченной группе, не слышащей и не видящей его приближения, проворно накидывает на нее силок и вонзает острогу и, быстро затянув петлю или прижав ко дну свой семизубец, вытаскивает добычу – иногда целиком всю артель – на берег. Таким образом каждый рыбак ловит целые пуды, иногда даже десятки пудов щуки, но уже 15–20-фунтовый *суртан* доставляет много хлопот башкирцу, вообще не отличающемуся физической силой, и часто обрывает волосяной силок или выдергивает из рук острогу; поэтому добывается таким образом исключительно мелкая и средняя рыба. Гораздо удобнее стрелять крупных щук, и я сам был свидетелем, как башкирец убил из винтовки почти полторапудовую щуку. Стрельба тоже весьма добычлива, но и здесь требуется некоторый, даже большой, навык, особенно когда приходится стрелять в щук, стоящих на некоторой глубине. Большею частью ловят и бьют их по утрам или перед закатом солнца: в полдень щук как-то меньше видно, и они, вероятно, отдыхают; игра продолжается, однако, всю ночь.

Щука не любит заезков, т. е. плетней, или ряда кольев с промежутками для морд, и обыкновенно старается обойти их около берега или же перепрыгнуть через эту преграду, если она не возвышается над уровнем более аршина. Поэтому ловля в морды незначительна, а гораздо более попадает щук в котцы, которые специально назначены для них и карасей. Устройство котцов, почти не известных в Средней России и чаще употребляемых в северных губерниях, очень просто, но вместе с тем и весьма своеобразно. Это не что иное, как ряд воткнутых сосновых палочек или драночек, расположенных в виде четырехугольного лабиринта на расстоянии дюйма одна от другой и наверху переплетенных для крепости мочалой или бечевой; ряд этот начинается от черты самого дальнего стояния воды и сначала идет на большее или меньшее пространство перпендикулярно к берегу, а потом начинает делать завороты, расстояние между которыми должно быть не шире четверти, чтобы рыба не могла повернуться и уйти обратно. Чем более этих заворотов, тем менее вероятности, что рыба уйдет из этой оригинальной снасти. Щука, да и всякая другая рыба, трущаяся у самых берегов, встречая эту преграду, поворачивает в сторону, а войдя в узкий лабиринт, уже не в состоянии выйти из него и вытаскивается сачком или просто руками.

Количество зеленоватой икры щуки значительно, хотя в этом отношении она и уступает окуню, карасю и многим другим рыбам: известный ихтиолог Блох насчитал в шести-фунтовой щуке более 136 000 икринок; могу прибавить, со своей стороны, что средним числом вес икры приблизительно равняется третьей части всего веса щуки, а у крупной это отношение еще более. Такое обилие икры составляет причину ее обширного употребления простым народом, который солит ее в большом количестве. Эта соленая щучья икра продается, однако, весьма дорого – около 15, даже до 30 к. с. за фунт.

В последних числах апреля или позднее, смотря по местности и состоянию погоды, когда щука уже отыграется и лов ее уменьшается в значительной степени, начинается нерест язя, а затем чебака, между которыми существует такое же отношение, как между ельцом и щукой. За исключением заросших и полузаросших, где живет только один карась, почти нет озер, где бы не было чебака, который вообще по своему количеству и количеству особей по преимуществу не имеет себе соперников, между тем язь живет только в проточных и, следовательно, исключительно горных и приуральских озерах и, подобно ельцу, весь, целыми массами идет играть в реки и речки.

Еще в середине апреля выходит он из глубины на более мелкие места озера и уже не выказывает своей обычной осторожности и юркости. Давно отъело лед от берегов, снеговая вода разрыхлила его, несмотря на подкладываемые доски, трещит и обламывается он под ногами лошадей и людей, а весновка, имеющая главную целию лов этой сторожкой и ценной рыбы, добыча которой во всякое другое время ничтожна, все еще продолжается. Весновкою и заканчивается собственно неводная зимняя ловля; в весьма редких случаях, при особенно дружной весне, и то большею частию в степных проточных озерах, эта опасная весенняя ловля не имеет уже места – невод забрасывается и вытягивается при помощи больших лодок, называемых здесь баркасами. Но для этого необходимы или очень большие закраины, или сильный ветер, который бы угнал всю массу льда в какую-нибудь одну сторону озера.

Как только речки войдут в берега, обыкновенно после Егорья, язь идет густыми стаями в устья и подымается все далее и далее против течения, пока не найдет удобных мест для метания икры, вслед за чем уцелевшие остатки его возвращаются обратно в озеро. Особенно замечательна в этом отношении речка Булдымка, куда входит для нереста почти весь язь соединенных между собою Каслинских озер. Из Сунгула, Киретов, Каслей вступает он в Вязовку, но, так как там нет удобных мест для нереста, поворачивает отсюда в каменистую и быстро текущую Булдымку и, несмотря на ряды заезков, или, иначе, заязков, преграждающих ему путь и, вероятно, получивших от него свое название, доходит иногда до Булдыма – небольшого горного озерка, которое дает начало этой речке. И теперь еще украдкой ловят здесь язей в большом количестве, но прежде, когда присмотр был далеко не так строг, да и не мог быть таковым, и сама речка с озерком еще не отдавалась в аренду, воскресенские и каслинские заводские крестьяне буквально нагружали ими целые воза.

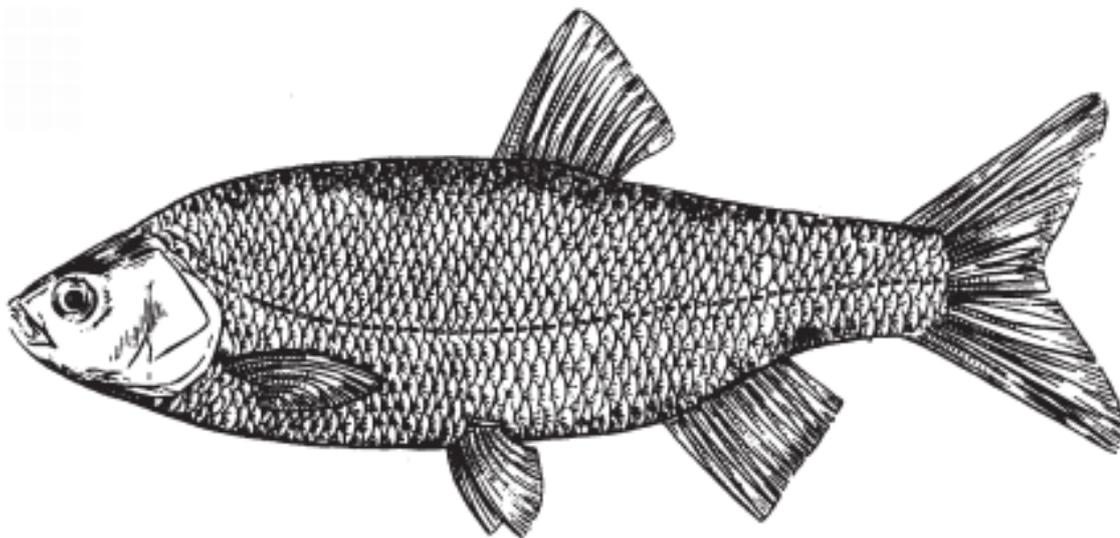

Рис. 5. Язь

А язь вообще представляет для рыбака, как он выражается сам, лестную добычу, и в самом деле есть на что и польститься. Играет только крупная рыба, не менее фунта, т. е. на 3-м году своей жизни; подъязки – годовалые и двухгодовалые язи – не участвуют вовсе в этом стремлении взрослых в реки и, очевидно, остаются на глубине; несомненно только, что во время игры не ловится ни единого подъязка, и средним числом каждый пуд заключает в себе от 15 до 20 штук. Сначала, впрочем, играет самый крупный – пяти- и даже десяти-фунтовый и больший, но последние замечаются уже довольно редко; вообще крупный язь идет в реки почти всегда смешанными рунами, между тем как стаи более молодых и, следовательно, более многочисленных рыб заключают в себе только один ровняк: каждая стая состоит, например, только из одних трех-, четырех- или пятигодовалых язей. Такие стаи,

особенно трехгодовалых, бывают иногда весьма многочисленны, особенно когда только что вошли в устье реки и не успели подвергнуться истреблению. Судя по всему, они заключают в себе до пятидесяти и более пудов, и, следовательно, до 2000 штук. Количество это, хотя далеко уступает количеству играющего чебака и окуня, тем не менее очень велико; притом язиное руно имеет за собой еще то важное преимущество, что состоит только из крупной рыбы.

Игра язя продолжается весьма недолго, всего ночи две, много три, так как он, подобно чебаку, нерестится по ночам. Во время нереста, как было сказано, язь теряет свойственную ему чуткость и осторожность; в самый разгар игры он еще смиреннее щуки и часто случается наезжать на него лодкой. Однако и тогда он боится сильного шума не менее другой рыбы; бывает, что в этом случае он поворачивает назад и уходит несколько вниз или же перепрыгивает через заезки и вполне выказывает всю свою прежнюю бойкость и силу. Прыжки его действительно изумительны, и в этом отношении щука не может с ним соперничать; иногда с разбега катает он через плетень, торчащий на полтора аршина от поверхности воды, и стоит перепрыгнуть одному, как за ним следует вся стая без исключения; мы уже упоминали о том, что она почти всегда состоит из рыб одинакового возраста и, следовательно, силы. Но если только передовой язь попадает в морду, последняя набивается битком, по самое горло.

Ловля в морды, однако, далеко не так добычлива, как ловля мережами и так называемыми фитилями. Заметив место, где собралась стая язей, а это весьма нетрудно, так как они играют на мелких каменистых быстринах и трутся всегда у самых камней, на которые выпускают свою икру, заходят пониже их и с шумом заганивают в расставленную повыше мережу или целый ряд их. Случается, что таким образом запутывается в сеть зараз до десяти пудов крупной рыбы, разумеется если только передний ряд ячей не окажется чрезмерно частым и мережа, как говорится, потрафит на руно.

Еще чаще для ловли язей употребляют т. н. *фитили*, которые имеют то преимущество перед мордами и необходимыми при них заезками, что удобопереносимее и не требует никаких приготовлений, что весьма важно для тайком ловящих рыбаков. Фитиль этот, называемый в Оренбургской губ. *вятелью*, – не что иное, как среднерусская *крылена*; он состоит из редкой сетки, сшиваемой бочкой, которая делается длиной и шириной в аршин или более и натягивается на три обруча; к обоим концам эта бочка постепенно суживается в виде конуса, оконечности которого должны быть не шире одной четверти; один конец фитиля втягивается внутрь бочки, привязывается там четырьмя нитками за последний обруч и составляет т. н. *горло*; другой же конец, называемый *кутец*, завязывается бечевкой. К переднему обручу привязываются две веревки для укрепления фитиля на месте. Обыкновенно фитили бывают снабжены наперед двумя крыльями, состоящими из редкой, т. н. трехпалечной, сетки, в полтора аршина вышины и двух-четырех длины; каждое крыло надевается на бечевку и растягивается с помощью трех палочек. При постановке кутец привязывают к колу и, натянув фитиль, разводят крылья (длина которых вообще соразмеряется с шириной речки) и притыкают к самому берегу, но не перпендикулярно к нему, а под некоторым углом; чем меньше угол образуют оба крыла, тем охотнее идет рыба в эту крылену. Иногда делаются и двугорлые фитили; они отличаются от обыкновенных, или, как называют их, одинарных, тем, что к заднему обручу привязывается другая бочка с двумя обручами и кутцом, а кутец первого обращается в горло.

Фитили сами по себе употребляются довольно редко, так как они все-таки вмещают не очень большое количество рыбы – не более 3-х пудов и большинство язино руна поворачивает назад. Вследствие этого реку пониже замеченной стаи перегораживают т. н. *мотней*, т. е. большим мешком, ячеи которого в противность настоящей неводной мотне делаются, во избежание излишней тягости, тоже как можно реже, почему она может быть употреблена только для самой крупной рыбы других видов. Загородив таким образом все стадо, что

все-таки делается как можно осторожнее, начинают *ботать*, т. е. ударять по воде палкой с железной воронкой, которая производит чрезвычайно сильное и далеко слышное бульканье. Напуганный язь стремглав бросается вперед и, встретив на своем пути фитиль, набивается в него, а главная масса его поворачивает обратно и захватывается мотней. Нередко случается, что в последнюю попадает до шестнадцати и даже двадцати пудов рыбы; но, конечно, половина, даже большая часть яззей успевает перескочить через крылья фитиля и верхнюю тетиву мотни, хотя вообще, надо заметить, они в это время не так опасаются сетей, как заезков, которых очень недолюбливают.

Таким образом, ловится язь исключительно в Булдымке, реже в Иткульском истоке, куда он идет из Синарского озера, в Карабайке и других речках. Отыграв, он уходит вглубь, где держится недели две, после чего в течение трех ночей выходит на песчаные мели озера. В следующей главе мы увидим, как ловят их в таких местах и на глубине.

IV

Наступает май. Степные озера почти совершенно очистились от ледяного покрова, и лишь немногие рыхлые и тонкие льдинки громоздятся на подветренном берегу, быстро тая под яркими лучами весеннего солнца; всюду – в лесу, на лугах, полянах – желтеет *прострельник*; начинает разворачиваться березовая почка. На островах и прибрежных болотах целыми сотнями дерутся недавно прилетевшие турухтаны – «петушки», и крестьянские ребятишки усердно ловят их сильями на утопанных токовищах. Кончается валовый прилет, пролетная птица, видимо, убавляется, а местовая разлетается; широконоски, шилохвосты – «острохвосты», чирки – все перелетели в болота и сидят на гнездах; еще гораздо ранее покидают озеро гуси и кряковые утки. Но взамен их постепенно являются новые обитатели озера: в камышах всюду раздается однообразная трескотня камышовок, на середине длинными вереницами плавают черные как уголь красноклювые *турпаны* (*Oidemia fusca*) и безумолчно галдят, собравшись в беспорядочную кучу, пестрые *кавыки* (*Harelda glacialis*), скоро улетающие далее на север; на лавдах, беспрестанно посвистывая, перекликаются многочисленные водяные курочки. Настоящая озерная птица вся на местах. Чайки, лысухи, гагары и красноголовые нырки (*Fuligula ferina*) уже сидят на яйцах или несутся; крачки и мелкие рыболовы (*Larus minutus*) строят свои, тоже незатейливые гнезда на таких же кочках, камышовых помостах, лавдах и болотистых островах. Поздним вечером всюду, особенно в Урале, мелькают над водой летучие мыши и то, порхая, подобно бабочкам, трепещутся над гладкой поверхностью озера, то с едва слышным писком и цмоканьем быстро гоняются друг за другом на высоте деревьев, едва различимые от темной синевы безоблачного неба.

Рис. 6

В первых числах месяца начинается игра главной, самой многочисленной рыбы Зауральских озер – чебака. Вскоре вслед за ним почти одновременно нерестятся окунь и ерш, и, наконец, после некоторого большего или меньшего промежутка, когда потеплеет вода, зазеленеют молодые побеги камыша, быстро начнет развиваться растительность озера и подымутся на прудах утонувшие лавды, играют карась, линь, и вместе с окончанием нереста – этого главного и наиболее заметного явления в жизни рыб – наступает знойное континентальное лето.

Подводный мир всего менее доступен наблюдению, и этим, принимая также в соображение значительные осложнения в жизни речных обитателей, объясняется сравнительно небольшое количество биологических наблюдений относительно рыб, без сомнения самых главных и наиболее важных в эконии природы жителей этого малоизвестного мира. В таких незначительных, очень часто вполне замкнутых бассейнах, каковыми являются, между прочим, и Зауральские *озера*, мы не встречаем уже подобных затруднений: периодические явления и самый образ жизни рыб упрощаются и не представляют подобной сбивчивости; главную массу составляет здесь не пришлая, иногда за сотни, чуть не тысячи верст, а коренная рыба; более равномерный и дружный нерест скорее замечается, легче наблюдается и в связи с одинаковым изобилием пищи делает возможным наблюдения над природом, столь неравномерным и подверженным таким бесчисленным случайностям в текущих водах, а в темные осенние ночи «луч», ярко освещая просветлевшую глубину озера, раскрывает нам многие тайны этого прозрачного чертога, недоступные на реках. Одним словом, все явления жизни рыбы, все привычки ее изучаются здесь с гораздо большею легкостью, и этим объясняется тот знаменательный факт, что большая часть отрывочных наблюдений в области ихтиологии относится к обитателям незначительных и замкнутых бассейнов.

Эта неполнота сведений, с другой стороны, легкость наблюдений заставила нас обратить особенное внимание на многочисленные и сами по себе крайне замечательные озера Зауралья – проследить, насколько возможно, жизнь рыб и все частию там собранные и тщательно проверенные факты, частию собственные наблюдения, иногда совершенно новые и неизвестные, избегая мелких, скучных, хотя и нелишних подробностей, передать в той наи-

более удобной для чтения форме, в какой предлагается написанная статья. Насколько выполнена наша задача представить возможно полную картину жизни рыб, а также некоторых других второстепенных озерных обитателей, имеющих какое-либо отношение к озеру и его главным жителям, предоставляем судить самим читателям. Итак, к делу.

Вскоре вслед за язем, с промежутком не более недели, в самых последних числах апреля, чаще в начале мая, но иногда – смотря по состоянию погоды и именно в горных озерах – в середине этого месяца, играет *чебак*, самая многочисленная рыба Зауральских озер, которая не встречается только в мелких тинистых и полужаросших озерах, где заменяется карасем и озерным гольяном. Вообще чебак особенно многочислен в глубоких светлых бассейнах с песчаным или хрящеватым дном и здесь нередко составляет едва ли не 9/10 всего количества рыбы. Так, например, в знакомом нам Иткуле, в Тышках и некоторых других он является единственным и притом самым неприхотливым обитателем. Как настоящая озерная рыба, чебак даже во время нереста не покидает озера и не идет в реки, подобно язю и ельцу, а в большинстве случаев или подходит к песчаным, довольно глубоким берегам озера, поросшим камышом, а не то заваленным хламом, или собирается несметными стаями к каменистым обрывам островов, как уже было упомянуто относительно Белого камня на Иткуле. Здесь мечет он свою мелкую зеленоватую икру, в которой терпеливый немец-ихтиолог Блох насчитал до 84 000 яиц, и крепко прилепляется она к камням, подводным растениям, корягам, деревьям, упавшим в воду, и т. п. Вообще у большей части рыб оплодотворенные икринки необыкновенно сильно приклеиваются ко всяким предметам, и, очень может быть, избыток молок – собственно семенной жидкости – и идет на это прилипание.

Еще около Егорья без того многочисленные стаи чебаков, которые более всех других озерных рыб ведут общественную жизнь во всякое время года, выходят из глубоких ям, собираются все большими и большими массами; со всех сторон стекаются они каждую весну в *известные* местности, не меняя их в продолжение многих лет; все гуще и плотнее становятся бесчисленные стаи плотвы, заключающие уже по несколько десятков, даже сотен тысяч неделимых. В утренней или вечерней тишине далеко слышен плеск играющего чебака и видно волнение от множества прыгающих и вертящихся рыб; одни разом, точно по сигналу, взвиваются в воздух и шлепаются об воду, другие плавают вверх брюхом или боком, описывая крутые зигзаги или небольшие круги. По мнению рыбаков, выпрыгивают и вообще плавают на поверхности б. ч. молошники, которые легко отличаются по небольшим белым бугоркам, особенно заметным на голове, спине и внутренней стороне плавников, и, по-видимому, принуждаются к тому самками, гораздо более многочисленными. Последние неумолимо преследуют молошников и в таком количестве собираются под ним, что выпирают их наружу, и самцы волею-неволею оплодотворяют вытекающую икру.

Так обыкновенно бывает на более мелких травянистых местах озера – именно в камышах; но у глубоких берегов, где стая трудно собирается около хлама, валежника и упавших деревьев, самая давка рыбы способствует ускорению нереста, хотя и тут, очень может быть, молошники занимают более второстепенную, вернее – более пассивную роль; с некоторою вероятностью можно предположить, что самки окружают и теснят их со всех сторон.

Вообще, надо полагать, вытекание икры и *в особенности* молок совершается у чебака с большими затруднениями, чем у других озерных рыб: ни у одних не встречаем мы такой давки и такого стремления забиться в какое-нибудь тесное и узкое место. Во время игры чебак часто попадает в морды, которые просто кинуты у берега, без всяких заезков; они сами по себе служат тогда приманкою для него, еще более самые заезки, особенно сосновые. У вершины сосны, сломанной бурей и упавшей в воду, в известное время наверняка можно встретить многочисленные стаи чебака, который любит тереться об жесткую хвою, забивается в нее и тут же массами прилепляет свою икру.

На этом факте, давно замеченном наблюдательными озерными рыбаками, основана весьма оригинальная и вместе самая главная ловля чебака, так как он не уходит здесь в реки и мечет икру в озере, где уже неудобно устраивать заезки, подобные тем, которые употребляются при ловле ельцов, язей и отчасти щук. С этой целью в известных местностях озера, заведомо ежегодно привлекающих массы играющей плотвы, неподалеку от берега наваливают заранее груды сосновых вершин, устраивают из них целый помост, надавливают последний камнями и, уравнив, ставят поверх его кольцом различное количество – иногда до двадцати – морд таким образом, что концы их почти соприкасаются, а широкие устья обращены наружу. Раз попав на такое место, вся стая держится тут в продолжение всего нереста, набивается битком во все морды по пуду и более в каждую, улепляет икрой все хвои помоста, все прутья снаряда; чем больше попало рыбы, чем более икринок приклеилось к морде, тем более лезет она туда. Следующая стая выбирает, в свою очередь, такую «счастливую» морду; снова набиваются туда чебаки, снова выпускают в ней и на нее иногда даже совершенно невольно – вынужденные к тому давкой, стоящей многим жизни, – свою икру и молоки. Таким образом, как самая морда, так более сосновый помост являются, с одной стороны, местом прикрепления икры, с другой – дают первоначальный кров и убежище молодой рыбешке, а впоследствии косвенным образом привлекают мелкие организмы – пищу этой молодежи. Такая ловля, очевидно, приносит не вред, а, напротив, большую пользу, чего нельзя сказать о ловле мережами, особенно до начала нереста, когда еще не совсем зрелые половые продукты бьющейся рыбы погибают совершенно понапрасну. Впрочем, мережи, а также котцы, играют второстепенную роль при весенней ловле этой рыбы: наибольшее количество ее бесспорно добывается мордами.

Чебак играет весьма недолгое время – каждая стая или, вернее, каждый возраст редко более одной ночи; вообще же нерест всей коренной рыбы, не принимая в расчет немногочисленной пришлой, оканчивается обыкновенно в трое суток. Раньше всех мечет икру самый мелкий чебак, который в некоторых кормных озерах уже на 2-м году делается способным к размножению, позже всех – самый крупный.

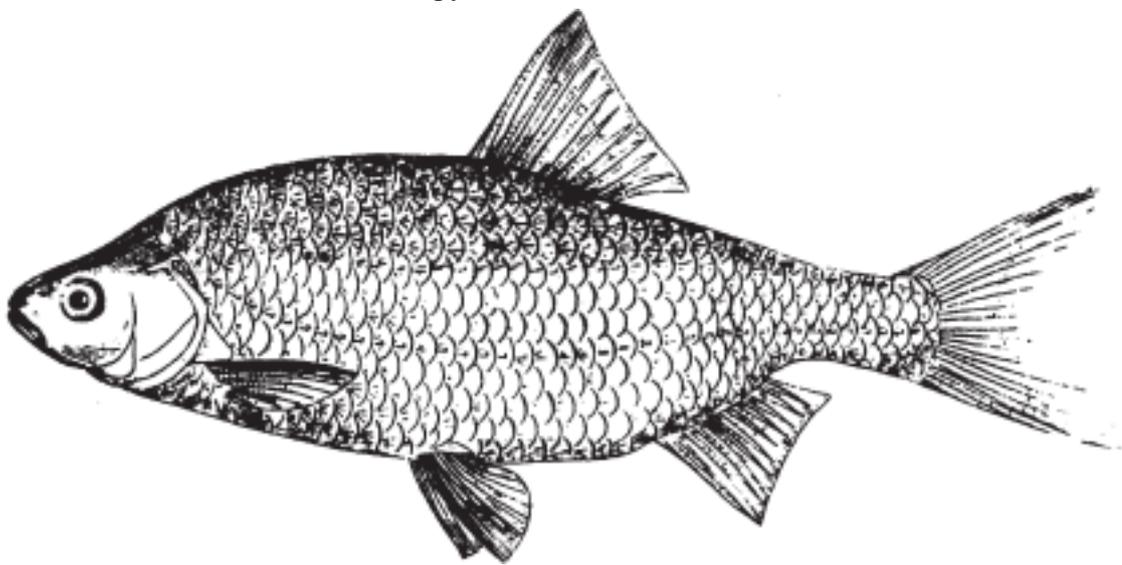

Рис. 7. Чебак

Отыграв, весь чебак, подобно язю и вообще другим рыбам, уходит в омуты и глубокие озера, где лежит спокойно на дне и больше не ловится до конца мая, иногда начала июня, до тех пор, покуда не зацветет «шипишник». К этому времени он выходит ненадолго на мелкие места озера, в курьи, уже густо заросшие водяными растениями, разбивается на незна-

чительные стаи и начинает жадно клевать на червяка. Этот кратковременный отдых после нереста и затем сильный клев свойственны почти всем рыбам.

Вскоре после окончания нереста плотвы, иногда почти одновременно с последней, играет *окунь*, который по своему количеству бесспорно занимает после нее второе место.

Игра окуня, в сущности, немного отличается от нереста чебака. Почти такими же стаями идет он в заливы озера, очень часто мечет икру в тихих протоках, реже в реках, быстрое течение которых не доставляет ему достаточно удобных мест: окунь любит травянистые, довольно мелкие курьи, заросшие кувшинками, горошницами (*Potamogeton*); количество самцов здесь тоже, даже в большей степени, уступает количеству самок; окуни также любят тереться около сосенок, главный лов их производится тоже мордами, но последние расставляются исключительно в протоках, побочных руслах, старичках, в узких местах залива и нередко требуют устройства более или менее широких заезков, которые делаются обыкновенно из сосновых ветвей. В степных башкирских озерах сосна заменяется березняком, даже тальником.

К этому времени сами по себе «баские» окуни, особенно самцы, делаются еще красивее: цвета их становятся ярче, резче выделяются черные полосы, плавники краснеют еще более. Но это относится далеко не ко всем: главная масса мелких окуней не принимает участия в нересте; годовалая – самая многочисленная – рыба, наверное, не имеет еще половых продуктов и, кажется, даже остается на тех же местах, где и зимой; только двухгодовалый «алабага» делается способным к размножению и заключает в себе икру или молоки. Длинными, иногда двухаршинными, лентами – «мотушками»²⁷ шириною в черенок ножа вытекает икра, прикрепляется к подводным растениям или свободно плавает на поверхности, скоро делаясь добычею бесчисленной водяной птицы, которая всегда указывает рыбаку место нереста. Ловко подхватывая на лету выпрыгивающую рыбу, с пронзительным криком сигают взад и вперед рыболовы и крачки, собравшиеся сюда тучами; всюду ныряют десятки нырцов (*Podiceps*), больших гагар, крохалей, турпанов и прочих уток-рыбалок; у самого берега охотятся прожорливые «карги» – вороны; в высоте плавно кружатся черные коршуны; на высоком прибрежном сухаре сидит зоркая скопа и вдруг быстрее молнии окунывается в волны обыкновенно тихой курьи, которая теперь кипит от множества собравшейся рыбы. Десятки, сотни окуней, то желая избавиться от отягощающей их икры и молок, которые сдавили им внутренности, то выпираемые наружу нижними рядами, разом поднимаются на воздух, плещутся и кружатся на поверхности! Нерест в полном разгаре, но ненадолго: стая с каждым часом уменьшается, через сутки он заканчивается, и вся рыба, уцелевшая от преследования птиц и человека, окончательно расходится в разные стороны. Только бесчисленные икряные клубки, белеющие в заливе и скоро достающиеся в пищу уткам и чайкам, ненадолго свидетельствуют о недавнем присутствии множества рыбы.

²⁷ Она никогда не бывает менее полуаршина.

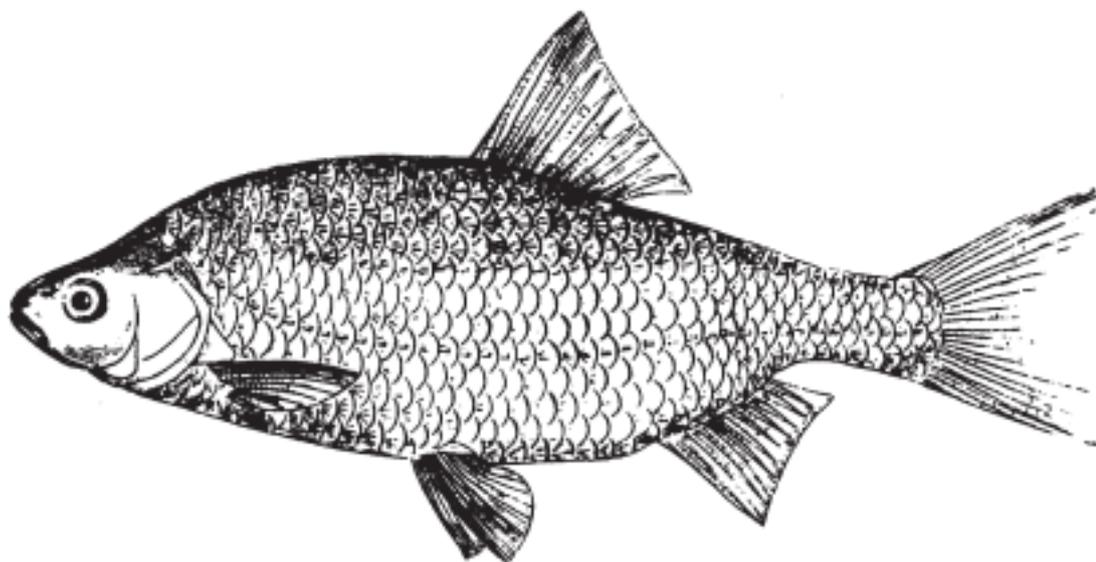

Рис. 8. Окунь

Окунь нерестится исключительно рано утром, иногда незадолго до солнечного заката; в полдневный жар и вечером игра значительно ослабевает, стоя на время редееет, а на ночь волнующаяся рыба и совсем успокаивается. Каждое руно большею частью оканчивает нерест в два-три приема, т. е. в утро и вечер или в 2 утра и вечер, но игра окуня всех возрастов продолжается весьма значительное время – около недели, и нерест заканчивают самые крупные окуни.

Эта продолжительность игры, равно как и присутствие мелких годовалых окуней, <является> причиною того, что отдых этой рыбы менее приметен, чем у других видов. Во всяком случае, он должен быть не очень продолжителен, так как в конце мая, даже в двадцатых числах, окуни уже собираются на места, где играл чебак, и во множестве поедают как самую икру, так и только что выклюнувшуюся молодь последнего. Впрочем, окунь, подобно всем рыбам, не дает спуска и своей собственной икре, но последняя в гораздо большем числе истребляется водяными птицами.

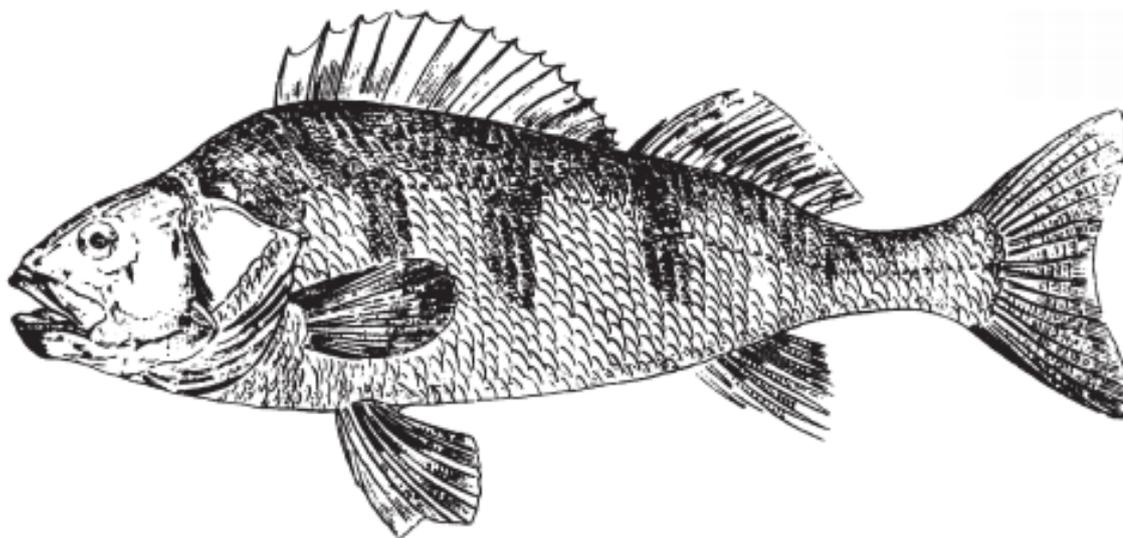

Рис. 9. Ерш

Самый главный истребитель икры всех рыб, и чебаковой в особенности, – *ерш* – начинает метать икру почти всегда в одно время с окунем, а оканчивает нерест иногда даже

ранее последнего. Хорошо еще, что он живет только в проточных озерах; без этого условия и без вмешательства человека, который вследствие большого запроса сильно преследует эту колючую, но очень вкусную рыбу, ерш, метко названный малороссами *хозяином*, вдобавок еще страшный обжора, наверное, уничтожил бы весь приплод прочей рыбы, оставаясь в полной безопасности от хищной щуки, тем более окуня, икра которого тоже, несмотря на одновременный нерест, в свою очередь, успевает сделаться его добычей. Вообще ерш нерестится около середины мая, и только в немногих горных и глубоких озерах – в Иткуле и Ташкуле по преимуществу – игра его затягивается иногда до первых чисел июня; но это уже исключение.

Собственно, самый нерест ерша известен нам менее нереста других рыб. Это зависит от того, что он играет еще на большей глубине, чем чебак, никогда в траве и береговых камышах, весьма редко в реках, а большею частью на самой середине озера, в глубоких ямах, дно которых усеяно камнями, хрящем или по крайней мере крупным песком, куда и прилепляет он свои желтоватые яйца.

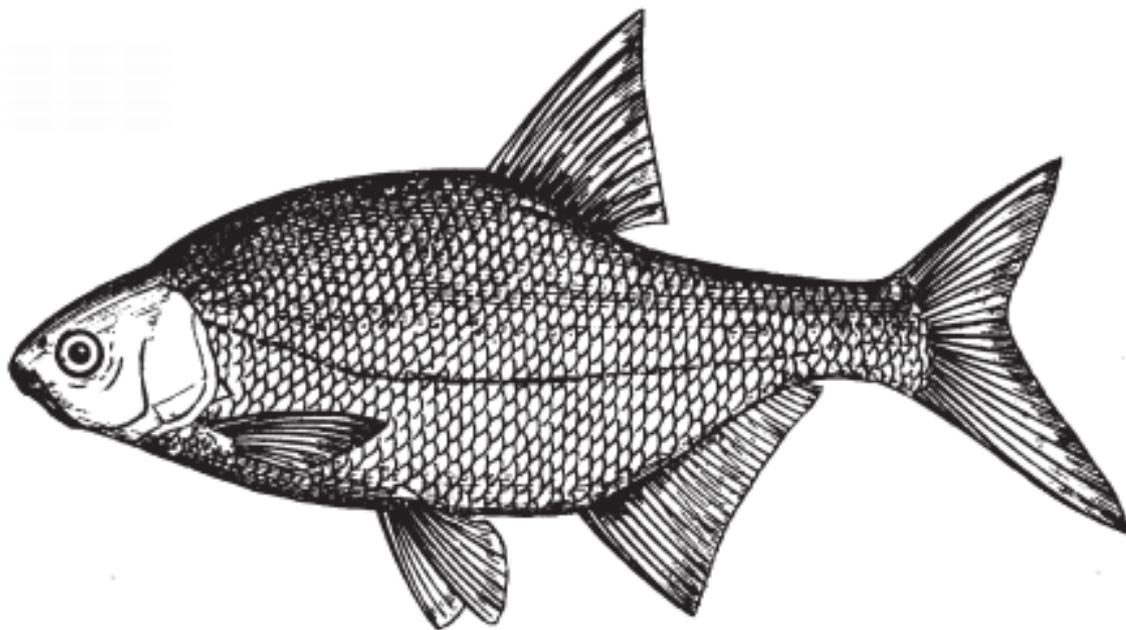

Рис. 10. Лещ

Этим же объясняется незначительность его весеннего улова, который притом подвержен многим случайностям, тем более что ерш играет всего одну, много две ночи. Вообще он ведет вполне ночной образ жизни, что доказывается его большими глазами навывкате, и вот почему наблюдения над его нравами затруднительнее, чем у какого-либо другого вида, за исключением разве одного налима.

Еще менее известен нам нерест другого, но уже некоренного обитателя здешних вод – *леща*, который, собственно говоря, вовсе не встречается в реках восточного склона Урала. Только недавно, лет десять назад, был сделан опыт пересадки его в некоторые проточные, а именно Каслинские озера (из р. Уфы) в Верх-Исетский и Екатеринбургский пруд (из Чусовой), и потому он до сих пор принадлежит к числу самых малочисленных видов рыб. Всего чаще встречается лещ в Силаче, реже в Иткуле, Иртыше и Больших Каслях; в первом он иногда достигает 5-ти и даже более фунтов, но и здесь большею частью ловится зимой (неводом) и очень редко попадает весной (в мережи). Судя по тому, что в Уфалейском пруде (по сю сторону Урала) эта рыба играет около Николина дня (9-го мая), надо полагать, что она, вероятно, нерестится здесь в одно время с чебаком и, так же как и в том пруде, только весной заходит из озера в реки, и то очень недалеко от устьев.

Относительно нереста пескаря и голяна, которые принадлежат, собственно, к речным рыбам и почти не заходят в озера, можно сказать тоже очень немного. Являясь чисто речной, даже исключительно ручьевой рыбой, голян по своей незначительной величине не обращает почти никакого внимания рыбаков, чего нельзя сказать о родственном ему и более крупном озерном голяне, который живет в большом количестве в тинистых и иловатых карасьих озерах. Притом последний играет почти в середине лета, позже всех рыб, когда рыба вообще ловится очень плохо; нерест же речного голяна совпадает с игрой многих других, более ценных видов: он играет в первой половине и около середины мая, обыкновенно около царя Константина (11-го мая). В это время во всех речках и ручьях большие стаи голянов собираются на мелких каменистых быстринах; здесь выпускают они свою очень мелкую икру, блестя радужными цветами, которые скоро бледнеют и вовсе исчезают. Всего ярче окрашены самцы, отличающиеся красноватым пятном под горлом²⁸, и недаром эту рыбку в других местностях России зовут синькой, скоморохом и красавкой.

Несколько большее, но тоже весьма малое значение для весеннего лова имеет нерест пескаря, или, как зовут его здесь, пескозоба. Последний с первых чисел мая показывается во множестве во всех речках, куда он приходит из озер, где до того времени скрывался в глубокой няше. По крайней мере начиная с сентября он исчезает из всех проточных озер и даже случайно не попадает в мотню невода²⁹. В речках, но не на мелких быстринах, а большей частью в тихих заливчиках, выпускает он свою очень мелкую голубоватую икру, которая прикрепляется к камням, корягам, колодам или плавает на поверхности. Весьма замечательно, что у пескарей количество самок в пять, даже шесть раз превышает количество молошников, отличающихся беловатой сыпью на спине и голове, что мы видели и у самцов прочих рыб, и что пескари мечут икру в несколько приемов, с большими промежутками. Главный нерест бывает, однако, в середине, реже во 2-й половине мая.

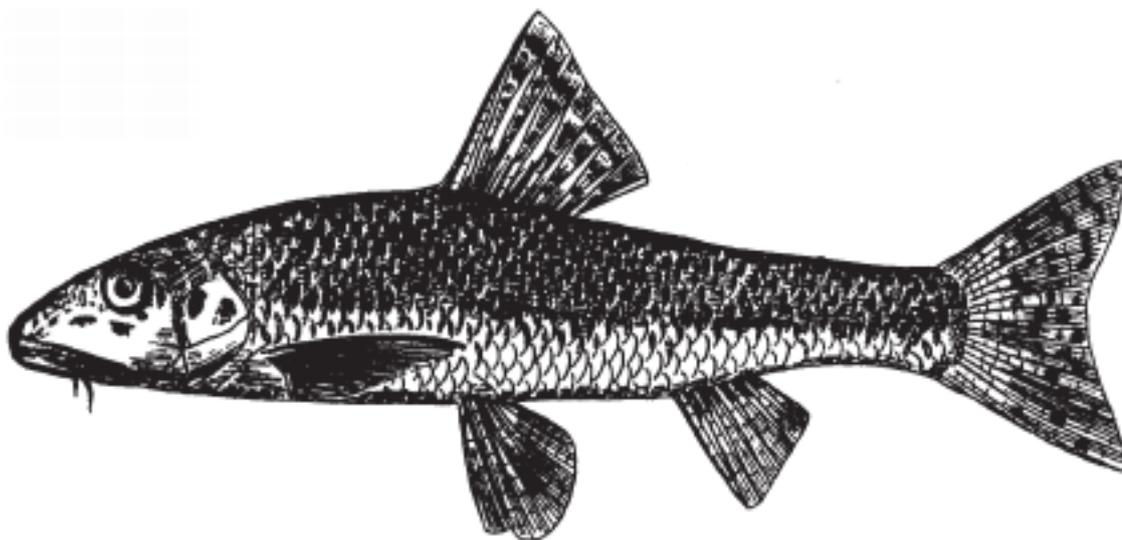

Рис. 11. Пескарь

К тому времени в уральских озерах исчезают последние льдины, быстро нагревается вода солнечными лучами, поднимаются утонувшие лавды и сотенными стаями носятся над ними черные крачки и малые рыболовы, которые предпочитают их прочим гнездовьям; зазеленели березы, но на длинных и тонких ветвях их еще можно различить белеющие издали гнезда ремеза, который уже наполняет его своими крошечными белыми яичками; быстро, не

²⁸ Во время нереста у всех голова и чешуи покрываются очень мелкими бородавочками, более заметными на голове.

²⁹ Может быть, однако, он уходит зимовать в реки.

по дням, а по часам, растут тростник и широколистная осока; зеленой щеткой поднимается камыш, резко отделяясь от пожелтевших, переломанных и перепутанных старых стеблей. Вся озерная птица окончательно сбивается в камыши и лавды – на степных, в лавды и острова – на горных, и как те, так и другие озера, по-видимому, пустуют; скоро покинут степные озера турпаны, которые уже начинают нестись в мелколесье, иногда очень отдаленном от воды. Сотни, тысячи птиц выводятся в обширных степных камышах, иногда обволакивающих кольцом все озеро и часто недоступных ни с берега, ни с лодки. Ближе к открытой воде, где камыш уже растет на глубине 2-х аршин и значительно редее, расположены десятки, сотни плавучих гнезд обыкновенных гагар (*Pod. cristatus*); тихо покачиваются они волнением, и отовсюду тревожно высовываются из воды чубастые головы их обладателей; тут же, но еще в большем количестве на камышовых помостах, накопившихся веками и образовавших наконец сплотившуюся, хотя и рыхлую массу, которая, в свою очередь, служит иногда к образованию лавд, лежат яйца крачек и рыболовов, чаще гнездящихся на последних; там и сям, большею частью в каком-нибудь уединенном углу, плавает пара-другая больших «ситцевых» гагар, которые не любят общности; немного далее, ближе к берегу, расположены гнезда многочисленных лысух, а там начинается уже царство камышовок: несметные барсучки (*Salicaria phragmitis*) скачут и прыгают по сухим стеблям, камышовые дрозды (*Salicaria turdoites*) обвивают молодые побеги прошлогодней ветошью. Тут же, почти вместе с ними, но в еще более сухих камышах несется болотный лунь – гроза утят и прочей молодежи, да, пожалуй, взрослой водяной птицы; чуть не рядом возвышается гнездо выпи. Еще ближе к берегу, в более доступных местах гнездятся многочисленные красноголовые нырки, только что севшие на яйца, и некоторые другие породы уток, большинство коих выводит, однако, в ближайших болотах. Множество водяных крыс бегают, плавают и ныряют в береговых камышах, а нередко тут же можно встретить искусное гнездо мыши-малютки, и этот факт, очевидно, указывает на ее коренное местопребывание, измененное впоследствии культурой злаков. Ранним утром, как только проснется птичье население, самые разнообразные голоса несутся из этой чащи водяного леса: жалобно хнычут лысухи, каркают гагары, безмолвно трещат мелкие камышовки, короткою и глухою трелью вторят им камышовые дрозды, ухают выпь, крикают осиротевшие селезни уток, привлекаемые безопасностью убежища и обилием корма; громче всех раздается резкий крик крачек, ловко хватающих упавших в воду и летающих насекомых – поденок, мошкару (*Phryganea*), которая, в свою очередь, привлекает сюда красивого копчика. А на прибрежных болотах, когда-то тоже составляющих часть озера, стонут долгоязыые евдошки, пищат травники, с жалобным криком вьются уже выведенные дети пигалки.

Рис. 13

Вообще, со второй половины мая все озера, а тем более горные, с первого взгляда нередко кажутся относительно пустынными. В полдень вдали от камышей, когда замолкнут птица укрывается в чаше последних, у чистых берегов озера и на середине его уже не видно прежних многочисленных утиных стай; изредка только вынырнет гагара, крохаль, привлеченные сюда рыбою; стаи турпанов редуют: они тоже разлетаются повсюду, хотя на самых рыбных озерах, как на Карагузе, еще долго, почти до середины июня, когда уже все турпанихи садут на гнезда, продолжают вести прежний общественный образ жизни. Но самые берега озера по-прежнему оживлены мелкими пернатыми обитателями: множество трясогузок, помахивая длинными хвостиками, прытко семят по песку, гоняясь за насекомыми; в кустах поют бесчисленные варакушки, славки, камышовки и прочая мелюзга, а нередко, словно мышь, проскальзывает в воду юркий водяной воробей, который нередко встречается на горных озерах и особенно речках.

В жизни рыб с окончанием нереста ерша тоже наступает временное затишье: проходит самая горячая пора весеннего рыболовства. Почти вся рыба, а чебак, елец, язь без исключений, укрывается в самых глубоких местах озера, где ловля представляет некоторые трудности и потому не в большом употреблении. Но в самых больших водоемах – Иткуле, Синаре и др. – в первой половине мая нередко производится, обыкновенно тайком, весьма обильный

лов язей на глубинах. Это мы видим, напр., в Синаре, у Чищеного камня – глубокой яме, имеющей около 100 с. ширины и 250 с. длины: ее перегораживают несколькими рядами мереж, так что наплавки последних находят на несколько сажен ниже уровня воды. Только привязанный лист, щепка или ветка указывают на присутствие рыболовного снаряда, а нередко не бывает и этих малозаметных признаков; несмотря на все эти предосторожности и ловлю мережами только ночью, редко не делаются они добычей караульщиков, вытаскивающих их железными крючьями, т. н. кошками, привязанными на длинной бечевке. Но как только сторожа уплывут в другую сторону озера и скроются в ночной темноте, являются новые охотники попробовать счастья: зачастую в каждую сеть попадает по нескольку пудов рыбы, б. ч. язя, реже чебака, который часто проскакивает сквозь редкие ячеи «пяти-палечной язёвки».

Как было упомянуто в предыдущей главе, к середине мая язь покидает эти глубокие ямы, но на самое короткое время. Всего в продолжение двух-трех ночей выходит он «полоскаться» на полуаршинную глубину песчаных мелей озера, например Синарского, у истока р. Синары. Здесь и ловят эту бойкую и пугливую рыбу, для чего связывают вместе по пяти мереж, которые волокут на лодках, соблюдая всевозможные предосторожности, так как нет рыбы сторожчей язя: при малейшем шуме и всплеске летит он стремглав за сотни сажен, и прощай ожидаемая добыча. Не только борта лодки, но и самое весло обивается войлоком, и им гребут³⁰ не вынимая из воды; зато при удаче ловят таким образом зараз десятка по два пудов этой рыбы.

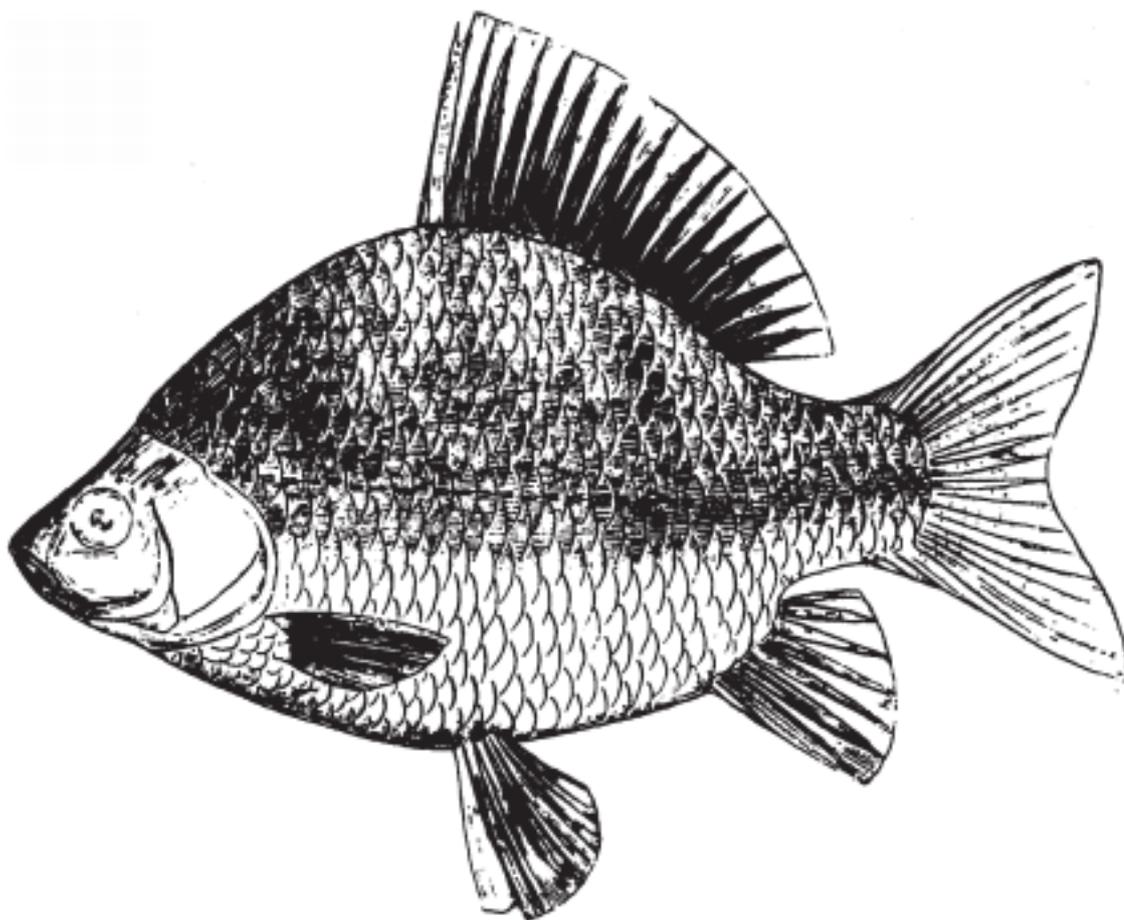

Рис. 14. Карась

³⁰ На озерах вовсе нет настоящих весельных лодок (кроме вышеупомянутых баркасов у арендаторов озер), и лодка управляется одним веслом.

Около того же времени, даже ранее, во всех курьях, у всех травянистых и камышистых берегов снова появляются уже отдохнувшие и проголодавшиеся щуки; жадно поедают они свою же собственную детву, только что выклюнувшуюся из яичек. Последние для своего развития требуют немного более двух недель в тенистых местах озера, а в мелких заливах, рано очистившихся ото льда и сильно нагреваемых солнцем, – десять, даже восемь дней³¹. Молодые щурята в это время составляют главную пищу отошавших родителей, тем более что последние почти не способны к ловле крупной рыбы: старые зубы выпадают, заменяются новыми, еще небольшими и мягкими, и обезоруженные хищники по слабости тех и других не в состоянии задержать достаточно сильного чебака, подъязика или окуня. Этот интересный факт смены зубов у щуки, замеченный еще покойным Аксаковым, совершенно верен и доказывается прямым и косвенным наблюдением: старые зубы выпадают от одного прикосновения, и исключительно в это самое время не только крупная насадка на жерлицы, но и пойманная рыба часто носит на себе ясные следы укушения щуки; последняя не в состоянии прокусить твердого покрова своей более крупной добычи, и о крепкую чешую рыбы ломаются ее ослабевшие зубы. В конце месяца щука уже хорошо берет на «животь», начинается клев ее и ловля на жерлицы, а еще раньше, но весьма недолгое время и большею частью в проточных мельничных прудах, производится ловля ельцов на червяка.

В последних числах мая, иногда в начале июня, опять-таки смотря по местоположению озера и состоянию погоды, когда вода значительно потеплеет, помутнеет и достигнет температуры не ниже 13-ти, даже 14-ти градусов, начинается игра карася. Необходимо заметить, однако, что, независимо от вышеозначенных условий, в полужаренных озерах, затянутах трясинами, в сущности теми же лавдами, нерест его бывает значительно позднее, нежели в камышистых и травянистых бассейнах. Дело в том, что эти самые лавды иногда не растаивают до середины июня, и только к Петрову дню нога начинает глубоко вязнуть и прорывать трясину. Понятно, вода здесь долго не получает надлежащей температуры, потребной для нереста этой рыбы.

Вообще карась всю зиму лежит порознь под лавдами, зарывшись в няш, и окончательно выходит оттуда, когда подымутся водяные травы, зацветет шипишник и начнется клев чебака и окуня. Тогда он собирается в большие, иногда весьма многочисленные, стаи и идет в береговые камыши и ситовники (тростники), где производится самый процесс метания икры. Осоки карась не любит, но часто, особенно в Богословских, северных озерах, где камыш и тростник составляют значительную редкость, он играет во мху и на него же выпускает свою желтоватую икру.

Но несомненно, карась никогда не нерестится одновременно; игра его производится в несколько приемов, иногда с весьма большими промежутками. По замечанию рыбаков, он мечет с конца мая или начала июня «каждый новый месяц», вплоть до августа, т. е. 3–4 раза. Что карась играет по крайней мере в два приема, в этом я мог убедиться лично, так как наблюдал его вторичный нерест в двадцатых числах июня; но, надо полагать, это играет рыба, почему-либо не успевшая выметать икру; весьма невероятно предположение, что каждый карась выпускает икру в несколько приемов, и окончательно нелепа мысль многих рыбаков, будто он успеваеет в какие-нибудь двадцать дней «нагулять» новую икру. Весьма возможно, во всяком случае правдоподобно, что в мае и начале июня нерестится карась, живший в более теплых местностях, где половые продукты его развиваются быстрее, а в конце июня – обитавший под мерзлыми лавдами.

Каждый нерест карасей, точнее некоторой части их, весьма непродолжителен и много-много если продолжается два утра, причем прежде всего выметывают икру самые крупные, обыкновенно одно утро, и заканчивается к полдням. Поэтому карась идет весьма дружно,

³¹ Икра щуки, как известно, требует для своего развития весьма невысокой температуры – 8–10° R.

и, если следить за ним, игра его замечается и наблюдается легче, чем у многих других рыб. Пена и муть стоит над собравшейся густой стаей рыбы, далеко слышно ее шлепанье и характеристическое чмокание, шелестит камыш и колеблются его верхушки, всюду плавают мох; кишмя кишат караси, весло так и тыркается об них. Обыкновенно икрятники находятся на дне, где и трутся, наверху же вертятся и выпрыгивают самцы; затем, обернувшись вверх брюхом или боком, последние начинают один за другим изливать молоки, а самки выпускают на них свою икру. Но и за исключением играющих позднее, далеко не все караси, вообще растущие очень медленно, собираются в это время в стаи: карась нерестится только на 3-м, иногда едва ли не на четвертом году, и более молодой остается в той же няше, где точно так же отыскивает себе пищу, состоящую из растительных остатков, частию мелких насекомых. К ним скоро присоединяется отыгравшая взрослая рыба; одно утро, хотя вразброд, она еще полощется у берегов и продолжает ловиться в рыболовные снасти, но затем расходится врозь, снова прячется под лавдами или укрывается в водяном мхе и вязкой тине.

Главная ловля карася производится стеновыми мережами, поставленными по опыту прежних лет в известных местностях. При удачном выборе места в сети запутывается такое количество рыбы, что мережи буквально тонут на дно: бывают случаи, что из каждой в одно утро вытаскивают по десяти пудов карася. Кроме того, его ловят в значительном количестве в котцы и морды, а днем, когда он уже ходит не так грудно, загоняют в ботальные мережи.

Немного позже играет линь, в противоположность последнему – обитатель одних проточных озер и прудов и вообще сравнительно немногочисленный. Еще за несколько дней до начала нереста выходит он из глубокой няши, где ведет вполне уединенный образ жизни и часто совсем зарывается к берегам озер или в заливы протоков, поросших горошницей, – любимым местопребыванием его и в прочее, теплое время года. Где он малочислен, там игра его проходит совершенно незаметно: играет вместе какой-нибудь десяток-другой рыбы, так что нерест лinya – тем более что количество самцов превышает количество самок, отличающихся более крупной чешуей, – приближается к нересту щуки. Но например, в Кызылташе, где составляет почти главную породу рыбы, линь собирается большими, хотя и негустыми рунами, так что, весьма возможно, и здесь игра его имеет тоже, так сказать, более семейный характер. Продолжительность ее, быть может, именно от этого обстоятельства весьма значительна, редко менее недели, часто две; при этом мелкие трутся раньше, крупные позже, почему можно встретить летом и молодых линьков, которые вообще выклеваются скорее других рыб, иногда гораздо менее недели, и свежую зеленоватую икру; последняя свободно плавает на поверхности или прикрепляется к водяным растениям, чаще всего горошнице. Вообще погода и ненастье имеют весьма большое влияние на продолжительность игры этой рыбы, но, вероятно, тут действуют и те же замедляющие причины, как у карася, с которым он ведет весьма сходный образ жизни.

До начала нереста все лinya скрываются в няше и спокойно лежат в ней, так что присутствие их почти неприметно; но в конце мая в светлых водах, хотя и иловатого, Кызылташа нетрудно воочию удостовериться в огромном количестве этой рыбы. Яркий «луч» освещает дно: всюду – справа, слева, впереди – чернеются широкие спины огромных линей; одни неподвижно лежат, другие медленно плывут, пробужденные светом и шумом; даже тут меткая острога ловкого рыбака редко дает промах. Десятки лодок выезжают в это время на озеро; при удаче и уменье многим достается в добычу до десяти пудов самой отборной рыбы, так как вся молодежь скоро рассеивается и немедленно уходит из озера в Метлинский пруд; только достигнув известной величины, именно на третьем году, поздней весной линь, хотя и не весь, возвращается в озеро. В других озерах он добывается обыкновенно ботальными мережами и мордами, которые уже не имеют почти никакого влияния на уменьшение его количества.

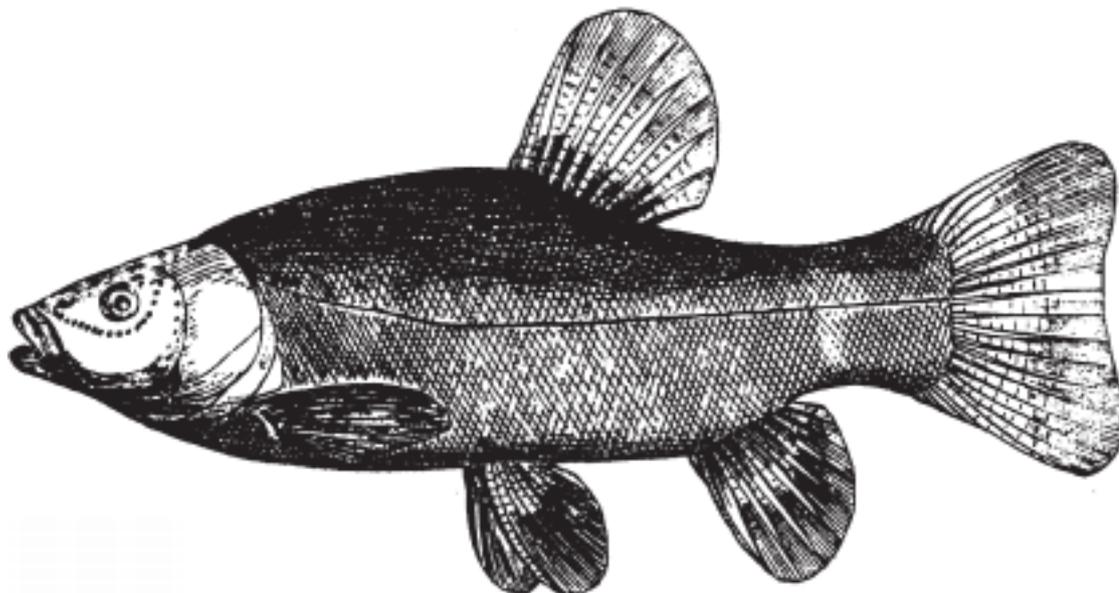

Рис. 15. Линь

Но, за исключением весеннего лученья и отчасти ловли мережами, где тоже икра и молоки бьющейся рыбы большей частью вытекают совершенно произвольно, главная вешняя ловля – котцами и мордами – не только не приносит никакого вреда, особенно последняя, но оказывает даже значительную пользу: как мы видели, морды и заезки служат косвенным образом рассадником и убежищем молодой рыбе. Гораздо большее влияние на уменьшение приплода имеют физические явления: сильный ветер, буря, проливной дождь после нереста, когда огромные массы уже оплодотворенной икры и выклюнувшейся молоди выбрасываются с травой на берег или уносятся на середину озера, наконец, истребление икры водяными птицами и самой рыбой. В первом случае икра и рыбешки окончательно погибают, во втором – развитие их несколько замедляется несоответственной температурой, молодь, не находя себе надлежащего спокойного пристанища и достаточной пищи, гибнет во множестве от одного волнения озера. Вот почему вся рыба мечет икру в курьях или, хотя реже, в камнях, где икра тоже предохранена от этих неблагоприятных условий. Вообще рыба выбирает для нереста воду, содержащую в себе много воздуха, не слишком глубокую, для того, чтобы воздух, необходимый для развития, мог скорее возобновляться, и изобилующую водяными растениями, к которым икринки могли бы прилепляться. Растения эти кроме выделения кислорода привлекают множество микроскопических животных – инфузорий, коловраток, мелких ракообразных и кроме защиты доставляют прямым или косвенным образом пищу молодому поколению.

V

После некоторого колебания, иногда непродолжительного ненастья, в первых числах июня устанавливается лето и начинаются непомерные жары; только многочисленные озера и частые грозы несколько освежают раскаленный воздух и умеряют зной июльских дней. Безоблачное небо принимает сероватый оттенок, горизонт теряется во мгле, и дальние горы застилаются беловатым туманом.

Но уже с полудня туман в горах густеет, подымается все выше и выше и образует все более и более чернеющие тучи: едва ли один день в Петровки обходится без гроз в какой-либо местности Каслинского и Кыштымского Урала. Эти тучи, однако, далеко не всегда доходят до окраинных селений черноземной степи; в Шадринском уезде грозы и совместные

с ними благодетельные ливни относительно редки и почти никогда не бывают так сильны и опасны, как в горах. Жители равнин, конечно, не имеют ни малейшего понятия, что значит гроза в Урале, какой опасности подвергаются заводы и села у его подножия.

Под влиянием этих жаров и частых проливных дождей в то время, когда в безлесной степи травы выгорают, задерживается рост хлебов, трескается земля и обнаженные солонцы покрываются белым налетом выступившей соли, роскошно развивается растительность Урала. Не по дням, а по часам растут зонтичные растения, достигающие здесь громадной величины, быстро расцветают ярко-красные петушки (*Surgipedium macranthum*), великолепные курочки (*Surgipedium guttatum*), на склонах гор алеет марьин корень – дикий пион, там и сям виднеются красивые саранки (*Lilium margaton*).

В середине июня поднявшиеся лавды густо зарастают осокой; зеленеет молодой камыш, и за широкими листьями его уже не видать прошлогодних желтых стеблей; в курьях и протоках распускаются белая водяная лилия и желтая кувшинка, называемые здесь лопухами. Озера постепенно оживляются, птичье население их увеличивается с каждым днем. В камышах, тростниках, лавдах – всюду слышится писк утят, молодых чаек, лысух; рано утром везде чернеются десятки утиных выводков. Вся птица снова собирается со всех окрестных болот и не покидает более озер, где ей нет недостатка в пище.

К тому времени во всех заливах, прибрежных осоках и камышах, у всех плавучих трясин появляются мириады мелкой рыбешки; густыми стаями толпится она, привлекаемая затишьем и бесчисленными растительными и животными организмами, которые кишат в мутной воде травянистых прибрежий. В ясное тихое утро, проезжая на лодке мимо камышей и лавд, вы увидите, какие массы молодой рыбы укрываются здесь от ветра и многочисленных врагов; тем не менее и эти несметные стаи дают весьма не полное понятие о количестве мальков в озере. Все это исключительно молодь чебака, частью окуня; других рыб почти не видно: они или укрываются на самом дне озера – в вязком иле, или безвыходно таятся под трясинной, или, наконец, еще не вышли в озеро из рек и протоков. К первым принадлежит весь молодой карась, также линь, ко вторым – весь ерш и значительная часть окуней, к последним – почти вся молодь язей и ельца, которая в начале лета встречается только у устьев и истоков, и то сравнительно редко.

Отсюда очевидно, наибольшему истреблению птицами и хищными рыбами, по крайней мере первое время, подвергаются молодые чебаки и окуни, которые всего менее прячутся, чаще других видов плавают на поверхности воды и выходят на чистые места озера. Действительно, не только большая часть всех уток-рыбалок, чаек, гагар кормятся исключительно чебаковыми и окуневыми мальками, но сюда же, в курьи и камыши, привлекаемые легкостью добычи, собирается почти вся годовалая щука, почти весь прошлогодний окунь. Более крупные щуки и окуни держатся в более глубоких заливах, нередко на значительной глубине и, подобно большинству всех взрослых рыб, живут там в продолжение всего лета.

Не только все прошлогодние щучки и окуни стекаются в мелкие затишья и преследуют стаи молодых чебаков и окуней, но даже и щурята-селетки принимают самое деятельное участие в истреблении мелкой рыбешки. Во второй половине июня они выходят из водяного моху, где укрывались до сего времени, и начинают неукротимо охотиться за мальками, почти не уступая в проворстве и живости взрослым. Всюду в неглубоких курьях, особенно там, где все дно густо заросло различными водяными растениями, там и сям неподвижно лежат щурята в ожидании добычи; при первом взгляде их длинное брусковатое тело кажется небольшим темным сучечком, застрявшим на листьях водяного растения. Вот медленно, не торопясь, выплывает из смежных камышей густая стая молодых чебаков; как молнии выскакивают щурята из своих засад, быстро скользят по поверхности, оставляя за собой едва заметную струйку, постепенно расходящуюся треугольником; испуганная стая спешит укрыться в родные камыши, преследуемые мальки выскакивают из воды, но на шум выхо-

дят более крупные и опасные хищники, которые с нетерпением выжидали выхода мелюзги из тесного лабиринта камышей, где преследование не совсем удобно; скоро усматривают рыбу и зоркие чайки и крачки (*Sterna hirundo*). Происходит полное смятение – молодая рыба, отрезанная от своих надежных убежищ, мечется как угорелая во все стороны, рассыпается дождем, всюду летят брызги, плещется крупная рыба. Но не проходит даром и зачинщикам суматохи: щурята, в свою очередь, даже очень часто делают добычей окуней и своих более крупных собратьев; они все-таки представляют для них более лакомую добычу.

В это время щурята бывают уже величиной около двух вершков: они растут чрезвычайно быстро, гораздо скорее всех прочих озерных рыб. Они, впрочем, и вылупляются прежде всех. Икра щук, особенно на солнцепеке и в мелкой воде, развивается очень скоро; молодая рыбешка, как мы видели, выклеивается иногда через десять, даже восемь дней, так что в степных озерах уже в начале мая можно наблюдать щурят, хотя еще с желточным пузырем, мешающим им свободно двигаться. В это время они однако, имеют еще не полное сходство со взрослыми щуками, которые около середины мая, как мы видели, истребляют их беспощадно; но по мере всасывания этого пузыря молодь приобретает все более и более полное сходство со старыми, делается все живее и проворнее, наконец, окончательно расходится в разные стороны и начинает укрываться в мелких местах озера, заросших водяными растениями, в особенности водяным мхом. Как известно, щуки никогда не живут стаями и ведут б. ч. одиночный образ жизни.

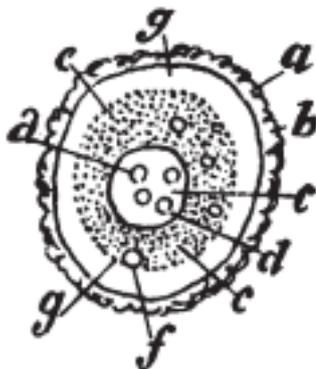

Рис. 16. Разрез икринки костистой рыбы

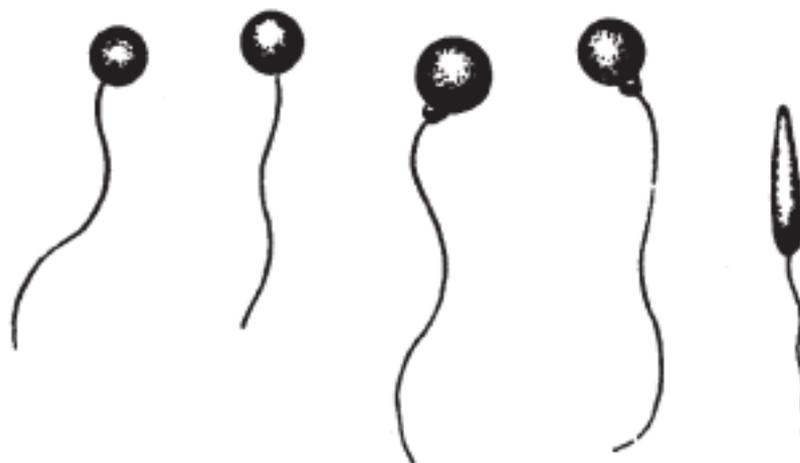

Рис. 17. Живчики рыб

В глубокой и более холодной воде, также в тени развитие щучьей икры идет гораздо медленнее и продолжается иногда долее двух недель; но в большинстве случаев щурята выклеиваются ранее всех рыб – в первой половине мая – и в начале лета отличаются только

своею относительною длиною. К середине этого месяца в реках и протоках, в прибрежных осоках и под широкими листьями лопуха уже кишат молоденькие ельчики: вскоре вслед за ними на припек в неглубоких камышах выходят из яиц миллионы крошечных чебачков и окуньков; затем – молодые язи, ерши; а в начале июня, даже в последних числах мая выклеиваются молодые лини и караси. Икра ерша, язя, ельца, которые мечут в более холодной воде, редко развивается менее чем в две недели; между тем зародыши чебака, окуня, карася выходят из яичек в десять, семь, а молодые линьки даже в три-четыре дня.

Рассмотрим теперь вкратце, каким образом совершается развитие яйца рыбы. При некотором увеличении легко разглядеть, что каждая разрезанная икринка состоит из двойной оболочки и заключенного в ней желтка. Наружная оболочка, называемая белочною, всегда содержит небольшие поры, через которые может проходить вода; внутренняя оболочка – желточная – отличается своею крайнею тонкостью и прилегает к желтку, который представляется густою, б. ч. желтоватою жидкостью. Кроме того, в каждом яичке замечается т. н. яичная воронка (*Micropyle*), которая пробуравливает оболочку и доходит до поверхности желтка. Совсем другое замечаем мы под микроскопом на продуктах самцов – молоках. Они состоят из беловатой жидкости, наполненной бесчисленными мельчайшими тельцами, которые имеют сходство с булавкой и находятся в беспрестанном движении, почему и называются живчиками (сперматозоидами). Для оплодотворения яичка не только требуется, чтобы оно было смочено семенем, но и необходимо, чтобы один или несколько живчиков проникли в желток через вышеупомянутую яичную воронку. Только тогда начинается развитие яйца, заключающееся в том, что известная часть желтка начинает делиться на небольшие ячейки, из которых потом слагается продолговатая кожистая пластинка – первый зачаток зародыша.

Однако, как мы уже видели, оплодотворяется далеко не вся икра, выпускаемая рыбою во время нереста; можно даже принять, что в большинстве случаев начинает развиваться меньшая половина, а другая сгнивает и погибает без всякой пользы. Главная причина тому именно неравномерное распределение самцов между самками, но не менее важно и то обстоятельство, что икринка сейчас же начинает всасывать воду через поры белочной оболочки, быстро разбухает и затрудняет вхождение живчика через яичную воронку, которая, вероятно, разрывается. В свою очередь, и подвижность живчиков крайне ограничена и продолжается иногда не более 2–3 минут, так что даже при одновременном излиянии молока и икры все-таки многие икринки не успевают оплодотвориться. Вообще можно принять, основываясь на опытах искусственного оплодотворения, что при обыкновенных условиях оплодотворяется не более половины всего количества икринок. Но оплодотворенная икра имеет такое множество врагов между птицами, также рыбами, водяными насекомыми и прочими подводными обитателями, что навряд ли девять десятых всех зародышей достигает своего полного развития в молодых рыбках, лишенных желточного пузыря, которые уже могут избегать многих опасностей.

Зародыш, смотря по температуре воды, развивается более или менее быстро; в общих чертах можно принять за правило, что чем позже какой-либо вид выметывает икру, тем скорее из нее выклеивается молодая рыбешка: зародыш линя, который, как было упомянуто, играет при наступлении жаров, освобождается из яйца через три, даже два с половиною дня. Обыкновенно деление той части желтка, которая называется образовательной, начинается через несколько часов после оплодотворения; затем в скором времени обособляется зародыш, тело его удлиняется, задний конец увеличивается все более и более и образует хвост, а передний утолщается и образует голову, на которой показываются две точки – зачатки глаз; зародыш растет за счет остальной части желтка, наконец, освобождается из оболочек и выходит из яйца.

Первое время молодая рыбка бывает снабжена довольно объемистым пузырем, который выставляется из брюха и заключает в себе часть питательного желтка, не вошедшего в

состав зародыша, и сначала имеет только отдаленное сходство со взрослой рыбой: голова ее отличается несоразмерной величиной; у многих сазановых рыб по выходе из яйца нет ни пищеварительного канала, ни заднепроходного отверстия, недостает непарных плавников, а у некоторых даже грудных. Но с возрастом желточный пузырь всасывается, развиваются органы, бывшие в зачатке, образуются недостающие, изменяются относительные размеры тела – и зародыш постепенно приобретает почти полное сходство с родителями. Пока существует желточный пузырь, молодая рыбка не нуждается ни в какой пище и едва может двигаться; только по исчезновении его она делается более проворною и отправляется отыскивать и добывать себе нужный корм. Понятно, икра во время своего развития и молодая рыбешка, выклюнувшаяся из яйца, подвергаются несравненно большему истреблению, чем впоследствии, когда молодь уже в состоянии спастись бегством от своих многочисленных неприятелей. Мы уже упоминали, в каком множестве истребляется икра и молодь не только рыбами, особенно после нереста, но и птицами, в каком количестве остается икра на мели и высыхает. Но кроме этого, как икра, так и молодь имеет еще множество других врагов, которые становятся безопасными только впоследствии. Сюда принадлежат лягушки, особенно зеленые, еще более плавунцы и другие водяные насекомые; в мелких заросших озерах они даже бесспорно составляют самых главных истребителей икры и мальков карасей, которые по своему исключительному местопребыванию менее других рыб подвергаются нападению рыб. Нередко плавунцы поедают или портят вполне сформировавшихся карасиков, укрывающихся в няше, где сравнительно редко делается добычею водяной птицы, и рыбаки без основания считают водяных жуков одними из самых опасных врагов этой рыбы, которая вообще не отличается проворством и часто не в состоянии спастись от них бегством. Менее значительный вред карасям приносят тритоны, называемые здесь водяными ящерками, которые вообще здесь гораздо малочисленнее, чем на западном склоне Урала; в черноземной равнине они уже вовсе не встречаются, но и в Урале оба вида (*Triton cristatus* и *taeniatus*) заметно малочисленнее четырехпалого тритона, который принадлежит к недавно открытому роду *Isodactylum*. Весьма возможно, однако, что и *Isodactylum* питается карасьею икрой, так как очень часто встречается вместе с этой рыбой в больших ширфах и глубоких разрезах.

Рис. 18. 4-дневный зародыш костистой рыбы (щуки)

Рис. 19. Зародыш костистой рыбы (*Blicca*) перед выходом из яйца

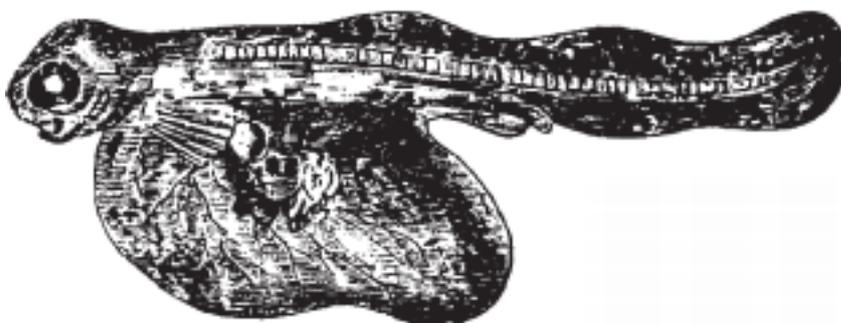

Рис. 20. Молодая рыбка (форель), вылупившаяся из яйца

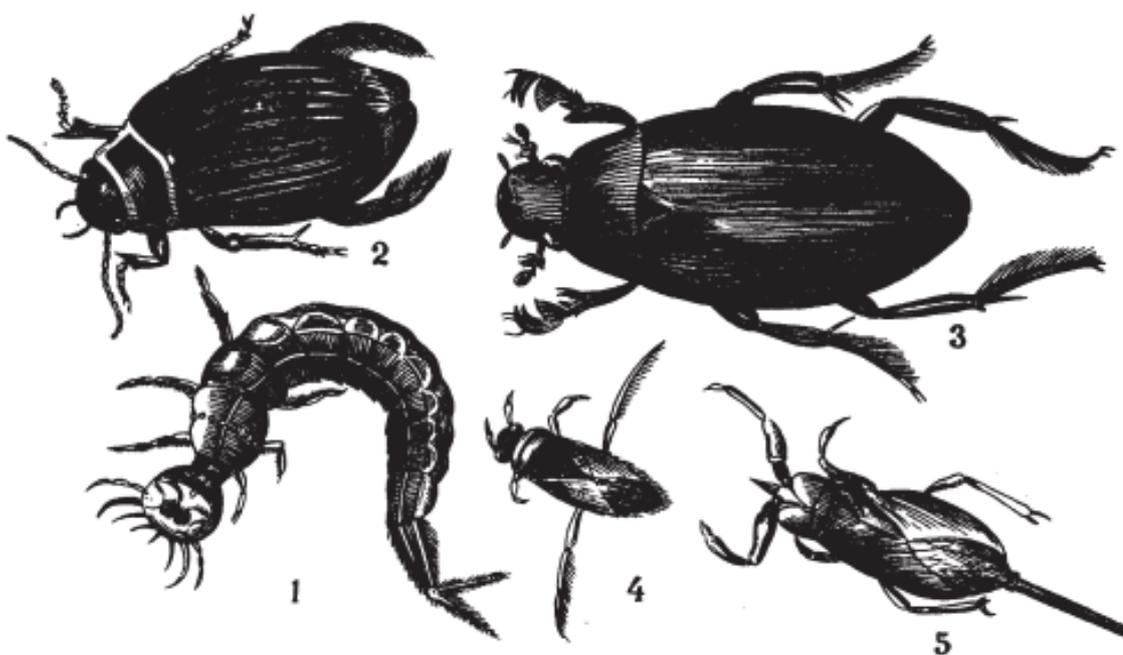

Рис. 21. 1. Личинка плавунца. 2. Плавунец. 3. Водолюб. 4. Водяной клоп. 5. Водяной скорпион

Таким образом, хотя в заросших и полужаросших озерах карасья икра и молодые карасики не преследуются хищными рыбами, которые уже не могут жить в таких водах, но сильно истребляются всевозможными гадами, беспрепятственно размножающимися в карасьих озерах. Участь молоди этой рыбы в более глубоких и чистых бассейнах, где уже живут щука и окунь, еще незавиднее: наверное, в скором времени более девяти десятых детвы делается добычей этих хищников, не щадящих и взрослых карасей. Вот почему последние встречаются в большом количестве только в тех озерах, где не встречается этих главных врагов, которые пользуются их неповоротливостью и находят в них самую легкую добычу. Молодые чебаки, несмотря на более открытый и общественный образ жизни, в скором времени становятся такими шустрými и бойкими, что успевают иногда избежать опас-

ности, между тем как молодые караси едва ли не делаются со временем еще более вялыми и ленивыми. В этом отношении они превосходят даже молодых линей. Взглянув на толстое, неуклюжее туловище карася, желудок которого почти во всякое время года битком набит зеленью водорослей, станет понятно его вялость и неповоротливость, обуславливаемые его растительной пищей: карась не нуждается в быстроте движений, так как корм у него, как говорится, под носом. Зарывшись наполовину в няшу, выставив один хвост, копается он в вязком иле и в этом положении чаще других рыб подвергается нападению различных водяных насекомых, мелких паразитных рачков, а также и хищных рыб. Только по вечерам и ночам карась выходит отсюда и лакомится молодыми стеблями водяных растений, особенно камыша. В это время всегда можно услышать то характерное чавканье и чмоканье, по которому нетрудно отличить его от других рыб, и только в это время попадает он в сети. На зиму частью по недостатку пищи, но еще более по недостатку воздуха в мелких, почти промерзших озерах карась б. ч. вовсе зарывается в няшу и остается там с декабря до конца или середины февраля, т. е. в продолжение периода наиболее толстого льда. Эта т. н. спячка его, которая у других рыб в Зауральских озерах замечается довольно редко и не каждый год, так как они продолжают кормиться всю зиму, и его растительная пища делает понятным, почему карась растет несравненно медленнее всех других озерных рыб.

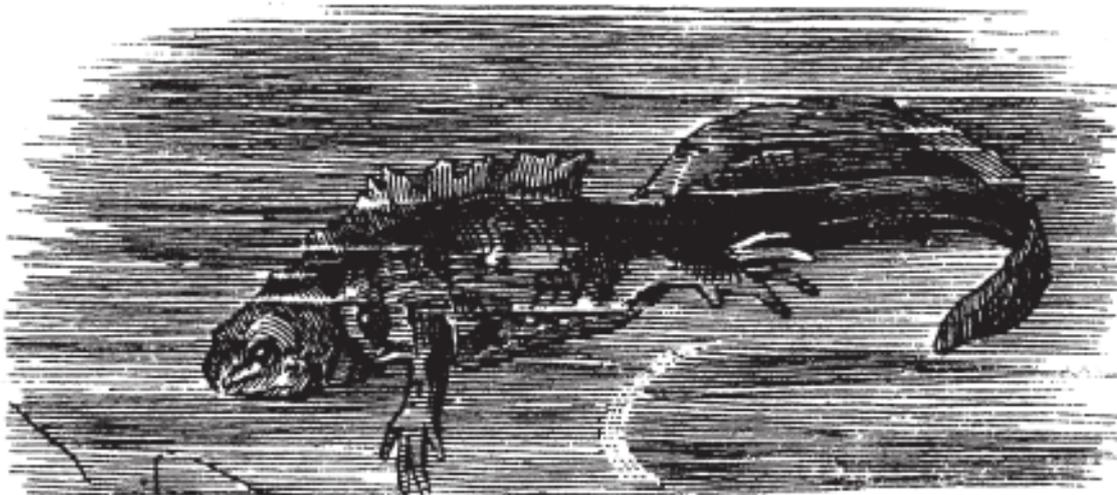

Рис. 22. Тритон (*Triton cristatus*)

Ближайший родственник карася *линь*, обитатель проточных озер и тинистых протоков, несмотря на свою неподвижность, подвергается уже меньшим опасностям. Очевидно, тут уже не может быть такого изобилия водяных насекомых и прочей гадины. Затем все молодые линьки, которые после окончания процесса всасывания желточного пузыря расходятся в разные стороны, первое время таятся в густой чаще водяных растений, преимущественно горошницы, также в водяном мхе и не выходят оттуда на чистые места озера или протока. Молодые караси по вечерам и утрам выходят в осоку, к мелким берегам; линьки – никогда и потому редко делаются добычею щук, тем более что последние имеют даже некоторое отвращение к этой рыбе. Как бы то ни было, известно достоверно, что жерлицы, наживленные линьками, щука, даже отчасти и окунь берут крайне редко и неохотно. Объяснение этого тем, что лини сильно отзываются тиной, встречает сильное противоречие в этом обстоятельстве, что карась нисколько не уступает линю в этом отношении.

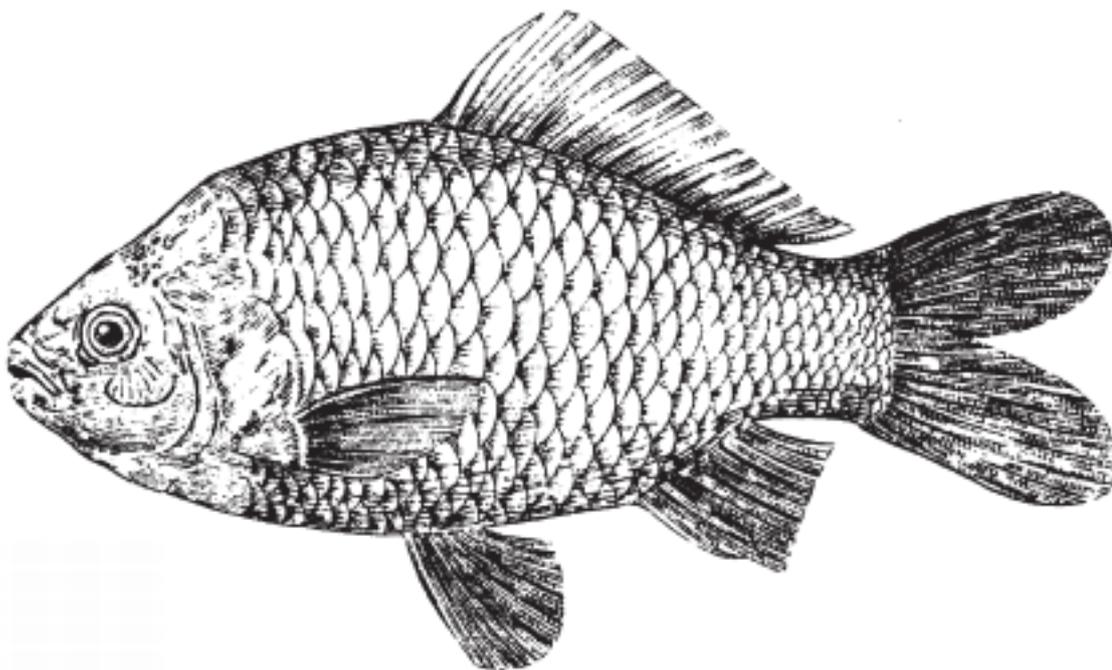

Рис. 23. Карась

Главные враги молоди линей – мелкие полуторогодовалые, даже нынешние *налимы*, которые с января по июнь достигают величины 3–4 вершков. Все они выбирают своим местопребыванием те же самые протоки, речные русла в пруде или озере и хотя придерживаются иловатых мест, но предпочитают более быстрое и каменистое течение. В камнях или зарывшись в ил, налимы проводят весь день и выходят оттуда только по ночам. На ближних перекатах они ловят молодых ельцов и язей, которые еще довольно долго – до конца июля – остаются в речках и истоках, а в ближайших глубоких курьях охотятся за линьками, и гораздо успешнее, чем за первыми. Молодые ельцы и язи несравненно проворнее линей и притом находятся в движении почти всю ночь, так что налиму, не отличающемуся большой живостью, трудно застать их врасплох. Прочие рыбы очень редко встречаются в текучей воде: весь окунь, карась, чебак, щука, ерш, как мы уже видели, постоянные обитатели озер. Последний, впрочем, чаще всех этих видов встречается вместе с налимом – именно под лавдами; он тоже любит холодную воду, и вот почему в жаркое время года во всех проточных озерах налимы встречаются б. ч. под этими трясинами, которые очень долго предохраняют воду от нагревания.

Налим, собственно говоря, житель севера, и это доказывается временем его нереста, бóльшим ростом на севере, чем на юге, и его местопребыванием. Летом он нередко встречается поблизости родников, где и зарывается между камнями в том вязком иле, который вообще характеризует ключи. Летние жары, видимо, не благоприятствуют налиму, и отсюда понятно, почему его нет во многих степных протоках и речках, берега коих лишены древесной растительности. Тень и прохлада необходимы налиму: он не любит температуры свыше $15\frac{1}{2}^{\circ}$ и потому с наступлением теплых июньских дней всегда забивается в хворост, в норы, вырытые течением в берегу, также в камни, трещины и расселины скалистого берега, зарывается в ключевую яшу или, наконец, укрывается под обнаженными корнями подмытых деревьев и нависшими берегами. В Петровки и начинается главная летняя ловля налима. Она, конечно, не может идти в сравнение с осенним лучением и зимнею ловлею его в морды, тем более что ограничивается более мелкою рыбою, но все-таки довольно значительна. Притом Петровки – самое глухое время для рыболовства, и по этой причине и настоящие рыбаки не брезгают щупаньем налимов, забившихся в камни и норы, откуда вытаскивают их просто

руками или (именно из береговых расщелин) зацепляют особыми крючьями. Гораздо реже употребляется острога, но ею, особенно далее к северу от Екатеринбурга и в это время года, добывают громаднейших налимов, которых, конечно, не только не удержишь, но даже не обхватишь руками.

Рис. 24. Налим

Вообще в последних числах июня в озерном рыболовстве наступает полнейшее затишье. Вся рыба укрывается от палящего зноя в самые глубокие ямы или прячется под тень лавд, откуда точно так же мудрено загнать ее в ботальные сети. Только по ночам или зорям выходит она на более мелкую и открытую воду; клев ее почти совершенно прекращается, чему еще более способствуют каждодневные грозы. Один ерш иногда ловится в большом количестве в прорубях на лавдах, но этот клев весьма неправилен и подвержен многим случайностям. Но не только взрослая рыба удаляется в более холодные части озера; к этому времени б. ч. молоди чебака, окуня, в свою очередь, укрывается на глубине или уходит под лавды, куда за ними следуют щурята, прошлогодние окуньки. Днем озеро кажется почти безрыбным, и только перед закатом вся рыба выходит покормиться и погулять на широком просторе: стаи мальков выходят из своих убежищ, за ними гоняется мелкая хищная рыба, из камышей выплывают вереницы уток, утят, гагар, крохалей и крохалят. Всюду плещется и играет рыба, оставляя бесчисленные круги на поверхности, которые не успевают сливаться со спокойной гладью воды. Здесь сигают молодые чебаки, преследуемые щурятами, там выскакивают серебристые ельцы, гоняясь за мошками, булькают язи, хватая мошкарку (*Phryganea*), которая во множестве падает в воду, там и сям плеснет большая щука. Только в глухую полночь рыба несколько успокаивается, но перед восходом снова на два-три часа выходит кормиться, а затем уже укрывается на целый день.

Так бывает на более глубоких или же хотя и мелких, но лавдистых озерах. В чистых и неглубоких бассейнах вся рыба в петровские жары подходит к берегам и ищет более холодной проточной воды или уходит в другие, менее открытые озера. Такие летние переходы мы видим в Большом Окункуле, откуда вся рыба переходит в Малый; в Кызылташе, откуда она стремится в Метлинский пруд; в Улагаче³² и весьма многих других озерах. Мы уже упоминали, какими массами толпится тогда рыба у берегов замкнутых озер, отыскивая выхода: кипит и бурлит вода, шуршат и гнутся камыши от напора рыбы, которая иногда и вовсе выскакивает на берег. В проточных, но мелких озерах она тогда вся стоит у решетчатых запоров, преграждающих ей путь в реку или исток, и в таком количестве собирается здесь, что ее черпают сачками; иногда даже она ломает забойку и успевает выйти из озера.

Но только в исключительном случае – в крайне сухое и жаркое лето и при сильном пересыхании озера – слишком высокая температура воды оказывает на рыбу вредное влияние и имеет для нее опасные последствия. Рыба ищет проточной воды и приступает к берегам не столько от палящего зноя, сколько для того, чтобы избавиться от бесчисленных пара-

³² Из Улагача вытекает р. Бишеляк, впадающая в Течу ниже Метлина.

зитов, кишасих в стоячих водах озера. Эти паразиты составляют главную причину мора, который замечается здесь периодически, большею частью в самое жаркое время года. Без всякого сомнения, известный вид, не находя соответственной температуры, или вовсе уходит из озера, или вымирает, но вымирание совершается постепенно, в течение более или менее значительного времени, и легко убедиться, что летний мор рыбы зависит не от жары, как полагают многие рыбаки. Обглоданные жабры и плавники, язвины на теле – все показывает, что главную причину этого явления служит чрезмерное размножение наружных паразитов, известных в науке под названием *рыбоедов*.

Эти паразитные рачки – главные враги озерной и прудовой рыбы, бич всех рыбоводных заведений. Все остальные паразиты – рыбы пиявки (*Ichtyobdella*), ленточные, реже круглые глисты – не имеют и сотой доли значения этих рачков и не приносят рыбе такого ощутительного вреда. Правда, в некоторых озерах, напр., в Калдахе, Шарташе и многих других, почти вся рыба, всего чаще чебак, окунь и карась, глистовата³³, во многих случаях вовсе лишена икры и растет крайне медленно, но самый мор несомненно происходит от карпоедов, окунеедов и некоторых других родов замечательного отряда рыбоедных раков, которых рыбаки обыкновенно называют *рыбьими вшами*.

Название это дается, впрочем, исключительно *карпоеду* (*Argulus*), который по форме своего круглого зеленоватого тела представляет некоторое сходство с вошью, притом на озерах гораздо обыкновеннее прочих родов рыбоедов, и встречается почти на всех озерных рыбах, особенно на карасе, который потому чаще других видов подвергается внезапному мору. В противоположность другим паразитным рачкам карпоед ведет свободный образ жизни и плавает очень быстро, что, конечно, дает ему большое преимущество перед остальными рыбоедами, которые большую часть своей жизни неразрывно связаны с питающею их особью, и объясняет его многочисленность и громадность вреда, им приносимого.

Карпоед (Argulus foliacens)

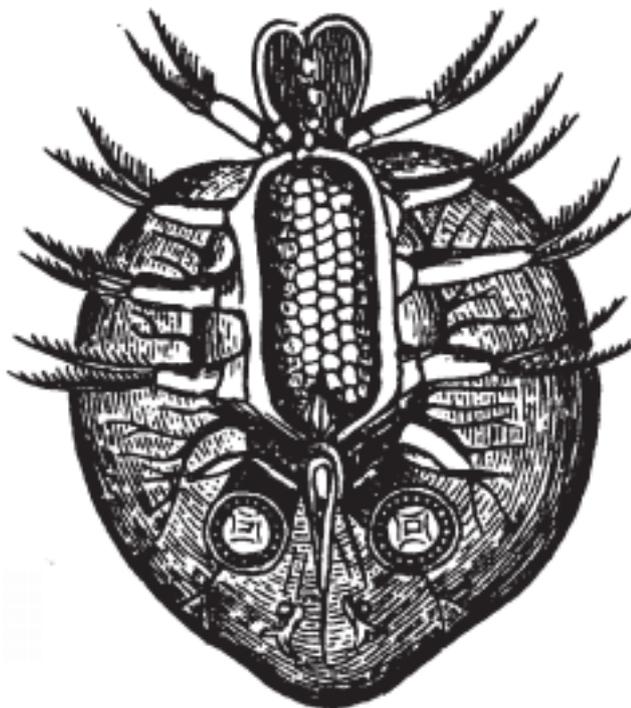

Рис. 25. Снизу

³³ Особенно замечательно в этом отношении оз. Калды, в котором весь чебак и большинство других рыб заключают по два-три и более ленточных глистов.

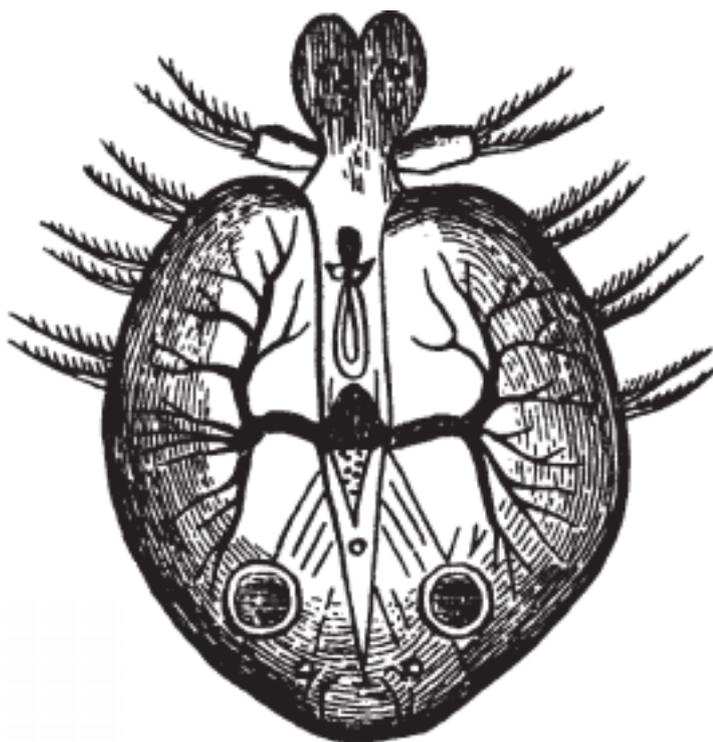

Рис. 26. Сверху

Лернеоцеры

Рис. 27. Lerneocera cyprinacea

Рис. 28. Lerneocera gobiana

Окунеёв (Aechteres ercarum)

Рис. 29. Самка

Рис. 30. Самец

Рис. 31

Карпоеды прежде всего обгладывают плавники рыбы, так что последняя почти лишается возможности движения, поворачивается кверху брюхом, всплывает наверх и делается затем окончательной добычей этих мелких хищников, которые десятками, сотнями впиваются в тело беззащитной жертвы и оставляют ее только при последнем издыхании. Большая часть снулой рыбы носит на себе явные следы нападения карпоедов, но кровавые язвы на теле производятся исключительно *лернеоцерами*, которые внедряются в мускулы рыбы и служат, в свою очередь, причиной ее смерти. Меньшее значение имеют *ергазилы*, живущие на жабрах, особенно щук, также *окунееды*, не редкие в полости рта окуня.

Редкий год обходится без более или менее значительного мора в каком-либо из озер Зауралья. Чаще всего это случается в травянистых и мелких карасьих озерах, которые вообще отличаются огромным количеством мелких животных организмов, всего реже в проточных бассейнах, тем более реках. Обыкновенно мор начинается в самые жары – в Петровки и в начале июля – и продолжается всего несколько дней, редко более недели; почти всегда мрет какой-нибудь один вид рыбы, б. ч. карась, окунь, реже чебак, налим, щука и другие. Притом мор начинается исподволь, уснувшая рыба живо подбирается чайками, утками, и иногда дело ограничивается этим, и мор проходит совершенно не замеченным. Но годами он принимает невероятные размеры, и в какие-нибудь два-три дня жертвою его делается громадное количество рыбы. Озеро белеет от множества трупов; тучи рыбаков, воронья, сотни коршунов вьются над озером, добывая полумертвую рыбу; даже жадная ворона от избытка брезгает снулой; сотни, тысячи, целые груды трупов выбрасываются волнением на подветренный берег озера и, сгнивая, заражают окрестности нестерпимым зловонием. Иногда пропадает почти вся рыба какого-либо вида, некоторые озера делаются почти безрыбными, но до окончательного обмеления и зимнего вымерзания озера; неиссякаем его жизненный источник: через два, три, много четыре года в нем рыбы более прежнего.

VI

Летняя ловля рыбы не имеет большого значения. С первых чисел июня, с наступлением жаров, вся крупная рыба уходит на глубину, и клев ее постепенно ослабевает. Лишь изредка, гуляя по ночам или гонясь за рыбешкой, заходит она в протоки и заливы и попадает здесь в морды или тесный лабиринт котцов; но в это время года озера редко навещаются рыбаками, и пойманная рыба не всегда достается последним. Целые выводки уток, гагар, лысух, привлекаемые скопившейся рыбой, заходят в котцы, пожирают последнюю, но затем, не имея возможности ни выплыть, ни вылететь отсюда, погибают голодною смертью. На уединенных камышистых озерах, изобилующих водяной птицей, нередко случается находить здесь десятки различных утят, а гагары и лысухи как-то ухитряются заползать и в самые морды. Вообще, как эти последние, так и котцы играют второстепенную роль в летнем рыболовстве.

Еще ранее кончается ловля тоже знакомыми нам фитилями. Притом этот снаряд всюду в небольшом употреблении, и его можно встретить только на уральских реках, и то преимущественно в Оренбургской губ. Лишь изредка ловят им запоздавших ельцов и язей, которые иногда недели две-три проводят в озерах, дающих начало речкам, и только в начале лета скатываются обратно – в большие и глубокие озера, где проводят большую часть года.

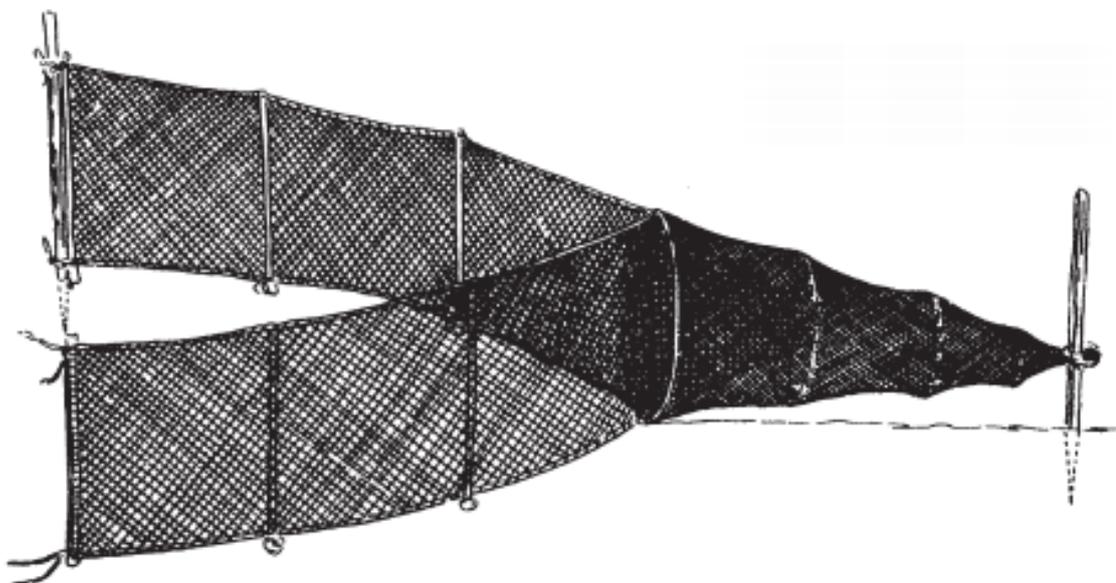

Рис. 32. Фитиль

Настоящая летняя ловля – *ботанье* – не менее оригинальна, чем ловля котцами, и также всего более распространена на Зауральских озерах. В России она известна только местами – на озерах северо-западных губерний и в низовьях южнорусских рек. Этот способ ловли основан на том, что рыба очень боится всякого сильного звука, который притом, как известно, приобретает в воде необычайную силу, и бросается стремглав в противоположную сторону, где ее ожидает мережа с двойным рядом сетей. Одним словом, рыба загоняется в сеть. Главное орудие при ботанье – *бот* или *бохало*, на Чудском озере известное под названием *мшаги*, на юге России – *ботва*. Это деревянный или железный колокол, насаженный на длинную и тонкую жердь; при ударе им спертый воздух производит такой оглушительный звук, что в тихую погоду ботанье слышно за несколько верст; потрясающий шум от этих ударов бывает еще поразительнее в воде, что можно испытать, нырнув в то время, когда действуют этим несложным снарядом: если опыт сделать шагах в десяти от ударяющего, то для человеческого уха даже мучительно выносить подобное сотрясение слуховых органов.

Рис. 33. Ботанье

Ловят ботальными мережами почти всегда по утрам и вечерам: в полдень только линь и карась, реже щука делаются добычей рыбака. Всего более попадает рыбы около восхода и перед закатом солнца, когда красноперый язь, пестрый окунь, серебристый чебак и вообще вся крупная рыба выходит кормиться из глубоких ям озера в травянистые курьи и к береговым лавдам. В тихую погоду вы часто услышите, приближаясь к озеру, какой-то странный отдаленный гул – это «уркает ботало». Подъезжаете ближе, все сильнее и сильнее слышится это урканье, но рыбака все не видно; лишь зоркий проводник указывает вам на другом берегу широкого, чуть не пятиверстного озера едва чернеющую точку – это утлый челнок с рыбаком. Но шум прекращается, точка быстро растет, вы уже видите, как лихой гребец, стоя на ногах, несется стрелой; с неподражаемой ловкостью гребет он, быстро перекидывая весло из руки в другую: одно неверное движение, порыв ветра, и легкий бат, скорее корыто, нежели лодка, неминуемо должен опрокинуться, а между тем есть мастера, которые могут грести так и в довольно ветреную погоду. Вот он наконец весь на виду – в сотне-другой саженьях, тихо вплывает в камышистую курью, осторожно обметывает густую траву неподалеку от берега, отъезжает на несколько десятков шагов, и с первым ударом ботала стая испуганных селезней подымается столбом из камышей, делает два-три широкие круга и исчезает у дальнего берега; выводки утят бегут по воде, шлепают неуклюжие лысухи, там и сям выныривают, даже вылетают гагары, оглушенные шумом; происходит всеобщее смятение. Весь мокрый от брызг, проворно действует рыбак своим орудием, зарыбилась поверхность воды, и широкими кругами расходится зыбь, постепенно сливаясь со спокойною гладью еще неподвижного озера, все ближе и ближе подъезжает он к сети, быстро двигаясь взад и вперед все при помощи того же ботала, наконец ударяет еще несколько раз у самой бичевы мережи,

вытаскивает колья и вынимает рыбу, запутавшуюся своими перьями в редких ячейх наружной сети.

Рис. 34. Котцы

Таким образом ловится исключительно самая крупная рыба, чаще всего огромные лини, которые почти никогда не покидают глубоких тинистых заливов, зарастающих горошницей, лопухами и другими водяными растениями, реже карась и щука, большею частью мелкая и средняя. Иногда в ботальную мережу попадает зараз более двух пудов рыбы, а во время нереста и несравненно более: случается, что сеть с первых ударов боталом тонет на дно от множества добычи. К счастью, ботальные мережи здесь редко употребляют даже при позднем нересте линя и карася: это исключительно летняя ловля, и потому на Зауральских озерах она не приносит такого вреда, как в некоторых местностях России. Можно быть уверенным, что стая рыбы, потревоженная во время метания икры, никогда, или по крайней мере много лет, не возвратится на прежнее место; множество неоплодотворенной икры погибает без всякой пользы, а кроме того, некоторые рыбы (напр., лещ), не выметав икры вовремя, подвергаются особой болезни, известной под названием гнилой икры, болезни, которая в большинстве случаев, за исключением осетровых рыб, у которых разлагающаяся икра постепенно всасывается организмом, имеет смертельный исход.

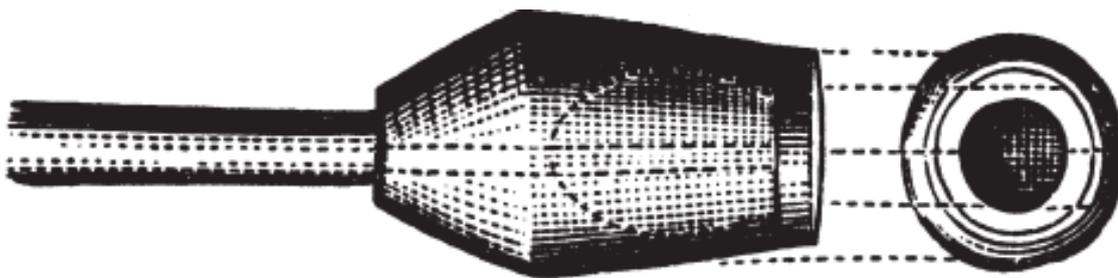

Рис. 35. Ботало

Но, говоря относительно, в Петровки и в первую половину июля летний лов рыбы весьма незначителен, и потому в это время на безрыбье не брезгают ловлею даже такой мелкой рыбы, как озерный гольян (*Phoxinus phoxinus* Pall), который нерестится позже всех рыб в первых числах, в уральских озерах даже в середине июля и ловится тогда в большом количестве.

Озерный гольян представляет некоторое сходство с обыкновенным и относится к одному роду с последним, но вместе с тем имеет и значительные отличия. Между тем как брусковатое туловище речного гольяна (*Phoxinus laevis*) покрыто крайне мелкою, почти неприметною чешуею (откуда, разумеется, произошло это название), яркими цветами, особенно во время нереста, – озерной гольян заметно сжат с боков, имеет гораздо более крупную чешую, менее выпуклый нос и далеко не так красив. Спина у него темно-голубовато-зеленая, бока золотистые, плавники оранжевые, изредка красноватые, и красноты на брюхе не бывает у него даже во время нереста. Кроме того, он значительно более речного и в некоторых озерах при благоприятных условиях достигает одной четверти длины и четверти фунта весу.

Так же отличны образ жизни и распространение озерного гольяна. Он постоянно живет в мелких няшистых озерах, где является почти всегдашним спутником карася, и большую часть держится на дне, а на зиму совершенно зарывается в ил; движения его довольно медленны и вялы, пища состоит не из насекомых, а водорослей, и желудок постоянно набит зеленой грязью. Несмотря на свою неприхотливость в отношении качества обитаемой им воды, он засыпает, однако, весьма быстро и летом портится едва ли не скорее всех других рыб. До сих пор местопребыванием озерного гольяна считалась Восточная Сибирь, но в Зауральских озерах от Петропавловска до Златоуста и, вероятно, еще южнее он принадлежит к числу весьма обыкновенных рыб и встречается как в горных, так и степных озерах, но в России на западном склоне хребта его, по-видимому, нет вовсе, так что распространение речного гольяна гораздо обширнее.

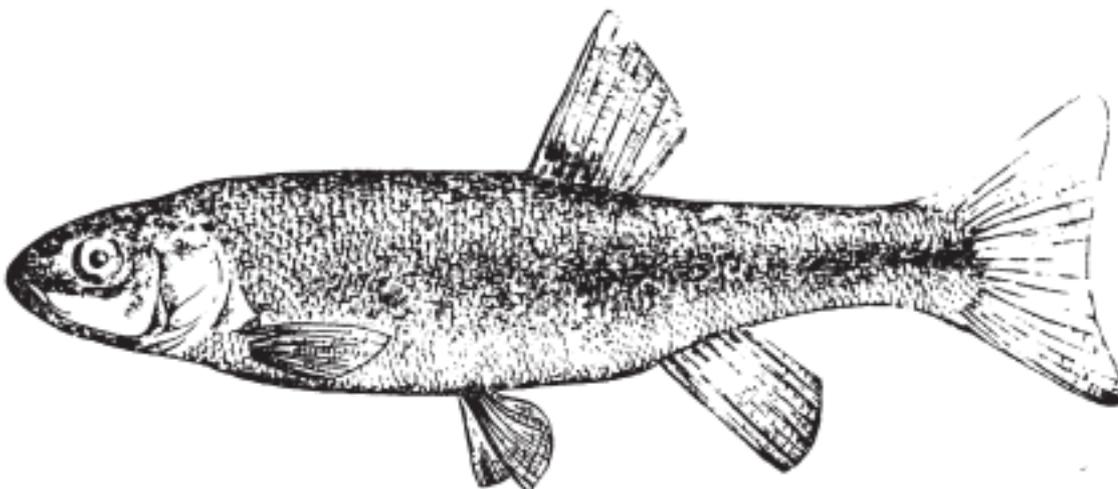

Рис. 36. Гольян

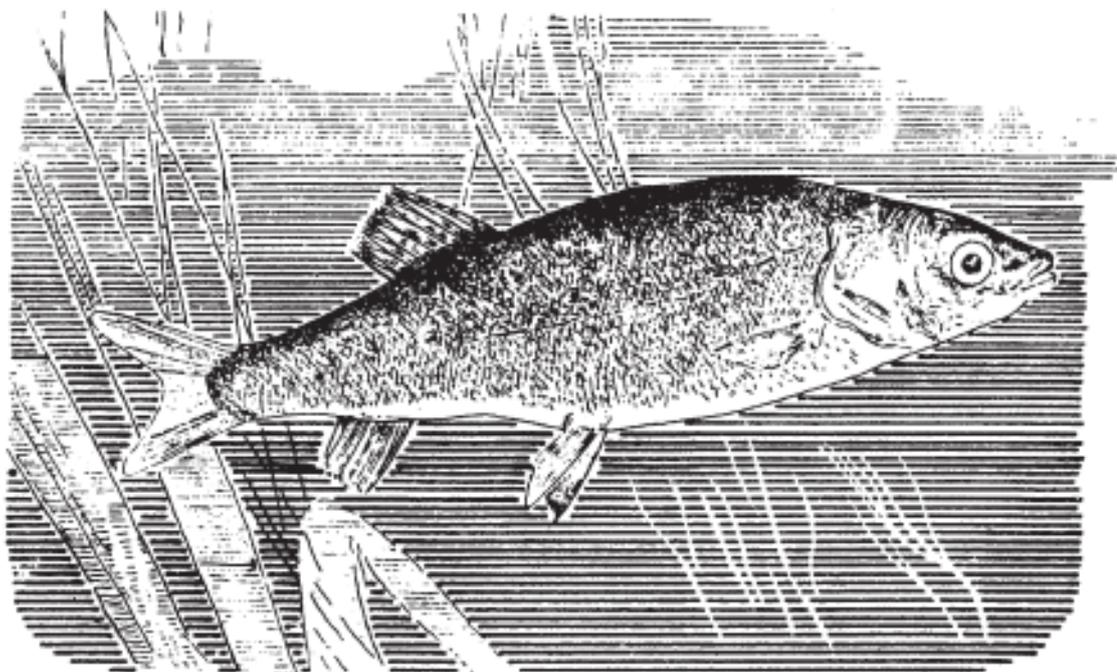

Рис. 37. Озерной гольян

В мелких степных озерах Шадринского и Челябинского уездов озерной гольян, по-видимому, гораздо многочисленнее, чем в уральских, что доказывается тем, что он и в этих последних выбирает самые мелкие и няшистые. По слухам, он действительно весьма обыкновенен в озерах степной полосы.

Во время нереста озерной гольян собирается огромными стаями и массами приплывает к берегам или лавдам, входит в самые незначительные заливы и здесь выметывает свою довольно многочисленную икру. В таких курьях, тоже в промежутках прибрежных лавд, расставляют самые частые морды, которые, как сказано выше, плетутся из тонких ивовых прутьев, в виде кувшина со вставным горлом: иногда в одну морду набивается до пуда этой мелкой рыбы. Изредка, и то самые крупные, гольяны, впрочем, попадают в мелкоячеистые и двухпалечные мережи вместе с карасями, но большею частью они проходят беспрепятственно через ячеи второй сети. Ловлю гольяна занимаются исключительно на небольших уральских озерах, где местами он составляет самую многочисленную, почти единственную, породу рыб. Таковы Семискуль, Арыткуль, неподалеку от знакомого читателям Иткуля, также Багаряк, Ямское и многие другие небольшие бассейны. На севере Пермской губернии в окрестностях Петропавловского завода есть даже небольшое озеро, населенное одними гольянами и называемое Гольянским; жители этого завода за недостатком другой рыбы ловят его в очень большом количестве и даже сушат и маринуют. В другое время года гольян ловится только в начале сентября, в листопад.

Лов гольяна продолжается недели две – до середины июля; судя по всему, нерест его кончается не ранее как в неделю и совпадает с самою высшею летнею температурою воды, которая с Ильина дня, т. е. 20 июля, начинает быстро понижаться.

Около этого времени в жизни вообще всех обитателей озера также происходят весьма резкие изменения. Огромные стаи молодого чебака и окуня, которые уже достигли величины около вершка, чаще и чаще выходят из-под лавд и камышей к чистым берегам озера. Сюда привлекает их бесчисленная мошка, черною корою покрывающая кусты, всю траву на берегу. Темными тучами подымается она в воздух, относится ветром и несчетными массами

падает в воду. Нигде, даже на севере, я не видал такого необычайного множества этих мелких насекомых, как на озерах Екатеринбургского и Шадринского уездов.

Обилие мошки, также и других насекомых, особенно мошкары (*Phryganea*) и поденки (*Ephemera*), которая, впрочем, падает здесь далеко не в таком количестве, как на некоторых реках Средней России, и отличается своею большею долговечностью, также постепенно возрастающая свежесть воды постепенно привлекают к берегам и другим, уже взрослых рыб, которые до того времени скрывались на глубине или держались под лавдами и трясинами. Язи как бешеные хватают добычу, стаи ельцов, ярко сверкая белизной, плавают на поверхности. По тем же причинам молодь этих рыб покидает речки и протоки и окончательно входит в озеро. Выход мелкой рыбы, по преимуществу чебака, имеет влияние и на других рыб, даже водяных птиц. Хищные окунь и щука, в свою очередь, все чаще и чаще встречаются на мелких местах; вслед за молодью перемещаются из камышей поднявшиеся утки и лысухи, собирающиеся все в большие и большие стада; сотнями, тысячами плавают они неподалеку от берега; тучи крачек и рыболовов, вереницы турпанов и гагар указывают опытному рыбаку, где стоит громадная стая мелкого чебака, а следовательно, и крупная рыба. В августе самый разгар ловли ботальными мережами, чаще и чаще попадает рыба в морды, начинается клев окуня, добычливая ловля щук на жерлицы и дорожки. Реки и протоки совершенно пустеют; в конце лета даже налим и пескарь переходят из озера, и только голяян, также голец и веретя, столь обыкновенные в прудах и озерах Средней и Южной России, по-видимому, вовсе не покидают проточных, вернее, текучих вод. Веретя (*Cobitis taenia*) еще изредка встречается в заводских прудах, голец (*Cobitis barbatula*) – никогда; но в реках и протоках оба вида крайне многочисленны: всегда можно усмотреть голяцов, неподвижно приткнувшихся в камнях; в мелких, светлых заливах ясно различишь тонких полосатых «водяных ящерок», напоминающих щурят, а в иле часто замечаешь их ходы. Во всякой незначительной речке можно наловить множество этих рыб недотками, но при изобилии другой рыбы только первый изредка употребляется в пищу; в большинстве случаев голец считается поганой рыбой, а веретя, как показывает вышеприведенное местное название, даже не считается рыбой. Что же касается обыкновенных вьюнов (*Cobitis fossilis*), то, сколько известно, они вовсе не встречаются в озерах и даже присутствие их в небольших речках Каслинского Урала весьма сомнительно. Впрочем, по свидетельству некоторых лиц, заслуживающих полного доверия, он водится в окрестностях Екатеринбурга, и очень может быть, позднейшие исследования покажут, что вьюн принадлежит к числу рыб, весьма недавно перешедших или случайно перенесенных в зародыше через Уральский хребет. На западном склоне Урала, например в Уфалейской, Полевской даче, они весьма обыкновенны, но в пищу никогда не употребляются.

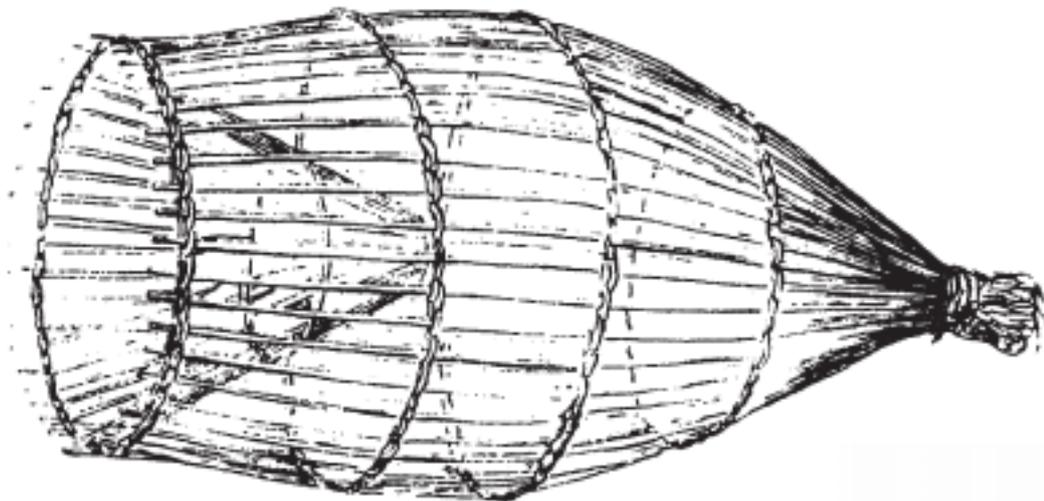

Рис. 38. Морда

Не употребляется в пищу и *стерлядь*, которая, как уже было сказано, пересажена в озера из Уфы и Чусовой и изредка попадает в морды³⁴, расставленные весной в каменистых речках Каслинского Урала, где она, по-видимому, нерестится. По крайней мере, это можно заключить из того, что рыбакам попадаются и очень небольшие экземпляры. Во всяком случае, навряд ли в какой-либо местности России можно найти такую местность, как Зауральские проточные озера, которая бы могла быть более пригодной для искусственного разведения этой ценной рыбы, которая известна здесь только в мороженном виде привозная из Оби. Очень может быть, что при употреблении крючковой снасти окажется, что стерлядь вовсе не так редка, как это кажется с первого взгляда.

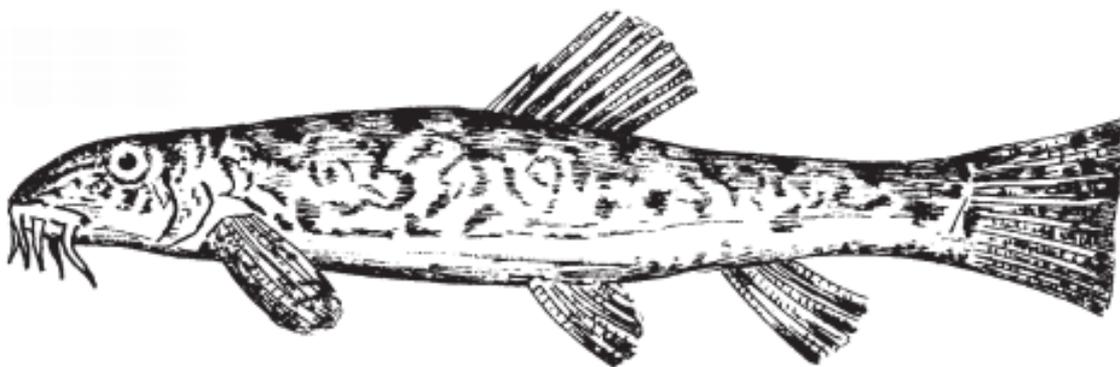

Рис. 39. Голец

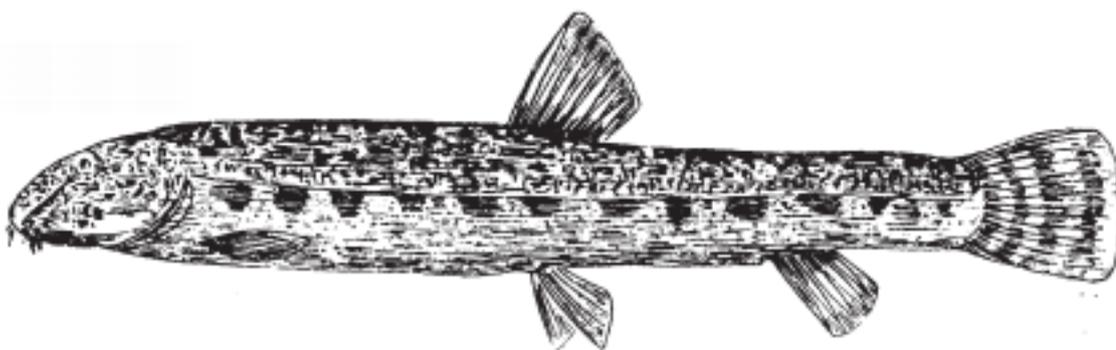

Рис. 40. Веретя

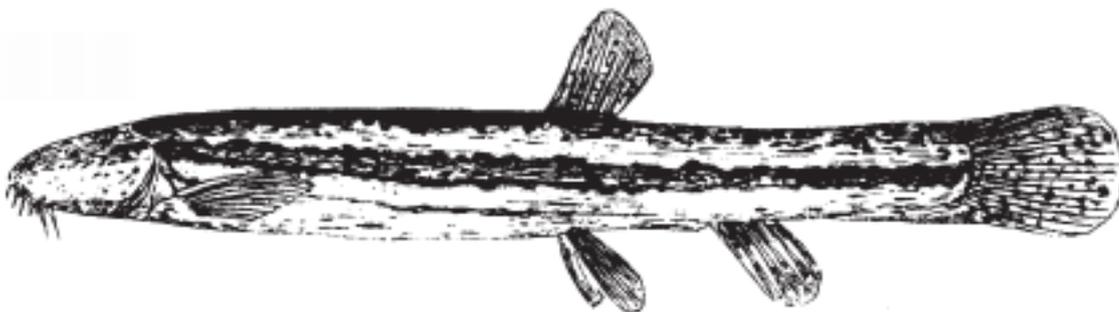

Рис. 41. Вьюн

³⁴ См. Миддендорф. «Сибирская фауна».

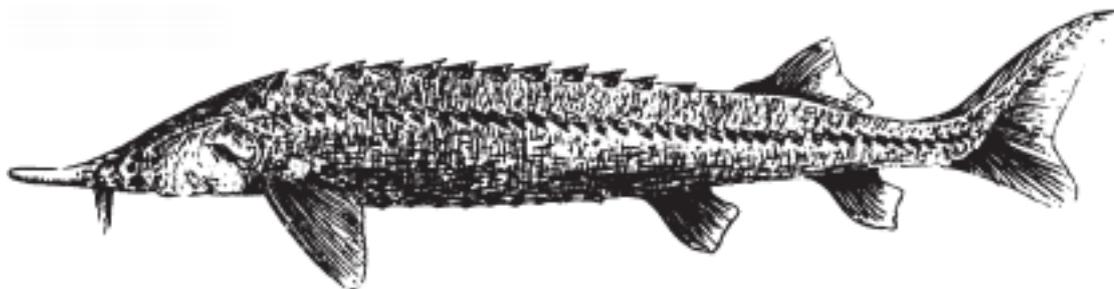

Рис. 42. Стерлядь

Рассмотрим кстати и тех рыб, которые хотя и не принадлежат к рассматриваемым нами озерам, но встречаются в некоторых зауральских реках или в верховьях речек западного склона. К первым принадлежат: *тальмень*, *нельма*, *хариус* и, может быть, *бычок*; ко вторым – *уклейка* и *голавль*.

Тальмень (*Salmo talmen*), местами «лень», – рыба чисто сибирская, вовсе не известная в России, где ее заменяет близкий к ней вид форелей – *кумжа* (*S. trutta*), называемая в Уфимской губ. *лохом* или *красулей*. Впрочем, судя по некоторым данным, этот вид постепенно проникает и в Россию через Ледовитый океан*. От последнего вида тальмень отличается главным образом своим большим ростом, так как в некоторых речках Верхотурского уезда, напр. Какве, Сосьве, Лозьве, он достигает 11/2 и даже 2-х пудов весу. В Екатеринбургском уезде тальмень вовсе не встречается, разве в среднем течении р. Исети, но в Миясе, уже в Челябинском уезде, он не составляет редкости и легко, может быть, заходит отсюда и в озеро Аргазь, через которое протекает эта каменистая и быстрая река. Быстрота течения и холодная вода – необходимые условия для распространения тальменя, и этим объясняется отсутствие его в небольших речках Екатеринбургского Урала, впадающих притом в степные реки, каковы Теча и частию Исеть. На севере, в реках Верхотурского уезда, эта рыба имеет довольно большое значение и (местами) вместе с хариусом принадлежит к числу наиболее обыкновенных, а иногда, как в Вагране (Богословский Урал), бывает почти единственным видом. Большею частью тальмень ловится там на дорожку (см. далее), изредка бредниками и на большие крючки, наживленные рыбой, лягушкой или несколькими крупными земляными червями.

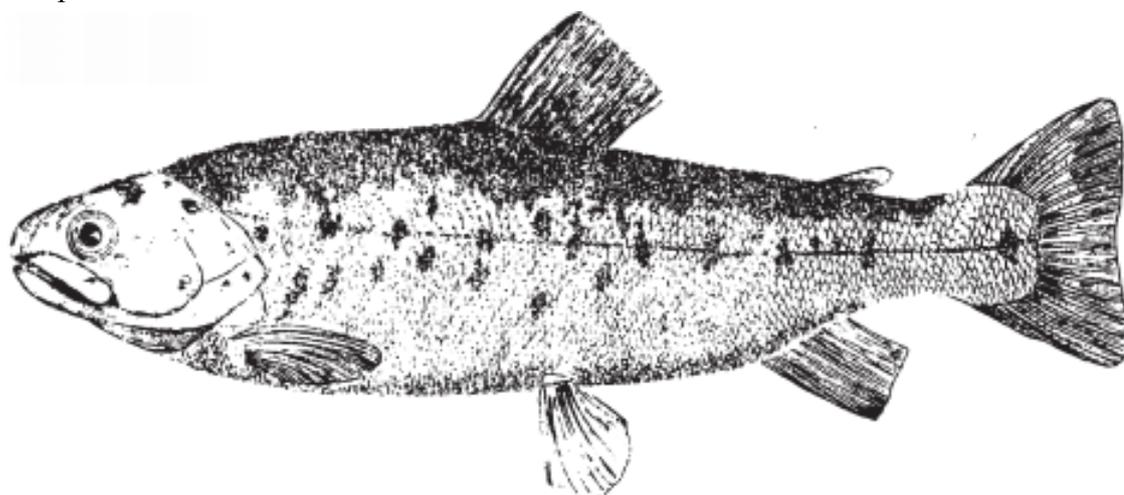

Рис. 43. Форель

Почти такое же распространение имеет *нельма* и *хариус*. Нельма, собственно наша белорыбица, тоже встречается в Миясе и во многих реках Верхотурского уезда, только нико-

гда не заходит так далеко вверх по рекам, как тальмень, и не любит каменистого и очень быстрого течения. В низовьях Сосьвы и Лозьвы нельма осенью, когда после нереста скатывается вниз по реке, ловится в большом количестве, т. н. *сежами*, в сущности сачками, расставленными в отверстиях изгороди, преграждающей всю реку или только наиболее глубокую часть ее. Наверху устраивается сиденье, которое, конечно, и дало название этому снаряду; рыбак держит в руке симу – бечевки, привязанные внутри сачка, и при малейшем прикосновении рыбы мгновенно с помощью крайне простого механизма приподымает сачок. Чуткая и бойкая рыба редко успевает выскочить из этой западни.

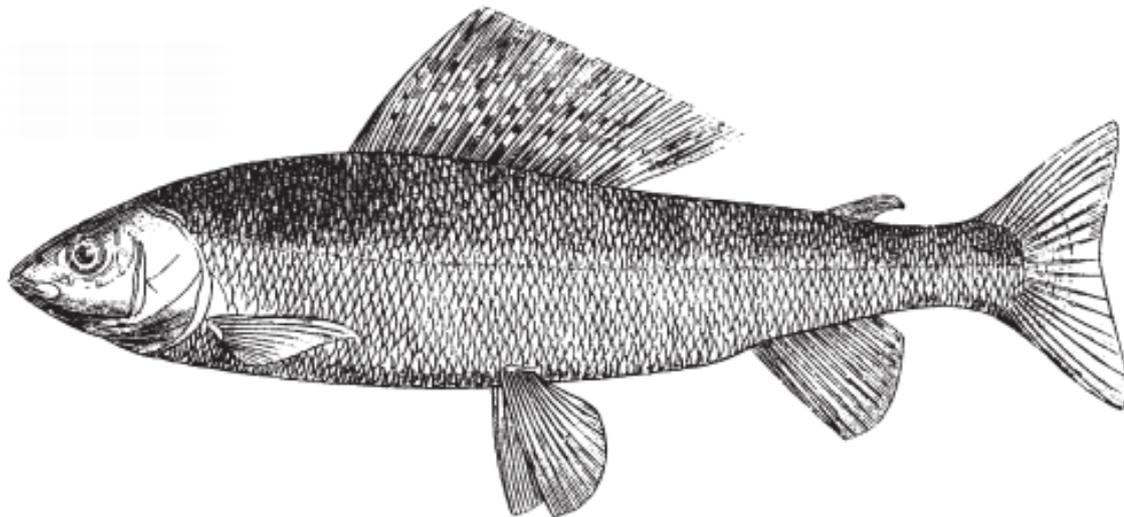

Рис. 44. Хариус

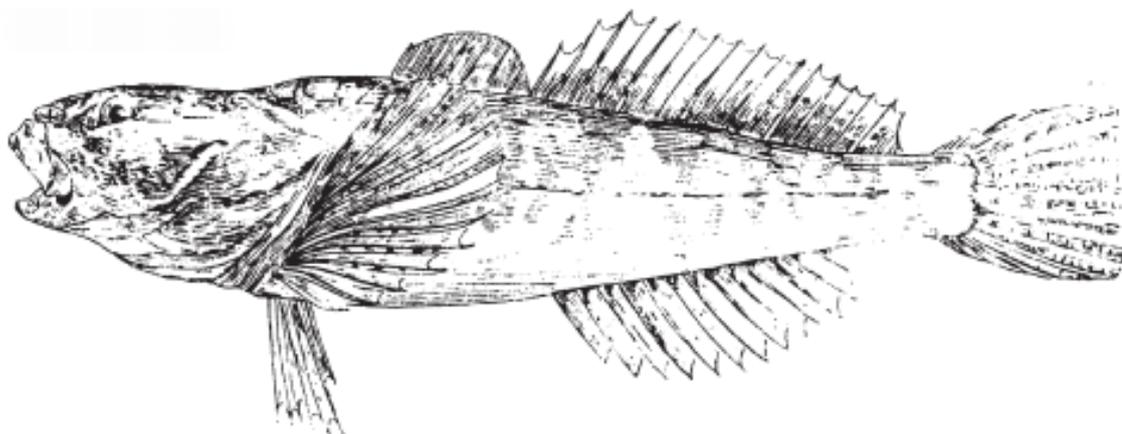

Рис. 45. Бычок

В противоположность этим двум рыбам, поднимающимся на более или менее дальнее расстояние из нижних течений рек, хариус – исключительный обитатель самых верховьев быстрых и каменистых рек, речек и даже ручьев и местами в Верхотурском уезде, а также и почти во всех реках западного склона встречается в огромном количестве, так что в необитаемых частях Урала его ловят самым первобытным способом – рубахами и штанами, завязанными на конце веревочками. Но вообще это весьма осторожная рыба, и ловля ее довольно затруднительна. В Чердынском, Соликамском и Верхотурском уездах хариуса ловят обыкновенно т. н. сырпами, иногда (во время нереста) в морды, реже удочкой или острогой. Ловля сырпом довольно оригинальна. Это небольшая сеть, связанная в виде сачка в 4–5 аршин длины и 1/2 аршина вышины. К нижней бечеве прикрепляют тонкие шесты около 5 аршин, а к верхней – симы. Лов производится всегда на двух лодках вчетвером: гребцы правят лодкой,

а другие два рыбака прижимают ко дну шесты и, как только услышат по симе, наверху на палец, что в сеть ткнулась рыба, ослабевают верхнюю тетиву и вынимают сырп из воды.

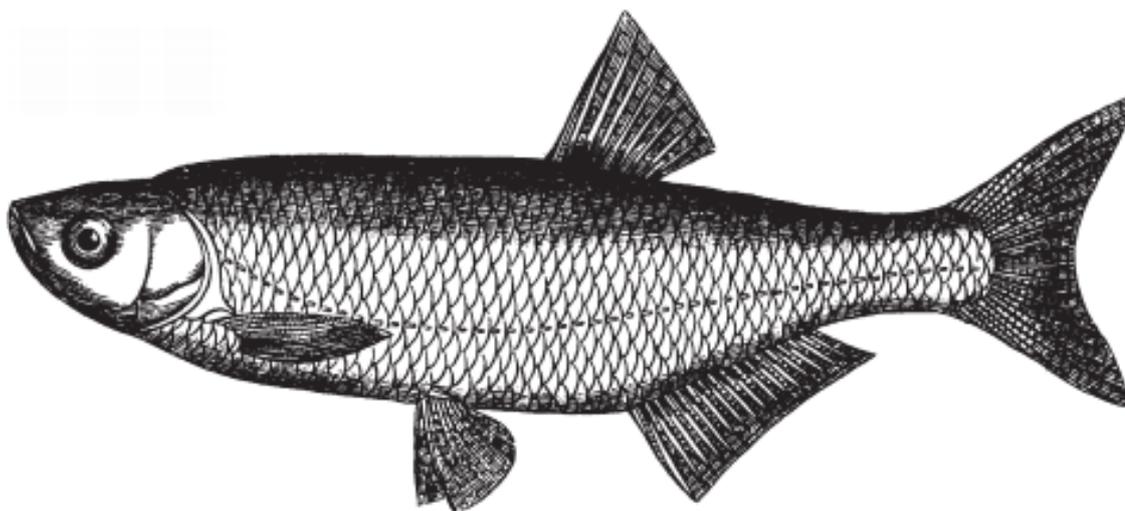

Рис. 46. Уклейка

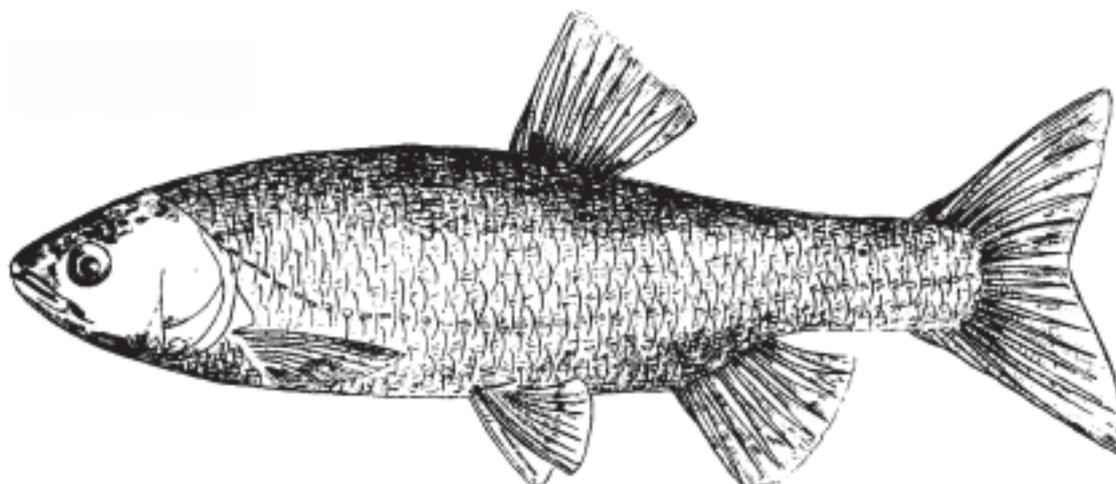

Рис. 47. Голавль

Все другие рыбы встречаются только в реках западного склона, а если и встречаются по ту сторону Урала, то это может объясняться только переходом этих рыб через хребет вышеупомянутым способом – через общие истоки или же перенесением икры. *Бычок*, иначе подкаменщик, по-видимому, встречается и в Сибири, но в восточной половине он настолько редок, насколько обыкновенен в речках Камского бассейна. По описанию рыбаков, он попадает в Павдинской и Тагильской дачах и даже в Каслинском Урале, именно в речке Вязовке. В притоках Уфы, Чусовой, Вишеры, Косьвы бычок весьма обыкновенен, но в пищу не употребляется.

Точно так же и всем известная в России *уклейка* – одна из самых обыкновенных рыб наших рек – на восточном склоне принадлежит к величайшим редкостям, а *голавль*, достигающий в притоках Уфы и Чусовой необычайной величины, здесь уже никогда не встречается. Эта последняя рыба живет, однако, в самых верховьях быстрых и каменистых речек Уфалейского и Полевского Урала и вместе с хариусом принадлежит здесь к наиболее распространенным рыбам.

Вообще фауна рыб всего Зауралья значительно беднее, нежели рыбье население при-токов Камы. Здесь недостает весьма многих других обыкновенных наших пресноводных видов, напр. густеры (*Blicca*), шереспера, подуста, чехони и некоторых других. Рыбы эти, однако, встречаются уже в большем отдалении от хребта, исключительно в Уфе, Чусовой. Собственно восточному склону из сибирских рыб принадлежат только тальмень и озерной гольян.

VII

В середине августа, впрочем, чаще в начале сентября начинаются легкие утренники; постепенно усиливаются они, но еще сильно греет полуденное солнце и дает знать, что еще не кончилось бабье лето. Быстро холодеет вода, бесчисленные мелкие растительные и животные организмы – споры водорослей, инфузорий, коловратки; мельчайшие ракообразные – циклопы, дафнии, впрочем далеко не столь многочисленные, как в прудах и травянистых озерах Средней России, так как, по-видимому, служат главной пищею знакомых нам мормышей (*Gammarus*), – все это мало-помалу погибает, садится на дно и вместе с сгнившими остатками прошлогодних растений образует новый слой ила. Скоро исчезнут и водяные насекомые: один мормыш выходит из-под лавд, подымается со дна, где укрывался в няше; количество его увеличивается с каждым днем и в конце осени, всю зиму и первую половину весны он, бесспорно, служит почти единственной пищею большинства озерных рыб. С каждым днем вода становится все прозрачнее и прозрачнее, в просветлевшей воде озера ясно видны все неровности, малейшие его углубления. Начинается осень и самая добычливая ловля щук, окуней и лученье рыбы.

Не по дням, а по часам растет пернатое население, особенно на степных озерах. Тысячи уток налетают с Далекого Севера, начинается пролет гусей, а затем и казарок; «на море» плавают бесчисленные стаи гоголей, турпанов, крохалей; в камышах и осоках таятся громадные стада уток, особенно кряковных; озеро иногда чернеет от множества птицы. Вот стая гусей садится на середину озера и осторожно подплывает к голому берегу; низко над водой пролетает орел-белохвостик – и несметная стая лысух, издали казавшаяся темным островом, точно по сигналу, бежит по воде, и далёко-далёко слышится их неуклюжее шлепанье. Глухо кричат немые казарки (*Anser arvensis*), пищит мелкая казара-пискулька (*Anser minutus*), сотенными стаями одна за другую пролетая над озером; всюду, на воде и в воздухе, крикают, свистят бесчисленные утки, перелетывающие с одного озера на другое, тысячи рыболовов, крачек с пронзительным криком вьются над водою; там и сям каркают гагары, кричит цапля, неуклюже пролетая над озером, а в необъятной выси слышится заунывное курлыканье журавлей, тронувшихся в далекий путь.

Как было сказано, к осени вся рыба собирается на мелкие, следовательно, более кормные места озера и вообще держится у берегов, а в прудах выходит из материка и омутов в пойму. В исходе августа крупный окунь жадно берет на малька, всего лучше гольяна, начинается жор щуки. Озеро, безлюдное в июле, начинает понемногу оживать, но жатвенная страда уже многим мешает выехать на ловлю, и ею занимаются исключительно коренные рыбаки-промышленники или же старики.

Рис. 48. Циклоп

С конца августа, с выходом чебака на чистые места, оба хищника, особенно щука, неутомимо охотятся за мальками. Стаи крупных окуней следуют за каждым передвижением молоди и уже исключительно придерживаются заливов, хотя и довольно глубоких. Тут же стерегут свою добычу и крупные щуки, которые все лето держатся в озерных ямах и речных бочагах. Впрочем, последние редко встречаются в большом количестве и только зимою попадают в значительном числе в невода: они не любят сообщества себе подобных, всегда ведут уединенный образ жизни, и крупная щука не дает спуску не только мелкой, но и средней. Это обстоятельство очень хорошо известно рыбакам, которым здесь не очень редко приходится вытаскивать крупных щук, заглатывших, иногда наполовину, очень порядочных щурят, взявших на живую жерлицу.

По своему устройству зауральские жерлицы очень мало отличаются от употребляемых в России. Кол, рогулька, крестообразно намотанная на нее бечевка и большой простой (не двойной) крючок – вот и все устройство жерлицы, которая также ставится в курьях, у камышей или тростника, также у неглубоких лавд, под которыми щука лежит по целым часам, неподвижно высматривая добычу. Для насадки обыкновенно употребляется более или менее крупный елец или чебак, изредка окунь с подстриженными плавниками, чаще всего крючок вдевается прямо в спину: это гораздо спóрее, а скорость имеет весьма большое значение, так как иные рыбаки ставят жерлицы десятками – до сотни и более. Голодная щука, увидев приманку, стремглав бросается на нее, заглатывает живое, сама себя подсекает, постепенно разматывает бечеву с упругих развилин рогульки, но скоро утомляется и иногда с вывороченным желудком лежит неподвижно на дне, так что при надежной снасти вытаскивается без особых затруднений. Впрочем, очень крупные щуки здесь редки и обыкновенно попадает на жерлицы 2–5-фунтовая рыба. Тем не менее в самый разгар клева щуки опытный рыболов при большом количестве снастей добывает до 5, даже 10 пудов. С раннего утра до поздней ночи расставляет, осматривает и оправляет он свои жерлицы и иногда с одной снимает добычу по 3–4 раза; редкая жерлица остается нетронутой, редкий живец не помят зубами хищника или не сорван с крючка. Последнее обстоятельство много зависит от способа насадки, почему в некоторых местах рыбаки начинают употреблять мешкотную, но более надежную продевку через рот, жабры и спинное перо.

Менее распространена здесь ловля щук на дорожку, весьма употребительная и вместе добычливая на Сосьве, Лозьве и других северноуральских реках, где на дорожку берет и хищный тальмень, реже – озерах. Из описания этого несложного снаряда, напоминающего блесну среднерусских рыбаков и волжских бурлаков, легко усмотреть, что он гораздо более пригоден для рек, нежели озер. Как видно из рисунка, дорожка состоит из 2–4-вершковой железной, реже медной пластинки с небольшим выгибом на переднем конце, где просверливается маленькое отверстие; на другом конце припаян крючок и привязан кусочек красного

сукна или другой материи. Приготовление хорошей дорожки, несмотря на всю простоту ее, требует, однако, большого искусства; при неправильном центре тяжести она плывет не горизонтально, плашмя, крючком книзу, а несколько наискось и неверно колеблется – играет; потому хорошая дорожка ценится рыбаками весьма дорого, и счастливый обладатель такой не продаст ее и за несколько рублей.

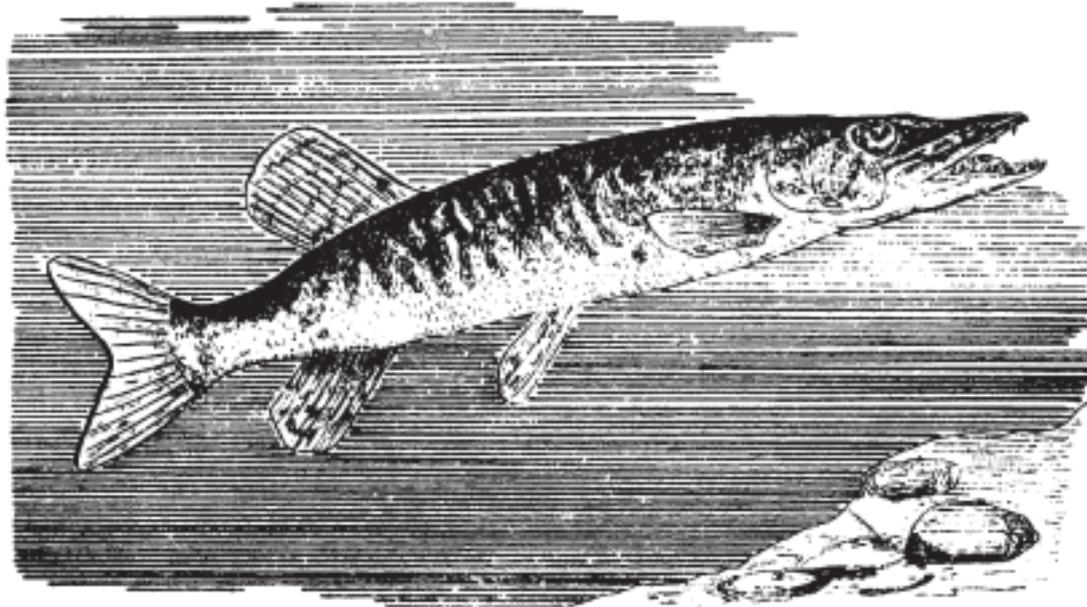

Рис. 49. Щука

Дорожат всегда с лодки и на ходу: только тогда дорожка принимает некоторое подобие рыбы и обманывает хищников, притаившихся у берега в ожидании добычи. В переднее отверстие продевается короткая проволока, к которой привязывается длинная и крепкая бечевка – до 10 сажень и длиннее, смотря по быстроте течения реки, вообще так, чтобы дорожка плыла на глубине около аршина. Рыбак садится в корму и тихо и мерно гребет, постепенно спуская веревку; затем, вытравив ее до надлежащей длины, захватывает зубами и закидывает за ухо. Осторожно, едва шевеля веслом, плывет он мимо заливов; мерно колеблется шнурок, передавая свое сотрясение уху – верный признак, что дорожка играет как следует. Мгновенно веревка натягивается и больно режет ухо – это щука схватила с разбега сверкающую приманку; еще мгновение – и рыба подсекается инертивным движением лодки. С большею или меньшею осторожностью вытаскивает ее рыбак или предварительно дает ей увлечь легкий челнок; слегка подсобляя веслом и постепенно убавляя бечевку, подводит наконец измученную рыбу к корме и захватывает сачком. Нередки, впрочем, фальшивые тревоги и промахи, так как щуке, завидевшей мимо плывущую дорожку, большею частью приходится хватать ее не прямо с хвоста, а несколько сбоку; вот почему бывают случаи, когда крючок задевает за жабру, за бок, даже за хвост. На Сосьве и Лозьве, где щука и тальмень достигают громадной величины – до двух пудов, нередко обрывается самая крепкая веревка, и самая крупная добыча обыкновенно ускользает из рук рыбака. Всего чаще дорожат утром и под вечер, но и в полдень мне не раз приходилось ловить довольно больших щук и тальменей.

Лов на жерлицу и дорожку кончается в последних числах сентября, даже ранее, и с первых октябрьских дней, обыкновенно с Покрова, начинается другая, еще более добычливая, еще более занимательная ловля – лученье.

В числе других способов ловли рыбы для рыбака-охотника охота с лучом и остройгой занимает, бесспорно, первое место. Не говоря о том, что эта ловля одна из самых трудных

и требует много силы, ловкости, сметки и необыкновенно верного глаза, она имеет еще то значение, что таким образом добывается самая крупная, отборная рыба. Охота с лучом имеет даже много поэзии, и всякий, кто хоть раз был участником, даже свидетелем лученья, непременно согласится, что вид этого чуждого нам подводного мира представляет чудное, великолепное зрелище. В черте огненного круга ясно видны все неровности дна, все растения и спящие обитатели озера; далее во все стороны – непроницаемая тьма и, по-видимому, безграничное пространство воды; медленно и бесшумно плывет лодка, точно предводимая пламенем; быстро сменяются впечатления, и в больших прудах, имеющих столь богатую флору водяных растений, много пород рыб, трудно представить себе большее разнообразие.

Главный снаряд для лучения *острога* – весьма нехитрое орудие. Большею частью она имеет 7–10, но иногда 12 зубцов, около четверти длины, четырехгранной, реже цилиндрической формы; все зубцы имеют в ширину около 4–5 вершков и с обеих сторон кончаются каждый несколькими зазубринами, а наверху соединяются в трубку, которая прикрепляется неподвижно к сухому и тонкому шесту около сажени длины, редко более 4 аршин.

Второстепенное значение имеет устройство *луча*. Для этого существует особое, весьма целесообразное приспособление, т. н. *коза*. Она состоит из изогнутой железной рукоятки, к которой привариваются с боков более тонкие железные прутья, которые на конце тоже согнуты, но под прямым углом, так что весь снаряд имеет вид продолговатой жаровни около трех четвертей длины. Конец рукоятки прикрепляется к носу лодки таким образом, что коза находится несколько выше последнего, по крайней мере на аршин от воды, что необходимо для освещения возможно большего пространства.

Вообще при ловле острогой во всем Зауралье употребляются очень легкие лодки, управляемые только одним веслом. Гребец сидит потому не в передней, носовой, ее части, как на гребных лодках, а в корме лицом к носу, где помещается, обыкновенно стоя, самый рыбак с острогой.

Самый лучший осветительный материал для луча – т. н. *смольё*. Это небольшие поленья или щепки, наколотые из смолистых сосновых пней и дающие самое яркое и продолжительное пламя. Смольё всегда заготавливается заранее и высушивается как можно лучше; в противном случае оно горит темнее и притом с треском, пугающим чуткую рыбу.

Трудно описать ощущения, которые чувствуешь, когда темною осеннею ночью едешь в лодке с лучом: кругом мертвая тишина, изредка нарушаемая лаем собак и кряканьем уток; ярко горит смольё, освещая путь; на одну минуту мелькнут мельчайшие подробности разнохарактерного дна озера, малейшие его углубления, каждая травинка – и немедленно сменяются новыми: здесь, точно подводное чудовище, лежит огромная коряга, растопырив свои ослизлые ветви, поросшие мшанками; там желтеет голый песок, тут чернеет глубокая яма, зеленеет водяной мох, виднеются длинные стебли лопуха и его огромные ползучие корни; вот и целая чаша остролистной горошницы, пожелтевшей от осенних морозов. Всюду неподвижно стоят мелкие окуньки, пестрея своими полосатыми спинками; мелькают неутомные чебаки и бойкие ельцы; небольшими сучочками лежат на дне мелкие «нонешние» щурята; медленно, словно нехотя, плывет широкий темно-желтый линь. Тихо и бесшумно движется лодка; ни единая капелька не скатывается с весла, не вынимаемого из воды; то осторожно подворачивается оно к корме, то снова выносится вперед в разрез воды, почти касаясь краев лодки. Неподвижно, черною тенью рисуясь на огненном круге, стоит рыбак посередине лодки ближе к лучу и держит наготове острогу. Проворно, но без малейшего всплеска опускает он ее в воду, вдруг с силою нажимает и вытаскивает трепещущую рыбу, ударом другой руки снимает добычу, ловко подкидывает на жаровню свежего смолья и подправляет его зубцами остроги. Трещит огонь, с треском падают в воду искры и обгоревшие головешки, и снова вспыхивает еще более яркое пламя. Вот еще новая добыча, другая, третья, чем дальше, тем больше; чаще становятся и промахи. Самое главное здесь угадать то

расстояние, на котором медленное движение остроги должно мгновенно перейти в быстрый удар; притом всегда следует бить рыбу не вертикально, а несколько наискось и сначала опускать острогу как бы мимо рыбы и на расстоянии полуаршина или менее, осторожно переносить ее на цель, т. е. спину рыбы впереди спинного плавника. Нередко рыба убегает в то самое мгновение, когда острога готовится пронзить ее; впрочем, многие рыбы, особенно щука, уходят очень недалеко, и глядишь, она снова приткнулась в каких-нибудь десяти саженях, почему ее нетрудно найти поблизости, разумеется если по величине она заслуживает этого. Уже полупудовая щука требует значительного усилия от рыбака и нередко вырывает острогу; но в сильных и опытных руках только дрожит древко остроги, и щука, втиснутая в вязкий ил озера, скоро изнемогает и вытаскивается без особых затруднений. Еще более крупные, пудовые, щуки попадаются здесь весьма редко, и рыбаки уже не осмеливаются ударить их острогой.

Трудно представить, сколько крупной рыбы добывается таким образом. При благоприятных условиях опытный рыбак в 3–4 часа добывает до 10 пудов самой лучшей, отборной рыбы, б. ч. щуки, налима и линя, реже делается его добычей осторожный язь, окунь, чебак; мелкие не стоят удара, а очень крупные часто срываются, и от крупной чешуи их, точно от железной брони, отскакивает и самая лучшая острога. Но не одна рыба попадает ловкому «бойцу»; нередко последнему доводится закалывать и уток: точно ошалевшие от внезапно озарившего их пламени, вертятся они на одном месте, налетают на самый огонь; даже гребцу удается зашибить их своим коротким веслом.

Впрочем, еще с середины сентября количество водяной птицы постепенно уменьшается; одна за другой покидают озера разные породы уток, и с окончательным замерзанием вод в ноябре улетают и последние стаи гоголей и кряковых уток. С замерзанием озер кончается лучение рыбы, и с первым, еще тонким и прозрачным, как стекло, льдом, еще не запущенным снегом, который обыкновенно выпадает несколько позже, начинается кратковременная, крайне опасная, но весьма удачная осенняя ловля – *глушение* рыбы.

Эта весьма оригинальная ловля основана на том, что по замерзании озера вся рыба, очевидно не находя себе прежних условий для дыхания, первое время держится подо льдом и ясно виднеется, особенно ночью, при освещении сквозь прозрачный покров озера. Иногда глушат и днем, но чуткая рыба стоит тогда плохо и уходит ранее, нежели рыбак успеет подкрасться со своим *кийком* – полуаршинной чуркой, вершков 6 в отрубе, которая насаживается на двухаршинную рукоятку. Потому глушение б. ч. производится по ночам, когда рыба спит, почти касаясь ледяной коры своим спинным пером. Тем не менее необходимы многие предосторожности, и грузному, тяжелому человеку лучше не пробовать счастья: тонкий лед трещит, пугает рыбу и иногда проламывается. Ради возможной тишины рыбак обувается в валеные сапоги – «пимы», по-сибирски. С небольшой козой в левой руке осторожно скользит он по стеклянной поверхности озера, ловко бьет кийком стоящую рыбу, темная спина которой при свете луча отчетливо виднеется сквозь тонкий лед. Удар должен приходиться прямо против головы рыбы и бывает действителен, только когда последняя стоит не далее полуаршина от внутренней поверхности ледяного покрова: только тогда она сразу перевертывается вверх брюхом. Крепче всех налим, хлипче всех щука, и первого редко удастся оглушить с одного раза, между тем как щука шалает даже от слабого удара и иногда на аршинной глубине. Оглушенная рыба, однако, скоро приходит в чувство, и потому рыбак немедленно прорубает пешней или топором надлежащее отверстие и выкидывает добычу на лед. Вот тут-то всего чаще бывают несчастные случаи, и потому редко глушат в одиночку, почти всегда вдвоем: один несет огонь и бьет рыбу, другой достает ее и на всякий случай имеет при себе достаточно длинную веревку. Иногда кийк заменяется обухом топора или простой дубиной, а коза – железным ковшом, даже лопатой, а при случайной ловле просто светят горящей

берестяною трубкою. В реках и протоках обыкновенно бьют рыбу прямо с берега, но здесь на зиму остается весьма немного рыбы – она вся уходит в озеро.

Глушенье, впрочем, непродолжительно и вообще имеет случайный характер; только при удаче добывается этим способом пуд-другой большею частью мелкой и средней рыбы. Быстро утолщается лед от сильных ноябрьских морозов, и уже не действуют самые сильные удары тяжелого кийка; рыба, еще прежде собравшаяся громадными стаями, уходит окончательно на глубокие места озера и не удаляется отсюда, иногда даже не переходит в другие, соседние ямы. Но за исключением карася, и то в мелких озерах, также пескарей, зарывающихся в тину, в глубоких уральских озерах почти вся прочая рыба продолжает, однако, кормиться всю зиму. Пищи им вдоволь: с первым тонким льдом весь мормыш, столь редкий летом и в начале осени, высыпает на внутреннюю поверхность последнего, местами сплошь покрывает его и кишит темными массами в несколько рядов, одни под другими. Окунь и ерш в особенности в продолжение почти всего холодного времени года исключительно кормятся этим рачком, и желудок их постоянно наполнен мормышом; реже, б. ч. в начале и конце зимы, поедается он язем, ельцом, щукою и чебаком.

VIII

Выше было указано, какое громадное значение для прироста рыбы имеет мормыш – ничтожный рачок, в большем или меньшем количестве населяющий все Зауральские озера, начиная от Петропавловска; вероятно, он встречается и гораздо севернее и идет далеко на восток и юг – в Барабу и Киргизские степи. Рыба большую часть зимы питается одним мормышом, и потому быстрота ее роста почти невероятна: в Карагузе полуторагодовалый чебак и окунь весят около фунта; 2–3-вершковая рыба этих видов, пересаженная сюда весной из Синарского озера, к зиме достигает 5–6 вершков; тышкинский чебак в 1/16 ф., перевезенный в садок, т. е. кормное озеро, тоже через 8 месяцев весит 1/5 ф., а через год каждый из них – фунтовик³⁵.

Примеры эти достаточно объясняют неистощимость Зауральских озер. Конечно, это исключительные случаи, которые не имеют общего применения, но, тем не менее, ежегодный прирост здешних рыб может идти в сравнение только с приростом рыб в низовьях Волги, Урала и Дона и, несмотря на хищничество арендаторов, почти вознаграждает ежегодную убыль. Мы не будем далеки от истины, если примем следующие цифры первоначального роста рыбы, выведенные из наблюдений и расспросов рыбаков. Быстрее всех растет щука, которая через год достигает 5, даже 7, через 2 года – 8–9 вершков длины; затем следует налим – 4–6 вершков, язь – 4–5, линь – 3, чебак и окунь – 2–3, ерш и елец – 1 1/2 вершка. Самый незначительный прирост замечается у карася, который только в самых кормных озерах вырастает в год до 1 1/2 в.; обыкновенная же величина годовалого карася – 3/4–1 вершок. Дальнейший прирост рыбы также подвержен более или менее значительным колебаниям, но, соображаясь с достоверными цифрами прироста в первые два-три года, надо полагать, что он совершается в следующей, хотя и не совсем правильной прогрессии.

³⁵ Впрочем, теперь прирост тышкинского чебака несколько уменьшился, так как последний сделался вообще крупнее и менее способным к такому быстрому откармливанию.

	Годовал.	2-годовал.	3-годовал.	4-годовал.	5-годовал.
Щука	6	8	9	9 ^{1/2}	9 ^{3/4}
Налим	5	7	8	8 ^{1/2}	8 ^{3/4}
Язь	4	6	7	7 ^{1/2}	7 ^{3/4}
Линь	3	5	6	6 ^{1/2}	6 ^{3/4}
Окунь	2 ^{1/2}	4	5	5 ^{1/2}	5 ^{3/4}
Чебак	2	3(3 ^{1/4})	3 ^{1/2}	3 ^{3/4}	3 ^{7/8}
Елец	1 ^{1/2}	2 ^{1/2}	3	3 ^{1/4}	3 ^{3/8}
Ерш	1 ^{1/4}	2 ^{1/4}	2 ^{1/2}	3	3 ^{1/8}
Карась	1	1 ^{3/4}	2 ^{1/4}	2 ^{1/2}	2 ^{5/8}

Начиная с трехлетнего возраста все рыбы начинают расти более в толщину, нежели длину, особенно в кормных озерах, где и первоначальный прирост значительно, чем показанный выше. Рыба таких озер нередко весит в 1 1/2 и 2 раза более, чем та же рыба одинаковой с ней длины (и притом старше) из озера менее кормного. Отношение между длиной и шириной тела всего изменчивее у щук, карасей и налимов.

Даже этот приблизительно верный прирост значительно превышает обыкновенный рост рыбы не только в реках, но и других русских озерах, и, без сомнения, немногие бассейны могут в этом отношении соперничать с Зауральскими озерами. Но и здесь он весьма различен: свойства дна и берегов, глубина озера, даже состояние погоды во время нереста и множество случайных явлений имеют более или менее значительное влияние на размеры живущей в нем рыбы, и вообще можно принять за правило, что большинство наших рыб достигает тем большей величины, чем медленнее течение и иловатее дно известного бассейна. Всего медленнее растет рыба в проточных водах с каменистым или песчаным дном и голыми берегами.

Возвращаясь, однако, к мормышу – главному виновнику этого быстрого и, что всего важнее, почти непрерывного роста рыбы Зауральских озер. Зимнее ужение основано здесь единственно на изобилии этого небольшого рачка, служащего, в свою очередь, предметом лова, даже особого, хотя и весьма незначительного промысла. От изобилия мормыша зависит и успех неводной ловли, и, по замечанию неводчиков, «чем более мормыша – тем лучше ловится рыба неводами». Быть может, что периодический уход последней на глубину, где она, вероятно, впадает в зимний сон, зависит т. с. от неурожая на мормыша и что зимняя спячка обуславливается не одним недостатком воздуха, но также и недостатком пищи. Весьма возможно, однако, что немалую долю влияния оказывает большая или меньшая суровость зимы: чрезмерная толщина льда выгоняет рыбу из более мелких и вместе самых кормных местностей озера, а карася и линя заставляет даже закапываться в ил.

По-видимому, во всех Зауральских озерах встречается только один вид Gammarus. Правда, в одних он крупнее, в других или синее обыкновенного, или же с желтым, даже красноватым оттенком, но это объясняется очень просто: различия в величине зависят от свойства дна и самой воды, и всего крупнее и желтее мормыш в карасях иловатых озерах, всего синее и, заметим, малочисленнее бывает он в свежей, чистой воде более глубоких и проточных озер. В течение всего теплого времени года он держится под лавдами или в няше (редко в иловатом песке), и до сильных морозов присутствие его в озере почти неприметно.

Как было сказано, с замерзанием озера бесчисленное множество мормышей высыпает на нижнюю поверхность льда. Во второй половине зимы, с конца января или в начале февраля, они совокупаются и постоянно встречаются попарно, *in copula*³⁶. По наблюдениям в аквариуме, они и в это время не отличаются особенною живостью, большею частью неподвижно сидят у поверхности; только по утрам и вечерам между ними замечается некоторое оживление: они беспрестанно то падают на дно, свернувшись клубком, то поднимаются кверху, подгибая под себя заднюю часть тела. Спят они, собравшись в густую кучу, и зимою всю ночь проводят во сне, между тем как летом, напротив, ведут более ночной образ жизни, что доказывается тем, что в карасых озерах они иногда съедают дотла мережи, поставленные поздним вечером. Мормыш положительно всеяден. Главным образом он питается мельчайшими животными, особенно дафниями, циклопами и коловратками, а также и своим собственным юным потомством, но употребляет в пищу и всякие животные и растительные остатки, отыскиваемые им в няше озера. Во время зимнего уженья его ловят на гороховину, которую он очень любит, также на льняные снопы; иногда с этой целью спускают под лед решето на веревочках, к которым привязан пучок мочалы, натертый мукой: мормыши, наевшись, падают в решето и осторожно вытаскиваются из проруби.

Летом мормыш ловится плохо, да в нем и нет никакой надобности; рыба редко берет на него, да и вообще описанными способами добывается незначительное количество этого рачка. Поэтому при огромной потребности в нем, особенно в таких местах, где он малочислен (где мормыша очень много, там рыба сыта и почти не клюет на него и в зимнее время), для ловли мормыша чаще употребляют более или менее длинный, иногда саженный, узкий и глубокий ящик, одна из длинных сторон которого густо усажена щетиною. В один конец ящика прикрепляется под углом довольно большая жердь, затем ящик просовывается в довольно большую прорубь, приводится в горизонтальное положение и загребают всех мормышей, сидящих на льду кругом проруби, на радиус, равный длине ящика. Иногда таким образом вытаскивается зараз по нескольку ведер; но еще большее количество мормыша попадает в мотню невода, откуда он выбирается рабочими и складывается в осиновыя кадушки, которые закапываются в землю или ставятся на погреб, где мормыш сохраняется живым иногда в течение 2-х недель. Ловом мормыша вообще занимаются исключительно неводные рабочие, которые и продают его по 20–25 к. с. за ведро; вырученные деньги делятся между всею артелью. К весне по плохому льду в самый сильный клев рыбы, когда количество мормыша значительно уменьшается, ведро мормыша стоит 50 к. с., даже более. Все это показывает, в каком множестве встречается здесь этот рачок и какую важность имеет для зимнего уженья.

Уженье на мормыша, не известное в России, с незапамятных времен употребляется во всех Зауральских озерах, за исключением северных озер.

Лов этот начинается одновременно с неводным, с первым, достаточно прочным льдом и может быть разделен на два периода, отделенные полуторамесячным, даже месячным промежутком; в конце декабря и в январе рыба клюет очень плохо, да притом сильные рождественские и крещенские морозы отобьют охоту и у самого ярого удильщика. В начале февраля клев снова возобновляется, и исключительно в марте бывают те огромные уловы, о которых мы говорили выше: в короткий зимний день опытный рыбак легко выуживает два, иногда три пуда окуней или ершей. Чебак, елец и язь берут на мормыша уже не так жадно; изредка на него попадают и мелкие щуки, а налим в начале зимы и вскоре после нереста кормится исключительно мормышем, но попадает не часто, хотя, если удить со дна, удастся иногда вытащить на эту приманку и довольно большого *шамбы*, как называют налима башкирцы.

³⁶ Совместно (лат.). – *Ред.*

Проезжая зимою мимо озера, вы иногда увидите вдали какие-то неподвижные фигуры, ясно выделяющиеся из ослепительной белизны снежного покрова. Это – рыболовы. В самый разгар клева, который то ослабевает, то усиливается, на озере собираются десятки, иногда сотни рыбаков; но это бывает, впрочем, редко, так как в большинстве случаев и ужение на озерах строго воспрещается арендаторами, которые очень хорошо знают, что при хорошем клеве они в один день могут лишиться не одной сотни пудов рыбы. Но тогда рыболовы прибегают к хитростям, прячутся в камышах, надевают сверх собачьей дохи холщовые балахоны или укрываются между трещинами и ледяными надвигами. Последние, впрочем, бывают только в проточных озерах, которые в большинстве случаев служат главными или запасными прудами здешних заводов. Постепенно возрастающая убыль воды в этих озерах производит ледяные отдувы, расстояние между льдом и поверхностью воды увеличивается, и, наконец, вся громадная ледяная масса, нависшая над озером, с треском и гулом, слышимым за много верст, обрушивается и местами дает широкие трещины, местами образует более или менее высокие сдвиги, скоро заваливаемые снежными сугробами. Высечет рыбак пещеру в этом сдвиге, пешней же выбьет прорубь и спокойно удит себе: здесь он в полной безопасности от непогоды, и даже зоркий глаз караульщика не отличит его от синевы ледяной стены.

Рис. 50. Зимнее ужение

Самое ужение довольно оригинально. Рыбак, отправляясь на ловлю, берет с собою пешню, корзину для рыбы, бурак с мормышем и запасается несколькими крючками и удами. Живо высекает он круглую прорубь или расчищает старую, для защиты от ветра нагребает кучу снега, садится за ней, поджав ноги и закидывает удочку. Последняя состоит из гибкого 8–10-вершкового березового прутика, завернутого наполовину в камыш, который туго обматывается бечевкой; большею частью удят на глубине не более 2-х аршин с навесу и с грузилом; мормыш насаживается с головы. Удочка держится в левой руке, а в правой у рыбака небольшая лопаточка, которая служит для подсечки рыбы. Как только клюнет рыба, он мгновенно поддевает лесу и, откинув левую руку, быстро подводит лопатку почти к самой добыче, одним ударом лопатки по голове рыбы высвобождает наживу, в одну секунду оправляет ее и снова закидывает лесу. При хорошем клеве и на удачно выбранном месте рыба

берет беспрестанно, едва успеет приманка показаться на нижнем крае проруби, и тогда с берега положительно кажется, что рыбаки только махают руками: с таким необычайным проворством орудуют они своим коротким удищем. Почти всегда берет мелкий годовалый или двухгодовалый окунь и ерш; более крупные клюют на более значительной глубине, далее от берега, и ловля их уже более мешкотна, так как длинная леса путается и смерзается, да и более сильная рыба упирается в нижние края узкой проруби. Вот почему при клеве последней количество добычи редко бывает значительнее, чем при ловле мелкой. Как было сказано, в короткий зимний день иногда легко выуживают здесь по 2, даже по 3 пуда рыбы, иногда более 1000 штук мелкого окуня и ерша. Первый берет на песчаных, второй на иловатых местах озера, и обыкновенно на большей глубине. Клев других рыб в начале зимы не имеет такого значения: чебак, елец, язь берут только в ноябре и со дна.

Рис. 51. Башкирская удочка

Ужение это продолжается до первых чисел, иногда середины декабря – одним словом, до наступления сильных морозов и периода самого толстого льда; затем клев постепенно слабеет и около Крещенья вовсе прекращается. В это время производится главная ловля налимов, которые нерестуют в конце декабря и начале января и реже всех рыб попадают в сети.

Налим, впрочем, встречается в большом количестве далеко не во всех и проточных озерах; всего многочисленнее он в протоках и речках, где проводит большую часть времени года, но зато нигде в России не достигает он таких больших размеров, как в Зауральских озерах. Здесь вообще отличают три варианта этой рыбы. *Черный*, самый мелкий налим, живет в реках и почти никогда не достигает более 5 фунтов и 8 вершков длины, растет гораздо медленнее (3, 5, 6) и кроме того, несравненно уже обыкновенного *желтого* налима, который попадает как в иловатых реках, так и в менее кормных озерах. Настоящий озерной налим *серого* цвета, необыкновенно жирен и толст и бывает иногда до 30–40 фунтов весом, даже более: так, в Иртыше был пойман лет 10 назад один серый налим, весивший почти два пуда. Эти серые налимы иногда в один год вырастают до 7 вершков; во время игры не попадает ни один менее 1/2 аршина и 3-х фунтов, между тем как у черных иногда имеют икру и 4-вершковые полуфунтовики. Но как те, так и другие, несомненно играют по достижении трехлетнего возраста.

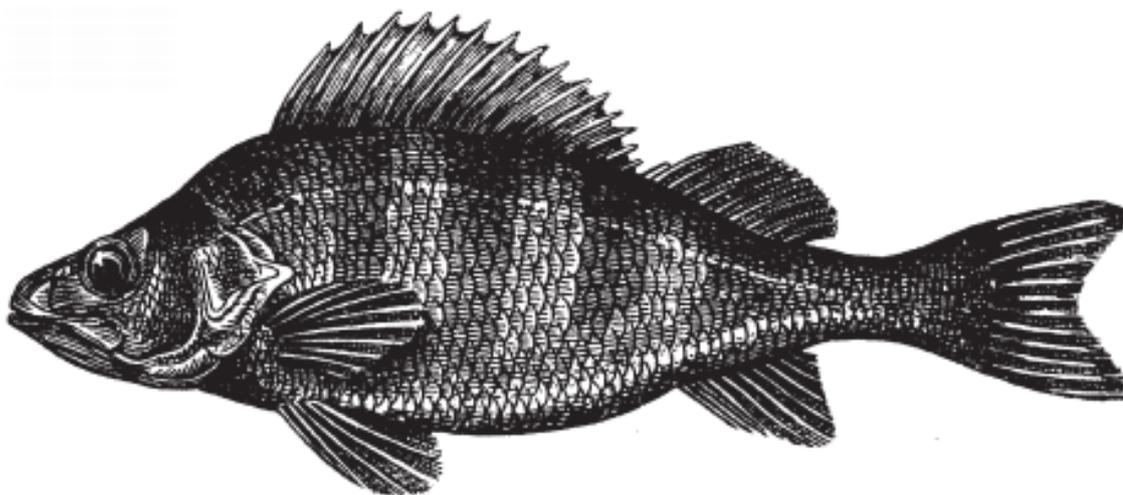

Рис. 52. Окунь

Еще задолго до нереста, в октябре, даже в сентябре, начинается в озерах сильный клев налима, вышедшего из камней на глубине из-под лавд и из протоков. Мелкие налимы берут (по льду) на мормыша, впрочем, непременно со дна, более крупные – сначала на ельца и чебака, а затем на окуня и обстриженного ерша³⁷. В начале декабря клев прекращается, и в середине этого месяца начинается ход налимов. Они собираются большими стаями, по сотне и более, и выходят из озера; изредка налимы мечут и в устьях, но всегда выбирают текучую воду. Икра выпускается обыкновенно в довольно мелких песчаных или хрящеватых местах, и весьма замечательно, что налимы, по свидетельству рыбаков, играют постоянно на белой гальке и во время самого нереста свиваются попарно – самец с самкой. Мнения этого придерживается и большинство рыбаков Ярославской губ., и подобное наблюдение приводится и в сочинении Зибольта. Икра налима довольно многочисленна (около 13 000 икринок), но считается вредною и потому в пищу почти никогда не употребляется.

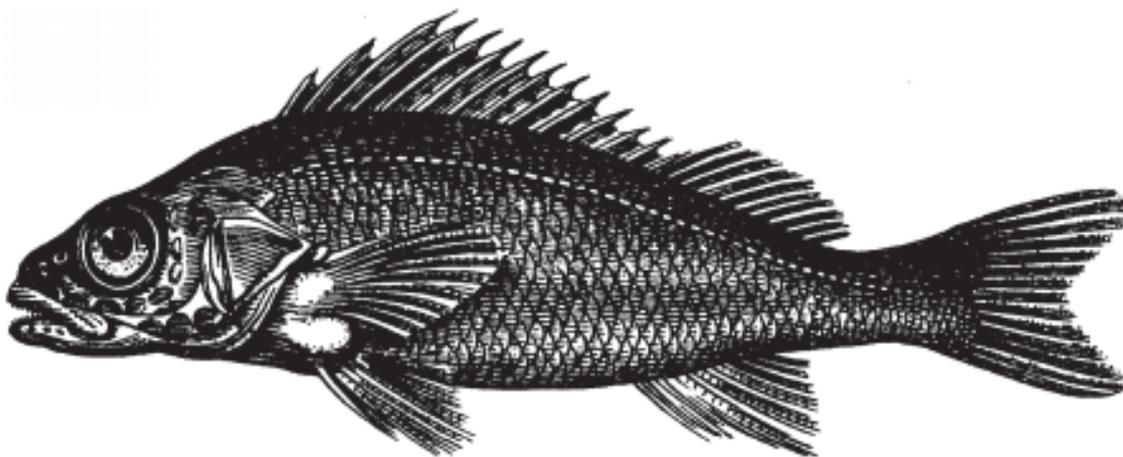

Рис. 53. Ерш

Нерест налима почти всегда продолжается 12 дней, от Рождества до Крещенья; он идет только по ночам и днем почти никогда не попадает в морды, которые ставятся через проруби в узких местах речек и протоков. Зато ночью в самый разгар хода и при удаче морды набиваются битком, и случается вытаскивать зараз до 2-х пудов этой ценной рыбы. Иногда

³⁷ Лов налимов на лягушку здесь вовсе не известен.

налимы, не находя себе места в самой морде, помещаются в горле (детыше) и, несмотря на то, что очень легко могли бы выйти оттуда, делаются добычей опытного рыбака, который, зная это, вытаскивает свою снасть с большою осторожностью. Вообще улов налимов весьма значителен, и на Святках они составляют главную рыбную пищу всего населения.

В начале февраля налим возвращается в озеро и снова берет на животку, иногда и на мормыша. В то же время вместе с возрастающею рыхлостью льда и постепенным его утончением поднимаются со дна озера и другие рыбы, снова начинается ужение окуня и ерша, а затем чебака, ельца, частию язя, тоже на мормыша, и ловля, впрочем незначительная, шук на жерлицы. Клев этих рыб продолжается до середины или конца марта и прекращается вместе с образованием больших наледей, полыней и закраин и уходом мормыша на дно. Наступает весна, кончается и неводная ловля, кратким описанием которой мы заключаем нашу статью.

IX

С первым осенним льдом в конце октября или в ноябре, иногда гораздо ранее санного пути начинается самый главный – неводный лов: все количество рыбы, пойманное весной, летом и осенью, ничтожно в сравнении с количеством, добываемым неводами арендаторов зауральских озер.

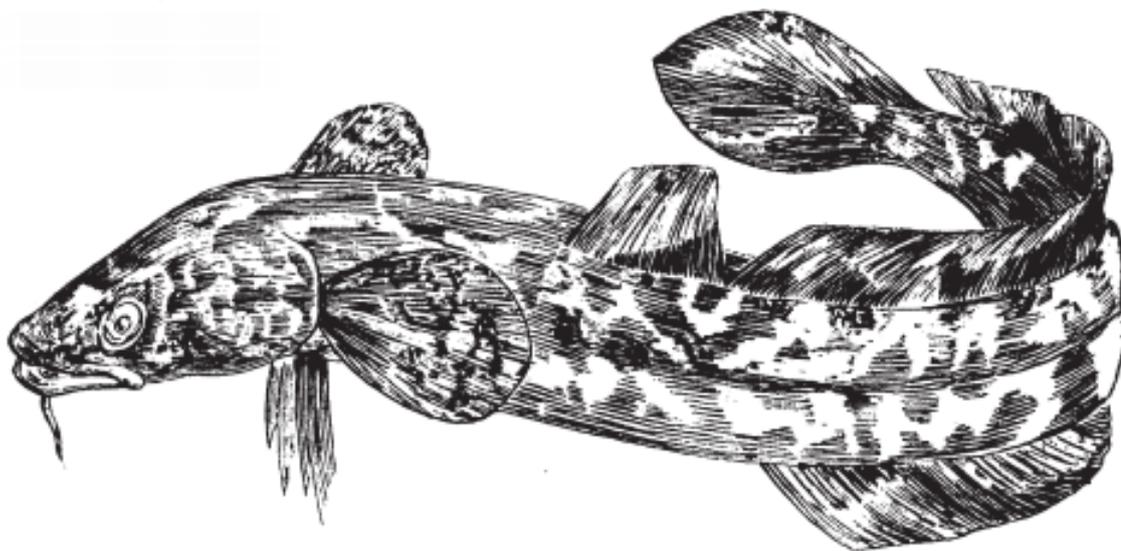

Рис. 54. Налим

Оставляя в стороне массу собранных нами статистических фактов, касающихся озер, рабочих, ловли, уловов и сбыта рыбы, фактов, которые, к сожалению, не могут быть помещены в этой статье, мы постараемся представить возможно краткий и вместе наглядный очерк зимнего – неводного лова.

Большая часть озер Екатеринбургского, Шадринского и Челябинского уездов принадлежит башкирцам и не более трети составляет собственность челябинских казаков, отчасти казенных и частных заводов и, наконец, помещиков (села Куяша, Никольского и Тибука). Но все эти озера в настоящее время вовсе не тянутся самими владельцами и сдаются в аренду исключительно каслинским купцам, которые с давних времен захватили в свои руки почти всю рыбную промышленность зауральского края, включая сюда и часть Троицкого уезда. Братья Наседкины, Трутневы, Бельников, Блиновский, в последнее время Злоказов кортомят почти все озера, за исключением самых южных, эксплуататорами коих являются челябинские купцы. Миллионеры Д. Наседкин, Трутнев с давних времен, чуть не с начала текущего столетия, держат в своих руках почти все башкирские озера и самое башкирское, частию

русское население, посредством подкупа нужных людей и влиятельных башкирцев являются главными обладателями самых лучших озер и вместе с прочими, второстепенными, рыбопромышленниками не допускают конкуренции посторонних лиц.

Тем не менее арендная плата как за владельческие и казачьи, так и башкирские озера, возвышается в значительной прогрессии каждое двенадцатилетие – обыкновенный срок найма. Для примера укажем на самые ценные и надежные Каслинские озера, которые с 1819 года по настоящее время кортомятся Д. Наседкиным.

До 1819 года арендная плата была 1900 р. (ассигн.)

С	1819–1830	—”—	10 000	р. с.
	1830–1841	—”—	23 000	—”—
	1841–1852	—”—	43 000	—”—
	1852–1863	—”—	56 000	—”—
	1863–1875	—”—	64 000	—”—

Но даже и эта последняя плата еще весьма низка сравнительно с арендой помещичьих озер Тибуцкого и Куяшского имений и далеко не достигла настоящей нормы. Вообще можно принять, что в первые же четыре года окупается не только вся арендная плата, но и все затраты на невод и рабочих за полное двенадцатилетие, и остальные 8 лет озеро приносит один чистый доход. Такие случаи низкой аренды, как озера Айдакуля, за которое еще не так давно платилось Трутневым 25 р. ассигн. и выручалось 25 000 р. ас, конечно, более не повторяются, но и до сих пор вследствие постепенно возрастающего обеднения башкирского населения, живущего одной арендой с озер и земли, бывают примеры невероятно дешевой кортомы. Так, правда за год или два до истечения срока старой аренды и уплатив вперед все деньги, Трутнев «купил» Иткуль (в котором, как мы видели, ловится до 30 000 пудов рыбы) и прилежащие к нему мелкие озера за 10 000 р. с. Выгоды, получаемые рыбопромышленниками, тем значительнее, что на весну, лето и осень озера сдаются рыбакам за известную плату (около 1 руб. за каждую мережу) или из третьей рыбы.

Переходим к рабочим. Последними в большинстве случаев являются казенные крестьяне из сел Конева, Огнева, Бульзей и пр., также крестьяне (тоже государственные) Ирбитского и Камышловского уездов. Только неводчики (башлыки у башкирцев) и их помощники с давних времен бывают всегда из заводских крестьян и горнорабочих. Наем рабочих совершается очень просто. Осенью, в сентябре или октябре, приказчики рыбопромышленников разъезжают по казенным волостям и, стакнувшись с старшинами, выплачивают подати за бобылей и недоимочников и забирают их паспорта. Поэтому невероятно тяжелый труд неводных рабочих оплачивается весьма скудно. С каждым неводом «ходит» от 12 до 16 человек рабочих (считая в том числе неводчика и его помощника) и собственно рабочих 8–10 *пехарей* рядят в три срока: 1-й – с открытия лова до Рождества по 80 к. с. в неделю (на хозяйских, относительно весьма плохих харчах); 2-й – с Рождества до Масленицы по 1 р. 10 с, так как лед в середине зимы достигает до 5, а на Иртыше даже 7 четвертей; 3-й – с Масленицы до окончания лова – снова по 80 к. Остальные рабочие получают постоянно одинаковое жалование, именно два *прогонщика* из мальчишек – по 50 к., два *норильщика* – по 1 р. 20 к., конюх, который смотрит за 9–12 лошадьми, смотря по неводу³⁸, – 1р. 50 к., помощник неводчика – 1р. 80 к. до 2 р., неводчики – 3–3 р. 50 к., и, наконец, приказчик, обязанность которого присутствовать при каждой тяге невода, продавать рыбу, закупать овес, дрова, сено и харчи для рабочих, получает по 100–150 р. с. в год.

³⁸ Шесть лошадей завозят крылья, две – на воротах, две – под приказчиком для разъездов, две возят рыбу.

Обыкновенная длина невода 400 сажен, а ширина 10–15 аршин. Самый большой невод ходит на Иртыше и имеет почти 500 сажен длины, 25 аршин ширины и стоит более 1500 р. с. Устройство невода более или менее известно каждому, и потому мы не станем о нем слишком распространяться. Крылья и матка (мотня) – главные его части. Первая половина каждого крыла, начиная от «кляч», сшивается из трехпалечной (т. е. в ячею проходит три пальца) дели, называемой *шадринкой*, так как она идет из Шадринска. Эта дель покупается по 12 к. с. за маховую сажень. Вторая половина крыльев состоит из двухпалечных сетей, называемых *ураимками* (Ураим – Нязепетровский завод): каждая квадратная полоса в 32 петли стоит на месте 14–15 к.; матка же – однопалечная, и дель для нее идет тоже из Ураима и продается по 18 к. за 33–34 петли³⁹. Матка пристегивается к крыльям шнуром «на вздержку» и имеет всегда около 3-х сажен ширины и 6 длины. К нижней тетиве невода на расстоянии 1 аршина привязываются т. н. *кибасы* (алташ – у башкирцев) – 2–3 плитки, зашитые в толстую бересту, в которой проделывается отверстие; на небольшом неводе считается более тысячи этих кибасов. Кибасы приготавливаются на досуге самими рабочими, но осокоревые поплавки привозятся из Уфимской губ. и продаются здесь по 1 к. за штуку.

Большую часть на двух-трех озерах ходит один невод, и только в исключительных случаях на очень больших озерах (Иртыше) и перед окончанием срока аренды на одном озере тянут зараз двумя, даже тремя неводами. Обыкновенно невод ходит столько раз в зиму, сколько считается в озере тоней, и только некоторые места, известные как главные зимние становища рыбы, тянутся по несколько раз в течение всего неводного лова. Количество тоней, можно сказать, пропорционально пространству, занимаемому озером: мели, самые глубокие ямы и очень каменистые места, конечно, не входят в этот расчет, но их не так много, и потому можно принять, что число тоней несколько более числа квадратных верст, занимаемых озером: береговые тони захватывают около половины (1/2 версты ширины и 1 в. длины), а моревые – 2/3 квадратной версты (1/2 версты ширины и 1 1/2 длины).

Каждая не только береговая, но и моревая тоня имеет с незапамятных времен свое название и неизменно принадлежащее ей место, которое каждый раз вымеривается неводчиком. Последнему известны в точности как все углубления озера и все большие камни на дне, так и малейший кустик на берегу. Неводчик есть распорядитель неводного лова и единственный начальник рабочих во время тяги, и на нем вместе с его помощником лежит весьма тяжелая работа – «топка» крыльев при вытягивании невода на лед.

Другим рабочим, особенно пехарям, которые бьют проруби, достается еще более. Невод закидывается ежедневно, несмотря на ветер и «клящие» морозы, и только в самую метель – пургу – не бывает тяги на озере. Из ближайшей рыболовной избушки рабочие выезжают до свету, и тяга кончается к 5 часам вечера; с Рождества до Масленицы в самый толстый лед работа начинается еще ранее и позднее оканчивается. В день делается всего одна тоня.

Прежде всего неводчик по береговым приметам или островам назначает место запуска – главной проруби, в которую спускают невод, и отмеривает шагами надлежащее расстояние (3/4–1 1/2 в.) до притона. Двое пехарей рубят запуск, трое или четверо бьют проруби на левом, столько же – на правом крыле. Запуск делается большей частью в две сажени длины и сажень ширины; боковые круглые проруби (5–6 вершков в диаметре) отстоят одна от другой на 6–8 сажен, и на каждом крыле их бывает от 20 до 25. Эта работа требует очень больших трудов и значительной сноровки, и у неопытных пехарей-новичков от холода и чрезмерных усилий нередко сводит пальцы. Особенно тяжело бить круглые проруби, тем более что они должны иметь правильную цилиндрическую форму: пехари на крыльях редко кончают их ранее чем в шесть часов. Запуск бьется несколько скорее, и рабочие, утопив ледяницы под

³⁹ В последнее время дель сильно вздорожала, и теперь входят в употребление сравнительно дешевые вятские сети.

задний край проруби, рубят притон, из которого невод вытаскивается на лед. Притон имеет треугольную форму с основанием (обращенным к неводу) в 2 1/2 и боками в 3–4 сажени.

Как только готов запуск и ближайšie к нему проруби, норильщики начинают пропихивать с каждой стороны до следующей проруби т. н. *норило* – жердь в 8 сажень длины и с дырой на одном конце, в которую продевается воротовой канат; по окончании этой работы последний закладывается на ворот, невод спускается в воду и образует под льдом довольно крутую дугу, так что идет на 200–280 сажень. Невод тянется, конечно, лошадьми, и в каждый ворот, который устраивается на дровнях и закрепляется во льду присечным крюком, ввернутым в брус, связывающий салазки, впрягается одна лошадь. Потом, когда вытянут невод на половину расстояния, действует только один ворот позади притона, и лошади тянут оба крыла вместе.

Едва покажутся крылья невода, прогонщики становятся на широком месте притока и захватывают верхнюю тетиву аршинными таловыми крючками и тянут крылья в разные стороны, крепко прижимая ко льду верхний край сети. Нижняя же тетива прижимается ко дну неводчиком и его помощником при помощи т. н. топков – шестов с железной развилиной на конце; у каждого по 2 топки, которые поочередно передаются рабочему. Эта работа чрезвычайно тяжела и требует много силы и умения, особенно в начале вытаскивания невода: в глубоких озерах топки имеют в длину несколько сажень. Все рабочие в это время действуют на крыльях и выбирают из них рыбу, что, впрочем, бывает только при удачных тонях и служит признаком того, что будет поймано не менее 500 пудов. При еще большей добыче рыба оказывается и в первой половине крыльев, а при улове в 1500–2000 пудов матка не может вместить всего количества и рыбу приходится черпать из притона сачками. В тех же, впрочем, крайне редких, случаях, как, напр., в Маяне, когда зараз вытаскивают до 5000 пудов, все лошади действуют на воротах, недостаточно крепкие или старые канаты лопаются, и тяга продолжается всю ночь и следующий день, а рыбу, стеснившуюся у проруби, вытаскивают в течение нескольких суток! При богатых тонях почти всегда вытаскивается один, даже два выродка (всего чаще бывают они у чебаков и окуней), которые отличаются своею уродливостью и обыкновенно не достигают большого роста. Таких «князьков» суевверные рыбаки считают за вожаков рыбы и всегда выпускают обратно в воду с 2–3-мя сачками мелкой рыбы.

Большую часть, однако, почти вся рыба помещается в матке. Как только последняя обнаружится, ее отстегивают, каждое крыло складывают на воз, края мотни приступают и постепенно выбирают на лед до тех пор, пока она не будет полна рыбы, которая выбирается оттуда сачками и высыпается для меры в короба – огромные плетеные корзины, вмещающие 70 пудов мелкой и 80 крупной рыбы; затем рыбу морозят на току, для которого расчищают лед поблизости притона, наконец, для весу обсыпают снегом, а иногда (исключительно крупную) при малом запросе макают в воду. В начале весны, когда кончается дальний сбыв, лишнюю и мелкую рыбу выпускают в садки – небольшие кормные, большую часть карася, озера, где она в 8 месяцев достигает вдвое, даже втрое большей величины. Перевозят ее обыкновенно в сороковых бочках с весьма небольшим количеством воды (несколько ведер), и при достаточно холодной погоде рыба остается живою в продолжение 4–6 и более часов, смотря по виду рыбы. Заметим также, что в выборе тони неводчик соображается с запросом: при большей потребности в рыбе невод закидывается в таких местах, где, по опыту прежних лет, стоит главная масса рыбы. Опытность башлыков в этом деле изумительна, и хороший неводчик, принимая во внимание прежние уловы и увеличение или уменьшение рыбы в озере, всегда может с достаточною точностью определить, сколько коробов и какой именно рыбы даст такая тonya, сколько другая, третья и т. д.

При огромном количестве озер, многочисленности арендаторов, которые притом из боязни конкуренции ведут свое дело в строжайшей тайне, мне удалось получить сведения о названиях, количестве тоней и уловов не ото всех неводчиков: некоторые из боязни прямо

отказывались от всяких положительных ответов. Тем не менее, принимая в соображение все собранные мною факты, я прихожу к заключению, что количество тоней на одних озерах Екатеринбургского уезда должно быть не менее 1050 и что средний улов здесь (с северными озерами) никак не ниже 2 1/2 коробов, а годами значительно более. Но так как некоторые, самые лучшие, тони тянутся по несколько раз и немалое количество рыбы ловится весной и осенью мелкими арендаторами и местными жителями (не менее 1/10 зимнего улова), общая цифра улова должна быть еще значительно больше, и мы не будем далеки от истины, если примем, что здесь вылавливается более 200 000 пудов на сумму 300 000 р. с⁴⁰. Несколько менее улов всех Шадринских озер, но озера Челябинского уезда по количеству вылавливаемой рыбы даже превосходят Екатеринбургские. Присоединяя сюда и улов Троицких озер, в общем итоге составит до 650 000 пудов на сумму 800 000 р. с.

Таким образом, зауральский рыбный промысел должен занимать одно из первых мест в ряду русских не только озерных, но и речных промыслов.

⁴⁰ Крупный чебак, окунь, ерш, карась продается от 3–4 р. с. за пуд; щука, язь от 2 р. 50 – 3 р. 50. Мелкая рыба от 50 к. – 1 р. с. На более отдаленных озерах других уездов ценность рыбы понижается до 25, даже 50 процентов.

На Севере. Княспинское озеро

I

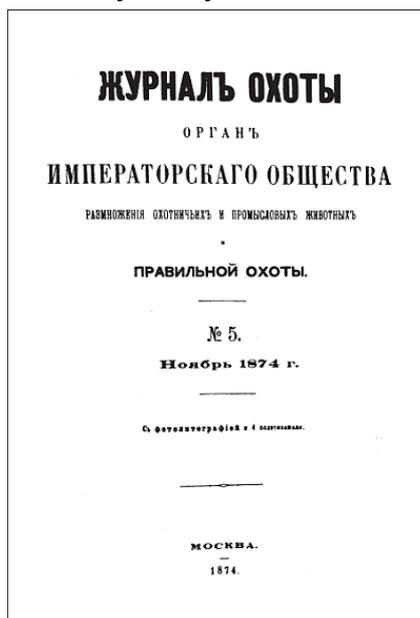
Кому из читателей не известно, что Уральские горы – невысокий горный хребет, составляющий естественную границу Европы и Азии, и что в предгорьях его, на дальнем севере Пермской губернии, в Верхотурском уезде, следовательно в азиатской половине последней, находится Богословский завод, славящийся своими железными и медными рудниками и богатейшими золотыми приисками, которые далеко не все разработаны и далеко не все известны.

Для охотника и натуралиста во всем Богословском Урале трудно найти какую-либо другую местность привлекательнее Княспинского озера. Чего-чего только недостает здесь всякому любителю природы – будь это промышленник, охотник, рыбак или зоолог! Окрестности его кишат лесной дичью, и нигде во всей Богословской даче нет такого громадного количества лосей, называемых здесь сохатыми или еще чаще просто зверями; нигде нет такого множества уток, густо населяющих смежные, обширные болота и самое озеро; ни в одном озере Дальнего Севера Урала не ловится столько рыбы. Путешественник, привыкший к непроглядной чаще бесконечного хвойного леса, сменяемой только гарниками с обгорелыми остовами и грудями деревьев, заваливших узкую тропинку, по которой часто нельзя бывает проехать и «на вершине» – обыкновенным способом странствия по Северному Уралу – и горными ручьями и речками, о присутствии которых можно чаще слышать или догадываться, – путешественник с облегченною душою приближается к этому озеру, когда глазу его внезапно открывается гладкая зеркальная поверхность трехверстного бассейна и великолепная панорама горного хребта, – давно невидимки.

Прежде всего, на первом плане является Княспинская сопка – невысокая гора, занимающая, однако, почти весь западный берег озера; за нею видны пологие очертания Константиновских сопков и других второстепенных гор – увалов; еще далее на запад синее море, и все это имеет вид как бы внезапно застывших волн бурного моря. В не совсем ясную погоду это сравнение необходимо приходит каждому, кто видит впервые эти волнообразные, почти одинаково высокие холмы; но в безоблачное утро, когда горизонт и вершины высоких гор – «камней» – очистятся от туч, маскировавших их высоту, эта иллюзия нарушается: жалкими пигмеями, несмотря на свою близость, кажутся эти увалы перед величественным Конжаковским камнем, на северной стороне которого белеют снега, в котловинах и оврагах верхней половины горы не тающие все лето, – даже перед Острогорским и Сухогорским камнями, названными так по своей скалистости: ничто они в сравнении с Денежкиным камнем – царем североуральских гор, который высокой, полутораверстной стеной замыкает горизонт на севере. С вершины высокой горы этот вид еще величественнее: горизонт расширяется, верст на 100–150 видно кругом; резче и рельефнее выступают увалы, уже не заслоняемые другими, узенькими, едва заметными лентами блестят ближние речки, небольшими лужицами кажутся озеро Богословской и смежной, более южной, Павдинской дачи, вообще весьма немногочисленные в сравнении с бесчисленными озерами южной половины Екатеринбургского Урала, где они считаются сотнями.

Княспинское озеро, которое, заметим между прочим, находится в 30–35 верстах на запад от Богословского завода, во всякое время года имеет весьма оживленный вид, выкупающий с лихвой то уныние и тоску одиночества, которые невольно нагоняются мертвою тишиною бесконечного леса, изредка нарушаемой нежным писком рябчика и шумным взлетом глухаря. Только лицом к лицу с могучей первобытной природой гордый ум человека

чувствует свое ничтожество и бессилие противустоять грозным силам этой природы: громадные ели, пихты, вырванные с корнями, столетние сосны, сломанные силою ветра, стволы мачтовых лиственниц, расщепленные молнией, целые массы деревьев, нагроможденных в горных реках, массы, являющиеся наконец в виде огромной плотины в несколько десятков, даже сотен сажен ширины; десятки, даже сотни тысяч десятин, истребленные огнем, – все на каждом шагу свидетельствует о силе стихии и напоминает о невозможности противудействия этой силе. И действительно, трудно отдать себе отчет в том тягостном, подавляющем впечатлении, когда скрипят и с треском падают кругом вековые деревья, когда беспрестанно сверкает молния и безостановочно гремит гром, перекатываясь эхом в горах, или когда после продолжительного зноя и засухи всюду начнутся лесные пожары.

Титульный лист «Журнала охоты», в котором публиковалась статья «На Севере. Княстинское озеро» и другие рыболовно-охотничьи произведения Л. П. Сабанеева

При непрерывности лесов и при таком редком населении нет никакой возможности бороться с этим главным бичом северных лесов, и огонь иногда беспрепятственно проходит целые десятки верст, прежде чем благодетельный дождь не прекратит его губительного действия. В засуху здесь уже не видно солнца: безоблачное небо кажется пасмурным от густой смрадной мглы, носящейся в воздухе; иногда на нескольких саженях исчезают из глаз все очертания предметов, дышишь дымом, а пожар – за десятки, за сотни верст; только изменившийся ветер уносит эту мглу, и то ненадолго, если вместе с тем не прекратится засуха. Так было, например, летом 1868 года, когда я странствовал в Павдинском Урале. В это время выгорел весь главный хребет Богословского Урала длиною более чем стоверстною полосой, до десяти и более верст ширины, и только продолжительные дожди в конце июля прекратили это бедствие, угрожавшее сделаться нескончаемым.

С вершины обнаженной горы в сумерки зрелище мимоидущего лесного пожара не имеет себе подобного: здесь тлеют и догорают высохшие древесные пни и сухие, отжившие стволы, дающие продолжительную пищу пламени; там и сям с грохотом валятся они, подгорев у основания, дымятся обгорелые остовы сосен, черными, мохнатыми привидениями торчат ели и пихты, кое-где высятся великаны лиственницы, почерневшие в свою очередь. Впереди же свирепствует целый ад: огненные языки то с треском гонятся ветром и принимают вид как бы огненного, быстро текущего и всепоглощающего потока, то высоко вздымаются к небу, и огонь, вспыхнув на минуту, затемняется густыми черными клубами дыма.

Это мгновенно обгорает густая хвоя ели, пихты или кедра, еще прежде высохшая от жары, и, судя по тому, зрелище пожара ельников и пихтовников должно быть всего ужаснее.

Вообще здешние леса так часты и настолько завалены высохшим хламом и буреломом, что napольный пожар, столь обыкновенный в редких башкирских березовых лесах южной части Пермской губернии и даже в редких борах Среднего Урала, является здесь невысшим: все горит или обугливается в этом море огня, и сколько птиц и зверя задыхается и делается жертвою неумолимого пламени! Здесь не может быть и сравнения с napольным пожаром, обжигающим одну прошлогоднюю ветошь и губящим только молодую древесную поросль: узкой извивающейся лентой бежит вперед пал, вид его не смущает, не представляет и тени грозного явления лесного пожара. Здесь же горят и хворост, и старая хвоя, внизу и самые стволы и сучья деревьев; нечего думать пресечь этот широкий огненный поток, эту огненную лавину; при сильном ветре остается только немедленное и поспешное бегство. Но и тут, хотя и редко, бывали случаи гибели.

Главная причина лесных пожаров, конечно, неосторожность и беспечность охотников – «лесников» и рабочих на золотых приисках, так называемых «контрачных» (так как они в большинстве случаев нанимаются по контракту). Умышленные пожары, как, например, в Каслинском и Кыштымском Урале, где заводские крестьяне, частью из личной мести, частью для облегчения рубки леса на уголь, так как тамошние редкие бора очень сучковаты, нарочно зажигают прошлогоднюю ветошь по обычаю своих соседей башкирцев, здесь составляют чрезвычайно редкое явление. Обыкновенно усталый охотник или рабочий, идущий с приисков или на прииск, разложит костер, не расчистив огнище как следует, заснет крепким сном, и какая-нибудь свалившаяся головешка зажжет прошлогоднюю траву. Хорошо, если почва еще содержит много сырости, но в сухое время пожар можно остановить только в самом его начале, и при дальнейшем его развитии, тем более при сильном ветре, большею частью остается только утекать как можно скорее: никакие человеческие силы уже не в состоянии удержать огненную лаву, перебравшуюся снизу на деревья; через несколько минут все объято пламенем, и гул и треск пожара слышен за несколько верст.

Нередко причину пожаров является гроза. Большая часть грозовых туч образуется здесь, в самом Урале, и потому нередки случаи молний из таких незначительных тучек, которые только за несколько верст далее разрешаются дождем. Отсюда также становится понятною и сила здешних гроз: грозовые тучи идут так низко, в горах столько железных и магнитных руд, что электричество разряжается не в воздухе, как это чаще бывает в Средней России, а каждый удар молнии есть вместе с тем и боевой и ударяет непременно в землю. В Южном Урале грозы еще обыкновеннее и опаснее: в Кыштымском заводе и всем известном Златоусте редкая проходит без какого-либо несчастного случая.

Вообще, случаи лесных пожаров от молнии не составляют исключительного явления; гораздо реже причиной этого бедствия бывает подземный огонь. Торфяники не составляют здесь редкости и в сильную засуху часто делаются добычею огня. По-видимому, лесной пожар совершенно прекратился, а торф продолжает медленно тлеть, пока не просохнет верхний слой. Тогда огонь прорывается наружу, снова лес делается добычею пламени, и это может повторяться до тех пор, пока проливной дождь не смочит всего торфяникового слоя или уже не останется никакой пищи для огня. После осенней засухи случается, что снег покрывает всю землю глубоким, чуть не саженым, слоем, а подземный пожар все идет своим чередом, и позднюю весной, когда наступят продолжительные жары и засуха, подземный огонь выходит на поверхность.

Чрезвычайно редка, но несомненна одна весьма странная причина лесных пожаров. В таких первобытных лесах, где деревья спокойно доживают свой век без вмешательства человека, сухие подстоины, т. е. деревья, высохшие от старости, от недостатка света и болезней, зависящих исключительно от вредных насекомых, составляют весьма обычное явление.

Часто случается, что два таких сухих дерева соприкасаются между собою или одно упавшее увязает в сучьях другого. Отсюда в продолжительную ветреную и сухую погоду происходит следующее явление: оба дерева вследствие непрерывного трения наконец воспламеняются, огонь быстро обхватывает их, переходит на соседние, на высохшую ветошь, хворост и прошлогоднюю хвою и распространяется все более и более.

Как это ни странно, но можно положительно сказать, что лесные пожары последних лет много способствовали к увеличению разнообразия животной жизни окрестностей Княпинского и смежных с ним меньших озер. Окруженные со всех сторон непроходимыми, никогда не пересыхающими болотами, которые тянутся на десять верст вдоль хребта, они являются естественной преградой губительному действию пламени, и все окрестные животные – звери и птицы, вытесненные из самого Урала, т. е. главного кряжа, по необходимости скучиваются у берегов этих озер, где и так растительность, а следовательно, и пища представляют большее разнообразие. В свежих гарниках часто не бывает и малейшего намека на жизнь какого-нибудь высшего животного: можно пройти огромное пространство и на всем протяжении обгорелого леса не встретить не только ни одного мелкого зверька, но даже птицы; гадов же здесь вообще немного, а ужи и змеи даже вовсе неизвестны в Богословской даче. Мертвая тишина царствует в недавно горевшем лесу: всё, по-видимому, погибло или удалилось. Черные обуглившиеся стволы деревьев производят самое тяжелое, грустное впечатление; глаз отдыхает только на свежей траве, пробивающейся сквозь почерневшую землю. Много времени пройдет, пока не заселится вновь эта пустыня, но десятки, чуть не сотни лет протекнут прежде, чем она получит, да и навряд ли получит когда свой прежний величественный вид первобытного леса, которого не касалась рука, где редко, а то и вовсе не ступала нога человеческая.

Прежде всех, но уже осенью, появляется в гарнике лось, который любит обглаживать молодые побеги, идущие от корня, и молодые березки в особенности. Сюда же привлекает его огромное количество кипрея – известного иван-чая, который через год покрывает иногда сплошь все пространство гарника целым морем красных цветов и, достигая нередко высоты более сажени, является резким контрастом с печальными, угрюмо торчащими остовами деревьев. Но проходит еще год, два, жизнь все более и более заступает место смерти: мертвые деревья не в силах крепко держаться в почве своими высохшими корнями и с первою бурей горами валятся на землю; скоро над трупами их уже высятся молодые сосенки, ели, пихты и чаще всего березы, семена которых по своей легкости переносятся на гораздо большее расстояние, чем семена хвойных, да и сами они растут быстрее и нередко заглушают всякую другую древесную растительность. Наступает момент преобладания мелких кустарных птичек; но пройдет еще десяток, другой лет, исчезнут и следы прежнего пожара: павшие стволы истлевают, превращаются в прах, и на этом прахе быстро возникает новый, еще более непроходимый молодой лес. Старые жители постепенно вытесняются, появляется тетерев, называемый здесь «пальником», свиристели – эти красивые обитатели северных лесов, наконец, рябчик, белка и пр. и пр.; более сильные и старшие деревья, вытягиваясь к свету, затемняют более слабые и молодые, которые сохнут: чаща разрежается, лес все более и более получает свою прежнюю физиономию.

Велико бедствие, приносимое лесными пожарами, но его следует искать главным образом не в уменьшении лесов, а в уменьшении кедровников, которые служат предметом всеобщего промысла и, доставляя каждой семье в урожайные годы десятки, сотни рублей, несравненно выгоднее всякой пашни и любого звериного промысла. Кедруют все без исключения – и бабы, и ребятишки, зверует меньшинство, а потому и переселение или истребление птицы и зверя имеет уже тут второстепенное значение. Важность кедрового промысла ясно видна из того, что при урожае орехов каждый добывает до 60-ти и более пудов ценностью около 150 рублей, так что большая семья нередко зарабатывает до 500 рублей.

Последние пожары истребили все главные кедровники, целые кедровые леса, находившиеся в самом Урале. Теперь остались только небольшие рощи около озер Петропавловского завода, у подножия Кумбы и Денежкина камня, и только на юге, в Павдинской даче и далее к Нижне-Туринскому заводу, они остались во всей своей целостности и вообще теперь более охраняются как от огня, так и от топора. А прежде столетние кедровники очень часто рубились жадными промышленниками; на западном склоне это было даже повсеместным обычаем, уничтожившимся весьма недавно, когда вишера, т. е. жители селений берегов Вишеры, прежде со всех сторон окруженные кедровниками, принуждены были шишковать за сто-полтораста верст от своего жилища. Для этого варварского обычая у них до сих пор сохранился особый термин: «подводить шишку к земле».

Кедровники около озер, а также около Княспинского, далеко не имеют важности прежних, тем более что кедр растет здесь небольшими группами у берегов, которым своею темно-зеленою густою хвоею и округленными очертаниями придает своеобразную живописность. Большая часть кедров, однако, рассеяна по болоту, где уже далеко не имеет такого привлекательного вида: они никогда не достигают здесь настоящей вышины и толщины, вид их чахл и болезнен от множества мхов, обрастающих его ствол и сучьев, на них никогда не бывает большого количества шишки, которая вдобавок всегда вполовину мельче.

Но довольно о кедровниках. Об них можно рассказать очень и очень много интересного, но это мы оставим до более удобного случая, а теперь вернемся к озеру и его обитателям.

Нет никакого сомнения, что в прежние времена Княспинское озеро занимало несравненно большее протяжение и было некогда соединено с Глухим и Узким – озерами, лежащими в нескольких верстах к северу от него. О том свидетельствует обширное болото, связывающее все эти три озера, в большинстве случаев доступное только когда оно замерзнет – позднюю осенью и зимою. В конце лета и осенью нет никакой возможности пробраться здесь без риска провалиться сквозь плавучую трясину, еще не вполне осевшую на бывшее дно огромного озера, но весной и в начале лета ходьба эта, хотя и представляет большие затруднения и требует большой сноровки и неутомимости, в сущности безопасна, так как моховые болота тают весьма медленно: лед очень долго держится под этим плохим проводником тепла, и только сильные жары, перемещающиеся с проливными дождями, снова делают это болото недоступным. Даже в начале июля нога охотника на глубине фута или полуаршина встречает твердую опору, и он рискует провалиться только в окошках, ключевых и ржавчинных местах, лишенных предохраняющего мохового покрова.

Эти огромные болота, во многом напоминающие бесконечные тундры Дальнего Севера и, весьма вероятно, составляющие окраину последней, заселены множеством лосей, которых здесь несравненно более, чем северных оленей, которые еще далее на севере, в свою очередь, становятся гораздо многочисленнее. Никогда и нигде, на памяти старожилов, не жило в Богословской даче столько коренного «зверя», как теперь у Княспинского озера. Теснимые с запада неутомимыми вишерерами, которым звериный промысел дает главные средства к существованию, и лесными пожарами лоси уже несколько лет назад прикочевали в окрестности озера и, найдя здесь все удобства и сравнительную безопасность, почти не беспокоимые ленивыми княспинскими охотниками, привыкшими кататься как сыр в масле, поселились здесь и размножились до такой степени, что есть много местностей, где можно быть уверенным непременно встретить этого гиганта наших лесов. Не проходит дня, чтобы собаки здешних лесников не погнались за лосем; очень часто выходят они на берег в виду их жилищ, расположенных в трех различных местах озера; в жаркие летние вечера стоит только выплыть на лодке в исток последнего, и можно поручиться, что по крайней мере добудешь хоть одного. Но, несмотря на все это, несмотря на все удобства стрельбы с лодки, княспинский охотник только тогда отправляется добывать зверя, когда у него выйдет весь

запас мяса, хлеба и чая, рыба не ловится, а деньги необходимы до крайности. Вообще он во многом напоминает башкирца, который тоже живет потребностями настоящей минуты: сыт – спит, голоден – работает.

Трудно представить, каким обилием благ пользуются эти счастливые жители озера и вместе с тем как нерасчетливо и опрометчиво пользуются они этими благами: озеро кишит рыбою, несмотря на безрассудный лов, причем нередко бесполезно гибнет более двух третей, заражая воздух миазмами; бесчисленное множество пролетных уток покрывает его поверхность, огромное количество их выводится в окрестных болотах и в середине лета снова выплывают в озеро; к ним вскоре присоединяются и пролетные утки, возвращающиеся с севера. А тут еще лось, кедровники, белка и рябчик, обилие покосов. И несмотря на все это, княспинские охотники далеко беднее всех прочих своих собратьев, приходящих лесовать к ним же, возбуждая их зависть и мелкие притеснения, причем главнейшую роль играет воображаемое колдовство, в которое, однако, большинство безусловно верит. С любовью к труду истинный охотник легко добывал бы здесь сотни, даже тысячи рублей, а оба старожила озера перебиваются со дня на день, не имеют ни лошадей, ни скота, ни курицы, и только третий охотник, недавно поселившийся на озере, живет несколько зажиточнее. Мясо убитого лося большей частью заменяет им говядину; обилие утиных яиц делает излишним содержание домашней птицы, рыбы в озере много; на хлеб и чай можно выручить продажей звериных шкур, лишней рыбой и покоса – следовательно, для чего же особенно трудиться? Дело очень просто: нечего есть – выехал на озеро, наловил рыбы, а то поехал в исток, убил лося, шкуру и часть мяса продал, купил чаю, сахару и муки, похуже мясо посолил, и опять неделю-две можно пролежать или еще лучше – пропьянствовать.

К чести богословских охотников, большинство их далеко не следует такому мудрому правилу и несравненно деятельнее своих княспинских товарищей по ремеслу. Особенно отличаются своею неумоимостью и любовью к тяжелому труду промышленника ясачные – название, принадлежащее собственно вогулам, которые не так давно еще платили ясак, т. е. подати мехами, и большею частью, за исключением самых северных частей Пермской губернии, совершенно обрусели и давно забыли свой родной язык. Селения ясачных находятся на границе Богословской дачи, по берегам Сосьвы и далее на север по Лозьве, но они встречаются и гораздо южнее Богословска, даже около Кувшинского завода, и притом на западном склоне. В настоящее время это название уже имеет более обширное значение и дается всякому охотнику, а это уже само по себе заставляет предполагать, что вогулы всегда имели перевес над русскими промышленниками, что зависело, конечно, не от неспособности последних, а скорее от прежней обязательной работы в рудниках, которая много препятствовала выработке настоящего типа охотника-промышленника, не знающего усталости, изучавшего в корне все привычки промысловых животных, никогда не теряющегося в опасности, во всякое время умеющего ориентироваться. Таковы все вогулы – обитатели Дальнего Севера Урала, вишеры – жители берегов Вишеры, большой реки, впадающей в Каму, и некоторые коренные богословские зверовщики.

II

Весна начинается здесь очень поздно. Глубокие двухаршинные снега, которые в самом Урале и на его западном склоне почти достигают сажени, в не проницаемой для света чаще тают весьма медленно и постепенно, и разливы рек, прекращая почти всякое сухопутное сообщение, держатся очень долго. Бурно катит свои помутневшие волны величественный Вагран, текущий в 10 верстах отсюда, подмывая берега и вырывая с корнем огромные вековые деревья; постепенно, сначала у устьев речек, тает лед озера, образуются закраины, полыньи; силою ветра раздробляется он на несколько частей, которые, в свою очередь, раз-

дробляются в еще меньшие льдины, окончательно тающие у подветренных берегов; озеро, питаемое семью небольшими речками, поднимается на несколько футов выше своего обычного уровня и с каждым днем все более и более оживляется. Еще в середине апреля, даже немного раньше, показываются у закраин и на речках *кряковые утки*, называемые здесь серухами, и *гоголи*; вслед за ними появляются *крохали*, *лутки*, *чирки*, *шилохвосты*, *связи*, *хохлатые чернети* и, впрочем малочисленные, *широконоски*; наконец – без умолку кричащие *кавыки* и черные, как уголь, красноголовые и краснолапые *турпаны*. А в лесу в то же время просыпается *бурундук*, выходит из берлоги *медведь*, все чаще и чаще слышится мелодичный свист *рябчика*, громче и громче щелкает и стрекочет краснобровый *глухарь*, вытягиваясь на обнаженном сучке дерева. В конце апреля и начале мая бесчисленное множество пташек оглашает озеро безумным пением; пищат и стонут пролетные кулики, толпящиеся массами у берегов; количество пролетной птицы увеличивается с каждым днем, и только в конце мая, когда береза почти вполне оденется зеленой листвой, птица окончательно размещается для вывода или улетает на север к берегам Ледовитого моря и на бесчисленные острова устьев Оби.

Еще в последних числах апреля начинает играть щука. Во множестве, однако не стаями, как другие рыбы, а небольшими семьями, входит она через исток, впадающий в Турью, на которой стоит Богословск, в озеро и в мелких полоях выпускает свою мелкозернистую икру. К вешнему Николе (9-го мая) вся прибрежная осока улеплена бесчисленным множеством щучьей икры, и сколько ни истребляется она водяными птицами, сколько ни высыхает ее от недостатка воды после того, как озеро и реки войдут в берега, все-таки количество щук уменьшается в сравнительно незначительной степени. Легко наблюдать нерест щуки, в это время очень смирной и притом всегда трущейся у берегов, тогда нетрудно накинуть силос на всю эту щучью артель, даже нанизать всех на острогу. Вообще нерест щуки, в противоположность большей части наших пресноводных рыб, нерестящихся огромными рунами, причем количество молошников – самцов – значительно уступает количеству икряников, имеет как бы семейный характер, и самцы здесь гораздо многочисленнее. Отсюда ясно – редкая икринка остается неоплодотворенной, что часто бывает у прочих рыб, и, если бы большая часть выметанной и оплодотворенной икры не погибала на высыхающих разливах и болотах и множество самой щуки и ее молоди не делалось тут добычей различных хищных и водяных птиц, самих щук и прочих рыб, не оставалось бы никакого сомнения в необычайном размножении этого хищника и в постепенном уничтожении всех других пород рыбы.

Нерестится большею частью уже трехгодовалая щука, редкая на третьем году. Необходимо заметить, что и здесь, как почти у всех рыб, молодь крупной щуки, в свою очередь, бывает значительно крупнее и делается способной к развитию икры и молок ранее молоди мелких рыб, которая всегда развивается и растет несравненно медленнее. Самый нерест щуки продолжительнее, чем у других рыб, что, конечно, в свою очередь, весьма способствует удобству ее ловли и в лице человека налагает еще большие преграды ее быстрому размножению. Прежде всех играет самая мелкая, полуаршинная щука; затем – средняя и, наконец, – самая крупная; вообще одновременно мечут икру только щуки одинакового возраста; это правило относится и ко всем почти рыбам, хотя здесь оно выражено еще яснее: очень часто промежуток между нерестом щук этих трех категорий равняется нескольким суткам, особенно при неблагоприятной погоде, так что весь нерест длится иногда 10–12 дней.

Сотни пудов ловятся тогда обитателями Княспинского озера, для которых рыбный промысел, как наиболее сподручный в ряду прочих, всегда занимал первостепенное место. Все рыболовные снасти, за исключением невода, здесь неупотребительного, и жерлицы, совершенно излишней, так как во время нереста ни одна рыба не берет наживы и вовсе не употребляет пищи, идут в дело: денно и ночью, забыв обычную лень, плавают рыболовы в своих корытообразных ботах, представляющих первообраз лодки, или в вертлявых душегубках,

легко перетаскиваемых и на суше. Последнему члену семьи работы по горло, и все это крошечное население озера ввиду больших барышей, боясь упустить давно ожидаемую минуту, неумоимо копошится и шныряет по озеру, осматривая свои нехитрые снаряды. С солнцевсхода до полудня и затем до заката продолжается эта горячая деятельность: врожденная жадность промышленника, боязнь упустить безвозвратно дорогую добычу, которая чуть не лезет в руки, делает чудеса; куда девается прежняя лень и апатия! В этих ловких и неумоимых гребцах не узнать прежних беспечных людей, спавших зимой большую часть дня и не заботившихся о завтрашнем дне до такой степени, что, благо лес под рукой, никто из них не заготавливает дрова на зиму.

Просты и немногосложны снасти княспинских промышленников. Прежде всего, еще за несколько дней до начала нереста, когда щука еще только входит в озеро из Турьи и впадающего в нее Княспинского истока, отчасти из речек, втекающих в озеро, и начинает жаться к берегам, как бы отыскивая удобные места для нереста, и еще не разобьется на артели, а бродит почти стаями, если только стаями можно назвать несколько десятков щук, находящихся в расстоянии нескольких футов одна от другой, в это время, предвещающее давно ожидаемую минуту, ловят щук *мережами*. Это небольшая, двойная, иногда тройная, сеть сажень в десять длины, с редкими наружными и более частыми внутренними ячейками; щука свободно проходит сквозь первый ряд, но зацепляет плавниками за частую сеть и, стараясь высвободиться, наворачивает на себя крупные петли наружного ряда. В мережу, как и другие снасти, щука попадает исключительно по утрам; вечером и около полудня и полудни, даже в самый разгар нереста, она смиренно лежит на дне, в траве, и отдыхает. Ловко и быстро расставляет рыбак мережи, большей частью у берега; в горячую пору он едва успевает осматривать их и вынимать запутавшуюся добычу, которая хотя и не достигает здесь очень больших размеров, но по величине и ценности занимает первое место в ряду прочих озерных рыб. Быстро скользят по гладкой поверхности озера легкие челноки, управляемые единственным веслом рыбака, который, стоя на корме лодки, с неподражаемым искусством орудует им, быстро перекидывая его из одной руки в другую. Весь мокрый от брызг пойманной рыбы и вынимания мережи, живо распутывает он добычу, предварительно сломав ей позвоночный столб у головы; затем бросает ее в узкий нос лодки, снова оправляет сеть, и через несколько минут, смотришь, вертящая лодка, на которой с непривычки ни за что не сохранишь равновесия, ковыляя носом то на правую, то на левую сторону, описывая мелкие зигзаги, снова полетела по озеру.

Но ловля мережей продолжается недолго. Щука скоро совсем подходит к берегам озера или вступает в полон болотистых речек, впадающих в последнее, и начинает уже плавать в таких мелких местах, где сеть не может быть расставлена; там и сям можно увидеть высовывающиеся спины целой артели щук. Начинается не менее обильный лов *мордами* – кувшинообразными снарядами, сплетенными из ивняковых прутьев или составленными главным образом из сосновых драночек, с горлом, суживающимся воронкой, обращенной внутрь кувшина. Всюду, в устьях рек, в протоках, заливишках, так назыв. *курьях*, расставляются эти морды, и рыболову остается только как можно чаще осматривать их, открывать отверстие на узком конце, вываливать рыбу в лодку и снова втыкать кол, привязанный вертикально к снаряду. Морды или верши, конечно, имеют преимущество удобопереносимости, но для щуки они далеко не имеют такой важности, как *котцы*, специально предназначаемые для ловли этой рыбы, частью карасей, которых, впрочем, здесь, в озере, почти вовсе нет. Эти котцы не что иное, как ряд узеньких сосновых драночек, воткнутых на известном расстоянии, связанных вверху и внизу мочальными бечевками и завивающихся в виде четырехугольного лабиринта. Драночки начинаются обыкновенно от самого берега, так, чтобы щуки, идущие вдоль последнего, не могли обойти их выше и по необходимости вступали бы в тесный лабиринт котцов; забравшись сюда, им уже нет никакой возможности повернуться и воз-

вратиться назад. Отсюда рыбак вытаскивает рыбу особым узким сачком, а позже, особенно летом, нередко вместе с рыбой ловит и уток, которые часто заплывают сюда, привлекаемые лакомой пищей, и по тесноте и высоте котцов не имеют никакой возможности ни выплыть, ни вылететь.

Но во время самого нереста, в самый разгар его, когда щуки не обращают почти никакого внимания на человека, кроме этих снарядов, огромное количество ее ловится *остро-гою*, силками, бьется из ружья, а иногда вытаскивается и простым сачком. Несмотря на неуклюжесть здешней остроги почти без зазубрин, ею иногда добываются десятки пудов щуки и при ловком ударе случается, что вся артель сразу нанизывается на этот семизубец⁴¹. Но ловля силком, весьма употребительная у башкирцев на озерах Екатеринбургского уезда, и стрельба щуки имеют уже случайный характер и употребляются весьма редко.

Вообще вся водяная птица, как сказано выше, прилетающая не ранее начала апреля и исхудавшая от дальнего путешествия, только теперь, перед кладкой яиц, отъедается щучьей икрой и, в свою очередь привлекаемая обильною пищею, теснится у самых берегов. Целые тучи свизей, гоголей, лутков, чернетей и турпанов, прилетающих после всех уток, даже чирки, кряквы и шилохвосты все это время держатся в прибрежной осоке, побелевшей от прильнувшей к ней рыбьей икры. Им нечего страшиться: мелкие и средние щуки для них неопасны, крупные редки, да в нерест они не обращают внимания на них. Длинной вереницей, словно шеренга солдат, подплывают черные турпаны; в беспорядке, там и сям, мелькают ныряющие гоголи; галдят, собравшись в тесную кучу, громоголосые *кавыки* (*Harelda glacialis*), еще не улетевшие далее на север; большинство других уток уже заметно плавают парочками. Вся эта пестрая толпа кричит и крякает без умолку, ныряет, плещется, хлопает крыльями; не обращая никакого внимания на нее, спокойно высматривая рыбу, сидит на сухой лесине *скопа* – это хищная птица, питающаяся только рыбой. Вот она завидела крупную добычу, как молния окунывается в воду и вытаскивает двухфунтовую щуку. Не всегда, однако, эта жадность проходит ей даром: крупная десятифунтовая щука уже легко топит своего цепкого всадника и долго ходит с ним, пугая суеверных рыбаков во время осеннего лученья. Нет сомнения, что отсюда-то и произошли большая часть рассказов о виденных ими водяных.

К тому времени побережья озера оживляются еще более. Пролетные стаи куликов самых разнообразных пород толпятся на берегу, звонкий писк и свист их далеко слышатся в воздухе. На песчаных мысах сотнями перелетывают крошечные *кулички-воробы*; у самого берега плавают немного большие по величине *сметанники*, или *плавунчики*; по покосам проворно семят *ржанки*, называемые здесь кокошниками; в соседних кустах уже поет *соловей-красношейка* (*Lusciola calliope*), неизвестный в России; в ельниках у воды летают стаями и свистят без умолку недавно прилетевшие *свиристели* – обитатели Дальнего Севера, которых мы видим в Средней России только в холодное время года. Каких только птиц не живет в окрестностях Княспинского озера! Но оставим их в покое.

Почти одновременно со щукой, когда полая вода ручьев и рек освежит затхлую воду озера, зимой вследствие причин, имеющих быть изложенными ниже, совершенно лишеного и своих подводных жителей, в него входят из Турьи через исток язь, окунь, затем ерш, составляющий главную массу рыбы озера во все времена, когда оно свободно от льда. Но язь входит сюда в весьма небольшом количестве, и большая часть его вылавливается еще в Турье богословскими рыбаками, которые своими плетневыми заязками заграждают ему дальнейшее поднятие вверх по реке. В начале мая густыми стаями выплывает он из глубоких ям Богословского пруда, составленного этою рекою, на более мелкие места, затем входит отдельными рукавами в «трубу» реки; но здесь его встречают вышеупомянутые заязки – и

⁴¹ Вообще надо принять за правило бить сначала самцов; в противном случае они разбегаются.

он битком набивается в морды, расставленные в промежутках плетня. Редко, только в очень большую воду, представляется возможность обойти эту преграду, но за нею следует вторая, третья, так что рано или поздно большая половина язиной стаи делается добычей рыболовов, жадно стерегущих богатую добычу, ценимую еще дороже щуки. В 1872 г. одними богословскими рыбаками было поймано в Турье более 500 пудов этой рыбы, достигающей здесь весьма большой величины – до 8 фунтов, даже более. Играют только крупные, трехгодовалые, язи-фунтовики: меньшие, т. н. подъязки, т. е. годовалые и двухгодовалые язи, остаются в пруде и вовсе не поднимаются в реку. Сначала идет самый мелкий язь – фунтовик, и эти стаи по причинам весьма понятным есть самые многочисленные; вскоре, вслед за ними, иногда в ту же ночь, идет четырехлетний, пятилетний и, наконец, самый крупный и вместе малочисленный язь. Вся игра продолжается, однако, всего ночи две, три, так как он, подобно плотве, нерестится только по ночам. За все это время, даже за несколько дней до настоящего нереста, всегда пугливый, осторожный и необыкновенно чуткий и бойкий язь едва ли не смиреннее щуки: в самый разгар игры случается нередко наезжать лодкой на язиновую стаю, и можно подумать, что он видит тогда очень плохо, да и слышит тоже хуже обыкновенного. Но при сильном шуме он проявляет вполне свою прежнюю ловкость и необычайную силу. Нередко случается видеть, как испуганная стая стремглав бросается назад от заязка или перепрыгивает через него, хотя бы он торчал на аршин или еще выше над поверхностью воды.

Гораздо большее значение для озера имеют окунь и в особенности ерш. Первый нерестится в середине, второй – в конце мая, и этим заканчиваются весенние периодические явления жизни рыб озера. Чебака, т. е. плотвы, нет даже в реках; елец, довольно многочисленный в Турье, там же и мечет икру; налим любит проточную воду и живет главным образом в иловатом истоке озера, а летом составляет единственную рыбу последнего; хариусы и тальмени – уральские форели – жители горных уральских речек и их самые многочисленные обитатели отсутствуют даже в Турье, представляющей для них благоприятные условия, но запруженной в двух местах, в силу чего вся эта рыба, давно скатившаяся вниз по реке, не может подняться в ее верховья и держится только в низовьях.

Итак, в середине мая, как только начнут распускаться березовые почки, вскоре вслед за язем окунь поднимается из Богословского пруда и Турьи в исток, массами входит в озеро и вливающиеся в него речки. Но здесь он далеко не имеет таких огромных размеров, как в проточных озерах Екатеринбургского Урала, где попадаются гиганты в 12, даже 15 фунтов. Окунь 2-фунтовики составляют здесь уже весьма редкое явление; только в исключительных случаях несколько большие попадают в глубоком Богословском пруде. Причина тому лежит, во-первых, в удобстве вылавливания как этой, так и прочей рыбы, во-вторых, в том, что она находит здесь обильную пищу только летом, а не в продолжение всего года, как в екатеринбургских озерах. Княспинское озеро также кишит мормышем (*Gammarus*) – особой породой небольших рачков менее дюйма, составляющих самую лакомую пищу почти всех рыб, но зимой рыба вовсе не пользуется этим изобилием, так как вся без исключения уходит из озера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.